

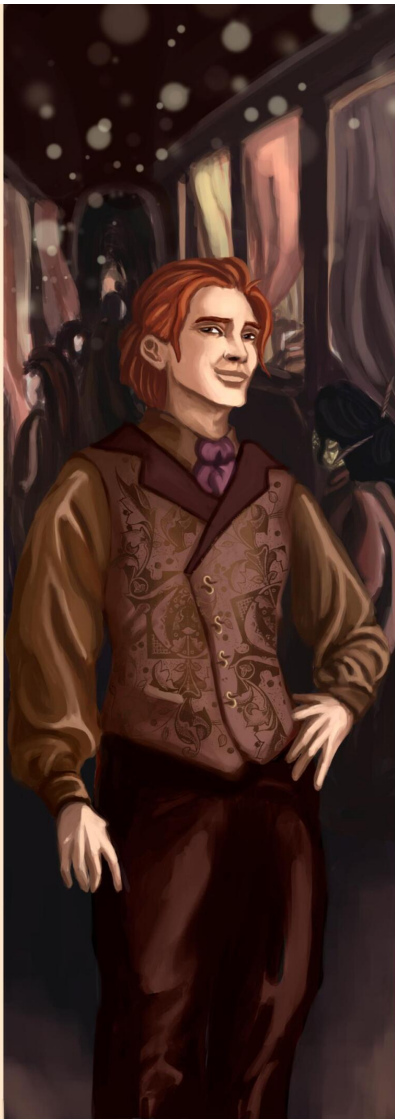
Реброва Алена

Легенда
из
подземелий

Книга четвертая

2023

Алена Дмитриевна Реброва

Легенда из подземелий

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40987251

SelfPub; 2023

Аннотация

"Глубинный Демон" вынес путников к берегам тихой и изысканной жизни. Трехполье, город, где чудовища встречаются только на сценах театров, распахнул свои объятия для измученных героев. Арланду больше нечего бояться, Бэйр давно пора отправиться в академию, а талантам Леопольда – получить признание среди людей самого тонкого вкуса. Счастливое будущее звало и манило... Но незаконченные дела не любят оставаться забытыми. Одна за другой у героев появляются тайны друг от друга: прошлое с грязными пятнистыми крыльями преследует каждого из них и витиеватыми дорогами ведет глубоко под землю, прямо к концу истории.

Содержание

Счастливы в Трехполье	4
Новые друзья Леопольда	4
Академия	62
Еще один жилец	128
Темная сторона города	163
Новый год	203
Самые страшные звери	218
Зелье для Райнара	241
Исполнить предназначение	293
Осколок	293
В поисках правды	314
Кленовая Роща	346
Ключ от всех дверей	389
Снова вместе	422
Старый особняк	456
Драконье сердце	491
Дорогами подземелий	491
Глубины	528
Земляная ведьма	554
Враги одного врага	593
Изобретение	633
Эпилог	670

Алена Реброва

Легенда из подземелий

Счастливы в Трехполье

Новые друзья Леопольда

Лекои Опоаль Л диэн

Настали хорошие дни. Нас вела хорошая погода и очень скоро мы оказались в Агираде, а он, если верить буклетом, был лучшей страной во всем Скаханне.

Мне было печально расставаться с морскими животными, особенно с дельфинами, – они живут совсем не так, как как звери на земле и в небе, мне будет сильно не хватать их благодушия и беспечности. К тому же, мне предстояло снова сесть на лошадь, и, сойдя с трапа, я чувствовал себя совсем не таким счастливым, как ожидал.

Мы провели в портовом городе пару недель до тех пор, пока Арланд не передал суду белых сов все сведения о «Глубинном демоне». Команда моряков, освобожденная от демона, была заключена под стражу, но потом их вроде бы отпустили, заставив ежемесячно приходить в Орден и рассказывать, как хорошо они себя вели. Корабль, кажется, достался

Ордену, и на этом дело было закончено.

Вся эта история стала большой новостью, о ней подробно писали в каждой газете... только вот писали не совсем правду. Арланд сказал, что не стоит Ордену знать, что я могу превращаться в гигантского морского дракона, а Бэйр не захотела «публичности», как она выразилась, потому везде было написано, что Арланд справился со всем один и это сделало его кем-то вроде героя. Его даже узнавали на улицах!

Наверное, если бы меня стали незаслуженно хвалить, мне было бы очень стыдно, но братец просто светился от радости. Не помню, чтобы видел его когда-нибудь таким счастливым.

– Пойми, для него это большой шаг, – сказала мне Бэйр, когда я поделился с ней своими мыслями. – Он чуть не потерял все тогда в лесу, но смог вернуться к той жизни, ради которой так много работал. Самый большой его страх почти сбылся, но мы вместе все преодолели, и теперь все так хорошо... Понимаешь?

Я не понимал, но спорить не стал. С тем, что все хорошо, я тоже не мог согласиться: мы по-прежнему жили в гостиницах и никаких планов кроме как следовать за его высочество Арландом у нас не было.

Впрочем, свое недовольство я держал при себе. Однажды я уже дал волю злым чувствам и ничего хорошего из этого не вышло. Я быстро учусь.

Когда суд закончился, Арланду дали хорошее назначение. У одной очень влиятельной семьи на востоке страны случи-

лось несчастье, и Орден направил к ним свою главную знаменитость, чтобы, как объяснила Бэйр, выразить этой семье свое уважение.

Что ж, теперь нам предстояло отправиться в один из крупнейших городов Агирада, находящийся на восточной границе с лесами диких леннаев. Добраться туда можно было на лошадях, но тогда мы бы потратили на путь целый месяц, поэтому задумались о том, чтобы путешествовать на пароходах по рекам или на поезде.

Бэйр, когда узнала о том, что в нашем мире есть поезда, работающие на магии, была без ума о счастья. Она так рвалась на вокзал, что Арланду ничего не оставалось, кроме как раскошелиться на три билета для нас и три для лошадей. Я тоже раньше никогда не видел поездов, но мне идея ехать внутри громающего металлического монстра нравилась совсем не так сильно, как Бэйр, приходящей в восторг от всего механического.

Два дня в тесной комнатухе с окном за шторками были похожи на заключение в темнице, только хуже! В Ордене меня хотя бы кормили как следует, а тут давали только дешевую походную еду, просто счастье, если на немногочисленных остановках удавалось выйти и купить подсохших на ветру пирожков. К тому же, я все это время не мог превращаться, потому что держать животных в купе было запрещено, а лететь за вагонами я не успевал.

Как говорил один ишимерский мудрец, все в этом мире

заканчивается, и, к счастью, поездки на поездах тоже. В середине второго дня мы вышли на станции в городе со странным названием Трехполье.

Этот город разительно отличался от всех мест, которые мне доводилось видеть прежде. Дома здесь были крепче и выше, их украшала лепнина, улицы вымощены узорами из кирпича, на бордюрах ни единой трещинки, фонтаны, статуи на многочисленных мостах и очаровательные торговые лавки с изящными надписями прямо на окнах.

– Ба, да мы в Петербурге! – воскликнула Бэйр, озираясь по сторонам. Мы шли от вокзала к гостинице, ведя за собой лошадей с поклажей, и она все это время не переставая крутила головой. – Я будто дома!

– Так выглядит место, где ты жила? – удивленно спросил Арланд.

– Не совсем так... но есть районы в некоторых городах, где очень похоже, – ответила она, сворачивая шею за парой прохожих.

Это были мужчина и женщина, оба были одеты довольно необычно: женщина в тяжелом расшитом сарафане и легком кафтане с меховой оторочкой, на ее голове платок, стиснутый на лбу обручем. Мужчина был одет на похожий манер, только вместо сарафана широкие штаны из плотной дорогой ткани. Он носил аккуратную подстриженную бороду и волосы, отстриженные ровно по уши.

Они тоже смотрели на нас удивленно, наверняка наша

одежда показалась им не менее странной, а когда заметили взгляд ведьмы, ускорили шаг и очень быстро скрылись в переулке.

– Странные они здесь какие-то, – подвела итог Бэйр, пожав плечами и продолжив путь.

Люди в Агираде имели свои отличия. Если в Рашемии мне попадалось множество русых и светлоглазых, а в Тангейе почти у всех были темные глаза и прямые каштановый волосы, как у Дейка, то в Агираде люди оказались зеленоглазыми, со слегка вьющимися волосами светло-коричневого цвета. Женщины низкого роста, с овальными пухлыми лицами и тонкими вздернутыми носами, обсыпанными веснушками. Мужчины тоже низкие, коренасты, с тонкими сторбленными носами, низкими широкими лбами и узкими и длинными подбородками, многие носили густые красиво подстриженные бороды. Мне они все казались очень красивыми.

И вот, снова гостиница. Одно хорошо: в гостиницах, которые выбирал Арланд, всегда имелись слуги для ухода за лошадьми, и нам с Бэйр не нужно было после дороги возиться в конюшне, как было всегда.

Вместо того, чтобы снять одну большую комнату на троих, Арланд зачем-то снял три разные комнаты, что выходило намного дороже. Когда я предложил пожить с Бэйр, чтобы сэкономить, ведьма замаялась, а потом сказала, что не дело нам спать вместе, раз теперь мы не жалеем денег на комфорт.

Моя комната была просторная и по-своему красивая, но

слишком пустая для места, в котором можно долго жить. Одному мне в ней быстро стало одиноко, и я вышел вниз поужинать.

Ни брат, ни Бэйр все никак не спускались. Я поел в одиночестве, а потом поднялся и постучался к ведьме. Мне никто не открыл, зато почти сразу по коридору разнесся ее громкий смех... идущий из комнаты Арланда.

– Чего ты хотел? – спросил братец, приоткрыв дверь совсем на чуть-чуть, будто не собирался ни выходить ко мне, ни пускать меня внутрь.

– Мне скучно, – сказал я, без труда заглядывая в комнату поверх его головы. Высокий рост дает свои преимущества.

Я разглядел тележку с серебряными блюдами, на которых еще виднелись остатки ужина, бутылку шампанского, пирожные и корзинку с фруктами.

– А меня позвать не хотите!?! – возмутился я. – По какому поводу праздник?

– А я говорила, что он обидится! – заметила Бэйр из глубин комнаты. Она сидела в своем лучшем платье, которое они купили с Кудеяром, и волосы у нее были завиты. Подойдя к двери, она оттолкнула Арланда бедром и выступила вперед. – Прости, Лео, мы увлеклись. Понимаешь, у нас почти нет возможности побыть вдвоем, и...

– То есть мне вам не мешать?

От этих слов мне самому стало грустно и холодно, и Бэйр изменилась в лице. Она сделала шаг ко мне и протянула ру-

ки, чтобы увести меня в их комнату на этот праздник непонятно чего, но я отошел назад.

– Я лучше пойду погуляю, – сказал я, честно стараясь, чтобы голос не звучал так сердито, но ничего у меня не вышло. Я злился на них, и они это понимали.

За мной никто не пошел, я только слышал, как Арланд пробормотал что-то невнятное вернулся в комнату, закрыв дверь.

Передевшись в свою лучшую городскую одежду, я вышел из гостиницы и отправился на прогулку вдоль просторных городских улочек.

Лето уже заканчивалось и стемнело достаточно рано, зажглись красивые кованые фонари, и новый город в их свете стал еще необычнее. Прохожих мне почти не попадалось: видимо, в этот вечер у всех, кроме меня, имелись какие-то свои дела. Только изредка мимо проезжали черные экипажи, запряженные породистыми лошадьми, иногда – открытые повозки с дамами в богатых сарафанах и легких шубках. Все они куда-то спешили, наверное, к друзьям или семье.

Поскольку людей и интересных животных мне не попадалось, я разглядывал дома. Двери в подъезды больших домов, – днем Бэйр назвала их многоквартирными, – были строгие и однообразные, но вот отдельные дома, принадлежащие одной семье, хозяева старались украсить. Например, тут везде были очень необычные двери и на каждой непременно находилась вывеска с гербом и фамилией семьи или

на худой конец с эмблемой живущего тут ремесленника.

Я прошел вдоль улиц, несколько раз сворачивал в переулки и вдруг вышел к парку. Деревья с жесткими листьями, ветвистые кусты, яркие магические свечи за мутными стеклами металлических черных фонарей... пространство было наполнено мрачной одинокой грустью, и это мне откликалось.

Мне встретилась одна из лавочек вдоль тропинки, и я решил немного посидеть, поразмышлять, поглазеть на прохожих, если такие вдруг появятся.

Хотя я старался не расстраиваться, мысли все равно находили дорогу к болезненной теме, и в конце концов я стал думать о себе и о тех двоих, что решили провести наш первый вечер в этом городе без меня.

Самое обидное было то, что я все понимал и мысленно уже простил их, но лучшего от этого мне не становилось. Это были новые, сложные чувства.

Наверное, Бэйр могла бы влюбиться в кого-нибудь получше, я ей это даже сказал, когда впервые увидел их с братцем на корабле. Поначалу мне было ее жаль, потом стало жаль, что она стала отдаляться от меня и больше времени проводить с ним. А потом я понял, что все это было неизбежно, что на месте Арланда мог оказаться кто угодно, и, так или иначе, непременно настал бы день, когда я вот так буду сидеть на лавке в одиноком парке и грустить, потому что в этот вечер у моего единственного друга нет на меня времени.

В конце концов я пришел к тем же мыслям, какие уже посещали меня несколько месяцев назад: у меня не было занятия, как у Арланда и Бэйр, у меня не было знакомых, кроме них, и не было никакой большой цели. Я, словно сувенир на память, привязанный к седлу, еду туда же, куда и они, просто потому что больше мне ничего не хочется. А им теперь часто хочется быть вдвоем, без меня, и я ничего с этим не сделаю.

Тяжело вздохнув, чтобы не позволить слезам сдавить горло, я упер локти в колени и стал внимательно рассматривать узоры из камней на дороге. Помогло.

Неподалеку раздались неторопливые женские шаги. Звук приближался, и вскоре я увидел замшевые сапожки, чьи аккуратные каблучки опускались на камни с приятным гулким звуком. Замерев на долю секунды, их обладательница подошла к моей скамье.

– Вы ждете кого-то? – спросила она.

– Нет, никого не жду, – ответил я и подвинулся на лавочке, чтобы она тоже могла сесть.

Подняв взгляд, я увидел девушку, возможно, чуть старше меня. Она была одета совсем как местные, только вот ее сарафан был черный с цветочными узорами из блестящих ниток. Ее кудрявые светло-коричневые волосы были забраны в косы и связаны пучком на затылке, но пара кудрявых прядок обрамляла круглое лицо. Зеленые глаза были подведены черным карандашом, от чего вид у нее был мрачноватый и грустный.

Впрочем, смотрела она живо и дружелюбно.

За девушкой из-за кустов выпрыгнуло странное создание. О таких я раньше только читал. Его задние ноги были совсем как кошачьи, длинный хвост заканчивался красиво расчесанной кисточкой, передние же лапы были кожистые, трехпалые, с подвижными когтистыми пальцами, как у орлов. Пушистая пернатая грудь гордо выпячена, могучая изогнутая шея с пышным густым опереньем заканчивалась орлиной головой с желтым крючковатым клювом и перьевыми загнутыми ушками. Из-под серых перьев на меня смотрели грозные зеленые глаза. Крылья, сложенные вдоль едва оперенных боков, покачивались в такт шагам гордого зверя-птицы.

– У вас чудный грифон, – заметил я, любуясь переливающимися в свете фонарей перьями. – Я читал о них, но никогда не видел... мне казалось, они чуть больше.

– Это не грифон, – улыбнулась девушка и хлопнула по своим коленям. Издав звук, похожий одновременно на мяуканье и на крик хищной птицы, грифон подобрался и, чуть взмахнув крыльями, прыгнул на ноги хозяйки, вцепившись передними когтями в подол ее платья. – Это норуш, они совсем домашние, – добавила девушка, погладив за ухом своего питомца. Тот разинул клюв и крякнул.

Взяв норуша под передние лапы, хозяйка прижала его к груди, как ребенка. Он обнял ее всеми конечностями и положил голову на плечо, довольно заурчав, но не забыв бро-

сидеть на меня предупредительный взгляд.

– А можно погладить? – спросил я.

– Он обычно кусается...

– Ничего страшного, мы и сами с зубами, – улыбнувшись, я протянул руку к норушу, чтобы пригладить ему перья, но как только он почувствовал меня, тут же востропнулся и потянулся к моим пальцам, чтобы укусить. Пальцы я отдернуть успел, но все равно вышло неприятно.

– В самом деле кусается, – я спрятал обе руки под мышками и злобно посмотрел на норуша. Встреться ты мне еще без хозяйки, я тебя без хвоста оставлю!

Поняв, что я хочу донести до него своим взглядом, норуш поспешил спрятаться под плащом девушки.

– Норуши лучшие питомцы, даже если не очень приветливы с чужаками, – сказала девушка. – Ведь они преданы, как собаки, ласковы, как котята, и могут петь не хуже птиц. Как странно, что вы их не видели до сих пор! Едва ли не каждый день где-нибудь устраивают норуши бега и залеты, ежегодно в Агираде проводятся выставки... Это ведь наш национальный символ. Я не знаю ни одной семьи, у кого бы не жил такой!

– Я тут не так давно, если честно. Только сегодня сошел с поезда, а до этого путешествовал по другим странам, – объяснил ей я.

– А откуда же вы? – поинтересовалась девушка. Похоже, иностранцы здесь в диковинку... хотя не удивительно: сюда

так долго добираться!

– Я из Рашемии, моя семья владеет землями на северо-западе страны.

– Так вы граф? – от изумления незнакомка округлила свои красивые зеленые глаза и ее губы чуть приоткрылись. Мне стало приятно.

– Да, – кивнул я. – Мое имя Лекои Опоаль Л’диэн Сеймур. А вас как зовут?

– Меня?... Шарлотта Грейми, я дочь городского судьи. Простите, я не привыкла, что меня могут не знать, – она виновато улыбнулась.

– Приятно познакомиться.

Я взял руку девушки, чтобы поцеловать, но ее норуш зарычал. Я на него цыкнул и угрожающе нахмурился, только тогда он заткнулся и позволил мне познакомиться со своей хозяйкой.

– А что, в Рашемии так принято? – удивленно спросила Шарлотта, аккуратно вынув руку из моих ладоней.

– Да, – кивнул я. – А что насчет местных обычаев?

– При знакомстве мы жмем руки или касаемся правыми плечами, вот так, – она изогнулась и коснулась моего плеча. Ее лицо и волосы оказались так близко, что я почувствовал аромат духов. Очень приятный запах, я невольно потянулся за девушкой, когда она отстранилась.

– Что это вы? – спросила она, смутившись.

– У вас замечательные духи, – ответил я, садясь прямо

и выпрямляя спину. Всегда забываю выпрямлять спину, а Бэйр говорит, это очень важно. – Вы давно гуляете? – спросил первое, что пришло мне в голову.

– Не так чтобы очень, я вышла меньше часа назад.

– Это очень красивый город. Я хотел бы посмотреть на что-нибудь... особенное. Не подскажете, где это?

– Здесь много чего есть.

– А вам что нравится?

– Эммм... – Шарлотта прикусила нижнюю губу, задумавшись. Это выглядело очень мило... она вообще очень красивая девушка. Особенно когда задумывается. – Есть одно место, возле которого я могу ходить часами, – призналась она. – Если хотите, я вас к нему отведу.

– Это было бы здорово!

Шарлотта вывела меня из парка, и мы пошли по улицам города, болтая о каких-то пустяках. За разговором мне все вокруг казалось куда более оживленным и приветливым, чем раньше. На улицах, куда она меня вывела, появились нарядно одетые прохожие, они ходили парами или компаниями, веселились. И я тоже шел не один, разговаривал и улыбался. Я тоже стал частью этого города.

Новая знакомая рассказала мне историю города, и о некоторых семьях, чьи дома мы встречали. Оказалось, что здесь вывески над дверью – пик моды. Каждая семья сама делает себе эскиз и отправляет его резчику, тогда он вырезает табличку, и все соседи в округе знали, что за семья живет за

конкретной дверью.

Мы подошли к застекленной витрине бакалейной. Внутри играла музыка и горели приглушенным оранжевым светом лампы, за маленькими круглыми столиками сидели посетители, запивая пирожные чаем. В воздухе разливались звуки неторопливых бесед, а запах из открытого окна кухни шел такой, что у меня задрожало под коленками.

– Обожаю это место, – призналась Шарлотта. – Если бы не фигура, каждый день бы здесь сидела!

– Царство корицы, глазури и сахарной пудры... нежные бисквиты, хрустящее тесто, песочное печенье... О, да, лучшее место в городе должно пахнуть именно так! – согласно кивнул я, вдыхая ароматы полной грудью. Хорошая выпечка, как же мне этого не хватало в путешествиях!

– Любите сладкое, господин граф? – девушка посмотрела на меня с лукавой искрой в глазах.

– Зависит от настроения. Я больше люблю готовить, а не есть, – признался я.

– Готовить!?

– Да, думаю, я хорош в этом деле. Судя постряпне тех, кого я встречал за время путешествия, я бы мог обставить всех людских поваров.

– Людских? – Шарлотта растерялась, но по ее глазам было видно, что мои слова ее ничуть не удивили. Было сложно, понять, что она такое разыгрывает, но я с таким уже сталкивался и знал своего врага в лицо: это была вежливость. – А

вы... вы ведь не человек?

– Я могу быть кем угодно.

– Я не очень понимаю, о чем вы, если честно...

– Это не так важно, кто я, на самом деле, – я решил не пугать ее и не говорить, кто я такой. Тем более, Арланд просил не распространяться насчет обстоятельств моего рождения и воспитания.

Постояв еще немного у бакалейной, мы продолжили прогулку. Шарлотта показывала мне памятники и значимые в городе здания, при этом девушка успевала болтать обо всем на свете. От интересующей меня истории города мы перешли на недавнюю интригу, связанную с ссорой двух старших домов, затем Шарлотта рассказала мне последние новости, а потом стала осторожно выспрашивать у меня, кто я и откуда. Я заметил, что она сильно расстроилась, когда узнала, что я скорее всего уеду через несколько дней.

Наша прогулка закончилась тем, что я проводил Шарлотту до ее дома и, поцеловав ей на прощание руку, отправился на поиски ближайшей подворотни. Найдя достаточно темную, я превратился в голубя и полетел к гостинице.

Был второй час ночи и Бэйр, наверное, уже спала, но я все равно решил зайти к ней в комнату. Иногда она засиживалась допоздна со своей старой тетрадкой, и с ней можно было поговорить, но в этот раз, к моему удивлению, я не застал ведьму, ее номер был пуст.

Поднявшаяся было тревога быстро улеглась, я понял, что

произошло, и вышел в коридор. Раздельные комнаты для комфорта... ну да, ну да.

Чувства, от которых я почти избавился за время прогулки с Шарлоттой, накрыли с прежней силой, и я отправился спать к себе, зная, что еще долго не смогу уснуть.

Сперва я снова думал о Бэйр и о том, что мне надо искать свой путь в жизни, который пойдет рядом с ее дорогой и дорогой Арланда, но потом позволит мне оставить их. Однако эти сложные мысли быстро вытеснили более приятные: я стал думать о Шарлоте, о том, что она рассказывала, и том, что я сам сегодня видел.

Я будто подсмотрел в окно чужого дома: люди, которых я увидел сегодня вечером, жили совсем иначе, чем я. Они росли под теплом светлом собственного дома, с родителями, ходили в школу и домашних животных, играли с друзьями, и самая страшная их проблема – это выбор платья или расчет с банкиром. Они ломают головы над тем, что приготовить на ужин, и понятия не имеют, каковы на вкус змеиные яйца, которые приходится есть, загибаясь от голода в пустыне, потому что двухметровый царевич полукровка сожрал все припасы... Я впервые увидел ту размеренную обычную жизнь, о котором так часто думал, но которая обходила меня стороной, сколько я себя помню.

Наверное, мне стоит встретиться с Шарлоттой завтра, попробовать увидеть еще что-нибудь, пока есть возможность. Бэйр собиралась заняться продажей зелий, и я буду ей по-

могать, но вряд ли она заставит меня весь день быть с ней. Помогу ей и буду свободен, тогда и зайду за Шарлоттой.

Я проснулся от того, что слуга постучал в мою дверь три раза: сигнал, обозначающий приглашение на завтрак. Быстро приведя себя в порядок, я отправился вниз, в столовую. Арланд и Бэйр сидели рядышком за одним столом и о чем-то довольно шептались.

– Как вчера прогулялся? – спросила ведьма с таким искренним участием, что у меня отпало всякое желание ворчать по поводу вчерашнего.

– Хорошо, спасибо, – ответил я, усаживаясь напротив них. – Это красивый город.

– Да, тут здорово, – согласилась Бэйр, выглянув за окно, где по мощным улочкам прохожие спешили на работу. – Даже жаль уезжать.

– Уже!?! – я так расстроился, что даже не посчитал нужным это скрывать.

– Арланда направили чуть дальше за город, в семейный особняк. Там сейчас находится предполагаемый одержимый, – рассказала ведьма. – Я решила, что нам лучше поехать вместе, во-первых, потому что может понадобится наша помощь, во-вторых, потому что в городе не так-то легко будет найти покупателей на зелья.

– Значит, мы уезжаем сегодня? – повторил я, мысленно прощаясь со всеми своими планами насчет прогулки с Шарлоттой.

– Что-то не так? – Бэйр взяла меня за руку и от ее прикосновения стало легче. – Ты не хочешь ехать?

– На самом деле да, – признался я, посмотрев на нее, потом на Арланда. – Вчера я познакомился с одной девушкой, и мы договорились встретиться снова сегодня. К тому же, я хотел найти себе какую-нибудь работу... хотя бы на пару дней.

– Ты познакомился с девушкой? – они удивленно переглянулись, и беспокойства в этой переглядке было куда больше, чем должно вызывать такое простое событие.

– И кто она? – осторожно спросила ведьма, повернувшись ко мне.

– Ее зовут Шарлотта, она дочь городского судьи. Я хотел встретиться с ней сегодня после того, как помогу вам с работой. Но все отменяется, не так ли? – я вопросительно взглянул на них обоих.

– Это замечательно, что ты познакомился с девушкой, особенно то, что она дочь городского судьи, – произнесла Бэйр так медленно, будто слова давались ей с трудом. Под конец фразы она взглянула на Арланда, словно приказывая ему сделать что-то.

– Эм... – Арланд растерянно взглянул на меня. – И... что у вас с ней было?

– Она водила меня по городу и рассказывала о интересных местах здесь.

Бэйр облегченно вздохнула.

– Тебе она понравилась? – спросила ведьма, вновь улыbnувшись.

– Она милая, – я пожал плечами.

Арланд тоже улыbnулся и опять странно взглянул на Бэйр. В этом взгляде было столько нежности и тепла, будто он смотрел на маленького пушистого котенка, а не на растрепанную ведьму.

– А знаешь, братец, поездка в деревню займет не меньше трех суток, – заметил он, снова повернувшись ко мне. – Ты можешь остаться здесь, а мы с Бэйр поедem... На самом деле, я могу поехать и один: помощь мне не понадобится. Вы можете остаться и вместе погулять по городу. Бэйр, ведь ты вчера говорила, что хочешь здесь все осмотреть.

– Я мог бы познакомить тебя с Шарлоттой, – предложил я.

– Хм, – Бэйр задумалась. Пока она думала, к нашему столу подошла служанка и, поздоровавшись, вручила нам по картонному листочку, где были написаны блюда и цены на них.

– Очень удобно! – заметил я, просмотрев листочек. – Но как же дорого...

– Это Агирад, здесь все дорого, – вздохнула Бэйр. – Дейк скорее умер бы тут от жадности, чем заказал что-нибудь...

Мы сделали заказ и вернулись к нашему разговору.

– Я бы хотела поехать, – неуверенно произнесла она. – Но как ты тут один будешь?...

– Значит, все-таки с Арландом, – я вздохнул и недовольно посмотрел на братца. – Ничего. Оставьте мне одну из комнат,

а сами езжайте. Я присмотрю за вещами, если хотите.

– Ты уверен, что справишься? – Бэйр все еще сомневалась, но я видел, что ей хотелось уехать.

– Имеешь ввиду, не умру ли я за три дня с голоду или не наживу неприятностей? Я обещаю, что буду осторожен, – я улыбнулся. – Езжайте, а я попробую найти себе занятие! Поживу хоть немного самостоятельно.

Как оказалось, Бэйр и Арланд должны были ехать сразу после завтрака. Они заплатили за мою комнату и еду в общей столовой, оставили мне на хранение ненужные тяжелые сумки и отправились в путь, дав мне десять золотых «на сладости для девушки», как сказал Арланд.

Попрощавшись с ними, я отправился на поиски работы. Как я понял, в большом городе можно устроиться кем угодно, самое легкое – уборщиком или посыльным. Впрочем, мне не хотелось бы скрести грязные подошвы и бегать весь день от дома к дому. На самом еще вчера мне пришла в голову отличная идея насчет того, где я хотел бы поработать.

Без труда отыскав бакалейную, которую мне показала Шарлотта, я вошел внутрь.

Колокольчик, приделанный к деревянной фиолетовой двери, мелодично звякнул, обратив на меня внимание служанки, моющей полы. Это была полноватая женщина лет сорока.

Было восемь утра и посетителей пока еще не было, поэтому лицо женщины выразило досаду по поводу моего визита.

– Закрыто! – проворчала она, продолжая натирать полы.

С кухню доносились приятные запахи готовящейся выпечки, я слышал, как суетится повар, разливая тесто по формам, и как гремит посудой судомойка.

– Я хотел бы поработать здесь пару дней, – произнес я, надеясь, что все говорю правильно. – С кем я могу поговорить насчет этого?

– Это лучшая пекарня в городе, и здесь нет места для бродяг вроде тебя! – прокричала уборщица.

– Я не бродяга, я путешественник, и, к тому же, я вполне чистый для работы на кухне, ваше замечание несправедливо, – заметил я, с укоризной смотря на сгибающуюся пополам женщину.

– Пф, какой важный! Иди, поговори с хозяином, в его кабинет можно пройти через кухню.

– Спасибо вам.

Кивнув ей в знак признательности, я тщательно вытер ноги о половой коврик и пошел к двери, ведущей на кухню, стараясь не наступать на уже вымытые доски пола.

В кухне меня встретили, мягко говоря, не слишком радушно, и, хотя я объяснил, что хочу устроиться на работу, меня выгнали. Но к счастью, выгнали меня через другой вход, ведущий на задний двор, где находилось открытое окно в кабинет хозяина. Превратившись в птицу, я влетел внутрь и прежде, чем мужчина, сидящий в кресле, успел опомниться, я вновь стал самим собой.

– Здравствуйте, я ищу работу. Не могли бы вы нанять меня на несколько дней? – вежливо спросил я, на всякий случай красиво улыбаясь и всем своим видом выражая почтение.

– Ты как здесь оказался!?! – воскликнул он. Это был в меру упитанный усатый мужик с лицом кондитера, злоупотребляющего бисквитами с ликером.

– Я вошел через дверь, – соврал я. – Насчет работы. Я уверен, что я вам подойду, ведь я умею отлично готовить, знаком с приемами финийских, тангейских и ишимерских поваров, в совершенстве знаю традиционную рашемийскую кухню, особенно мне удаются пироги из грибов и мяса и десерты. Если это важно, то так же я умею работать с охмаражскими приправами и создавать их, если мне дадут нужные ингредиенты... я готовил для царевича Кудеяра одно время.

Лицо усатого мужчины, замершее в возмущенной гримасе, постепенно вытягивалось от удивления, только когда я упомянул Кудеяра, кондитер пришел в себя и перестал на меня пялиться.

– Ври-ври, да не завирайся, юноша! – нахмурился он. – Для царевича Охмараги!?! Такое очевидное вранье даже смешно!

– Но я в самом деле готовил для царевича! Ведь он уехал с родного острова, чтобы совершать подвиги на материке, а наша еда непривычна для сенари, им требуется время, чтобы привыкнуть, – начал вежливо объяснять я. – Он путеше-

ствовал вместе со мной и моей подругой какое-то время, ради него мне и пришлось учиться использовать охмаражские приправы.

– Рассказывать такие вещи может либо безумец, либо тот, кто говорит правду, – кондитер задумчиво разгладил усы. – Я не могу поверить тебе на слово. Все, кто сюда приходит устраиваться на работу, заливают, что готовят как боги, а на деле же им нельзя доверять даже крем выкладывать!

– Работа нужна мне всего на несколько дней, я могу просто помогать на кухне, если вы не хотите доверять мне готовку.

– Естественно я не доверю тебе готовку! – возмутился мужчина. – Ты ведь совсем не знаешь нашей кухни!

– Тогда чем я могу заняться?

– Заняться?... – он задумчиво меня осмотрел. – Твоя внешность привлечет посетителей. Слуги, принимающих заказы, давно просили отгул, так что заменишь их обоих, будешь работать с десяти утра до девяти вечера каждый день. Я заплачу тебе пять золотых за каждый день работы, плюс твои чаевые. Согласен?

– Да... хорошо. А что такое чаевые?

– Как тебя зовут, чудик? – спросил он, проигнорировав мой вопрос и потянувшись к какой-то бумажке.

– Лекои Опоаль ЛДизн Сеймур.

– А короче?

– Леопольд.

– Леопольд... так зовут моего кота, – усмехнулся мужчина. – Мое имя Костаф Деноре, и ты принят на работу в моей бакалейной. Иди в зал, найди там нашу управляющую... такая гримза в очках... Она тебе объяснит, что нужно делать. Скажи, что заменишь Карлоса и Линду.

– На три дня.

– На три дня, – кивнул Костаф. – А теперь вон с глаз моих!

Я отправился искать управляющую. Она была занята отчитыванием какого-то бедолаги в форме и не сразу заметила меня. Когда же заметила, попыталась выгнать, но я объяснил ей, что меня взяли на работу. Тогда по ее поручению один из поваров отвел меня в раздевалку, заставил переодеться в форму слуги – кремового цвета рубашку с пышными рукавами-тюльпанами и светло-сиреневый поясной фартук. Я заплел волосы в более изящную и сложную косу, чтобы они не подметали пол, и отправился за поваром, слушать о своей работе.

Моего наставника звали Роберто, он объяснил мне, где какой столик, как обслуживать клиентов и где забирать заказы, а также рассказал про чудесную вещь – чаевые. Все время, оставшееся до открытия, я сидел и изучал меню – такую же картонку, как в нашей гостинице.

К десяти часам утра я уже знал наизусть все цены и блюда, к тому же я успел незаметно понаблюдать за приготовлением каждого и запомнить почти все рецепты – знакомые мне десерты с небольшими изменениями. Теперь я мог рассказать

будущим клиентам о каждом из блюд, об их составе и вкусе.

Когда начался рабочий день в бакалейной, меня выставили у входа, как украшение интерьера, и велели встречать гостей. Управляющая в очках велела мне широко улыбаться гостям, чтобы были видны клыки, хотя обычно меня все просили их не показывать. Странные они тут.

Первые несколько часов все гости заходили лишь за тем, чтобы быстро купить свежего хлеба у прилавка, они спешили по делам и никому не хотелось подолгу засиживаться.

Примерно в час дня пришел мой первый клиент и сел за третий столик, находящийся у окна. Я записал в блокнот его заказ и отнес листок на кухню, через пару минут принес ему на подносе пирожное и кофе, а потом вновь встал на свое место и стал скучать, иногда переговариваясь с одним трех поваров. Он тоже хотел знать, откуда я, а потом спрашивал про Рашемию.

К трем часам посетителей стало столько, что не хватало мест! Я едва успевал бегать между столиками и разносить заказы. Не знаю, как так получилось, что я не перепутал ни один из заказов, хотя на одном мне были все десять столиков. К пяти часам я валился с ног и ничего не соображал, в голове только пробегали строчки бесконечных заказов. Я чувствовал себя машиной, которая выполняет однообразные действия просто потому, что ничего больше не может. Одно только грело мне душу: благодаря тому, что я хорошо подготовился к работе, изучил меню и понаблюдал за пригото-

нием десертов, я смог ответить на вопросы даже самых при-
вередливых клиентов и этим заработал себе чаевых больше,
чем мне должны были заплатить за день.

Ближе к концу моего рабочего дня, к восьми часам вечера,
произошло целое событие, пробудившее мою забродившую
от однообразной работы голову. В одной из клиенток я узнал
Шарлотту.

Она сидела ко мне спиной и общалась с еще одной де-
вушкой, видимо, с подругой. Я не видел лица Шарлотты, но
узнал ее голос. Клиентов вокруг в это время было не так мно-
го, поэтому я смог немного задержаться возле ее столика и
послушать. Кажется, они говорили обо мне.

– ... Граф, представляешь! – увлеченно объясняла Шар-
лотта.

– Здравствуйте, – я подошел сзади и вежливо улыбнулся.
Девушки посмотрели на меня, Шарлотта удивленно ахну-
ла.

– Леопольд! – воскликнула она. – А я как раз рассказывала
о вас... а что вы здесь делаете?

– Я решил немного подработать. Тут приятно пахнет, –
объяснил я. Мне было так приятно снова видеть Шарлот-
ту, что я не переставал улыбаться и, наверное, выглядел, как
идиот. Впрочем, меня и так постоянно принимают за идио-
та, мне в этом плане терять нечего.

– Граф, работающий прислугой? – подруга Шарлотты,
курносая девушка с неестественного цвета золотыми воло-

сами, насмешливо выгнула бровь. Почему-то эта особа мне не понравилась с первого взгляда. – Скажи, Леопольд, разве твой род настолько беден?

– Мой род достаточно богат, чтобы держать в порядке неплодородные северные земли, и то, что я работаю, не имеет никакого отношения к его состоянию, – возразил я. Хорошее настроение, навеянное появлением Шарлотты, омрачилось.

– Шарли, это же все ясно, как летний день, – усмехнулась крашенная блондинка, посмотрев на подругу и закрутив один из выющихся локонов на палец. – У него приятные черты, потому что его отец-граф в свое время погулял с ленайкой. Открой глаза, милая: он нищий бастард, потому и связался с тобой!

– Малена! – девушка вспыхнула и поспешила извиниться передо мной. – Леопольд, не принимай это в серьез, пожалуйста! Увы, не все такие добрые и бескорыстные души, как ты... Как же мне стыдно, боги!... – она прижала к глазам руки в перчатках.

– Нам два лимонных кекса и чая с чебрецом и медом, – Малена одарила меня издевательским взглядом и пренебрежительно добавила: – И замени нам скатерть, а то я вижу здесь пятно.

– От вашей ядовитой слюны, полагаю. Она так и брызжет в стороны.

Не выдержав, я все-таки нахамил этой мерзкой девице и

удалился, забрав с собой скатерть, на которой в самом деле было мокрое пятно.

Обслужив всех остальных посетителей, я отнес заказ к столику, за которым была Шарлотта. К счастью, она уже была одна, ее противная подруга, видимо, обиделась и ушла.

– Леопольд, вы ведь не сердитесь? – она взглянула на меня глазами, полными сожаления. – Это ужасно, что она сказала, и, если вы подумали, что я с ней хоть в чем-то согласна... Знайте, что это не так!

– Я не сержусь, конечно, но подруга ваша не самая приятная особа, надо заметить.

– Она просто не привыкла сдерживаться, да и судит о людях всегда предвзято, во всем видит подвох. А так она очень хорошая, просто общество ее потрепало...

– Вот ваш заказ, – я поставил на ее столик лимонный кекс и чай, а затем отправился обслуживать других клиентов. У меня не было никакого желания выслушивать оправдания этой мерзкой Малены. Да, она верно сказала, что я нищий бастард, не имеющий и медяка заработанных денег... но что-то подсказывает мне, что сама она за всю жизнь заработала не больше, чем я за этот день.

В следующий раз я подошел к Шарлотте только когда потребовалось забрать деньги за заказ.

– Леопольд, вы так и не сказали мне ничего... Я не хотела бы, чтобы наша дружба вот так оборвалась.

– Что я могу сказать? Я ведь на работе.

– А когда заканчиваете?

– Через полчаса закрытие.

– В таком случае я подожду вас здесь... Можно еще малиновое пирожное со сливками?

– Можно, – я снова улыбнулся и, кажется, это привело Шарлотту в восторг.

После того, как я закончил работу, переоделся и получил свой первый заработок в размере одного с половиной золотого, мы с Шарлоттой снова отправились гулять по улицам города.

Уже через несколько минут прогулки я и думать забыл про обиду на эту Малену и чувствовал себя прекрасно, несмотря на длинный рабочий день и на адский голод. Девушка, убедившись, что я не злюсь, предложила мне познакомиться с другими ее друзьями, которые, услышав обо мне, захотели пообщаться.

Пока я ужинал в одной из попавшихся нам харчевен, Шарлотта описывала мне каждого из людей, с которыми мне предстояло встретиться.

Одной из них была актриса, которой удалось выйти замуж за драматурга, оба они работали в театре, который открылся совсем недавно и пока только готовился к первому спектаклю. Кроме них там находилось около трех богатых девушек, описания которых были так похожи, что я даже не стал пытаться запомнить, чем они друг от друга отличаются. Два молодых человека моего возраста или чуть старше, один

из университета, другой молодой певец, оба прекрасно держатся в обществе и их определенно ждет большое будущее. Главными людьми в компании являются двое, один из них сын мэра, другая его сестра, которая участвует в движениях против чрезмерной трудовой нагрузки на рабочих с фабрик, находящихся недалеко от города и снабжающих его товарами.

Особенно меня заинтересовала девушка, беспокоящаяся о рабочих, и чета из театра.

Встреча должна была состояться в десять вечера, в квартире у парня, учащегося в университете. Шарлотта, видимо, сильно нервничала, ведя меня к своим знакомым, я же наоборот, испытывал воодушевление. Я позорился много раз и часто не замечал этого, еще один раз сделать какую-нибудь глупость ничего для меня не значило... по крайней мере, мне хотелось верить в то, что я смогу узнать людей, познакомиться с ними и, может, понравится им, а если нет, то ничего страшного все равно не произойдет.

Квартира, куда мы шли, находилась в трехэтажном кирпичном здании. Мы зашли в подъезд и поднялись по каменной лестнице на второй этаж, а оттуда через плохо освещенный коридор с потрескавшимися досками пола и ободранными стенами уже вошли в квартиру студента. Нас встретила сразу вся компания.

Несмотря на то, что дом, куда мы пришли, был старый и достаточно мрачный, небольшая квартирка студента ока-

залась светлой и уютной. Стены были обклеены светлой бумагой, пол устелен стареньким паркетом. Нигде не лежало ковров, зато в главной комнате вся мебель была обита застелена толстыми мягкими тканями. На обшарпанном комодестояли небольшие картины в позолоченных рамках, старые затертые шторы на большом окне когда-то могли висеть в доме какой-нибудь знатной семьи. На меня большое впечатление произвела огромная картина, изображающего породистого охотничьего норуша в лесу. Она висела прямо над диваном, занимая почти всю стену, и так сильно выделялась в пустой комнате, что могло показаться, будто студент ее у кого-то стащил.

Люди, сидящие в креслах и на диване, пили чай. На круглом столе посреди комнаты стоял поднос, а на нем – старый фарфоровый сервиз и вазочки с печеньем.

– Это Леопольд, я рассказывала вам о нем сегодня утром, – объяснила Шарлотта, беря меня за руку и уводя к паре стульев в углу. Только когда она коснулась моей руки я опомнился и перестал пялиться по сторонам.

– Здравствуйте, – я осмотрел присутствующих и поздоровался со всеми сразу. Они уставили на меня любопытные взгляды своих блестящих в свете люстры глаз.

– Присаживайтесь, – хозяин квартиры, тощий угловатый юноша в очках и с растрепанными волосами, указал мне на один из стульев, приглашая сесть. – Мы как раз обсуждали положение рабочих людей на вашей родине.

– Должно быть, это был интересный разговор, – я ответил первое, что пришло в голову. Но никто моего ехидства не заметил. Студент продолжил, как ни в чем не бывало.

– Мы слышали, граф, что вы путешествуете, живете скромно, если не сказать бедно, и не гнушаетесь работы?

– Если это так, то вы отличный пример для знати, – заметила девушка, сидящая на диване. На ней был строгий коричневый сарафан и кремового цвета рубашка с узкими рукавами и кружевными манжетами, наверняка доставшимися ей от бабушки: сейчас такие уже никто не носит. Коричневые волосы девушки были заплетены в аккуратную косу, выражением лица незнакомка напоминала учительницу, и только дорогие золотые серьги и жемчужные бусы указывали на то, что она совсем не из простого люда. Видимо, это дочь мэра.

– Я бы не сказал, что я хороший пример, – возразил я, внимательно оглядев собеседницу. – Я уехал из поместья путешествовать, хотя мог бы остаться и заняться хозяйством. Другое дело, что я не приспособлен для такой ответственной работы, как управление землей.

– А раньше вы занимались чем-то подобным? – спросил смуглый мужчина. Пышные черные волосы, уложенные назад, короткая борода, орлиный нос и черные глаза выдавали в нем тангейца, а яркие детали пышного костюма – творческую личность. Видимо, это был драматург, о котором рассказывала Шарлотта. – Видите ли, госпожа Наталь давно хотела найти кого-нибудь, кто близок к этому делу, и хоро-

шенько промыть ему мозги... И, да, извиняюсь за грубость, меня зовут Фиар Корко, а это моя жена, Лариса, – он указал на красивую рыжую женщину возле себя.

– Очень приятно, – я вежливо кивнул паре, а потом продолжил: – Нет, я никогда не управлял поместьем, этим занимался мой отец. Он следил за доходами и состоянием наших владений, много времени посвящал изучению истории нашего рода.

– Вам не кажется, что это неправильно, когда одни люди работают на других, а те отдыхают? – спросила у меня Наталья, дочь мэра.

– По-моему, это правильно, если каждый при своем деле, – ответил я, пожав плечами. – Каждый занимает свое место, а кому это не нравится, всегда может изменить свою жизнь.

– Но ведь дворянину легче это сделать, чем, скажем, подавленному обществом рабочему, не так ли?

– Человек сам хозяин своей судьбы, у меня множество знакомых, которые могут послужить этому примером, – снова возразил я. Какие странные темы они тут обсуждают! Только вот мне непонятно, умно об этом говорить или бессмысленно?

– Например? – девушка аж подобралась от любопытства. Я осмотрелся и понял, что все в комнате смотрят на меня с такой внимательностью, будто я собираюсь показывать им фокусы или делать еще что-то интересное. Мне стало уют-

но, но я пересилил себя и продолжил говорить.

– Мой брат, например. Он мог стать главой нашего рода, главным графом севера, но он выбрал ремесло взамен неторопливой жизни в поместье.

– Какое же это ремесло? – этот вопрос задала Шарлотта, которая почти светилась от удовольствия. Видимо, ей нравилось, что на меня обращают столько внимания.

– Он стал инквизитором.

В комнате повисло молчание.

– Странный выбор... – заметил драматург, пригладив бороду. – Очень странный выбор для графа.

– Но все же он стал частью ордена Белых Сов и сейчас с гордостью выполняет свои обязанности. Только сегодня он отправился в селение недалеко отсюда, чтобы изгнать из кого-то то ли злого духа, то ли вовсе демона, – ответил я.

– Это случайно не того, о котором позавчера написали в газете? – насторожилась Лариса, жена драматурга.

Все присутствующие взволнованно заговорили каждый свое, из общего гомона я так ничего и не понял. Только когда все успокоились, Фиар стал объяснять мне, что было написано в газете и сколько это подняло шума.

– Я так понял, что вы здесь недавно, граф, и пока не знаете, что здесь произошло. Так позвольте мне объяснить, – сказал он. – Две самые богатые и знатные семьи решили, наконец, объединиться, и поженить своих отпрысков, Аврору и Иона, но неделю назад Ион стал вести себя очень странно.

Он поссорился со всеми своими друзьями, устроил скандал в опере, и, наконец, объявил о расторжении помолвки. Родители Иона говорили, что он сам не свой в последнее время, как будто это и не он вовсе. Чтобы избежать разборок и еще одного скандала, они увезли юношу куда-то в пригород, где у них есть дача. Ходят слухи, что они пригласили туда недавно приехавшего инквизитора, который наделал шуму в Ордене в Тангейе и в Рашемии, поймав знаменитую ведьму и оправдав ее. Если уж этот гений своего дела не излечит рассудок Иона и нельзя будет свалить все на злого духа, то семье придется уехать из города, а, возможно, из страны...

– Да, это мой брат, – я улыбнулся. – Интересная история. Думаю, если с Ионом в самом деле что-то не так, Арланд излечит его. Он, несмотря на ужасный характер, свое дело знает.

– Вот это находка! – засмеялась одна из девушек, которая подходила разве что под описание трех дочерей богатых отцов. – Шарлотта, ты привела к нам будущую знаменитость, уверяю тебя! Граф, да еще родной брат инквизитора, который сейчас спасает честь семьи Варенети!

– Леопольд, вы не говорили мне, что ваш брат инквизитор, – с тихой укоризной заметила мне Шарлотта.

– Я не думал, что это важно при знакомстве, простите, – шепотом ответил я.

– А что, правда говорят, что он приехал сюда с той самой ведьмой? Вы знаете ее? – спросил у меня Фиар.

– Конечно знаю, она моя лучшая подруга. Ее зовут Бэйр.

– И она везде с вами ездит? Наверное, это ужасно... магички из академии все себе на уме, страшно представить, как ведет себя настоящая дикая ведьма! – воскликнула другая девушка.

– Вовсе нет, мы очень хорошо ладим, – возразил я. – Это заблуждение, что ведьмы невыносимы. Она добрее и преданней всех, кого я знаю.

– Не испытываете ли вы к ней нечто большее, чем симпатия, дорогой граф? – усмехнулся драматург. – Вы весь светитесь, когда говорите о ней!

– Конечно! Она замечательная, ее нельзя не любить, – ответил я, удивляясь такому странному тону Фиара.

– А ваш брат знает о ваших чувствах? – с восторженным придыханием в голосе спросила одна из обезличенных богатством девушек.

– Знает, – я кивнул. – Мы с ним оба очень близки с Бэйр, хотя все вокруг считают очень странным, что инквизитор может так тепло относиться к ведьме.

– А что же ведьма? – спросила актриса, жена Фиара. Она и все сидящие в комнате выглядели очень удивленными и заинтригованными.

– А что она? И она нас любит, – ответил я, не понимая, почему это всех так поражает.

– Так вы что... втроем? – драматург посмотрел на меня исподлобья.

– Да, мы отлично дружим, думаю, нас даже можно назвать семьей, – ответил я, совсем растерявшись и нахмурившись. Как говорил мне Арланд, в непонятных ситуациях надо принимать вид уверенный и немного оскорбленный. – Почему вы на меня так смотрите, разве я сказал что-то удивительное?

– Да он наивен, как ребенок! – засмеялся молчавший до этого юноша. Видимо, это был упомянутый Шарлоттой певец. – Он даже не понял, на что ты намекаешь, старый развратник, – он дружески хлопнул по плечу драматурга.

– Простите граф, жизнь знаменитости испортила мои мысли, – усмехнулся Фиар, склонив голову в знак извинения. – Значит, вы просто друзья?

– Конечно.

– Ах, Леопольд, не пугайте нас так, – облегченно улыбнулась Шарлотта. – Я уже подумала, что... впрочем, неважно.

– Его нужно непременно познакомить с Лендоном, – заметила всем Лариса. – Леопольд, вы определенно очень хороший юноша, многие захотят пообщаться с вами. Нужно вас приодеть. Вы уж простите, но походная одежда совсем не подходит к вашему красивому лицу! С такой внешностью вы должны выступать на сцене и вертеться в лучших кругах общества, скажу я вам.

– Спасибо, – я вежливо кивнул. Впервые комплимент моей красоте был по-настоящему приятен и не мешался с издевкой... видимо, это хороший знак! Значит, я все сделал

правильно и понравился им.

Так продолжалось до полуночи. Бесплезная, на мой взгляд, болтовня текла неторопливо, но ровно. Как и чай из старого фарфорового чайника. Темы сменяли одна другую и не сказать, чтобы все они были интересны, о некоторых вещах мне нечего было сказать и я молчал, когда же речь заходила о чем-то знакомом, например, о книгах Ванеро Патти или о новых веяниях в фасонах косоклиных сарафанов, я высказывал свое мнение, и всем оно нравилось, как ни странно. Кажется, мне удалось произвести впечатление приличного нелюдя и меня так и не приняли за идиота, чего я опасался поначалу.

Я провел с новыми знакомыми целый вечер, и только когда я уже не смог сдержать зевков, меня отпустили в гостиницу. Шарлотта ушла вместе со мной.

– Вы, Леопольд, очень странный, вы знаете это? – спросила она, когда мы стояли у двери ее дома.

– Я догадывался, – хотя глаза уже слипались, а тело одолевала слабость, я нашел в себе силы улыбнуться и сделать доброе лицо.

– Все мои хорошие знакомые многого ждали от встречи с вами... я, видимо, увлеклась, когда описывала наше необычное знакомство. Но вы их не разочаровали, и спасибо вам за это.

– Мне тоже было интересно пообщаться с такими людьми, как ваши знакомые... Может, опустим это «вы»? Я понимаю,

что приличия обязывают, но, если честно, я привык общаться совсем не так, – понимая, что, возможно, я делаю глупость, я все же сказал то, что хотел сказать уже давно. Все же слишком высокопарно звучит это «вы», а от этих сложных предложений голова уже раскалывается!

– Как скажешь...

– Лео. Зови меня Лео, – уверенно поправил ее я. – Все друзья зовут меня именно так.

– Хорошо, – Шарлотта улыбнулась и ее зеленые глаза блеснули в свете фонарей. Она застенчиво коснулась рукой подола своего сарафана и переступила с ноги на ногу. – Мы встретимся завтра, или я уже надоела тебе?

– Я уже говорил, что мой брат и Бэйр уехали на три дня. Эти три дня я буду здесь, и мы обязательно будем видеться. К тому же, мадам Корко обещала отвести меня к какому-то Лендону, чтобы тот сшил мне новую одежду... Хотя я и сам могу справиться, на самом деле.

– Да, ты говорил, что шьешь, – Шарлотта закивала и немного подалась вперед. – Так значит, я смогу увидеть тебя завтра?

– Да, сразу после работы я приду к твоему дому.

– А раньше ты не можешь?

– Увы, у меня есть дела, с десяти утра до девяти вечера я занят в бакалейной.

– Да... ты ведь работал весь день сегодня. Наверное, очень устал, – в голосе девушки прозвучала приятная забота. Я тут

же вспомнил о Бэйр и на душе потеплело.

– В самом деле, я немного вымотался, – признался я.

– Эм... тогда я не буду задерживать тебя? – Шарлотта как будто спрашивала. Она выжидающе смотрела на меня, как будто я должен был что-то сделать.

– Спокойной ночи, Шарлотта. До завтра!

Помахав ей рукой, я развернулся и направился к уже знакомой темной подворотне. Там со мной попытался заговорить нетрезвый мужчина, но мне не хотелось тратить на него время, поэтому я просто ударил его в нос, как учил Кудеяр, чтобы он потерял сознание и прекратил меня толкать. После я превратился в птицу и отправился в гостиницу.

Только войдя в комнату, я разделся и залез под одеяло, надеясь не проспать завтрашнюю работу.

Встав в семь утра, я вымылся, привел себя в порядок и плотно позавтракал, помня вчерашнюю голодовку. Затем я отправился в бакалейную, пришел раньше всех, так что мне открыла уборщица. Вскоре появился хозяин и, чтобы я не сидел без дела, велел мне начинать готовить по рецептам. К тому моменту, когда пришел первый повар, я уже выполнил треть их работы... Но, вопреки моим надеждам, за хорошие результаты меня не оставили на кухне, а погнали обратно в зал, чтобы я снова был красивой зверушкой для посетителей.

Новый день тек в том же ключе, в каком и предыдущий, только заработок оказался больше в два с половиной раза, что не могло не радовать. Посетителей тоже было больше, и

все они очень пристально разглядывали меня, а когда замечали мой взгляд, отворачивались.

Вечером я снова отправился к Шарлотте и ее друзьям. На этот раз мы встречались в доме самой Шарлотты и у меня была возможность осмотреть жилище знакомой, которое раньше я видел только снаружи.

Как она мне потом рассказала, родители купили ей небольшой домик и устроили на работу в местную музыкальную школу, чтобы Шарлотта понимала цену своей самостоятельности. Это было небольшое двухэтажное жилище где-то между центром и окраиной города. Всего три комнаты, если не считать кухни, ванной и прихожей. Одинокой девушке и ее небольшому грифону хватало этого пространства с головой.

Обстановка в доме говорила о том, что Шарлотта не стремилась к роскоши, простоте или уюту, она шла собственным путем. Изнутри дом оказался достаточно мрачным, и дело было не только в плохом освещении, но и в мебели.

Пока мы были одни, Шарлотта показала мне каждую комнату. За время этой небольшой экскурсии я не увидел ни одной картины, или яркой вазочки, или горшка с цветами. Вся прихожая – недлинный, но широкий коридор, – была занята вешалкой и большим черным деревянным стеллажом со множеством книг в старинных переплетах. В зале, к которому вела прихожая, мебель была из темного дерева с темно-синей обивкой, и представляла собой диван, два кресла

по бокам от него, и несколько стульев, расставленных вокруг круглого стола. На столе стояла красивая черная металлическая миска с печеньем. Но общей мрачности дома придавали некий шик такие детали, как большое зеркало в красивой бронзовой оправе в спальне, золотая паутинка вышивки на темно-синем покрывале кровати, золотистые кисти на подвязках для тяжелых темно-синих штор, бронзовые подсвечники, металлические статуэтки, расставленные в каждой комнате. На втором этаже находились две комнаты – спальня и кабинет. В кабинете на стенах были аккуратно развешены и расставлены причудливые музыкальные инструменты, пюпитры, повсюду валялись нотные тетради. Последние можно было обнаружить в самых неожиданных местах в доме, от корзины для растопки дров до буфета.

Главным украшением дома был огромный рояль, стоящий в зале и занимающий добрую половину комнаты. Черный, отполированный, с матовыми клавишами цвета слоновой кости, он как будто звал за собой в глубокий мир музыки. Не удержавшись, я попросил Шарлотту сыграть что-нибудь.

Девушка охотно села за рояль и ее ловкие пальцы сами будто забегали по клавишам. Дом наполнился гулкой, тягучей музыкой, от которой по спине поползли мурашки. Тяжелые низкие ноты подавляли все мысли, подминали под себя настроение. Голова уже подчинялась не мне, а мелодии, она вела меня по закоулкам собственной памяти... В моей голове пробудились воспоминания о доме, они были такими жи-

выми и ясными, как будто я в самом деле видел все снова.

Темные подземелья с запахом сырости, толстые каменные стены, высокие башни, куда никто никогда не ходит, склеп с привидениями, старый еловый лес, густой и мрачный, как раз такой, в котором заблуждались принцессы из сказок с плохим концом...

Я вспомнил свою комнату, которая теперь была никому не нужна, и все вещи в ней, созданные с таким вниманием, пылились и портились от сырости.

Наверное, мне не стоило поддаваться воспоминанием. Во мне проснулась прежняя тоска по родному. Мне хотелось оказаться дома, наедине с животными и каменными стенами, хотелось этого так сильно, что тело разрывалось на части, мышцы ныли и дрожали, конечности сводило в судорогах... Я едва держал себя, чтобы не напугать девушку.

Закрыв глаза руками, я ссутулился и сжался, глубоко вздохнул, чтобы прийти в себя.

– Леопольд, все в порядке? – обеспокоенный голос Шарлотты прозвучал совсем близко, музыка, уносящая меня в воспоминания, прекратилась. – Ты совсем бледный...

– Ты прекрасно играешь, – ответил я, не отнимая от глаз рук. В комнате был полумрак, я и без глаз все прекрасно видел. Способность чувствовать все, на что ложиться тень – наследство от матери. – Я читал, что музыка хороша, если она затрагивает самые сокровенные уголки души. Твоя музыка прекрасна.

– Я сама это написала. Спасибо, – Шарлотта ответила смущенно, но тут же сменила тон. – И все же, тебе плохо. В чем дело?

– Это... может показаться странным. Ты не против, если я немного распущу косу?

– Конечно...

Я снял несколько заколок-невидимок, удерживающих челку на месте, и спустил ее на глаза. Так мне стало спокойнее.

– Ты же ничего не увидишь так, – изумилась девушка.

– Я все вижу, не переживай за меня, – чтобы это доказать, я прошелся по комнате и переставил две статуэтки с камина и полки местами, затем вернув их обратно.

– Как ты это делаешь?

– Я же нелюдь, – я пожал плечами. – Я могу много чего странного.

– Например?

– Например видеть с закрытыми глазами.

– Можно спросить у тебя кое-что? – в вопросе звучало опасение, как будто я могу разозлиться.

– Да, конечно.

– Почему ты... такой?

– Какой? Седой или высокий? Или дело в моих глазах или длине волос? Что ты имеешь ввиду? – я улыбнулся, сев в одно из кресел. Оно оказалось настолько удобным, что едва сдержался от того, чтобы превратиться в кота и хорошенько

на нем повалиться.

– Ты не похож ни на одного из нелюдей.

– Думаю, тайна моего рождения не то, о чем стоит рассказывать новым друзьям. Это страшная история.

– Ну вот, теперь ты меня совсем заинтриговал! – расстроено сказала Шарлотта, садясь на диван и облакачиваясь на его ручку, близкую ко мне.

– Я оборотень, Шарлотта.

– Оборотень!? Ты!?!... Почему-то, мне всегда казалось, что они очень... двуличны. А еще неопрятны характером и от них сильно пахнет.

– Ну... я очень чистоплотное животное, на самом деле.

– Какое же?

– Эммм... я крыса.

– Крыса?... – Шарлотта сморщилась и улыбнулась. – Ты меня разыгрываешь! Никакая ты не крыса... может быть, рысь? Или волк? Росомаха? Я знаю, что размеры двух тел оборотня не могут сильно отличаться.

– И все же, я крыса. Многим неприятны эти животные, и можно понять, почему. Они очень умны, хитры и живучи, они преданы семье и опасны в бою, идя к цели, они находят обходные пути, уничтожают преграды, они быстро приспосабливаются, но при этом всегда остаются самими собой, изменяются только методы, но не характер. Люди боятся крыс, потому что им такими никогда не стать. Если бы крысы были размером побольше, они бы давно сжили людей со свету.

– Я все равно не верю, что ты такой. Превратись!

Я превратился в крысу и дал полюбоваться на себя. Затем прыгнул на спинку дивана и немного побегал там. Мне хотелось почувствовать себя в другом теле, надоело быть человеком, к тому же, недавняя вспышка воспоминаний пробудили инстинкты, которым можно было дать волю только в теле животного. Я приняховивался, прислушивался, осязал мир по-новому, пока была возможность.

Спрыгнув на сиденье рядом с Шарлоттой, я снова стал собой.

– Теперь веришь? – я по-крысиному задергал носом и зашущукал, пытаюсь рассмешить девушку. – Похоже?

– Ты пугаешь меня, – обеспокоенно произнесла Шарлотта, отсаживаясь подальше.

– Хорошо, я больше не буду, – я убрал челку, снова прикрепив ее невидимками. – Когда все придут? Может, мы подготовимся? Если ты дашь мне полчаса, муку и яйца, я могу приготовить пирог.

– Крыса на кухне?... – Шарлотта нервно хихикнула.

– Я ничего не украду, обещаю.

– Я пошутила... это было довольно грубо, прости. Конечно, я буду рада помощи.

Я приготовил бисквит, который отлично сочетался с малиновым джемом, который обнаружился на кухне у Шарлотты. За готовкой девушка немного пришла в себя и снова развеселилась. Когда в дверь постучали ее друзья, мы уже бол-

тали, как ни в чем не бывало.

Среди пришедших не было трех девушек, имена которых я не запомнил, но зато была одна, незнакомая мне. Судя по одежде, она была из очень богатой семьи. Как оказалось, ее звали Аврора. Бледная худая болезненного вида девушка. На протяжении всего вечера мне казалось, что она вот-вот упадет в обморок.

Как я узнал, это была та самая брошенная невеста. Это в ее жениха кто-то вселился и из-за этого он отменил помолвку. Над ним сейчас должен был работать мой брат.

Узнав, что я знаком с инквизитором, который взялся за ее жениха, Аврора немного приободрилась. Она весь вечер смотрела на меня по-особенному, а потом, когда я ушел на кухню, чтобы заварить еще чаю для гостей и побыть немного в одиночестве, она последовала за мной. Ей хотелось поговорить о своем женихе, как оказалось.

– Я столько слышала об инквизиторах, скажите, что из всего этого правда? Надо ли мне... опасаться худшего? – спросила она, смотря на меня глазами испуганного олененка.

– Я сомневаюсь, что Арланд пойдет на убийство, – я почему-то сразу понял, о чем именно она говорит. Я почти физически ощущал изводящий ее страх. Бедное слабое создание, наверное, сходит с ума от переживаний! – Он не раз говорил, что это крайняя мера, и к ней кодекс разрешает прибегать только в особых случаях. К тому же, если дело во вселившемся духе, он легко справится. Он... гений экзорцизма.

– В самом деле? – глаза девушки наполнились слезами. – Значит, все будет хорошо?

– Я уверен, что все обойдется, – я кивнул. Смотреть на Аврору было невозможно, ее всю трясло.

– Наверное, я выгляжу г-глупо?... – спросила она, зажимая рот рукой и едва сдерживая рыдания. Она оперлась на подоконник, возле которого я стоял. – Боги, я так переживаю!... Если бы вы знали, как мне плохо от всего этого. Призраки, духи, демоны... иногда мне кажется, что такое только в книгах бывает! А тут это коснулось Иона и так неожиданно, прямо перед свадьбой...

Я мог бы сказать ей, что призраки и духи – это сушная ерунда и что в мире есть вещи куда более ужасные, чем сорванная свадьба. Но что-то мне подсказало, что это ее не утешит.

– Мой брат возвращается завтра вечером, как только что-то узнаю, я непременно вам сообщу все подробности или устрою встречу, хотите?

– Если можно... О, боги, спасибо!

– Не стоит, для меня это такие пустяки, а для вас это важно...

– Шарлотта рассказала мне, что вы скоро уезжаете. Это правда?

– Мы нигде надолго не задерживаемся, увы. Не каждое место может принять такую компанию.

– Понятно. Спасибо, что поговорили со мной... у вас чайник кипит, – заметила она, робко указав пальчиком в сторону.

ну плиты.

Мы вернулись к компании, где продолжались другие, обычные разговоры. Пустая болтовня, состоящая из доводов, сплетен и новостей, иногда из обсуждений... все было то же самое, что и вчера, но сегодня я уже не скучал. Атмосфера такой посиделки начинала мне нравиться, было в этом что-то особенное.

Когда все узнали, что я скоро уеду, по большей части расстроились. Театральная чета Корко уже имела на меня свои планы, Шарлотта хотела подучить меня правильной игре на флейте, студент заинтересовался мной, как начитанным собеседником, и даже предложил мне поступить в его университет, чтобы не терять такую голову... в общем, вскоре я уже и сам пожалел о том, что придется уехать так скоро.

Дом Шарлотты я покинул вместе со всеми поздней ночью. Мне некогда было даже думать о том, что я скучаю по Бэйр и Арланду, я слишком устал для каких-либо мыслей.

Я поднялся так же рано, как и в прошлый день. Недосып был обычным делом во время путешествия, и я уже привык к состоянию, когда с утра едва ноги волочишь.

В бакалейной все прошло так же. Я подготовил все к приходу поваров, получил похвалу от хозяина, и отправился в зал, где смог немного подремать до полудня, пока не начали приходить клиенты.

Весь день я проносился, как белка в колесе, считая минуты на часах, которые висели над окном, из которого я заби-

рал готовые заказы. В свой последний день я искренне радовался, что мне больше не придется отвечать на одинаковые вопросы посетителей и поторапливать ленивых поваров. Все-таки когда работаешь весь день без передышки и питаешься одними кексами, это утомляет!...

Только в половине девятого у меня появился повод порадоваться, я как раз шел к столику с недавно пришедшей парой, когда в дверях бакалейной появилась Шарлотта с подругой. Я поспешил к ним.

– Здравствуй, Лео, – поздоровалась девушка. – Мы с Авророй решили зайти, поведать тебя.

– Рад вас видеть.

– Лео? Куда ты смотришь?... – посмотрев туда же, куда и я, Шарлотта пораженно замолчала.

В паре, севшей за четвертый столик у окна, я узнал Арланда и Бэйр. Брат был одет в свою накидку с перьями, все инквизиторские штуки вроде цепи на поясе и медальонов на груди он, конечно же, не снял, сомнений в его профессии ни у кого не возникало. Бэйр наплела снова своих сложных ведьмачьих косичек, которые выглядывали из-под копны спутанных волос, она была в своих обычных штанах и рубашке с вышивкой-оберегом. Может, никто бы и не догадался, что она ведьма, если бы не плащ из крыльев летучих мышей....

Но ладно бы, если бы эти двое просто сидели рядом и разговаривали, мало ли, о чем могут говорить инквизитор

и ведьма? Нет же, Арланд без всякого стеснения прилюдно целовал Бэйр в губы! А та была и не против, обняла его за шею одной рукой, а другой гладила щеку.

Вскоре все в бакалейной на них пялились, даже повара из кухни выглянули.

– Вы готовы сделать заказ!?! – я подошел к ним и спросил громко и отчетливо.

– Лео!?! Ты что здесь делаешь!?! – испуганно воскликнула Бэйр, мгновенно отлетая от Арланда.

– Я здесь работаю! – нахмурился я. – А что вы здесь делаете!?!

– Я решил сводить Бэйр куда-нибудь... – растерянно объяснил братец.

– Нет, я спрашиваю о том, что вы здесь устроили! Что на вас нашло!?! – я возмущенно зашипел, стараясь не кричать на всю бакалейную.

– Лео, ну мы же не делали ничего такого... – попыталась оправдаться Бэйр, краснея.

– Не на людях же и не в таком виде! Вы хоть понимаете, как это смотрится со стороны!?!

– Он прав, – Арланд украдкой осмотрелся по сторонам и невольно встретился взглядами со всеми сидящими в зале и с поварами, выглядывающими из кухни. – Это было глупо.

– Глупо!?! – возмутилась Бэйр. – Мы тоже люди! – она сложила руки на груди и откинулась на спинку стула. – Нам что, нельзя прийти в кафе и поцеловаться!?! – уже громче, чтобы

все слышали. Под ее взглядом все зеваки попрытали глаза, кто стал рассматривать руки, кто изучать пол.

– Нет, нельзя, – я нахмурился и указал глазами на дверь. – Лучше вам уйти. Я закончу через полчаса и... подождите меня около бакалейной. Я знаю место, где мы можем поужинать.

Недовольно бормоча ругательства, Бэйр встала и гордо направилась к выходу. Арланд, сделав невозмутимое лицо инквизитора при исполнении, направился за ней.

Уладив это дело, я отправился к столику, который заняли Шарлотта с Авророй.

– Это твой брат и та ведьма, да? – спросила Шарлотта, когда я подошел.

– Да. Видимо, они уже вернулись... Я познакомлю вас сразу после того, как закончу работать. А пока что вы хотите заказать?

Когда последние посетители ушли, а это произошло чуть позже ожидаемого времени, я отправился к хозяину бакалейной. Мне сделали выговор за то, что я прогнал ведьму с инквизитором, но я объяснил, что это были мои знакомые и поэтому все в порядке.

Рассчитываясь со мной, Костаф предложил мне поработать у него еще немного, но я отказался. С недовольным видом хозяин отдал мне заработанные почти круглосуточным трудом пятнадцать золотых, еще пять за усердие и помощь поварам, а потом выставил вон.

У входа меня ждали Шарлотта с Авророй и Арланд с Бэйр. Ведьма сильно замерзала и громко высказывала погоде все, что о ней думает. И хотя она не употребила ни одного крепкого ругательства, ее изобретательности хватило для того, чтобы две воспитанные девушки неподалеку зажали руками уши, пытаясь ненароком не запомнить эти ужасные оскорбления.

– Вот и я, – я подошел к компании. – Итак, Бэйр и Арланд, эти две девушки мои знакомые, Аврора и Шарлотта. Аврора, Шарлотта, это мой брат и лучшая подруга.

– Приятно познакомиться, – кивнула Шарлотта. Аврора все еще не могла отойти от шока из-за поведения Бэйр и поэтому слишком растерялась для того, чтобы выказать свою радость по поводу знакомства.

– Оу... Теперь их две? – ухмыльнулась Бэйр и по привычке протянула девушкам руку для знакомства. Они невольно сделали шаг назад и уставились на ведьму испуганными глазами.

– Шарлотта, ты не будешь против, если мы поговорим у тебя в доме? – спросил я. – Они вернулись недавно и голодные, я мог бы приготовить что-нибудь, пока вы будете говорить о деле.

– О каком деле? – Арланд недовольно выгнул бровь. – Ты что, не только себе нашел работу, но и нам ее добавил?

– Нет, просто Аврора, – я кивнул на белокурую бледную девушку, – невеста того юноши, которого ты лечил. Ей хоте-

лось бы узнать, чем все кончилось.

– Ах, да, конечно, – по лицу инквизитора было видно, что ему меньше всего хочется снова разговаривать об этом. Я посмотрел на брата, извиняясь взглядом, но он только скрипел, мол, ладно уж.

Мы направились в сторону дома Шарлотты. Арланд шел, задумавшись над тем, что ему сейчас придется говорить, а Бэйр устроила переглядки с Авророй. Они обе разглядывали друг друга, как диковинных животных в зверинце, обе никак не могли понять, что это за существо напротив.

– Лео... я боюсь, у меня не будет столько продуктов, чтобы всех накормить, – шепотом заметила Шарлотта, идущая рядом со мной.

– Зайдем на рынок, я куплю. Мне только что выдали мой первый заработок, так что можно немного погулять!

– Первый заработок? – между нами втиснулась Бэйр. – Так ты работал официантом все это время!?

– Да, – гордо ответил я. – Устроился сразу после того, как вы уехали. Работал с восьми утра до девяти вечера, вместо двух других слуг, а еще готовил! И того пятнадцать золотых, еще пять за усердие, и это не считая тринадцати, которые пошли с чаевых.

– Ух-ты! Да ты молодец! – ведьма улыбнулась и пихнула меня в плечо. – Вот это я понимаю, работа! Мне удалось продать только на десяток золотых. Может и мне в официантки податься, а?

– Не советуя, слишком заморочено... к тому же, я почти не спал все это время, – мысль о сне вызвала зевок, который я едва сдержал. – Больше я так работать не хочу.

– Я смотрю, помимо работы ты еще успел познакомиться с кое-кем... – она покосилась на Шарлотту и Аврору.

– Да, у меня появилось полно новых знакомых! Через Шарлотту я узнал троих людей из местного театра, студента и трех странных богатых дамочек... вот. Мне, кстати, предложили работать в театре. Но я отказался, ведь мы уезжаем завтра.

– Да, опять переезд... мало приятного.

Мы зашли на рынок и там я едва успел купить все необходимое для запланированного блюда: почти все лавки были уже закрыты.

В доме Шарлотты мы все устроились на небольшой кухне, – пришлось принести стулья из зала, – и там уже началась беседа. Я параллельно с тем, что разговаривал, еще и готовил мясо в приправах с гарниром из жаренных овощей.

– Скажите, как там Ион? – робко спросила Аврора, когда поняла, что господин инквизитор больше не занят разглаживанием перьев на накидке и готов к серьезным разговорам.

– Все в порядке. Он жив, здоров, оправится через пару дней. Дух, захвативший его тело и разум, изгнан, свадьба состоится в назначенный день, если, конечно, вы сама еще не передумали, – монотонно продиктовал Арланд.

– Слава богам! – воскликнула Аврора и снова начала

всхлипывать. – Все в порядке... какое счастье!

Удивленный такой реакцией, Арланд переглянулся с Бэйр, как бы спрашивая у нее, что ему теперь делать. Та растерянно пожала плечами. Никто из них расчувствовавшихся девушек утешать не умел, поэтому они сделали вид, что Аврора исчезла.

– Кстати, Ион был не первым, в кого вселился дух, – заметил инквизитор как бы между прочим. – Это было обычное привидение умершего пару лет назад дровосека. Ничего из ряда вон выходящего, но все же это не первый случай вселения... Шарлотта, вы можете рассказать мне что-нибудь о предыдущих вселениях?

– Я не слишком интересовалась, но кое-что знаю, – неуверенно ответила она. – В ваш Орден часто обращались, когда там еще был предыдущий инквизитор. Старик доживал годы в этом городе и помогал, чем мог. Он погиб год назад и с тех пор началась полная неразбериха! Больше пяти вселений произошло. Двум помогла ведьма, живущая в деревне неподалеку, двое еще чудят, насколько я слышала, а один погиб через месяц после того, как стал вести себя странно. Он бросился с башни. Были еще случаи, но я о них ничего не знаю, кроме того, что это действительно произошло.

– И кто эти пятеро?

– По именам не скажу, я их не знала. Точно знаю, что умерший был могильщиком.

– Арланд... – жалобно простонала Бэйр, пряча лицо в сло-

женных на столе руках. – Арланд, только не говори, что мы будем носиться по городу и разбираться со всем этим... я не перенесу больше!

– Я не могу все это так оставить, – возразил инквизитор. – К тому же... в Ордене мне сделали очень интересное предложение. Я думаю, тебе и Леопольду оно понравится.

– И что же они тебе предложили? – вздохнула ведьма.

– Постоянную работу. Я могу остаться здесь в качестве городского инквизитора. Неплохая зарплата и определенные льготы.

– Что ты имеешь ввиду? – насторожилась ведьма, выглянув из сложенных на столе рук.

– Ты устала от путешествий и приключений, тебе надо отдохнуть, Лео пора начинать жить нормальной жизнью, а это отличный город, – сказал он, указав рукой на окно. – Хорошая стража, низкая преступность, убийства происходят только на сцене оперы и театров. К тому же, Бэйр, тут есть академия. Ты сможешь сдать экзамен и стать полноценной колдуньей...

– Я и без всяких бумаг полноценная! – возмутилась ведьма.

– Я хочу сказать, что это место как раз для нас, каждый найдет себе занятие, – закончил Арланд. – Мы снимем дом и будем жить, как обычные люди. Мы ведь так давно хотели этого, разве нет?

– Хочешь сказать, мы остаемся здесь? – я не верил своим

ушам.

– Леопольд! – радостно воскликнула Шарлотта. Ее лицо сияло восторгом. – Ты остаешься здесь!

– Кажется, так и есть...

– Ах! У нас в городе снова будет достойный защитник! – Аврора прижала руки к груди, глядя на Арланда. Ее бледные щеки покраснелись от переживаний, а глаза блестели. – Раз все так обернулось, то вы приглашены в качестве почетных гостей на мою свадьбу! Официальное приглашение для вас троих я отправлю в Орден, а отца попрошу направить к вам человека, который подыщет хороший дом.

– Ух-ты... все это так неожиданно, – проговорила Бэйр. Ее глаза последние три минуты были круглые от удивления... как бы она не сказала сейчас, что после таких потрясений ей надо выпить.

– Мы непременно придем, – улыбнулся Арланд Авроре.

– Черта с два, за это надо выпить!

Академия

Бэйр

Хотя я постоянно говорила, что мечтаю о спокойной жизни, но на самом деле ни разу не представляла, что это в самом деле может со мной случиться. Поэтому, когда Арланд неожиданно объявил о том, что мы оседаем, я растерялась.

Этот город не так давно принадлежал леннайям, отсюда и странное название. Но потом сюда пришли люди и прогнали яркоглазых на запад, а Трехполье сделали одним из крупнейших торговых городов, благо поблизости нашлось полно интересных соседей. К северу от Трехполья проходила граница с Рашемией, которую охраняют горные слевиты, а где-то далеко с юга заседают загадочные «темные» леннайи, еще одна раса нелюдей.

Вот и все, что я знала о месте, которое мне теперь предстояло называть своим домом. Бэйр, ведьма с Трехполья... О, да, звучит чертовски угрожающе! Все будут просто трепетать от страха.

Впрочем, на самом деле город оказался чудесный, несмотря на дурацкое название.

Выбор дома, в котором нам предстояло жить, занял несколько дней, и это даже с помощью очень важного человека от отца той богатенькой девицы. Мы хотели жить именно в доме, а не в квартире. Большой и хотя бы с тремя ком-

натами, подходящий для всей нашей компании. Тот, на который в итоге пал наш выбор, превосходил все ожидания.

Это было двухэтажное просторное здание с подвалом, принадлежащее женщине, которую я про себя прозвала миссис Хадсон. Эта милая дама, которой мы должны были платить по семьдесят золотых каждый месяц, обязалась приходить два раза в неделю и убираться, а заодно проверять, все ли у нас в порядке. Такие условия нам подходили.

Обстановка в доме: три спальни, гостиная с большим кирпичным камином, и подвал, он же огромный кабинет с двумя столами и раковиной. Спальни находились на втором этаже, все остальное – на первом. Кроме комнат в доме было устроено небольшое помещение, похожее на эдакий домашний магазин. Он находился перед прихожей и был обставлен без изысков, но удобно: большой шкаф с открытыми полками, отгороженный стойкой, за которой продавец мог сидеть часами и ждать покупателей. Под стойкой, прямо у места продавца, был маленький ящичек с несколькими отделениями – касса. Видимо, раньше в доме жил ремесленник, от него и осталось эта лавка, за которой я смогу заниматься продажей зелий.

Сразу за лавкой находилась прихожая, отгороженная дверью: таким образом магазин был отделен от всего дома и торговля никак не мешала жизни внутри.

Так же на участке находились добротная конюшня со всем необходимым, так что нам не придется оставлять лошадей в

городской конюшне. Леопольд своего Гришу продал сразу, как мы решили остаться, так что места для наших с Арландом животных было достаточно.

Леопольд пришел в восторг от кухни, сбылись его самые смелые мечты: просторная духовка, раковина, внушительный арсенал кастрюль и сковородок, куча приспособлений для гриля, вафель, пюре и прочих радостей жизни! Оборотень бы на седьмом небе.

Но, на мой взгляд, главной роскошью дома был не этот превосходный магазин, а наличие целых двух ванных... с канализацией и даже душем! Конечно, все выглядело не так, как в моем мире – кран больше походил на колонку, а унитаз довольно сильно отличался от совершенства из моего мира, но даже это привело меня в восторг. Сказать, что мне надоело бегать каждую ночь на улицу в разваливающуюся деревянную кабинку, где пахнет так, что приходится дыхание задерживать, ничего не сказать.

Арланду тоже было, чему порадоваться. В его комнате стояла кровать с балдахином, очень маленькое окно и вторая отдельная ванная – идеальные условия для параноика, который боится выходить на свет без трех слоев одежды и даже с женщиной в кровать не ляжет, пока комнату как следует не забаррикадирует.

Мне досталась комната в белых тонах, в немного состаренном стиле. Сначала я хотела вбагрить эту девичью мечту Леопольду, но тот наотрез отказался, гордо заявив, что он

все-таки мужчина, несмотря на все шуточки окружающих. Да, он мужчина, и именно поэтому он будет спать в комнате, где все фиолетовое, шторы с золотистыми кисточками и зеркало во весь его немалый рост.

Впрочем, доставшаяся комната мне даже понравилась, когда я осмотрела ее получше. Через высокое окно в белой раме проникало много света, на широком подоконнике, застеленном пледом и подушками, можно было посидеть и помечтать о чем-нибудь. Мягкая кровать с кованной спинкой, выкрашенной в белый, на самом деле была пределом мечтаний для спины путешественника. Низенький, но широкий округлый шкаф, рабочий стол, полка на стене, на которую так и просились книги с рецептами зелий и учебники по магии, комод, на котором находился горшок с фиалками, и табуретка с мягкой сиреневой подушкой... в общем-то, все было бы не так уж плохо, если бы не старые рисунки на белых стенах, изображающие цветочные кусты.

За кабинет у нас с Арландом разгорелась настоящая война! Он понравился нам обоим, и мы долго спорили, кто в нем будет работать. Мне нужно было варить зелья на продажу, к тому же я запланировала оборудовать лабораторию и провести пару давно запланированных экспериментов с новыми рецептами. Арланду же нужно было где-то обрабатывать досье, работать над своими инквизиторскими схемами, а еще создавать свои чернила и прочие тайные штучки. После получаса ругани мы решили, что разделим подвал на две части

и моя будет та, что с раковиной и креслом-качалкой.

В доме мы осваивались несколько дней, пока разложили вещи, пока запомнили, где чья комната, пока я объяснила Черту, что нельзя жрать садовые деревья и бросаться на прохожих... Только спустя неделю мы в самом деле начали чувствовать себя как дома. Леопольд загорелся идеей повесить нам над дверью табличку с рисунком, рассказывающим о нашей маленькой семье. Он нарисовал герб с котелком для зелий, инквизиторской белой совой и парой театральных масок, отнес это резчику и вскоре над нашим порогом красовалось это нечто. Мы с Арландом не прониклись, а вот Лео был в восторге.

Кроме того, оборотень накупил много странных вещей, которые, в общем-то были не нужны, но в этом городе их принято было держать в домах. Запасные канделябры в числе пяти штук, тапки для гостей, подстилки для грифонов, если с такими вдруг придут к нам гости... В общем, видно было, что оборотня за те несколько дней, которые он провел без нас, полностью захватил гостеприимный дух этого города. Лео на удивление комфортно чувствовал себя среди новой компании и буквально рвался во все стороны, пытаясь попробовать как модно больше нового, будь то костюм, еда, люди или занятие. Ему нравилось быть в курсе всех новостей города, именно он каждый день сообщал нам с Арландом, что и где творится. Круг его знакомых стремительно расширялся, причем все они были из так называемых «сливок» об-

щества.

Первое, что сделал Лео, когда узнал, что мы остаемся в городе надолго, купил себе книгу по шитью местной одежды и спустил все заработанные деньги на ткани. Он заперся в своей комнате и шил почти круглые сутки несколько дней подряд, только через четыре дня он вылез с новым гардеробом заправского щеголя. Теперь нам с Арландом было стыдно выходить с ним куда-то: мы чувствовали себя последними оборванцами! Я как-то в шутку сказала об этом Лео, так он в тот же день утащил меня к себе в комнату и стал снимать мерки, а через пару дней у меня был роскошный сарафан болотного цвета и к нему не менее роскошная кремовая блузка. Цвета сами по себе не очень красивые, но на мне смотрелись очень даже, по крайней мере, так сказал мой личный портной. С обновкой я все-таки смогла пойти на свадьбу Авроры и Иона, не чувствуя себя убогой нищенкой и не пугая окружающих.

Хотя свадьба в конце концов моих ожиданий не оправдала. Арланда и Леопольда отправили к мужикам, а мне пришлось сидеть в компании томных барышень. Они все время хихикали, обсуждали внешность будущих детей молодоженов и пили чай с клубничным тортиком. И все бы ничего, я бы отмучилась пару часиков, посидела бы, поулыбалась для приличия, и сбежала бы. Так нет же, девушки начали расспрашивать меня про Арланда! Как оказалось, наш с ним поцелуй в кафе стал в их кругу сенсацией и теперь

все нас обсуждали. Девушки, сверкая глазами от любопытства, расспрашивали меня о нашей сложной и полной препятствий любви... я включила изобретательность и наплела такого, что хватило бы на нейверский любовный роман. Кажется, я так зарвалась, что под конец они вообще перестали верить, будто между нами что-то есть. Мне, в общем-то, от этого только лучше.

После праздника начались тяжелые будни. Арланд с раннего утра до вечера пропадал в здании Ордена, а Леопольд снова был в поиске работы. Оборотня звали в театр и в кафе, сам же он хотел найти такое место, где он смог бы научиться чему-нибудь полезному. В итоге он выбрал театр, потому что тот только начинал работу и каждый там занимался всем, чем мог. Лео был актером, уборщиком, художником по костюмам и портным.

Мне предстояло работать на дому, с чем возникло немало проблем. Арланд, узнав, что я опять собираюсь незаконно торговать зельями, насильно потащил меня в академию и записал на экзамен по магии, чтобы мне дали бумажку, подтверждающую мою компетентность.

В академии Арланд за меня похлопотал и вместо пяти лет учебы мне дали только полсеместра с условиями: если я, якобы настолько хорошо обученная, смогу начать учебу вместе со старшим курсом в середине года и закончу со всеми остальными студентами, то получу диплом. Арланд заставил меня согласиться, и я стала студенткой. Как подсказала мне

зашевелившаяся память из родного мира, – уже во второй раз.

Мне выдали горку учебников и расписание занятий, а также продиктовали устав студента академии, в котором черным по белому было написано, что о полноценной работе и экспериментах придется забыть и полностью уйти в учебу. Я взбунтовалась и высказала Арланду все, что я думаю об этой затее, но он все-таки убедил меня, что я могу многое, но знаю не все о магии, и в академии эти пробелы восполнят. Тут уже было не поспорить, официальная часть магического дара, ведьмовское самосознание и правильная самореализация, законы, ограничивающие использование магии... ничего из этого ненужного по сути бреда я не знала и это каким-то образом делало меня «неполноценным магом». Интересно, знал ли это все Демонтин?...

Но в академии мне пришлось гораздо хуже, чем я могла себе представить. И дело было не в том, что я чего-то не знала: я спокойно отвечала на все вопросы преподавателей и нередко добавляла что-нибудь во время лекций, хотя все, что я говорила, никак не относилось к тексту учебников. В первые же дни заработала репутацию дикой невоспитанной выскочки, но самой главной проблемой стало не это. Дело было в разнице между мной и тепличными колдунишками, которые ни разу не участвовали в настоящем бою! Их головы были забиты схемами из тетрадей, они совсем иначе воспринимали магию и почему-то гордились тем, что все усложня-

ют! К «диким» магам, таким, как я, они относились враждебно и с презрением.

Студенты передо мной задирали носы и даже пытались издеваться, преподаватели, которые с чего-то решили, что я ничего не стою, позволяли себе высмеивать меня на уроках. Конечно, они делали это не в открытую, но все всегда понимали, что очередная убийственно остроумная шуточка снова в адрес оборванки-Бэйр, дикарки с Равнин. Главными поводами для насмешек были, естественно, моя внешность, «мертвая» для магии рука и странная одежда.

При всей моей вспыльчивости, появившейся в последнее время, я смиренно терпела насмешки и издевки, но только потому, что до экзамена я просто не могла позволить себе спалить академию. Если бы не Арланд, который головой за меня отвечал, я бы еще в первый день показала бы всем этим ученым, чего они на самом деле стоят... Хотя мой час однажды все-таки настал.

Как-то я перепутала зал и попала на практику для элитной группы старшекурсников. Учитель, который невзлюбил меня за то, что я не владею нужными терминами и дерусь посохом, а не двумя руками, как приличный боевой маг, решил использовать меня как подушку для битья, отобрав мой посох. Студентам нужно было на ком-то испробовать новое заклинание и посмотреть на него в действии. Маг, считавшийся лучшим на факультете и который больше всех надо мной издевался, встал против меня, однорукой калеки, и че-

рез три минуты визжал, как свинья на бойне... к сожалению, его вовремя от меня убрали и я не смогла его достаточно хорошо помутузить: наверняка из-за этого потом возникли бы проблемы. С тех пор меня начали если не уважать, то побаиваться.

После победы на практике последовали успехи на зельеварении, хотя я делала все по-своему, а не так, как сказано в учебниках. Затем появился учитель по созданию талисманов и посохов, с которым я сразу поладила, биология мистических животных, которую я с удовольствием учила, а так же магический аналог физики и высшей математики, где мне отлично помогли всплывшие в памяти увлечения прошлой жизни... Шаг за шагом, и постепенно меня признали в академии. Самые догадливые из студентов стали набиваться мне в друзья и пытаться научиться у меня чему-нибудь. Я, как и советовал Кудеяр, охотно обучала их, но далеко не всему, что сама знала. Навыки и приемы боевой магии – это не то, что стоит передавать кому-нибудь до собственной пенсии. Неизвестно, кто попадетя тебе на поле битвы, так говорил мой учитель.

Через три недели в академии у меня даже появились друзья, с которыми я иногда выбиралась погулять. Это были в основном старшекурсники, но и маги помладше тоже затесались. Три девушки и два парня, потом к нам еще прибился тот колдун, которого я победила на практике. С ним я в итоге очень даже хорошо сошлась... так хорошо, что он меня

пару раз звал на свидания, но оба раза получил отказ.

Чем больше у меня становилось друзей, тем больше становилось проблем с инквизитором. Арланд мало того, что невзлюбил местных колдунов, он еще и оказался ужасным ревнивцем и косо смотрел чуть ли не на каждый столб, возле которого я проходила! Понятия справедливости в его голове гасли, как только возле меня появлялся кто-нибудь мужского пола. Будь его воля, он бы меня где-нибудь запер в одиночестве! Этого не происходило только потому, что несмотря на протест Арланда, я все же потихоньку продавала зелья и свои деньги у меня водились, хотя и небольшие. Поэтому я могла себе позволить иногда посидеть с друзьями, не спрашивая у опекуна разрешения.

Леопольд к тому времени, когда я стала преуспевать в академии, уже пару раз вышел на сцену и был признан зрителями. Его заметили несколько людей из высшего круга, и он был приглашен на пару приемов. Вскоре он стал знаменит, в своем доме его желал увидеть каждая мало-мальски значимая семья в городе.

С одной стороны Лео был рад успеху и признанию, но с другой ему было очень тяжело. Я нередко находила его в комнате зареванным. Давление со стороны хозяев театра, недосып, невозможность заниматься чем-то, кроме подготовок к выступлениям, все это быстро истощало его. К тому же, он больше не находил свободного времени для того, чтобы перевоплощаться в животных. Раньше он никогда не делал

таких перерывов, оборачивался минимум два раза в день, сейчас же он мог проходить в одном теле несколько суток, а это, как оказалось, ему противопоказано. Если он долго не оборачивался, у него начинало ломить все тело, поднималась температура, в итоге он падал в обморок и превращение происходило само собой – он становился крысой. Видимо, крыса, это был самый первый оборот в жизни Лео и поэтому именно крыса была «запрограммирована» на уровне инстинкта в случае опасности. К счастью, такой припадок у него случился дома, а не на сцене. Поняв, что тело против таких застоев, Лео стал спать в облике кота, а к театру летать орлом, и это, вроде, избавило его от проблем.

Кроме жизни в театре у Лео худо-бедно стала развиваться личная жизнь. Девиц к нему тянуло, как ос к варенью, мужчины его не любили и пару раз даже пытались побить... Оборотень решительно не понимал, чем это все вызвано и очень расстраивался. Как-то раз я нашла его на кухне трясущимся, с огромными круглыми глазами. У него был шок: к нему начала приставать Лариса, жена хозяина театра, и он не знал, что делать.

Жизнь Арланда тоже круто поменялась. Он теперь много работал. Гоняясь за одержимыми, он параллельно наставлял немногочисленных разбойников на путь истинный и благословлял людей на рождение детей, браки и так далее. Городской инквизитор – звание вроде городского супергероя, борца со злом. Что и говорить, я своим доморощенным ангелом

справедливости безумно гордилась!

Хотя инквизитор и уставал, как собака, теперь, возвращаясь домой, он выглядел счастливым. Наконец-то он мог исполнять свой долг и никому при этом не вредить, не прятаться, идти по выбранному пути, не сворачивая из-за преград своего второго я. Жизнь в городе стала для него долгожданным этапом, когда он мог почувствовать себя нормальным человеком уважаемой профессии, а не опасным чудовищем, которому нужно скрываться от охотников.

Арланду нравилось возвращаться после тяжелого дня в свой дом, где его встречали мы с Лео и готовый ужин. Он растекался от удовольствия, усаживаясь в кресло напротив камина, мог часами смотреть на огонь и наслаждаться спокойной теплой атмосферой собственного дома. К тому же, что не мало важно, он все-таки перестал хвататься за бутылку, и редко пил что-то, кроме своей святой воды.

Но нормальная жизнь, в общем ее понимании, ограничилась для него только домом и профессией. Арланд не спешил заводить друзей, он вообще очень неохотно шел на контакт с чужими... даже странно было, что Лео в итоге оказался куда более общительным, чем его брат. Зато Арланд старался как можно больше времени проводить с нами. Несколько раз они с Лео ходили в местные пивные, разговаривали о чем-то своем и, в общем-то, стали близки, как должны быть близки братья.

Ко мне инквизитор стал относиться иначе, поначалу меня

даже напугали эти перемены. Причем больше меня пугала не настойчивость, с которой он стал стучаться ко мне в комнату по вечерам, а повальный интерес ко всему, что я делаю. Он стал интересоваться моей жизнью в академии, опытами, полученными знаниями... Когда он узнал, что в академии меня пытаются травить, чуть не пошел разбираться, благо я вовремя его остановила! Но в итоге все равно несколько самых задиристых магов внезапно успокоились и стали избегать даже на глаза мне попадаться.

Иногда мы с ним выбирались гулять в парк, когда было уже совсем поздно и мало кто мог увидеть нас вместе, но чаще всего нам приходилось довольствоваться обществом друг друга в гостиной. Мы разваливались на диване и читали, я учебники, а он что-то по работе. Было похоже на совместный просмотр фильмов в моем мире.

У нас, конечно, случалось немало поводов для ссор, мы часто ругались... возможно, даже чаще положенного. Но в то же время мы всегда могли прийти друг к другу с любой проблемой, выслушать и, главное, понять и поддержать. Все же у меня были вещи, которые не понял бы даже Лео, у Арланда было множество сомнений в своей работе, которыми он ни с кем не мог поделиться и которые доверял только мне.

Я чувствовала, что мы стали друг другу слишком близки, и это пугало меня. Во время одной из ссор мне снесло крышу, я говорила Арланду о том, что не заинтересована в нем и все дело тут в скуке и любопытстве, что я с ним просто

пока не появится кто-нибудь стоящий, или даже что это все для того, чтобы помочь ему, скромному монаху, хоть немного раскрепоститься, чтобы он в свои двадцать шесть хотя бы знал, что такое женщина... При всех этих ужасных словах, которые я могла наговорить сгоряча, меня ужасно пугала мысль о том, что он и вправду может когда-нибудь уйти из моей жизни. Когда лежала с ним, уставшим и крепко спящим, в постели, я готова была до бесконечности вдыхать запах его волос, целовать его плечи, прижиматься к его груди, пытаясь почувствовать тепло кожи через одежду. Тогда я ощущала такое всеобъемлющее счастье, что меня начинало трясти от тревоги, что это может кончиться, и слезы без причины выступали на глазах. Это было настоящее безумие, но я ничего не могла с собой поделать.

Арланд тоже не был подарком и мог наговорить всякого, не знаю, как мы не разбежались по разным концам города, возможно, слишком хорошо понимали, что творится друг у друга в голове, и потому прощали так же легко, как срывались.

Так прошло четыре месяца, а потом я влипла в небольшую историю. В академии я случайно замечталась во время эксперимента и взорвала дорогой котел, влетев на десять золотых. Поскольку таких денег у меня не было, пришлось отработать, подготавливая магические предметы для лабораторных работ младших курсов. После занятий, закончившихся в четыре часа дня, мне пришлось остаться в кабине-

те преподавателя зачаровывающих искусств, там я провела все время вечера, а потом мужчина вызвался проводить меня, ибо опасны темные улицы для такой юной леди. Мне было проще согласиться, чем объяснять, почему меня не надо провожать.

Преподаватель, вызвавшийся меня проводить, был настоящим тангейцем. Коренастый махровый мужик, смуглый и черноволосый. Его ресницы были настолько густыми, а веки темными, что казалось, будто глаза подведены тушью. Волосы он собирал на затылке в тугой пучок и зачем-то вставлял в этот пучок длинные палочку с выточенными узорами. Бородку он заплетал в косу и нанизывал на ее кончик цветные бусины. Об одежде и говорить было нечего – ткани он явно покупал у контрабандистов из Охмараги.

Странный имидж профессора привлекал внимание, многие студентки по нему откровенно сохли, остальные крутили у виска и называли его клоуном. Но, в общем-то, учитель он был неплохой, запросто общался со студентами, шутил, помогал по мере возможностей, но и слишком мягким не был.

У меня с этим экзотическим чудаком отношения сложились странные. Он часто подшучивал надо мной, но видно было, что он испытывал ко мне учительскую симпатию. Мне же было на него настолько все равно, что я даже имя его не запомнила и теперь шла, надеясь избежать разговора, в котором некстати могла раскрыться моя забывчивость...

– Бэйр, тебе не холодно? – заботливо спросил он по доро-

ге.

– Нормально, на самом деле, – я пожала плечами. Уже выпал первый снег и погода была соответствующая. У меня руки никак не доходили купить себе что-нибудь теплое, поэтому я носила осенний плащ, в котором было не так уж и холодно с парой-тройкой обогревающих заклинаний.

– Я слышал, ты живешь с инквизитором? Он твой опекун?

Ну вот, он заводит разговор... и так странно. Зачем ему знать про Арланда?

– Да. А что? – я недоверчиво посмотрела на мужчину. И чего он от меня хочет? Проводить навязался, про Арланда спрашивает... уж не хочет ли он что-то вынюхать?

– Не легко тебе, наверное, – предположил он.

– С чего вы это взяли?

– Инквизиторы не слишком ласковы с ведьмами. Ты привыкла к свободе, это видно по тебе. Делаешь, что нравится, ни у кого не спрашивая, всю жизнь вольная птица, а теперь под надзором белых сов. Ни один маг не потерпит такого.

– Мне повезло с опекуном, мы отлично ладим, и он меня почти не ограничивает.

– Так тебя не тяготит это? – он как будто удивился, даже приостановился ненадолго. – Ты кажешься мне настоящей дикаркой... в хорошем смысле, конечно. Не думал, что ведьма с Равнин может потерпеть главенство инквизитора.

– К чему все это? – я повернулась к преподавателю и посмотрела на него в упор. Хотя он был выше меня на полторы

головы и вряд ли я могла выглядеть для него грозной, но я постаралась. – Что вы хотите услышать от меня?

– Ладно... давай на чистоту, – миролюбиво улыбнулся он. – Ты талантливая ведьма и мы оба знаем это. Твои силы огромны, и ты быстро учишься управлять ими. Такой дар большая редкость... ты была бы настоящим сокровищем для академии. Почему бы тебе не поступить к нам на работу в следующем году? Ты смогла бы стать магистром и это избавило бы тебя от надзирательства, а покровительство академии дало бы тебе много возможностей.

– Наверное, это прозвучит грубо... но ведь мы сейчас не в академии, вы не мой учитель, а я не ваша ученица, так? – я вопросительно взглянула на мужчину и продолжила, не дождавшись ответа. – С чего вы взяли, что академия даст мне больше, чем я смогу узнать сама? Пока мои методы работают эффективнее, чем ваши, я состязаюсь с выпускниками и побеждаю! Вы нагоняете на магический дар тучу формальностей, которые его только сковывают и ослабевают! Мне это не нужно. К тому же я не хочу оставлять своего опекуна. С чего вы взяли, что мне с ним плохо?

– Ты не права насчет академии, – спокойно ответил преподаватель. Наконец, я вспомнила его имя. Его звали Райнар. – Сама посуди, разве могут быть знания, накопленные одной ведьмой, больше знаний, собираемых годами архимагами?

– Мои учителя тоже были против академии, – я усмехну-

лась. Истэка любил академию, но учиться в ней не советовал, Кудеяр придерживался того же мнения, как говорил Рэмол, при одном только слове «академия» у него начинают выпадать перья.

– И кто же твои учителя? Старухи из племени?

– Ага, – я едва сдержала смехок. – И еще крестная фея.

– Какая еще фея? – удивился Райнар. – О чем ты?

– Я так шучу, – объяснила я, улыбаясь. – Я имела ввиду, что вы слишком предвзято относитесь к моей родине. Да, мы не носим украшенных мантий и не бросаемся умными словами, зато ни один ваш маг не устоит против равнинной колдуньи. Это даже вы отрицать не можете.

– Я и не буду отрицать. Может, академия не даст тебе могущества, но зато она покажет тебе твою силу с другой стороны. У тебя есть возможность выучиться всем приемам магии, так не ограничивай себя уже известными тебе дикими методами! Это неразумно.

– Посмотрим, – уклончиво ответила я, пока еще не понимая, к чему он ведет.

– Для мага нет ничего важнее, чем его дар, – продолжил Райнар. – Подумай на досуге о том, что я тебе сказал.

– Непременно, спасибо, – мы уже подходили к моему дому, и я ускорила шаг.

– До завтра, Бэйр, – Райнар остановился у калитки и вперил в меня внимательный взгляд своих черных глаз. То ли свет с фонарей как-то не так упал, то ли еще что, но поче-

му-то я увидела в его лице до боли знакомые черты Дейка.

Задумавшись о рыцаре, я стояла и пялилась на преподавателя, пока не поняла, как это выглядит со стороны.

– Знаешь... – учитель заговорил вновь. – Я уверен, что ты сдашь экзамен и больше не вернешься в академию. Все же не твое это... Может, тогда ты согласишься позаниматься со мной? Я мог бы научить тебя работать с неодушевленными предметами, управлять ими. В академии такому не учат, но тебе это может быть интересно. Ты знаешь, что такое големы?

– Да, – я очнулась от воспоминаний о рыцаре. Слова о големах заинтересовали меня так, что я мгновенно забыла обо всем, о чем только могла забыть, и Райнар понял это.

– Мне кажется, тебе будет интересно это узнать. Я чувствую, что это мой долг, дать тебе как можно больше. Нельзя отпускать тебя с совсем пустой головой! – улыбнулся.

– Конечно, если вы сами предложили, я с радостью с вами позанимаюсь, – кивнула я. – Думаю, големы, это то, что мне нужно. Это ведь одна из ступеней метамагии, а это именно та сфера, в которой я хочу развиваться!

– Тогда обсудим это завтра, когда встретимся в академии. Насколько помню, тебе еще около месяца придется работать в моей аудитории на побегушках, так что до скорого!

Махнув мне рукой, Райнар отправился в дорогу к своему дому. Я же отперла калитку и стала пробираться по заснеженному саду к крыльцу теплого и уютного дома.

На пороге меня встретил Леопольд. Он приготовил что-то новенькое и, видимо, не мог дожидаться моего прихода, чтобы накормить меня и узнать, насколько хорошо у него получилось в этот раз. Арланда дома не было: пару дней назад он уехал на задание с очередным одержимым.

– Как прошел день? – вертясь вокруг меня, Лео помогал мне снимать плащ. – Все было хорошо?

– Да, только оставили после занятий, заставили готовить целому курсу предметы для лабораторной работы. Работенка не сложная, но занудная до смерти, и мне предстоит заниматься этим еще месяц! – пожаловалась я, проходя через гостиную на кухню, откуда очень вкусно пахло чем-то мясным.

– Я приготовил утку в апельсинах с медом! – улыбнулся Лео.

Не прошло и минуты, как я уже сидела за столом на нашей уютной кухне и с жадностью вгрызалась в хрустящую ножку. Леопольд сел рядом и с интересом наблюдал за тем, как я ем.

– Ты бог, Лео! Просто бог!... – сказала я, как только смогла оторваться от вкуснейшего мяса. – Как твоя подготовка к спектаклю, кстати?

– Ой, не спрашивай, – простонал оборотень и закрыл лицо руками. – Эта дурацкая пьеса про морского рыбохвоста стала популярной, и мне снова придется играть этого надменного юношу... Я говорил Фиару, что это унижительно, но он настоял на своем! Зрителям нравится, а их слово – закон. К тому же еще его жена...

– Что с ней? – спросила я, приготовившись утешать друга. – Неужели эта чокнутая опять к тебе приставала?

– Она сказала, что хочет дать мне пару уроков актерского мастерства, якобы я что-то не так делаю и склад ума у меня особенный, мне надо все индивидуально объяснять, а не как всем остальным в труппе! В общем, она опять звала меня к себе в гримерную поздно вечером... я уже не знаю, как ей объяснить, что я ни о чем подобном даже не думаю! – в голосе оборотня звучало столько отчаяния, что над его проблемой даже посмеяться было нельзя. – Я уже думаю сказать Фиару, что она делает мне неприличные намеки! Еще немного и я не выдержу, точно расскажу! Даже если вылечу из театра...

– Ладно, не будем о грустном, – вздохнула я, сочувственно потрепав Лео по плечу.

Тут хлопнула дверь и прозвенел звонок. Кто-то пришел.

– Ну вот и ты! Я думала, ты приедешь раньше! – выбежав в прихожую, я кинулась Арланду на шею, чмокнула его в холодную шершавую щеку и быстро отпрянула, понимая, что бедолага после двух дней работы слишком устал.

Инквизитор поспешно скинул белую мантию, стянул с себя сапоги и поплелся на запах еды.

На кухне мы усадили его в кресло, дали тарелку с ужином и оставили на некоторое время в покое, чтобы он мог прийти в себя после долгой поездки.

– Как у вас с Шарлоттой все продвигается? Ты, кажется,

собирался пригласить ее на свидание? – спросила я у Леопольда, улыбаясь. Эта музыкантша ему до смерти нравилась. До сих пор потребность в любви оборотень реализовывал в обличиях животных, Анук не в счет, и строить настоящие отношения по всем правилам ему было очень тяжело.

– Пока еще не пригласил, – признался оборотень и тоже заулыбался. Ему нравилось говорить об этой девушке, какой бы ни была тема разговора. – Я хочу сводить ее в какое-нибудь особенное место... чтобы все было как следует. Немного подзаработаю, найду подходящее место, и тогда приглашу ее.

– Долго не тяни, она не будет ждать вечность, – вдруг заметин инквизитор, оживший после первой утиной ножки. Он продолжил, запихав себе в рот картофелину: – Хак я пофняла, пефец и стфудент из фашей... компании тоже имеют на нее виды.

– Разве? – Лео нахмурился. – С чего ты взяла?

– Они к ней явно не как к подруге относятся, наверняка уже не первый раз предлагают ей встретиться наедине, – кивнул Арланд.

– Пусть только попробуют... – проворчал Лео. Он сам не заметил, как нахмурился.

– Я бы посоветовал сводить ее в «Дивный Сад», – инквизитор поспешил направить тему в нужную русло, чтобы не доводить Лео до отчаянной ревности, которая у Сеймуров, видимо, была семейной чертой.

– Что это такое, «Дивный Сад»? – мгновенно переключился оборотень.

– Это ресторан, – объяснила я. – Арланд притащил меня туда как-то... цены заоблачные, но готовят там нечто совершенно невообразимое.

– Готовить я и сам умею, – фыркнул оборотень.

– Тогда пригласи ее к нам и приготовь что-нибудь, а мы с Бэйр куда-нибудь уйдем, – предложил Арланд. – Хочешь так?

Судя по лицу Леопольда было видно, как ему очень понравилось, что теперь это нам придется куда-то уходить, чтобы не портить ему романтику.

– Давайте... но это будет не свидание, а просто встреча. На свидании я ее все-таки свожу куда-нибудь!

– Как знаешь, – пожал плечами Арланд.

Мы просидели за болтовней еще немного, а потом я отправилась спать, оставив братьев одних. Они и без меня всегда находили, о чем поговорить.

Несмотря на усталость, сон ко мне не шел, не оставляло чувство, что чего-то не хватает. Я ворочалась, пыталась занять голову какими-нибудь умными мыслями, но из этого ничего не вышло: мой мозг был неспособен на глубокие размышления.

Когда я услышала шаги Арланда, который поднимался к себе в комнату, я поняла, чего мне, возможно, не хватает.

Посвятив несколько минут сомнениям, я встала, накину-

ла на плечи теплую шерстяную кофту и тихонько вышла в коридор.

– Ты одет? – спросила я, постучавшись в дверь Арланда.

– Да, входи, – раздалось изнутри.

Войдя, я закрыла за собой дверь на щеколду.

Инквизитор только вышел из своей личной умывальной, где обычно переодевался на ночь. Сейчас он был в снежно-белом костюме, состоящим из рубашки плотной ткани, штанов, длинных теплых носок и перчаток. Обычно Арланд распускал волосы перед сном, поэтому его лицо выглядело немного иначе... а тут еще этот полумрак.

Он устало посмотрел на меня, а потом молча отвернулся и пошел к углу, в котором находился его маленький алтарь – стол и полка над ним, на них были разложены все необходимые предметы. Там стояли специальные свечи, большая серебряная чаша, наполненная святой водой, в ней по ночам заряжалась серебряная цепь, наручники и несколько инквизиторских оберегов. Знаки и символы, начерченные на деревянной поверхности стола белым мелом, создавали и преображали курсирующие в это месте комнаты потоки энергий, беря как основу силы огня со свеч и воды из чаши. Таким образом у Арланда было свое заряженное особой энергией пространство, куда он на ночь складывал всю свою экипировку, чтобы очистить ее от разной нематериальной грязи, которой после работы с одержимыми всегда было полно.

Стараясь не мешать Арланду проводить ежевечерние ри-

туалы, я тихо подошла к кровати и забралась под одеяло, стала наблюдать за инквизитором.

Он опустился на колени перед алтарем, сложил ладони около лица и, сгорбившись, закрыл глаза. Со стороны можно было подумать, что он молится кому-то... но нет, он сам был источником белого пламени, а значит просто медитировал, наполняя своей силой алтарь и пространство комнаты.

Закончив, Арланд поднялся с колен и, погасив единственную горевшую в комнате свечку, в темноте направился к кровати.

– Бэйр... сегодня я слишком устал, – ответил он убитым голосом, когда я обняла его.

– В последнее время мы редко видимся. Можно предположить, что я могла зайти просто для того, чтобы немного побыть с тобой, – я отстранилась и дала инквизитору устроиться под одеялом так, как ему будет удобно, затем легла рядом.

– Знаешь, сегодня я изгонял привидение, – рассказал Арланд, ложась на спину и подкладывая руку под голову. Я устроилась у него на плече, положив руку на грудь. – Помнишь Дороти? Этот случай был очень похож на ее... Только я изгонял из башмачника швею.

– Швея-призрак? Что-то новенькое, – ответила я, подавив зевок.

– Это точно, – согласился Арланд. – Причем странно уже то, что обратились ко мне не родственники башмачника, а

родные старухи. Они сказали, что к ним приперся старый незнакомый дед и стал утверждать, будто он – их бабушка, работающая на местной фабрике. Этот случай с подселением еще удивителен тем, что старушка умерла меньше недели назад естественной смертью. Дороти, чтобы вселиться в тело человека, должна была многие годы копить силы и проводить ритуалы. У старушки ни Леопольда, ни стольких лет не было, и, тем не менее, она завладела телом старичка, которого при жизни никогда не видела.

– Что вообще за ерунда с этими подселениями? – недовольно спросила я. Это была уже не первая ночь, когда он рассказывал мне об этих странных событиях. – Призраки в этом городе как будто взбесились, ты почти каждую неделю кого-нибудь изгоняешь!

– Эта ситуация настораживает всех в городе уже, – серьезно сказал Арланд. – Сейчас я большую часть дня сижу в Ордене, разбираю свидетельства о смерти за последние месяцы и случаи подселений. Иногда при изгнании можно определить, кем раньше был призрак, иногда нет, и сейчас, изгоняя, я всегда пытаюсь наладить контакт с духом. Я пытаюсь понять систему, по которой это происходит, какие именно души подселяются и к кому... пока я не могу определить ни одной закономерности, все происходит совершенно спонтанно! У живых и у мертвых нет ни одного сходства, все они разные люди, видевшиеся или не видевшиеся при жизни. Как будто какая-то неведома сила заставляет их вселяться в тела,

толкает их в чужую плоть...

– Надеюсь, своим пациента ты не говоришь об этом таким страшным тоном? Так можно посеять панику в городе! – заметила я. – Не говоришь ведь?

– Нет, я не говорю с ними таким тоном, – ответил Арланд, и я сразу поняла, что с ними он говорит еще хуже. – Но паника и так уже поднялась на радость местным ведьмам и ведуньям: к ним все ходят за оберегами и защищающими талисманами! – он нахмурился и заговорил раздраженно. – Эти крысы продают всякую чепуху за большие деньги, а потом счастливые обладатели подобных талисманов попадают ко мне на ритуалы по изгнанию, сообщают о сомнительной колдунье, и я вынужден гоняться за этой гнидой по всему городу!

– Ты совсем заработался, вот что я скажу, – сделала вывод я. – Не думаешь взять выходной?

– Нет, но я хочу попросить тебя кое о чем, – неожиданно сказал он, повернувшись ко мне.

– Я внимательно тебя слушаю.

– Талисманы для защиты. Те, кто не верит уличным колдуньям и трясется за свою безопасность, готовы покупать обереги у инквизиторов... я пытался им объяснить, бело пламя не продается, но от меня все равно требуют защитных побрякушек. И я нашел решение этой проблемы, которое понравится и тебе, полагаю. В общем, я даю тебе задание: придумай такой талисман защиты от духов, чтобы он

был действенный и его можно было производить в больших количествах! Я помогу тебе в этом, объясню принципы.

– Хочешь, чтобы я делала талисманы для всего города!?

– Нет, я хочу, чтобы ты его разработала. Отдадим твою разработку в Орден, а там уже разберутся, как наладить производство. Я знаю, это по твоей части.

– Ведьма, работающая на инквизиторов?

– Это нормально, никто не осудит тебя, – успокоил меня Арланд, погладив по плечу. – К тому же, на тебя надеются многие люди. В каком-то смысле ты будешь героем... И сама подумай, если одержимых будет меньше, у меня появится больше свободного времени, которое я смогу провести с тобой, – чмокнул меня в щеку, чтобы окончательно убедить.

– Смысл в твоём свободном времени, если мы все равно на людях вместе не можем показаться из-за устава Ордена, запрещающим инквизиторам носить что-то, кроме формы!?!... – почувствовав, что начинаю заводиться, поворачивая разговор на ненавистную тему, я поспешила успокоиться. – Ладно, я попробую сделать талисман. Кудеяр учил меня этосу, мне понадобятся лишь некоторые технические данные от тебя.

– Ты чудо! Я знал, что ты согласишься и мне не придется идти в академию за чопорным архимагом, – обрадованный инквизитор стиснул меня в объятиях и еще раз поцеловал в щеку, уже крепче.

Засыпая, я раздумывала над талисманом. В голове уже

крутились названия книг, которые надо будет прочесть... Только к таким книгам надо еще доступ получить: для простых студентов они закрыты.

Не нужно было видеть будущее, чтобы предсказать, чем кончится наше с Арландом совместное утро: мы оба чертовски опаздывали! Уже перевалило за полдень, и нам пришлось, не завтракая, лететь по делам. Я решила отправиться в академию на Черте, чтобы не терять ни минуты.

Оставив коня в саду и строго-настрого запретив ему уходить, я побежала на лекцию по зельеварению, которую вела старушка в высоком остроконечном колпаке. Я прозвала ее Минервой за характерную внешность колдуньи-учительницы. На ее лекции у меня получалось опаздывать чаще всего, и выкарабкивалась я только за счет своего общепризнанного таланта: ей не к чему было придраться, вот и приходилось ставить мне хорошие оценки.

Робко постучавшись в дверь аудитории, я вошла внутрь, всем своим виноватым видом выражая глубокое раскаяние.

– Садись, Бэйр, – сухо велела мне Минерва и продолжила зачитывать рецепт из учебника.

Пока я шла к месту, успела понять, на какой они сейчас теме и рецепт чего они все пишут. Фыркнув, я быстро начеркала в тетради Кудеяровскую версию этого зелья и стала ждать, когда писанина кончится.

– Ну тебя и почерк, ничего не понятно! – возмутилась Люська, моя подруга с недавних пор.

Это была моя ровесница, двадцатилетняя рыжая ведьмочка из хорошей семьи, куда она в свое время не вписалась и в итоге была сослана в академию. Училась Линда, – а именно так на самом деле звали девушку, – спустя рукава. Дара ей не хватало, асимметрия была маленькая, поэтому в учебе ей приходилось тяжело. Пару раз ее могли исключить за заваленные экзамены, но ей удавалось выкрутиться. Спасали друзья, которых у нее была вся академия, и шпаргалки, в изготовлении которых она была мастер.

Выглядела Люська очень милой, с первого взгляда даже могла показаться пайнкой и примерной девочкой. Хрупкое телосложение феи создавало ложное впечатление слабости и беспомощности, волосы у нее были прямые, она закручивала их в два забавных рыжих пучка на затылке, лицо вытянутое, покрытое кляксами-веснушками. Со спины или сбоку Люська выглядела очаровательной милой девушкой, но стоило встретиться с тяжелым взглядом ее темно-зеленых глаз, как сразу становилось ясно, что такой рыжий кролик и крокодила сожрать сможет, если захочет. Крокодилов Линда, конечно, не ела, и задирой не была, но, когда требовалась, становилась напористой и упертой, могла и нос расшибить, и зубы выбить, но только из самообороны. Как по мне, так это было женское воплощение Люциуса, только пока не сошедшее с ума. Собственно, в память о чародее, обреченном доживать свой век лошадью, я и наградила девушку прозвищем Люська.

– Иногда у меня складывается такое впечатление, что ты писать не умеешь! – пожаловалась она, щурясь и утыкаясь носом в мою тетрадь. – Что это у тебя за «юн» такая странная?

– Какая еще «юн»?

– Буква, Бэйр, буква такая... – раздраженно объяснила она, думая, что я шучу. – Продиктуй, что ты тут написала, ничерта не понимаю!

– «На половник тридцать сильф чистой энергии с жасминовым порошком», – продиктовала я то, что было записано сокращенно. – «Если без порошка, то двадцать чистой и заклинание конденсации».

– Чего-чего, какой еще конденсации!? Вы там на своих равнинах совсем обалдели, попроще ничего не могли придумать!? Что это за ругательство такое, «конденсация»!? Меня так даже декан еще не называл!... – распалившись, Люська всплеснула руками, а потом уткнулась в свою тетрадь.

Почерк мой, вопреки всем замечаниям окружающих, был вполне читаемый, хотя буквы были слишком узкие и имели большой наклон вправо. Проблема была в том, что на повсеместном этого мира я могла только читать, и то это благодаря знаниям из прежнего мира: здешние буквы были очень похожи на латинские. Прежняя Бэйр ни читать, ни писать не умела. Мне же писать как-то лень было учиться, запоминать еще все эти ненужные закорючки над латинскими буквами, заучивать сочетания букв, обозначающих такие звуки,

как «Ё» и «Ю» или «Й», причем сочетания эти всегда были разные... без всего этого мне пока очень даже хорошо жилось, значит и обойтись было можно. А вот писать на моем родном алфавите я даже тетрадь Маггорта научила, теперь ее вообще только я могла читать. Все-таки осталось что-то полезное в моей голове из прошлой жизни!

После лекции мы отправились в зал, где варили зелья. Я свое сварила, а потом пошла в тихую помогать Люське. Под конец послушала ругань Минервы на тему того, что я опять не желаю учиться и засоряю свою голову и головы окружающих студентов незаконными Равнинными рецептами и бла, бла, бла, бла....

Наконец, настал долгожданный перерыв в двадцать минут, можно было поторчать в коридоре и перевести дух.

– Ты чего опоздала-то, черномазая? – поинтересовалась Люська, усаживаясь с ногами на подоконник у витража. Такие витражи с широкими длинными подоконниками были расположены на стене вдоль всего коридора, напротив них находились аудитории. Очень удобно для студентов, которым не очень-то нравилось все перемены проводить стоя.

Мы с Люськой находились в самом начале коридора, рядом с лестницами наверх и вниз, по которым носились остальные студенты и преподаватели.

Осмотревшись кругом, я тайком достала трубку Арланда, набила ее табаком и закурила, задумавшись.

– Эй, ау! – Люська умудрилась изловчиться и дернуть ме-

ня за одну из косичек. С тех пор, как в моей памяти всплыли обрядовые прически равнинных ведьм, я стала иногда добавлять в копну распущенных волос небольшие косицы толщиной в мизинец, от их расположения и материала бусин зависело назначение, для удачи, на хорошую мысль, для силы или любви... было множество сочетаний. Я пыталась объяснить окружающим, что значат эти косицы, но меня никто не слушал, все только и делали, что дергали, дергали, дергали... – Ааауу! Ты там живая еще?

– Чего тебе? – раздраженно обернулась я, убирая волосы за плечо.

– Там Кривая идет, прячь быстро трубку! – крикнула Люська, и я быстро заложила руку с трубкой за спину.

Учительница с горбом, на котором вечно лежала толстая черная кошка, проковыляла мимо нас, одарив подозрительным взглядом. Не заметив ничего, к чему можно было придраться, она хрюкнула и проковыляла мимо.

– Фууух... жуть какая! У меня от этой страшилины вечно мурашки по коже! – скривилась девушка, посмотрев ей вслед. – Знаешь, с трубкой ты так скоро попадешься! Нельзя курить в академии, сколь раз я тебя говорила!? – строго сказала Люська, украдкой прикладываясь к моей трубке. – А табак роскошный... И где ты его берешь?

– Сама мешаю, – пожала плечами. – Могу дать пару рецептиков.

– Привет-привет всем! – к нам подошел отличник и на-

дежда всей академии, тот самый, которого я зверски избил на состязании и который звал меня на свидания, не зная, что одни мысли обо мне могли стоить ему свободы. – У меня есть обед, могу поделиться...

– Обед!? – мы с Люськой обрадовано переглянулись.

– Кажется, для Бэйр это только завтрак, – хмыкнула девушка, когда я жадно вгрызлась в бутерброд с ветчиной, отданный мне Чижом. – Так где ты была целых две лекции?

– Да, где ты была? Райнар был недоволен, когда не увидел тебя в аудитории, – подхватил Чиж, или Фаблус, как его на самом деле звали.

– Да какая разница? Проспала, бывает, – отмахнулась я.

– На чем же ты таком спишь, что у тебя следы зубов на шее? – ехидно ухмыльнулась Люська.

Чиж тут же уставился на мою шею и побагровел от злости, так как с чего-то считал меня своей девушкой.

– Блин... – я тороплив поправила ворот рубашки. – Не смотрите, это вам все кажется!

– Держи мой шарф, прикроешь, – Люська подала мне свой зеленый шарф, продолжая ехидно ухмыляться. – И кто этот несчастный, которого ты затащила в постель? Признайся, это все было для какого-нибудь запретного ритуала, да? Преподавательница по аурам вчера, когда тебя не было, сказала нам, что ты пленила демона и забрала его силу, у тебя и сил от того больше, чем у нас...

– А разве есть такие ритуалы? – я невинно округлила гла-

за.

– Конечно! Все старшекурсницы с темного так делают! Прибавляет едва ли не два ряда в асимметрии! Я и сама думала, но, страшно...

– Скорее всего Ионора Лабава пошутила! – воскликнул Чиж, чувствуя своим долгом защитить меня. – Я не верю, что Бэйр пошла бы на такое омерзительное преступление!

– Эй, не надо меня защищать, Люська просто шутит, – я улыбнулась и положила руку на плечо парня. – Какой-то ты нервный в последнее время. Экзамены не скоро, зачетов нет, так в чем причина? – я развернула его к себе лицом и внимательно посмотрела ему в глаза, говоря запредельно серьезным тоном. – Знаешь, скажу тебе, как практикующая ведьма, ты становишься похож на психопата. Как-то на Равнинах в нашем селении один парен тоже вдруг стал нервным и дерганым, а потом... – я сделала торжественную паузу, наслаждаясь реакцией испугавшегося парня, а затем заговорила тоном ветерана войны. – ...а потом его сожрали летающие козлы. Этих кровожадных тварей всегда тянет на все нервное и трепыхающееся...

– У вас там есть летающие козлы? – изумился наивный колдун.

– А у вас что, нет!?! – я сделала удивленное лицо, окончательно сбив несчастного с толку, а потом мы с Люськой не выдержали и заржали, едва не падая с подоконника.

– Наивная простота... – выдохнула девушка, едва отсме-

явшись и держась за живот. – Никак не могу для себя решить, что смешнее, шутки Бэйр или твоя реакция, Чижик!

– Конечно мои шутки лучше, – я улыбнулась и пихнула Люську локтем.

Начался новый предмет, мы поспешили каждый по своим аудиториям. Я просидела на лекции по составлению формул заклинаний, что-то вроде смеси физики и высшей математики, затем протерла штаны на лавке в аудитории, где преподавали ненужную магу, но саму по себе интересную биологию магических животных.

После занятий я отправилась в библиотеку. Это был огромный двухэтажный зал на первом этаже. Там сновало несколько библиотекарей, и один самый главный, к нему-то мне и нужно.

Ионора Лабава, с ударением на второй слог и никак иначе, а не то медленная и мучительная смерть. Пожилая леди, высокая, суховатая, костлявая, всегда в темном строгом платье. Побелевшие от возраста волосы она зачесывала в аккуратный низкий пучок, это был один из ее отличительных признаков. Другими отличиями были строгие очки в бордовой (цвета отравленной крови) оправе и ядовитый взгляд серых глаз, пронзающий любого, словно ледяной осколок.

Эта милая леди, от которой даже у декана коленки дрожали, была старшим библиотекарем и преподавателем по чтению аур – одному из самых сложных предметов. Меня эта тетка невзлюбила с первого взгляда, не только за мой «рас-

хлябаный» внешний вид «бездомного мужика» и соответствующие манеры, но и за то, что было написано на моей ауре. Уж кто-кто, а эта гримза знала обо мне даже то, чего я сама, возможно, о себе не знала. Скромные ритуальчики с убиением лягушек и змей, которые я проводила лет в двенадцать-тринадцать, пара сотен мертвых душ, которые я выпила, пытаясь спастись в поместье Сеймуров, моя «порочная» связь с демоном, от которой я в домике в лесу получила жирные бонусы, – она знала обо всем. От нее не скрылось даже то, что у меня с душой неполадки: она просто-напросто еще не окончательно перестроилась, остались следы переселения, хотя, на мое счастье, начисто стерлось все самые заметные следы, связанные с личностью. Иначе меня бы вышвырнули из академии за такие опыты – из-за руки-то брать не хотели, а за обмен душами и вовсе упекли бы в темницу для чокнутых магов.

Конечно, после всего этого мне невозможно было рассчитывать на благосклонность старой учительницы, которая избегала даже говорить со мной. И тем не менее, сейчас мне необходимо было договориться с ней о доступе к запретным книгам по созданию талисманов и круговоротов энергий. Среди них была одна книга, пятидесятое издание дневника Истэки Демонтина, которую обычным ученикам так запросто не давали, она считалась чем-то вроде сатанинской библии метамагии, если не хуже.

Ионора Лабава стояла возле полок художественной ли-

тературе и листала старенькую книгу в синем переплете. Я подошла бесшумно, застав ее врасплох своим вежливым кашлем.

– Здравствуйте, Ионора Лабава, – я учтиво склонила голову.

– Здравствуй, Бэйр, – произнесла она с видимой неприязнью. Только вежливость не позволяла ей брезгливо отвернуться. – Чего ты хотела? – спросила она, видя, что я не собираюсь уходить. – Если ты опять хочешь попросить меня исключить тебя, потому что тебе тут тяжело, прости, это не в моих силах. Пока ты ничего из ряда вон выходящего не натворила, а твой диплом ждут орден Белых Сов.

И хотя в прошлый раз все было совсем не так, сейчас я пропустила мимо ушей обидный намек на мое слабоумие. Тогда я, сдуру приняв эту гримзу за единственного адекватного мага во всей академии, просила ее всего лишь сказать моему опекуну, что я и без академии достаточно знаю, и чтобы Арланд отстал от меня со своим дипломом.

– Нет, я хотела бы пополнить свои знания и взять несколько научных трудов из библиотеки, – ответила я, подавив в себе раздражение.

– Что ж, сначала тебе нужно завести здесь свой читательский лист. Оформи его у Ани, потом подойди ко мне.

– Я его уже оформила, – я продемонстрировала бумажку, на оформление которой потребовалось нескольких дней. Устроить этот рейд на библиотеку я уже месяц готовлюсь,

так просто меня ей не остановить!

– Хорошо. Но ты далеко живешь и тебе придется давать в залог деньги, чтобы взять книги. Стоимость может возрасти в зависимости от того, что именно ты возьмешь.

– Запишите на счет моего опекуна, он уже расписался здесь, – я предъявила ей подпись Арланда и графскую печатку рядом: я предвидела бесконечную стервозность библиотекарши. С меня они хоть по золотому с книги могут потребовать, а достопочтимому инквизитору такие дурацкие требования предъявить побоятся.

– Хорошо, – чопорно сказала она, ставя свою книгу на полку. Ионора направилась твердым чеканящим шагом вдоль полок. Ее раздражение росло по мере того, как я выкручивалась из всех этих формальных дебрей. – Какие книги ты хочешь взять?

– У меня есть разрешение моего опекуна и Ордена на любые книги библиотеки, а так же заявление о полном психическом здоровье от академического лекаря, и подпись декана о том, что подпись лекаря настоящая... – заметив полный ярости взгляд библиотекарши, который она кинула на меня из-за плеча, я захлопнула рот и продолжила уже по существу. – В общем, мне нужен третий дневник Истэки Демонтина, написанный с 46 757 года по 46 763 года, справочник по категориям талисманов на основе белого пламени, «Описание ритуалов посвящения белых сов», алгоритмический задачник с пометками Вальдмара Озгона и... и кули-

нарную книжку Лотти Сладенькой.

– Что!?!... – прошипела библиотечка и резко развернулась на каблуках. Она нагнулась прямо к моему лицу и, растопырив в стороны локти и смотря мне в глаза, стала напирать на меня, как разъяренная птица. – Что ты хочешь!? Повтори!

– Третий дневник Истэки Демонтина, написанный с 46 757 года по 46 763 года, справочник инквизиторских талисманам, «Описание ритуалов посвящения белых сов», алгоритмический задачник с пометками Вальдмара Озгона и кулинарную книжку Лотти Сладенькой! – протараторила я, выгибаясь назад и медленно отступая, прижав к груди стопку бумажек с разрешениями, как щит против этой старой гарпии.

– Зачем тебе нужны эти книги!?

– Книжку Лотти для друга, он очень просил... – пробормотала я, упираясь спиной в стену... путь отступления был закрыт.

– Я не о рецептах Лотти! Я об остальном! Зачем тебе могли понадобиться эти книги!?

– Вы можете не верить, но это прямое требование моего опекуна и Ордена... Белые совы взяли меня на работу, но документ, подтверждающий это, будет готов только завтра... Вы дадите мне эти книги?

– Орден взял тебя на работу!?! Тебя!?! – прошипела она. Меня обдало холодным мятным дыханием... как в пасти ле-

дяного дракона побывала.

– Представляете? Я сама удивилась! – нервно улыбнулась я. Все же та тетка была страшнее иных привидений и чудовищ, которых я встречала. Тех можно было шарахнуть один раз заклинанием и все!...

– Я свяжусь с твоим опекуном сегодня же, и если ты врешь!... – Ионора выпрямилась и пронзила меня своим убийственным взглядом. – Если ты врешь, Бэйр, я сделаю так, что даже твой опекун не сможет спасти тебя от темницы, потому что окажется там вместе с тобой.

– А вот угрожать мне не надо, – как бы не была страшна Ионора в гневе, теряться перед прямыми угрозами я не собиралась. Эта тепличная маргаритка в аккуратном платьице просто не имеет права говорить мне такие вещи!

– А то что же? Прочу наведешь? – она хищно прищурилась. – Подговоришь своих дружков меня на улице ночью подкараулить? – она окинула меня брезгливым взглядом. – С тебя станется.

– Нет, передам наш разговор декану, и разбираться будут уже в суде Ордена, – я выдержала ее жесткий взгляд и продолжила: – Завтра я принесу свидетельство о моей работе на Орден и заберу книги, так что прошу вас сделать так, чтобы они были готовы. Доброго дня.

Выйдя и библиотеки, я направилась к Райнару, учителю, который меня вчера провожал. Меня всю трясло от злости, но я старалась успокоиться. С ним тоже предстоял важный

разговор, и раздражению там было не место.

По пути я прошла мимо крыла академии, ведущего в студенческое общежитие. Там царил настоящий хаос, все было задымлено, люди бегали туда-сюда, кричали... видимо, кто-то из студентов опять что-то взорвал.

Поспешив пройти мимо шумного места, я направилась более короткой дорогой до кабинета Райнара.

Учитель, когда я пришла, сидел за столом и проверял работы, подперев голову кулаком, прислоненным ко лбу. Его вид напомнил мне скульптуру Мыслителя, и я улыбнулась. Хорошее настроение начало возвращаться.

– А, Бэйр, это ты... здравствуй, – улыбнулся он, заметив меня. – Проходи, присаживайся, – он кивнул на стул напротив своего стола. – Почему тебя не было на сегодняшнем занятии?

– Проспала, – ответила я, поправив на всякий случай шарф. – Простите меня.

– С кем не бывает, – пожал он плечами. – Я и сам иногда просыпаю свои собственные лекции... Вы, студенты, думаете, что это так увлекательно, повторять одно и то же из года в год, но на самом деле преподавателей больше клонит в сон от собственных речей, чем вас! – скривился.

– Вечная сонливость, наверное, ужасно утомляет... Знаете, у меня есть один отличный рецепт бодрящего чая. Я сама составила, могу поделиться, – я невинно похлопала ресницами. Всегда, когда речь заходила о моих чаях и травах,

все терялись и вежливо отказывались, но на самом деле бесплатная раздача таких ценных рецептиков могла сойти за неплохую взятку.

– Я не против обменяться опытом, – согласился Райнар, откинувшись на спинку своего кресла. – Что насчет моего предложения? Ты подумала?

– Да, я с удовольствием позанимаюсь с вами, – кивнула я. – Знаете, у меня тут возник один вопрос... думаю, никто лучше вас меня в этой каверзной теме не просветит.

– Что же это за тема? – полюбопытствовал Райнар. Мне удалось его заинтриговать, видимо.

– В общем, я хочу провести небольшой опыт, мне тут пришла идея по созданию одного талисманчика... все законно, я уже даже нашла будущих покупателей и почти разработала план создания, даже модель продумала, но вот только не знаю, где брать материалы. Они не везде продаются. Вчера мы с вами разгружали целые ящики заготовок для талисманов и амулетов, когда собирали приборы для младшекурсников, и я подумала, что вы должны знать, у кого можно все это заказать.

– Ага... понятно. Практика – это хорошо! – заметил Райнар, потирая ладони. – Ты поделишься со мной своей идеей, или мне пока не нужно знать, что именно ты хочешь сделать?

– Я не знаю, насколько информация секретна, заказчики пока не говорили держать все в тайне... но я все же промолчу.

– Ладно, понимаю. Сам иногда на Темный Рынок работаю, – признался учитель с усмешкой. Я окинула взглядом его мощную фигуру, заглянула в глубокие черные глаза, и поняла, что с него станется сказать об этом самому ректору и все равно никто не посмеет его уволить. То ли побоятся, то ли не захотят терять такие кадры. – Какие материалы тебе нужны? Части тела магических животных?

– Нет, в основном камни и порошки, – я подала ему заранее подготовленный список. Пробежавшись по нему взглядом, Райнар улыбнулся.

– Это достать не так сложно, но, да, ты права, некоторые вещи не купишь в обычных лавках. Подожди недельку и у тебя будет все из перечисленного. Стоить все это в указанных количествах будет немало, мой поставщик самый надежный, продает только лучшее, но и берет недешево. От двадцати до тридцати золотых.

– Деньги не проблема, – ответила я, облегченно вздохнув. Хоть здесь меня не будут донимать вопросами о том, зачем мне такие мощные накопители и опасные искажатели.

– Пока ты не ушла, позволь спросить, – остановил меня Райнар, когда я уже собралась прощаться и уходить.

– Да? – я удивленно посмотрела на него.

– Не хочешь начать наши занятия с сегодняшнего вечера? Я освобожусь в семь, могу зайти за тобой.

– Знаете, пока я не соберу тот талисман, заказчики не отделаются: они настырные до тошноты! – ответила я, виновато.

то улыбаясь. – Думаю, я смогу к вам ходить, когда закончу с работой.

– Как скажешь, – Райнар отвернулся и продолжил проверять работы.

По моей спине почему-то пробежали мурашки, я развернулась и выбежала из кабинета, закрыв за собой дверь.

Стоило мне выйти, как на меня накинута непонятно откуда взявшаяся Люська.

– Ух-ты, Райнар пригласил тебя на дому заниматься! – воскликнула она, вцепившись в мои плечи. Глаза девушки горели безумным любопытством, сама она задыхалась от возбуждения. – Вот это да, надо же!... Какая сплетня получится шикарная: самый сексуальный препод в академии и новенькая, настоящая дикая ведьма с Равнин! Ну-ка, давай, выкладывай, это он тебя покусал?...

– Не дури, Люськ, он големов меня хочет научить делать, а вовсе не тому, что ты подумала! – я отстранила девушку и направилась к лестнице, ведущей на первый этаж. Все дела в академии были закончены, можно было возвращаться домой.

– Ой, можно подумать, можно подумать... – фыркнула Люська. Она была из числа тех, кто с ума сходил от экстравагантного преподавателя и поэтому искренне не понимала, как можно не восхищаться Райнаром.

– Я домой сейчас, а ты куда? – я заметила в руках девушки большую сумку, набитую до отказа, и котел, перевешенный

через плечо вместе с тубусом и вещевым мешком. Это не считая перекинутых через грудь крест-накрест сумок.

– Да не знаю, на самом деле, – она поежилась в своем красивом зеленом пальто из шерсти с обитым мехом капюшоном и поправила красный шарф взамен того зеленого, что одолжила мне. – Видела тот взрыв в общежитии?... так вот это моя работа. Я пыталась сварить зелье по твоему рецепту, и вот! Меня выселили! Из-за тебя и твоего корявого почерка!

– Сочувствую, – я взяла у подруги сумку, чтобы ей было не так тяжело все нести. – Не знаешь пока, куда пойти?

– Да вот думаю, что будет справедливо, если я к тебе перееду... – она замялась, так как определенная крупица совести еще оставалась в ее рыжей прожженной наглостью душонке. – Твоя вина тоже есть в произошедшем, так что это честно. Но я не знаю, где ты живешь, и есть ли у тебя место, собственно. Вот.

– Хм, – я задумалась.

С Люськой мы дружили уже достаточно долго, она была первой, кто перестал меня чураться и общалась она со мной не только для того, чтобы я помогала ей с уроками. Конечно, я с радостью бы поселила ее в нашем доме, ведь она была моей первой настоящей подругой, если не считать строптивую красавицу Рафнейрис... Но вот только как отнесутся к моему решению мои сожители? С другой стороны, если они будут против, пусть она переночует у нас только эту ночь, а

потом я найду ей место.

– Что мне твое «хм»? Ты говорить будешь или только в одну точку пялиться? – Люська дернула меня за рукав рубашки. – Что ты решила?

Мы уже вышли на улицу, я поспешно накинула свой плащ на плечи и направилась в сторону сада, где меня должен был ждать Черт.

– Я не одна живу, со мной мой опекун и его брат, два молодых парня. Если тебя это не смущает, я поселю тебя в гостиной, у нас там большой диван есть, ты на нем будешь спать.

– А твой опекун и его брат... они симпатичные? – хитро прищурилась Люська, покосившись на меня. Она шла в прыжку от счастья. Мой ответ ей, видимо, очень понравился.

– Опекун... ну, сложно сказать, – я пожала плечами и скривилась. – Смотря на чей вкус. Как по мне, так больно страшненький, да и характер у него паршивый, если честно. Не в себе он немного, даже к врачам одно время ходил, – призналась я. – А вот его брат настоящий красавец: полукровка, и очень милый, к тому же.

– Понятно... И что, свободен этот полукровка?

– Он влюблен в одну музыкантшу, но кто знает... Лео никогда не отличался постоянностью, – я улыбнулась. На него она все равно западет рано или поздно, а вот Арланду надо на всякий случай создать мрачный отрицательный образ.

– А зачем мы идем в сад, Бэйр?

– Тут где-то должна быть моя лошадь, – остановившись

посреди сада, я сложила ладони рупором и позвала Черта. – Да куда же унесло эту скотину!?

– Ты что, не привязала ее? – удивилась Люська.

– Да нет, он умный, без привязи ходит. Я его надрессировала, сарай ему так обустроила, что он сам за собой убирает, воды наливает и кормится тоже сам. Чудо, а не конь.

– Хорош заливать... – отмахнулась Люлька, вертя головой по сторонам.

– Правду говорю! – я игриво пихнула ее в плечо.

Я позвала коня еще несколько раз и вскоре раздалось счастливое ржание. Преодолевая все кусты и заборчики, вздымая, как смерч, снег с глубоких сугробов, ко мне мчалась здоровая рыжая конина.

– Чертик! – я распахнул объятия и пошла навстречу лошади. Подбежав ко мне, конь возмущенно заржал и стукнул меня носом в лоб. – Ну прости, что долго, что я могла поделаться? Попона у тебя вроде теплая, не должен был замерзнуть!

Конь скептически фыркнул, качнув головой так, чтобы челка убралась с глаз. Во время этого движения он заметил Люську и замер.

– Да, такая же рыжая, как и ты, – я улыбнулась. – Представляешь?

Черт несколько минут пристально разглядывал девушку, а потом с умным видом подошел к ней и лизнул в лицо, затем заржал, показав свои желтые зубки и отбежал назад, игриво переступая с копыта на копыто.

– Ух-ты!

– Что это было!?! – воскликнула Люська, утирая лицо рукавом.

– Кажется, ты ему понравилась... надо же! Он обычно всех ненавидит и кусается, а к тебе с таким радушием! Наверное, родство в тебе почуял, – я кивнула на ее огненные волосы.

– Привет-привет всем! – обернувшись на голос, мы увидели Чижа, спешащего к нам. Пробираясь через сугробы и едва не падая в снег, парень все время поправлял спадающую на нос шапку одной рукой, а другой придерживал огромный шарф. – А это что за чудо природы? – он удивленно указал на Черта.

– Это мой конь. Его зовут Черт. И он понимает все, что ты говоришь, так что будь вежливым, – посоветовала я, нацепляя на Черта узду.

– Ага, как же... это одна из твоих шуточек, да? – ухмыльнувшись, парень потянулся, чтобы потрепать Черта за ухом, но в итоге чуть не остался без пальца. – Ах, ты... зараза! – он прижал к себе руку, на которую в буквальном смысле покусился конь.

Жеребец, услышав обзывательство, недовольно фыркнул и взглядом пообещал парню, что тот еще ответит за свои слова.

– Вы куда сейчас? Погулять не хотите? – спросил Чиж. Мы уже шли к воротам, ведущим в город.

– Нет, мы сегодня заняты. Я переезжаю к Бэйр на время... у нее там два симпатичных неженатых парня и свободная комната, – похвасталась Люська.

– Вот как? – нахмурился маг. – И что это за парни?

– Мой опекун и его брат, – объяснила я, невольно усмехаясь неукротимой вере этого колдунишки в том, что мы с ним будем непременно счастливы.

– Про твоего опекуна я каждый день слышу, а вот про его брата впервые. Кто он? – с серьезным видом спросил Чиж.

– Актер, кондитер, портной... кто угодно. У него полно талантов.

– А еще он очень красивый! – подхватила Люська.

– Ладно, – вздохнув и выдохнув, Чиж привел свои мысли в порядок и заговорил с присущей ему спокойной улыбкой. – Сегодня мы собираемся в «Черной Вдове». Если хотите, присоединяйтесь. Будут все.

Он собрался было уходить, но в последний момент я его остановила.

– В «Черную вдову» ты сказал? По-моему, прекрасная идея, Люськ, что скажешь?

– Я сейчас не шибко богатая, в последнее время зелья никто не берет... – замялась она.

– Брось, кинем вещи у меня и пойдем, я тебя угощу! Заодно пару склянок загоню, а то пылятся в сумке уже неделю...

– Тогда я с вами до дома пойду! – вызвался Чиж и двинулся за нами.

Я свалила все Люськины сумки на спину Черта, и мы зашагали быстрее. В моем доме мы были примерно через полчаса, уставшие и порядком замерзшие.

– Ну ничерта себе у тебя тут хоромы! – воскликнула девушка, оказавшись внутри. – Дом и снаружи казался огромным, а изнутри так вообще замок!... После моей комнатухи я себя чувствую здесь, как в усадьбе папочки.

– Оставь вещи в коридоре, потом разберем! Сейчас дома никого нет, так что и внутрь заходить не надо, пойдем! – схватив ее за широкий рукав зеленого пальто, я потянула ее вон из дома.

«Черная вдова» – прекрасный трактир в глухом переулке в центре города. Это было неофициальное место сборищ всех магов Трехполя, туда приходили и студенты, и работающие колдуны и иногда даже преподаватели из академии – пару раз я видела там Райнара. Так же туда заходили люди, которые нуждались в магических услугах. Услуги эти были разнообразны, но в целом превращали «Черную вдову» в царство нелегальной торговли магией.

С некоторыми особо умелыми магами хозяин «Вдовы» заключал контракт, и имена этих магов вносились в специальные списки для посетителей – листочек в конце меню, где любой пришедший мог выбрать себе колдуна, способного изготовить нужное зелье. К студентам обычно обращались не ради качества, а из-за небольшой цены, к опытным же магам, бравшим в три раза больше, обычно шли за чем-то со-

всем уж незаконным. Мне повезло, и неделю назад я попала в этот список, причем встала среди тех магов, у которых втридорога покупали незаконное. Чиж тоже уже был в этом списке, а Люська пока перебивалась случайными клиентами.

В трактир мы зашли, уже изрядно продрогнув: погода нынче была ветреная, но теплое помещение приняло нас с неизменным радушием. Темный просторный зал, освещенный зелеными магическими огоньками, парящими в воздухе, был хорошо протоплен магией и благоухал чем-то мясным с кухни. Конечно, то была не божественная стряпня Леопольда, но голодным студентам и то было за манну небесную.

– Бэйр, вот и вы! – приветственно воскликнул парень, сидящий за длинным столом в углу зала. Еще одной прелестью этого заведения были места для посетителей – не простые деревянные стулья, а мягкие черные кресла с высокими спинками.

Повесив на одно из таких плащ, я уселась напротив знакомого.

– Здравствуй, Кред! – улыбнулась я ему, хватая меню одной рукой, другой вытаскивая из сумки трубку. – Чего нового?

– Да так, тебя тут искали очередные покупатели. Внушительные такие, уж наверняка платежеспособные, – завистливо прищурился парень с короткими темными волосами и умными серыми глазами. Креда вышвырнули и академии год

назад и с тех пор он прятался от инквизиторов по подвалам всяких сомнительных зданий: он был урожденным темным магом, и, ходят слухи, как-то чуть не сделал себя вампиром по глупости. Арланду было бы, о чем с ним поговорить.

– О, надо будет посмотреть заказ, который они оставили! – закивала я, набивая трубку.

– Мне ничего не было? – спросил Чиж, усаживаясь в кресло возле меня. Люська уселась рядом с Кредом.

– Не знаю, про тебя у меня не спрашивали, – качнул головой парень. – Слышали новость, кстати? Поговаривают, местная инквизиция подозревают эпидемию вселений.

– Дошло до них наконец, что раз уже лет пять в людей вселяются, то что-то не то! – фыркнула Люська. – Небось Бэркин опекун их всех там построил, он, вроде, толковый.

– Что он тебе говорит по этому поводу? – спросил Кред, вперив в меня острый взгляд.

– Говорит, чтобы я прилежно училась и не гуляла с темными магами, – хмыкаю. – Конечно он мне ничего не рассказывает, о чем ты вообще!?

К нам подошла служанка в обтягивающей талию короткой темной мантии без рукавов и спросила, что мы будем есть.

Выпивать мне особо не хотелось, потому я взяла себе мясного супа, горячего отвара из смеси трав и кусочки вяленого в приправах мяса на закуску. Люська взяла того же, а Чиж, любящий иной раз пошиковать, заказал вина и какое-то ву-смерть дорогое блюдо по рецепту леннайев.

– Так значит, ты не можешь ничего сказать насчет эпидемии? – еще раз уточнил Кред. – Дело важное, если инквизиторы что заподозрят и на магов подумают, чую, много всякой грязи в городских щелях нароют.

– Боишься, что тебя найдут? – Люська обеспокоенно тронула его за колено.

– Меня-то они при всем своем желании не найдут, – он с усмешкой вздернул вверх острый подбородок. – Как бы за остальных не взялись.

– А что, среди наших уже какие-то волнения? – спросила я, заметив нашу служанку с подносом. Она расставила на столе блюда, а мне протянула листочек с заказом. Я поблагодарила ее и сразу оплатила наш с Люськой обед, накинув чаевых.

– Да, есть что-то такое, – неуверенно кивнул Кред. – И, знаешь, все чаще я слышу твое имя.

– Мое имя!? – я удивленно уставилась на него, оторвавшись от супа. – То есть?

– Не знаю, но была бы ты поосторожнее, кажется, тебя тоже ищут. Может даже подозревают.

– Кто подозревает? Инквизиторы!? Что за чушь!? – фыркаю, отмахиваясь от него трубкой. – У Ордена не может быть ко мне никаких претензий, мой опекун им уже все объяснил! Разве что какие-то заблудшие в глуши придурки еще не слышали о том, что Бэйр, ведьма с Великих равнин, уже не в розыске.

– Не знаю, что там, но я слышал о тебе и посчитал нужным предупредить, – Креду не понравилось, как я отреагировала на его слова, и он нахмурился. – Что у тебя там в заказе? – он заметил, что я уставилась в свой листок, и решил сменить тему.

– Да чудно как-то... – я пожала плечами, не отрываясь от листка. – Подавай им настойку из листьев черноплода и адова корня, да зелье «Легкого желания» из мучных червей... платят по указанной цене, и обещают добавить за доставку на дом, адрес указан... пишут, что больны и много ходить им вредно.

– Это бывает, – кивнул Кред, оживившись. – Берешься? Если что, я перехвачу, а то у меня уже неделю ничего не берут...

– Берусь, конечно, у меня как раз лошадь есть, думаю, сегодня же им и завезу, – кивнула я, пихая листок в карман.

– Давай я тебе помогу, заодно научишь меня «легкому желанию»! – вызвалась Люська. – А то это зелье дорогое, варить его, вроде, просто, а у меня оно что-то не идет...

– Да, конечно, – рассеянно кивнув, я быстро дохлебала суп и начала раскладывать на столе склянки с ингредиентами: благодаря заклинанию уменьшения, которому меня научил Истэка, я смогла хранить в своей сумке все, что нужно, в том числе и котел. В трактире зельеварение, к счастью, было не запрещено, скорее даже поощрялось, если оно привлекало новых посетителей.

Дальше все потекло размеренно. Постепенно за наш стол уселись другие знакомые маги и потекли разговоры: у кого какие заказы, кто сколько продал на неделе, кого за что схватила стража, а также обмен сплетнями и прочим. Я слушала в пол-уха, увлекшись варением зелья, Люська же, которая поначалу действительно хотела узнать, как надо правильно делать «легкое желание», быстро отвлеклась и полностью ушла в болтовню.

– Знаешь, никак не могу понять, как ты это делаешь! – спросил Чиж, наклонившись над самым моим ухом. Он, отделившись ненадолго от остальных, решил обратиться ко мне, дабы я не скучала.

– Что именно? – спросила я, закручивая потоки энергии над парящем в воздухе котлом – для лучшей консистенции я размешивала варево небольшим смерчем из перемежающихся между собой потоков магической и немагической энергий.

–левой рукой! Я не раз видел, как ты делаешь это, – он тронул бирюзовую струйку смерча, но тут же отдернул палец: магов эта струя обжигала. – Как? Это как-то связано с тем, что ты прячешь под перчаткой?

– Можно и так сказать, – ответила я, не отрываясь от котла. – Как я этого добилась, даже не спрашивай, это слишком опасно и, на самом деле, того не стоит.

– Знаешь, если бы маги умели владеть силой, убивающей магию... Ты хоть представляешь, какой это прорыв в боевой

сфере!?! Это же как совершенный щит от магии, да еще и идеальное орудие борьбы с магами!...

– Знаю, так что... Чиж, лучше не лезь лишний раз под руку, у меня сейчас ответственный момент! – я пихнула его плечом.

– Это тебе в Ордене сделали, да? Мне давно кажется, что ты – какое-то их оружие, эксперимент, поэтому к тебе приставили опекуна, – продолжил он. – Скажи, это правда?

– Кого ты опять наслушался? – я невольно улыбнулась такому нелепому слуху. Надо же, про меня уже и такое болтают! Совсем у них, что ли, совести нет?

– Так это правда? – настаивал Чиж.

– Конечно нет, это последствия случайного опыта, который даже не я проводила... но, эй, хватит меня допрашивать! Тебе-то какое дело?

– Просто если бы это была работа инквизиторов, а ты – их жертвой, мы могли бы, наконец, доказать людям и остальным, что белые совы переходят все границы, что...

– Прекрати нести всякую чушь! – прикрикнула я на него. Это не осталось без внимания, и на нас уставились все присутствующие за столом маги. – Инквизиторы получше иных магов будут, несмотря на то, что о них говорят.

– Ты что же это, защищаешь белых сов? – удивленно выгнул бровь Кред. – Они убили моих родителей и меня хотели «устранить» только потому, что я родился со склонностью к темной магии! По-твоему, это нормально? Эти белые

притесняют магов, таких как ты и я! Клевора-громовержца больше нет, но их двинутый патриарх ничуть не лучше!...

О том, что инквизиторы, как оказалось, охотятся не только за демонами, но и за темными магами, я узнала только в Трехполье. Оказывается, многих темных насильно увозят в резервации, где тщательно следят за тем, чтобы они не нарушали равновесие мироздания: считается, чистая черная магия не может создать ничего хорошего, только уничтожать. Когда я об этом узнала от темных из академии, была вне себя от злости: как Арланд мог не рассказать мне о таких зверствах? Однако, инквизитор сказал, что в резервациях запирают только тех, кто опасен. Таких же темных магов, которые не пользуются исконной силой, то есть плетут заклинания на чистой энергии, не трогают. Однако, где та грань, когда человека можно оставить на свободе, а когда его нужно запереть, как бешеное животное? Я долго не могла смириться с тем, что Арланд даже косвенно причастен к подобному, но потом все вдруг встало на места.

Я помнила Кудеяра и его рассказа о скахтьярнах, чьи силы отличаются от тех, что собираются в людей в асимметрии, и в чистом виде смертельно опасны. Он приложил немало труда, чтобы его магия оставалась чистой, и на его фоне после знакомства с несколькими темными, – таких, как Кред, – я поняла, что некоторых магов действительно лучше держать подальше от общества. Я никого не осуждала: его жизнь, его дело, я тоже не самая хорошая девочка. Однако, свое мне-

ние насчет несчастных темных и безжалостной инквизиции у меня все же было.

– Хочешь сказать, что не будь инквизиторов, ты бы встал на путь истинный и не торговал бы своими ядами? – я отвлеклась от котла и подняла взгляд на Креда. – Ты ничего другого не можешь, даже не пытаешься научиться колдовать чистой магией, так в чем ты вообще можешь их обвинять?

Над столом повисла тишина.

– Бэйр, мы все знаем, что у тебя есть опекун, которого ты уважаешь, но... но то, что ты говоришь, это неразумно! – вмешалась Люська. – Это, конечно, ясно, что совы следят за порядком, но их действия далеки от справедливости! А к магам у них и вовсе какое-то нездоровое отношение, все из-за тех порошков, которыми их пичкают в Ордене...

– Это все глупые слухи, – возразила я. – Они не трогают нормальных магов, а темных отвозят в специальные поселения, где те живут полноценной жизнью, никому не причиняя вреда.

– Полноценной жизнью!?! – еще громче вскричал Кред. – А ты знаешь, что в этих поселениях за темными следят, как за скотом, что там шагу нельзя ступить без дозволения стражи, что темным запрещено иметь семью и даже быть с женщинами!?! Они пытаются сделать из нас послушных монахов, держат на воде и хлебе, чтобы мы были достаточно слабы и с нами было легко справиться, в случае если мы задумаем бежать!

– Эй, я знаю темного мага, который живет, спокойно колдует и инквизиция его не трогает! Он больше работает с чистой энергией, а не с родными темными силами, и варит зелья так же, как и я... Это он меня всему научил. Если бы все темные вместо того, чтобы плакаться на инквизицию, взяли себя в руки и научились бы жить, никому не причиняя вреда, все бы у них было замечательно.

Заметив, что зелье выкипает, я бросилась к котлу и принялась помешивать варево зачарованной деревянной ложкой.

– Не ожидал от тебя таких слов, – недобро нахмурился Кред.

– Я с радостью изменю свое мнение, если ты докажешь, что инквизиции в самом деле не стоит за вами охотиться! – ответила я без всякой враждебности. – Я против тебя ничего не имею, но, согласишься, то, чем ты занимаешься, не очень-то хорошо. Одно дело продавать старушкам сильные зелья, задерживающие старение, – я кивнула на свой котелок, – и совсем другое – яды падшим.

Кред ничего мне не ответил, посверлил меня немного злобным взглядом, а потом Люська заговорила про очередную любовную сплетню, и все отвлеклись от нашего не слишком-то приятного разговора.

Вскоре я закончила зелья и, попрощавшись со всеми, отправилась к покупателю на дом. Люська, боявшаяся возвращаться домой без меня, – ведь о ней ни Леопольд, ни Арланд еще не знали, – отправилась туда вместе со мной.

– Знаешь, зря ты так с ним, – тихо заметила она, когда мы оказались на улице. – Инквизиция – его больная тема, да и остальные тоже сов не любят. Ты у нас, конечно, особенная, но за такие разговоры можно и из «Вдовы» вылететь, а потом наткнуться на знакомых в темном переулке... В общем, будь поосторожнее с этими своими мыслями.

– Я не сказала им ничего нового, – возразила я. – Темные постоянно валят все на сов, а сами даже не пытаются исправиться! Конечно, тяжело отказаться от родных сил, но это необходимо сделать, если они вредят людям.

– Я не стану с тобой спорить, но я тебя предупредила, – буркнула Люська.

Дом моего заказчика, именовавшего себя в письме загадочным «Мы», находился на окраине города. Пока мы туда добрались, уже совсем стемнело, и потому, когда перед нами предстало возвышающееся посреди пустынного парка черное здание, мы обе малость испугались.

– Думаешь, там есть привидения? – серьезно спросила Люська, кутаясь в свое пальтишко и закрывая шерстяным платком рыжие волосы. – Энергетика идет...

– Ты просто замерзла, какая тут энергетика? – я весело усмехнулась, потрепав подругу по плечу, и мы вместе вошли через калитку, направились к дверям странного мрачного дома.

Постучав в дверь специальной медной стучалкой в виде кольца-змеи, я стала ждать, пока откроют. Никто так и не

отозвался, потому я постучала еще раз и вошла: стоять и ждать дальше мне не хотелось, так как я уже порядком замерзла.

– Ты иди, а я тут постою. Мне нормально пока, – решила Люська, испуганно заглянув за дверь.

Внутри было тепло и сухо, хотя и темно до ужаса. Я тут же зажгла светляк и двинулась по коридору, ища что-нибудь вроде гостиной, где могут оказаться хозяева или хотя бы слуги.

– Эй, есть кто дома? – крикнула я, когда стало ясно, что совершенно невозможно понять, где в этом доме хоть одна комната. Пока казалось, что он состоял из сплошных коридоров!

На мой крик никто не отозвался и я, пожав плечами, пошла дальше, надеясь найти кого-то, кому смогу всучить зелья и требовать деньги.

Когда я дошла до лестницы на второй этаж, решила подняться и посмотреть там. Видимо, удача решила повернуться ко мне другой своей стороной, потому что как только я оказалась на втором этаже, уперлась в дверь, из-за которой шли голоса.

– ...Если это действительно она, то почему не прячется, почему вот так расхаживает перед нами, как будто не представляет угрозы!? – говорил какой-то мужчина.

– Надо просто выяснить все, пока остальные до нее не добрались. Если мы узнаем, как... мы создадим собственный

Орден и даже белые совы не посмеют нам мешать!

Разговор был явно не из тех, которые стоило подслушивать, если не хочешь проблем. Понимая, что, если услышу имя той неизвестной, которую они хотят поймать, спокойнее спать не стану, я постучала и тем самым прервала беседу.

– Доставка зелий! – громко сказала я, постучав еще. – Можно?

– Да... зайдите! – раздался растерянный женский голос.

– Одно из черноплода и «легкое желание», – я поставила склянки на столик между креслами, на которых сидели говорящие. Их было пятеро, все они были магами и ни одного из них я никогда не видела.

Зачем магам понадобились мои услуги – об этом лучше подумать после того, как они заплатят.

– С вас двадцать золотых, – объявила я, уперев кулаки в бедра. – Уже поздно, мне пора домой... так что, пожалуйста, побыстрее, – они сидели, не трогаясь с места, и все смотрели на меня. – Ну?

– Конечно-конечно, – спохватился один из магов, мужчина, и встал. Он достал кошель из одного из комодов и, переглянувшись с остальными, начал отсчитывать золотые. Его руки были в защитных перчатках.

Заподозрив неладное, я приняла деньги, но не правой, а левой рукой. Как только монеты коснулись кожи, рука вспыхнула бирюзовым пламенем. Видимо, на деньгах было проклятие или что-то вроде того: теперь уже этого не узнать,

поглощенное рукой, оно стало абсолютно чистой энергией.

– Это что такое? – нахмурившись, я подняла глаза с руки на магов и внимательно их осмотрела, запоминая лица. – Вы что, собирались подсунуть мне проклятые деньги!?

Они не отвечали, так как, видимо, ожидали совсем другого результата. Вжавшись в кресла, четверо из них недвижно сидели, пятый же, который вручил мне плату, изменился в лице, соображая, что же теперь делать.

– Еще пять золотых, и я уйду без скандала, – сказала я, решив, что меньше всего хочу разбираться с этой шайкой. Просто расскажу о них Арланду, и дело с концом.

Тот маг, который стоял, молча вытряхнул из кошелька пять золотых и подал мне. Я забрала у него весь мешок, очистила его от проклятия, потом вернула. Пока впитывала некую темную силу, расплетала плетение проклятия, я попыталась понять, что же это такое было. Точно определить это мне не удалось, но, похоже, это было что-то мощное, плохо влияющее на здоровье. Темная магия.

Обязательно нужно будет сказать о них Арланду.

Забрав двадцать пять золотых и оставив им зелья, я вышла из дома, пытаясь унять сияющую бирюзовым руку. К счастью, мне удалось сделать это до того, как меня увидела Люська.

– Ну что там? Чего так долго? – обеспокоенно спросила она, дыша на перчатки. Бедолага, видимо, сильно замерзла, пока ждала меня. Дома надо будет попросить Лео пригото-

вить его фирменный согревающий напиток из вина.

– Какие-то чокнутые темные, собирались строить какой-то свой орден, всучили мне проклятые деньги... Пойдем отсюда, – махнув рукой, я поманила Люську за собой.

– Ой, как бы чего не вышло! – содрогнулась девушка, поспешно догоняя меня. – Страшно все это!

– Ничего страшного, просто, обкурившиеся расслабляй-травы обиженки.

Еще один жилец

До дома мы добрались бегом, так как иначе бы просто заledenели бы где-нибудь по дороге.

Судя по запаху в прихожей, Лео уже вернулся и приготовил что-то.

– Надо бы чая выпить, а то простынем еще... Лео, ты дома? – разувшись, я прошла в глубь дома, на кухню.

На кухне никого не оказалось и тогда я поднялась наверх и зашла в комнату оборотня. Он лежал на своей кушетке и читал что-то.

– Привет, а ты почему не в театре? – спросила я.

– Привет! Сегодня решил уйти пораньше, не хотел долго там сидеть, – ответил он. Видимо, оборотень был не в духе.

– У нас гости, кстати. Моя подруга, про которую я тебе рассказывала, Люська. Ее выгнали из общежития, и она к нам попросилась. Пусть поживет пару дней, пока мы ей место не найдем?

– Ух-ты, у нас гости!

Загоревшись идеей накормить кого-то нового, чьих восторгов еще не слышал, оборотень вскочил с кровати. Настроение у него определенно приподнялось.

Глянув в зеркало и поправив косу, Лео пошел соблазнять свою очередную жертву. Мне уже заранее было страшно за него: Люська до мужиков была такой же охотницей, как Дейк

до женщин.

– Люськ, это Леопольд, – я представила девушке, ждущей нас на диване в гостиной в особенно изящной позе.

Девушка медленно встала и подошла к Лео с таким видом, как будто он был привидением и мог в любой момент исчезнуть.

Молча посмотрев на него некоторое время, Люська вдруг протянула руку и потрогал его за грудь, за лицо.

– Живой... надо же, я думала, такие только на картинках бывают! – воскликнула она радостно и ее лицо озарила улыбка. Видно было, что Люська едва сдерживает визг восторга.

– Я совсем живой, можешь быть уверена, – улыбнулся Лео. – Вы чаю, наверное, хотите и проголодались? Я приготовил суп на кокосовом молоке с морепродуктами и специями, сейчас разогрею.

Мы прошли на кухню, где за едой завязалась беседа. Люська сверлила глазами Лео, а тот делал вид, что не обращает внимания, я же молча сочувствовала им обоим. Через пару часов к нам присоединился Арланд, вернувшийся с работы. Его появление вызвало у Люськи не меньший восторг.

Стоило ему войти на кухню, как девушка замолчала на полуслове и уставилась на него, величественно стоящего у входа в своей заснеженной белой накидке с перьями, с медальонами на груди и с таким спокойным и загадочным выражением лица...

– Это и есть твой опекун? – спросила Люська, во все глаза

разглядывая инквизитора.

Арланд выгнул бровь, и девушка тут же вскочила с места, поправила свою зеленую тунику, надетую поверх широких клетчатых шерстяных штанов, и вежливо поздоровалась.

– Здравствуйте, господин инквизитор! – сказала она, не переставая пялиться на Арланда.

– Что происходит? – обретя, наконец, дар речи, «опекун» посмотрел на меня и нахмурился.

– Это моя подруга, Линда! – я встала со своего места и представила нашу соседку по неволе. – И она поживет у нас пару дней или больше. Ее выгнали из общежития.

– Бэйр... – Арланд смирил меня недовольным взглядом, потом покосился на девушку и жестом приказал мне выйти за ним в другую комнату, чтобы нас никто не слышал.

– Ты что, совсем сдурела? – зашипел он, взмахнув руками. – Ты зачем ее сюда притащила!?

– Эй, она всего лишь милая девушка и моя сокурсница, никаких проблем от нее не будет!

– Мне одной ведьмы в моем доме достаточно! – заявил Арланд, включая режим упрямого осла и эгоистичного зануды. – Я не хочу, чтобы здесь шлялись посторонние... Ты вообще когда-нибудь думать начнешь!? Пока она здесь, я даже спать нормально не смогу, мне придется быть вдвое осторожнее! Я не смогу даже слова сказать, даже поговорить с вами, потому что она может услышать что-нибудь не то и ляпнуть об этом где-нибудь! И это не говоря уже о том, что

мы с тобой теперь даже в нашем доме не сможем побыть наедине!

– Я уже решила, что она поживет здесь совсем немного, сейчас, в десять вечера, я уже не могу ее выгнать! – возмущилась я. – А ты прекрати думать только о себе и попытайся проникнуться ситуацией: она совсем одна в чужом городе! Не на улице же ей жить! – я старалась не кричать, чтобы Люська меня не услышала, но у меня это плохо получалось. Уж слишком раздражало поведение Арланда.

– Но почему из-за того, что ее выселили, мы должны страдать!? Пусть сама решает свои проблемы! – огрызнулся он.

– Да никто не будет страдать! Просто попытайся быть проще, ты уже не на работе, так побудь нормальным человеком! Пойдем на кухню, выпьешь чаю, поешь, разговоримся... Ты хуже Леопольда, видят мертвые боги! Даже он с людьми лучше ладит.

– Нет, я не пойду на кухню. Я сейчас без ужина пойду спать и запру дверь, чтобы эта рыжая не вздумала ко мне ломиться! – заявил он, как будто назло мне все это собрался делать. После он развернулся, чтобы идти, но сделал это медленно, давая мне время себя остановить.

– Арланд... – прошипела я, схватив его за руку, пока не ушел. – Или ты идешь на кухню и мило улыбаешься ей весь вечер, или я сделаю так, что ты сам окажешься на улице, понятно!?

– Бэйр, не смей говорить с мной таким тоном!...

– Понятно, я спросила!?! – я со всей силы сжала его руку.

– Понятно... но с тебя причитается.

Поморщившись, Арланд с видом оскорбленного кота развернулся и пошел на кухню, там уселся в самый дальний угол и, назло мне, просидел там весь вечер, не проронив ни слова и с такой рожей, что любой разговор глох в тяжелом воздухе, разлившемся вокруг.

– Да, ты права, опекун у тебя какой-то тронутый, – тихо сказала мне Люська, когда я сидела перед сном в гостиной с ней наедине. – И как ты с ним уживаешься только?

– Сама не знаю... тот еще кадр, – вздохнула я. – Ведет себя как ребенок!

– Ну... зато его брат очень даже ничего, – игриво заметила Люська. – Он просто идеальный, как по мне! Добрый, милый, воспитанный, начитанный, сильный, талантливый, красивый... – она принялась загибать пальцы, а потом схватила подушку и, обняв ее, мечтательно вздохнула: – Хочу за него замуж!... И как ты живешь с таким совершенством!?

– Едва держусь, – тихо засмеялась я. – Ну ладно, я пошла. Спокойной ночи!... Кстати, не заходи, пожалуйста, к нам в комнаты и в ванную, не постучавшись. Арланд будет в бешенстве, если ты случайно заглянешь к нему без стука.

– Шутишь? Что мне вообще от него может понадобится!?!... Я к нему и без всяких предупреждений ни за что не сунусь!

– Хорошо. Утром, как проснешься, иди на кухню и ешь,

что хочешь, я сама потом спущусь, ладно? Даже если я буду опаздывать, не буди меня, иди в академию одна.

– Ладно-ладно, на второй этаж не хожу... – посмотрев на меня с подозрением, Люська улеглась на подушку. – Спокойной ночи, Бэрка.

– Спокойной ночи.

Я поднялась на второй этаж и постучалась к Арланду.

– Открой, чертов параноик, это я, – тихо сказала я, обнаружив, что дверь заперта.

– Кто «я»? – раздалось изнутри.

– Смерть твоя! Открывай, хватит маяться дурью.

Инквизитор пустил меня к себе в комнату. Он уже был готов ко сну и, судя по смятому одеялу, даже лег в кровать.

– Ты уже спал? Прости не хотела тебя будить, – извинившись, я прошла к кровати и села на нее.

– Сегодня опять вместе спим? – он удивленно выгнул бровь. – А как же твоя эта подруга? – по тону я поняла, что он все еще обижается на то, что с ним никто не посоветовался, но уже почти отошел и готов прощать.

– Я предупредила ее, чтоб она не заходила. Если что, поставлю звуковую защиту, – я улыбнулась и села возле Арланда, обняв его за плечи. – Все еще самодурствуешь?

– Ладно, так и быть, – нехотя произнес инквизитор, как будто делая одолжение. – Я разрешаю тебе спать рядом со мной после всего того, что ты устроила. Можешь даже меня поцеловать...

– И все же ты среагировал, как козел, – я выжидающе посмотрела на Арланда. – Извинишься перед ней завтра?

– Нет. Но ты скажи ей, что я наглотался инквизиторских травок, потому вел себя так... – кивнул инквизитор и ложась под одеяло и задергивая балдахин. Я подвесила под потолком светляк, чтобы мы были не в полной темноте, и легла рядом с Арландом. – Скажи, как там с талисманом? Тебе выдали книги?

– Нет... представляешь, эта зараза потребовала у меня документ о том, что я работаю на Орден! – пожаловалась я. – Материалы для опытов я уже заказала, привезут через неделю. Орден оплатит, надеюсь?

– Сколько там?

– До тридцати золотых... – виновато призналась я.

– Не так много, – прикинул Арланд. – Но если Орден будет тебя спонсировать, то тебе придется работать в его главном здании и носить форму, имей это ввиду.

– Не особо горю желанием, если честно...

– Ладно, я заплачу. До того, как Орден выдаст мне плату за месяц, нам и двадцати золотых вполне хватит.

– Я верну тебе, когда смогу работать, – пообещала я, чувствуя себя полной транжирой. Приходилось чуть ли не каждую неделю просить у Арланда денег на крупные траты, и, хотя лично для себя я ничего не покупала, все равно было неудобно.

– Не говори глупостей, не надо ничего возвращать. Мы же

почти семья, у нас все общее, – успокоил меня инквизитор, обняв за плечи. Чем дольше мы лежали вместе, тем мягче и добрее он становился. – Тем более, мне приятно знать, что наконец-то я хоть что-то могу для тебя сделать. Обеспечить тебе учебу и наладить твои отношения с Орденом, чтобы он взял тебя под свою защиту, – моя прямая обязанность. Случись что со мной, ты должна быть в безопасности. С дипломом и под защитой белых сов так оно и будет.

– Заткнись! Заикнись мне еще про это... ничего с тобой не случится, – я слабо ударила Арланда в грудь, а потом прижалась к нему, уткнувшись лицом шею.

– Я тоже надеюсь на то, что со мной ничего не случится. Теперь, когда в жизни появилось столько всего, попадать к монахам из Черных Куполов совсем не хочется, – ответил инквизитор, зарываясь носом в мои волосы. – Отыскать бы какого-нибудь дракона и отправиться в твой мир, где мы сможем зажить спокойно и нам не о чем будет волноваться... – прошептал он. – Может, когда я точно буду знать, что никто не сдаст меня монахам из Церкви, мне будет легче общаться с людьми.

– Мне остается надеется только на это... ты ведь совершенно невыносим со своей фобией!

– И все же ты пока рядом со мной и моей фобией, – довольно зевнул Арланд.

– Не обольщайся, – буркнула я.

– Того и гляди, замуж за меня пойдешь...

– Очень смешно!

Помирившись, мы быстро засыпали, прижимаясь друг к другу, и я чуть не забыла важное.

– Слушай, тут такое дело... На юго-западной окраине города есть заброшенный особняк, в этом особняке живут темные маги с нездоровыми наклонностями.

– Намек понят. Завтра же разберусь с этим, – ответил Арланд.

Утром нас разбудил Леопольд. Они с Люськой уже завтракали, когда мы спустились вниз. Чтобы девушка ничего не заподозрила, сначала на кухню пошел Арланд, а я только через пять минут.

После завтрака инквизитор вручил мне необходимые бумаги с подписями, и я вместе с Люськой отправилась в академию. Я зашла в библиотеку до начала занятий и забрала все запрошенные книги. Все лекции я без зазрения совести сидела с полученными книгами и разбирала необходимые мне темы, вынося все заметки в бесконечную тетрадь Маггорта. Пару раз преподаватели меня заметили и попытались отобрать тетрадку, но мне удалось убедить их не делать этого. Чтобы меня дальше не донимали с моими внеучебными исследованиями, я ушла из академии пораньше.

Дома я немедля спустилась в кабинет. Когда я пришла, там уже сидел полусонный Арланд, разбирающий очередное свидетельство о смерти или о вселении духа.

– Ух-ты... ты рано сегодня! – удивленно заметила я, про-

ходя к своему столу. – Не ожидала застать тебя дома.

– Я непредсказуем, – самодовольно фыркнул Арланд. Настроение у него, видим, было хорошее. – А сама почему так рано?

– Эммм... занятия отменили.

– Еще раз прогуляешь, и я посажу тебя под арест! – строго посмотрел на меня инквизитор.

– Эй, хватит сроить из себя родителя!

– Я говорю серьезно, Бэйр, – ответил он. – Сегодня я наведалься в тот особняк, нашел пятеро темных магов, сейчас они в Ордене. Ты знаешь, что в этом особняке в подвале были бумаги розыска с твоими портретами и еще множество всяких газетных заметок с твоими приключениями?

– В самом деле? – удивленно спросила я, оторвавшись от своих расчетов. – У меня что, теперь собственный клуб поклонников? И зачем я им понадобилась, ты не узнал?

– Кажется, дело было в твоей левой руке, – он кивнул на конечность, спрятанную в перчатке Маггорта. – Они хотели узнать, что это и как оно работает.

– Вот странно, раньше я их никогда не видела! Думаешь, это серьезно?

– Не знаю, что и думать, – вздохнул Арланд. – Эти пятеро явно не шибко одаренные, но то, что они за тобой следили – факт. Надеюсь, это не потому, что ты опять куда-то полезла без моего ведома... Ты ведь не колдовала своей левой где-нибудь, где тебя могли видеть остальные маги? – уставился

в меня подозревающим взглядом.

– Только в академии, и очень редко, – уклончиво ответила я, избегая проницательного взгляда инквизитора.

– Бэйр, ты ведь не станешь мне врать? Я все равно узнаю, – сурово сказал он, уставившись в свои бумаги. – Второй раз спрашиваю, куда ты опять сунулась?

– Ну... – врать ему было бесполезно! В Ордене их как будто специально учат говорить таким жутким тоном, что со страху все выкладываешь! И никакие пытки не нужны. – Зато у меня есть тридцать золотых, которыми я смогу оплатить ингредиенты и инструменты для создания талисмана... Я просто немного продавала свои зелья!

– И где же ты их продавала? – спросил он, тяжело вздохнув. От одного этого вздоха я сжалась, как нашкодивший ребенок.

– В одном месте, где собираются многие маги... туда все из академии ходят!

– На днях я туда наведаюсь и проверю, чем ты торгуешь, – пообещал он. – И, видят боги, увижу что-нибудь запрещенное!...

– Я не продавала ничего запрещенного, просто косметику для женщин и животных, а еще некоторые лекарственные снадобья! Честное слово!

– Я верю тебе, но туда все равно наведаюсь. «Черная вдова», так ведь?

– Да...

– Что ж, это не самое худшее. Завтра просмотрю список предлагаемых тобой товаров, и скажу, с чем тебе стоит прекратить. И, как ты понимаешь, варить свои зелья ты должна только дома, ясно? Незачем тебе щеголять перед магами своей силой, неизвестно, чем это может закончиться. Пока будем надеяться, что эти пятеро просто перекурили.

– Конечно, – кивнула я, почувствовав, как буря потихоньку рассеивается.

– А еще лучше будет, если я устрою тебя работать в Ордене. Ты любишь изобретать, а им всегда нужны хорошие амулеты и талисманы.

– Эй, я конечно, понимаю и ценю твою заботу, но не надо до такой степени меня ограничивать! – возмутилась я. – Я буду работать, как любая свободная ведьма.

– Тебя опекают белые совы, о какой свободе ты говоришь? – он недоуменно посмотрел на меня, оторвавшись от бумаг. – А я предлагаю тебе прекрасную возможность, лишь немногие маги удостоятся такой чести... Впрочем, сначала закончи академию, а потом посмотрим.

На этом и закончили. Разбежавшись каждый в свой угол, мы взялись за работу, давая неприятному разговору развеяться.

Мы мирно трудились до тех пор, пока в наш спокойный безмолвный мир не ворвалась Люська. Колдунья сидела какое-то время за уроками наверху, а потом заскучала и, поскольку Леопольда дома еще не было, решила посидеть в ка-

бинете вместе со мной.

– У меня важное дело, Люськ, не мешай... тут вычисления такие, что голову сломаешь, не до тебя! – отмахнулась я, когда подруга попыталась подлезть к мне с разговором о Чиж, который сегодня был очень уж мрачен, никак от всепоглощающей ревности: одна птичка напела ему на ушко, что я ушла пораньше совсем не из-за важных дел, а на самое настоящее свидание.

– Кто этот Чиж? – невзначай поинтересовался Арланд, не вынимая носа из своего досье.

– А вы разве не знаете? – Люська округлила глаза и под села к столу инквизитора. – Это же маг, который сохнет по Бэйр!

– Бэйр, кто этот маг, который по тебе сохнет? – спросил инквизитор голосом, звенящим от спокойствия.

– Никто. Он не в моих интересах, – ответила я, улыбнувшись, затем заставила себя вновь окунуться в мир сил и векторов...

– Ага, – поддакнула Люська, качаясь на кресле-качалке. – Он может сколько угодно бегать за Бэйр, но вряд ли ему что-нибудь перепадет. У нее ведь есть кое-кто куда менее робкий и скромный...

Арланд довольно качнул ногой под столом.

– Я уверена, это какой-нибудь гениальный маг! Это к нему Бэйр сбежала с занятий, думаю, – продолжила Люська, и Арланд нахмурился. – Вы не знаете, кто этот ее таинственный

любовник? Вся академия гадает!

– Понятия не имею, – ответил инквизитор, скользя взглядом по бумагам и делая вид, что ему не интересен этот разговор.

– Я думаю, его надо искать вне академии: там все для Бэйр скучные. Ее мужчина это, как говорит ее гороскоп, экстравагантный, умный и способный на нестандартное мышление колдун, – со знанием дела сказала Люська.

Арланд разозлился и тряхнул досье в руках, якобы чтобы оно лучше держалось в раскрытом виде.

– Люськ, ему это не интересно, – заметила я, пытаясь остановить болтливую девицу. Не дайте боги она скажет ему про свои подозрения насчет Райнара! Плакали тогда мои големы.

– Нет, почему же? Я же твой опекун, мне нужно знать, кого изувечить в случае чего, – ответил Арланд.

– Ах, вы хоть и странный, но свое дело знаете, – вздохнула Люська. – Бэйр так много всего хорошего о вас рассказывала, что и я уже начинаю подумывать о том, чтобы тоже завести себе опекуна-инквизитора...

Арланд улыбнулся.

– Лучше не пробуй, это большая редкость, когда инквизитор соглашается отягощать себя кем-либо, – важно заметил он.

– А вы как же решились? – Люська загорелась любопытством и от воодушевления принялась так сильно раскачиваться в кресле, что чуть не упала. – Тоже попали под все-

могущее обаяние Бэйр?

Инквизитор взглянул на меня и улыбнулся краем рта.

– Можно и так сказать, – ответил он.

Вскоре в доме раздался звон дверного колокольчика: вернулся Леопольд. Почувяв куда более дружелюбного собеседника, Люська взметнулась с места и побежала встречать оборотня.

– Экстравагантный умный маг с нестандартным мышлением? – хмыкнул Арланд, когда дверь в подвал захлопнулась за спиной девушки.

– Только не начинай, Арланд, – я подняла руки вверх в знак мира. – Я всю жизнь только и мечтала, что о святоше вроде тебя, какие вообще маги?...

– Хорошо, – услышав то, что хотел, инквизитор решил сменить тему: – Ммм... Как там твоя работа? Есть успехи?

– Первый день страдаю, а ты уже про успехи спрашиваешь! – фыркнула я и показала ему лист, исчирканный формулами. – У меня голова кипит. Примерная модель талисманна есть, но в деталях все очень сложно, не уверена, что смогу сделать все до сегодняшнего вечера... и до вечера ровно через неделю тоже. Есть огромное количество информации, которую мне нужно перелопатить.

– Тогда не буду тебя отвлекать... мой маленький маг с нестандартным мышлением, – ласково фыркнул инквизитор.

Через несколько минут в подвал вошел Леопольд и объ-

явил о том, что за Арландом пришел посыльный из Ордена. Туда доставили свеженького одержимого, и нужен экзорцист.

Инквизитор, закатив глаза, встал и отправился работать, а я осталась наедине со своими формулами.

Просидев до восьми часов вечера, я, шатаясь, выползла из кабинета в гостиную, откуда доползла до кухни.

– Еды... – умоляюще посмотрев на Лео, который гонял чай на пару с Люськой, я грохнулась за стол.

– Яблочный пирог, говядина с клюквенным соусом, вареная кукуруза, салат? – спросил он.

– Все!

– Ты плохо выглядишь, – заметила Люська. – Переработала.

– Есть немного... – кивнула я и плавно опустила голову на сложенные на столе руки.

Снова прозвенел дверной колокольчик.

– Это, наверное, твой опекун вернулся, – решила Люська и побежала открывать.

– Поздно он, – заметила я. – Я думала, он уже пришел.

– Нет, он предупредил, что будет только ночью, – покачал головой Лео. – Может, опять какой-нибудь торговец?

– Бэйр! – на кухню вбежала испуганная Люська. – Бэйр, там какой-то странный мужик, говорит, что тебя знает!... Он там полуголый, в одном старом грязном одеяле!

– Понятия, не имею, кто это... – простонала я. – Что же

это я всем так внезапно понадобилась за последние дни!?

– У него язык заплетается и ноги его едва держат. Кажется, он очень болен, – заметила девушка.

Мы с Лео пошли к входной двери, проверять, что же это за бомж такой, который меня знает.

– Люциус!?! – воскликнула я, увидев на пороге скрючившегося и дрожащего мага. Вся его шея была залита кровью: похоже, он выдрал себе серьгу! – Ты как тут оказался?

– У меня воспаление легких... мне нужно в дом, – прохрипел чародей и зашелся страшным кашлем.

Я помогла магу пройти внутрь и усадила его на диван в гостиной, Лео побежал за чистой одеждой, теплыми одеялами и бинтами.

– Как ты... добрался сюда? – спросила я у мага, стараясь не выдать его происхождение Люське, которая глаз не сводила с нового знакомого.

– Ты вчера продержала меня на улице несколько часов!... – Люциус согнулся в кашле снова. – Могла бы хотя бы зайти, проведать меня!...

– Прости, я совершенно замоталась, у меня работа и...

– Я – твоя самая главная работа! – возмутился чародей, садясь на диване. – Я тебе не скотина безмозглая, я человек, доверивший тебе свою жизнь и здоровье!

– Ты останешься в доме, пока не поправишься, – пообещала я.

– Вот одежда, там еще ванна набирается горячая, – в го-

стиную спустился Лео со сопкой вещей. – Дойти сможешь, или у тебя опять отходняк?

– Нет, помогите мне. Ноги пока плохо слушаются, – важно ответил чародей и, держась за мое плечо, встал.

Мы с Леопольдом отвели его в ванну и, награв там воду, стали ждать, пока он отогревался и мылся за ширмой

– Горячая вода! Я уже забыл, что это такое! – блаженно урчал Люциус, плескаясь. – Мне нравится красная мочалка, чья она?

– Моя. Бери. Можешь еще взять шампунь – это синеватая жидкость в прозрачной бутылке, и мыло, оно светло-зеленое.

– Приятно пахнет... не то что та гадость, в которой ты меня обычно моешь! – ответил Люциус, шумно вдыхая запах из бутылки. – Ж-ж-живодерка!

– Я покупаю тебе дорожущее мыло для лошадей, чтобы твоя шерсть была здоровой и блестящей! Живешь, как король, я тебя даже в стойле не запираю, ты гуляешь по всему городу, когда захочешь, так что жаловаться тебе не на что, – грозно ответила я.

– Ладно... я просто устал молчать, так что, если не хочешь, чтобы я жаловался, поговори со мной о чем-нибудь. Расскажи, что вы все тут делаете, – попросил он, обильно намыливаясь. Эх, весь шампунь сейчас потратит, гад...

– Нет, это ты расскажи, как ты снял кольцо с уха! – перебила его я.

– Как-как... в ветку дерева продел и стянул.

– Отдай его мне, Люциус.

– Ага, вот прямо сейчас и отдал! – фыркнул чародей. – Я оставляю его у себя, пока ты не снимешься с места. Я твоя лошадь, пока ты путешествуешь, но пока ты во мне не нуждаешься, я хочу быть человеком, ясно?

– Рэмол найдет тебя прикончит, – напомнила я. – Этого хочешь?

– Я родился человеком и никакой даже самый блаженный серафим не имеет права превращать меня в существо совершенно другого вида!

– Люциус, ты неадекватен, тебе нельзя быть человеком! К тому же, где я тебя поселю? Что скажу Арланду? Нет, это даже не обсуждается, сейчас ты вымоешься, поешь, отдохнешь, потом наденешь кольцо на ухо и вернешься в сарай! Я вызову лучшего ветеринара в городе, утеплю твое жилище, куплю более теплую попону, буду за тобой ухаживать, но никак иначе!

– Нет! Ты поселишь меня в своей комнате, скажешь инквизитору, что я твой друг из академии, и дашь мне место под лабораторию, чтобы я мог продолжить свои опыты! Опыты! Я один из талантливейших магов столетия, а вынужден жрать овес и тупеть в стойле! – он с досады хлопнул рукой по воде и разбрызгал ее на пол. – Что до моей адекватности, то, да, до тебя и твоих дружков мне конечно же далеко! У меня нет галлюцинаций, не ору демоническим матом и даже не жру сырых мышей!

– Лео не ест сырых мышей!

Оборотень пристыженно опустил глаза в пол.

– При тебе конечно же не ест! К нам в сарай заходит, превращается в кота и устраивает там кровавые бойни!

– Даже если так, то это не делает тебя менее опасным для общества, – строго заметила я. – Ты одержим вредительством!

– Я не одержим, я просто шутил над вами, – недовольно фыркнул Люциус. – Да, в прошлом я совершил много великих злодейств, но сейчас, когда рядом со мной инквизитор и я под надзором серафима, что я могу такого сделать? Только и осталось мне, что вытворять время от времени невинные пакости!

– Люциус, это не обсуждается...

– Нет! Я не дам тебе засадить меня обратно в лошадиное тело, ясно!? – взвизгнул маг и попытался встать в ванной, но упал обратно, разбрызгал еще больше воды и чуть не захлебнулся. Я уж думала бежать на помощь, когда снова раздался его голос: – Я что угодно сделаю, хоть академию за тебя закончу, только не смей снова делать из меня лошадь!

Его предложение было настолько неожиданным и привлекательным, что я даже не сразу ответила, всерьез задумавшись над ним.

– Так идет? Я научу тебя мета-магии, буду выполнять за тебя домашнюю работу из академии, а ты сделаешь так, чтобы я жил в этом доме человеком, и никто не знал о том, что

я был лошадыю!

– Я знаю! – напомнил Леопольд. – Бэйр?

– ...А вот инквизитору и остальным соври что-нибудь! Я не хочу, чтобы на меня смотрели, как на животное, ясно!?

– Я не стану врать из-за тебя Арланду, – отрезала я. – Остальным говори, что хочешь.

– Значит, я остаюсь?... – спросил Люциус голосом, в котором уже не было привычной истеричности, только нотка недоумения, как будто он сам пока не верил в то, что у него получилось добиться своего.

– Бэйр, это плохая идея! – сказал Леопольд. – Ты помнишь, что было в прошлый раз? Он не очень-то похож на больного, на самом деле!...

Под взглядом Лео это решение далось мне еще тяжелее, но отказываться от своих слов я не стала. Мне было искренне жаль колдуна, и... в крайнем случае, Арланд с ним справится.

– Да, ты остаешься... до поры до времени, – я встала со своего стула и направилась к двери, ведущей из ванной. – Я жду тебя на кухне. Нож для бритья и ножницы в тумбочке, твоя одежда сложена на корзине для грязного белья, приведи себя в порядок: у нас гости.

– Хочешь, чтобы я брился, не чувствуя пальцев?... Наверняка ты просто хочешь, чтобы я порезал себе горло!

– Просто мечтаю об этом, – я закрыла за нами с Лео дверь.

Люська ждала нас на кухне, на столе уже стояли тарелки

с ужином.

– Он скоро спустится, – сказала я, садясь на свое место.

– Кто он? – Спросила Люська, которая вопреки своему обыкновению даже не улыбалась: проклятый маг совсем перепугал ее.

– Его зовут Люциус, он маг. Он будет помогать мне по работе, – ответила я. – Он болен, ему нужно поправится. До тех пор, пока не выздоровеет, побудет с нами, – невозмутимо ответила я.

– А Рэмол? Демонтин? – встрял Леопольд. – Ты совершаешь ошибку! Они ясно дали понять, что не хотят видеть Люциуса... Люциусом.

– Они не могут убить его за то, что он простудился! И хватит об этом.

– Я все еще здесь и все слышу! – напомнила Люська, помахав рукой. – Кто этот Рэмол? И не тот ли это Демонтин, чей дневник ты брала из библиотеки? О чем вы оба вообще говорите!?! Это ведь клички, это не те самые?...

– Обо мне, полагаю! – на кухню вошел Люциус. Это было настоящее явление... Таким колдуна еще никто не видел.

Он зачесал коротко подстриженные блестящие после ванны волосы назад и сбрил свою густую бороду. Кроме того, он был одет в темно-фиолетовый махровый халат Лео, который ему шел даже больше, чем оборотню, и вокруг шеи колдуна был обмотан дорогой шерстяной шарф.

– Это моя одежда! – вспыхнул оборотень и даже привстал

из-за стола. – Я не разрешал тебе брать мой халат!

– Вместо этого ты дал мне жалкие обноски. Очень гостеприимно, – фыркнул Люциус с видом оскорбленного графа и уселся к моей тарелке с мясом. – А кто это рыжее недоразумение? – он ткнул вилкой в сторону Люськи.

– Линда, вообще-то, – поправила девушка, растекаясь по столу медовой лужей. Рыжий, маг, да еще и такой впечатляющий... мне уже было жалко Люциуса. – Может, расскажете о себе? Никто из них, – она кивнула на нас с Леопольдом, – так и не сказал ничего дельного. Я не знаю, что и думать о вас и вашем странном появлении!

– Обо мне?... Да что эти два невежливых олуха могут рассказать обо мне!? – в голосе Люциуса было столько пафоса и гордыни, что можно было подумать, будто он сам Цезарь, чьи достоинства и таланты еще не перечислили недогадливые слуги, внезапно забывшие целые поэмы, специально сочиненные на случай нового знакомства. – Они же ничего не знают обо мне, хотя мы больше года путешествуем вместе. Например то, что я родился и вырос в этом городе – для них новость. Видишь глаза Бэйр? А Леопольда? Да-да, я даже закончил ту самую академию, в который вы сейчас учитесь. И снова они удивлены... они ничерта обо мне не знают!

– Ты вырос в Трехполье? – переспросила я, не веря своим ушам. То, что у того чокнутого вообще когда-то было детство, родители, и юность... это сложно было представить.

– Бэйр ничего не говорила о вас, – сказала Люська. – Я

думала, они путешествовали только втроем.

– Им хватает наглости такое заявлять, – фыркнул колдун.

– Наглости? – Леопольд изогнул изящную серую бровь и недовольно посмотрел на Люциуса. Под взглядом оборотня колдун стушевался: он еще помнил те кастрюли.

– К черту это все, я хочу добавки, не отвлекайте меня, – царственно отмахнувшись от Линды, Люциус встал и, величественно заправив халат, пошел накладывать себе еще мяса.

– Оставь два куска Арланду, а не то он тебя прибьет: он обожает мясо в клюквенном соусе, – замети Лео.

Люциус, к моему облегчению, заткнулся на целый вечер. Постепенно Лео и Линда продолжили свой прежний разговор об образовании и его необходимости. Оборотень утверждал, что по-настоящему тянущимся к знаниям учителя не нужны, так что академии и университеты – совершенно бесполезные предприятия, Люська же восхваляла прекрасную студенческую жизнь и настаивала на то, что академии необходимы для заведения знакомств.

Я посидела немного с ними, а потом взяла Люциуса под локоток и отвела в свою комнату спать, заранее объяснив, что он может делать, а чего нет. Когда колдун торжественно поклялся не портить мои вещи и не будить всех рано утром, я смогла с более-менее спокойной душой переселиться в комнату Арланда.

Сказался день напряженной работы: уснула я очень быст-

ро, так и не дождавшись инквизитора.

Проснувшись поздно утром, я прислушалась к грохоту, доносившемуся из умывальной. Видимо, этот шум меня и разбудил.

Когда я вошла внутрь, увидела, что Арланд, еще не сменивший свою ночную экипировку на дневную, безуспешно пытается расставить обратно на полку все свалившиеся с нее банки-склянки-бутылки, которые вместе со мной перекочевали к нему в умывальную.

– Слонишь с утра пораньше? – зевнула я, опершись плечом на дверной косяк.

– Слоню... – хмыкнул в ответ Арланд. – Запутался ногами в твоем полотенце, которое ты кинула на полу, стал падать, схватился за полку... вот, – он указал на раскатившиеся по полу бутылки. К счастью, ни одна из них не разбилась. А почему это все в моей комнате?... Я, конечно, не против...

– Я не заметила, как ты вчера пришел, – я зевнула еще раз и стала помогать ему собирать упавшие склянки. – Поздно вернулся?

– Нет, не очень. Лео и твоя подруга еще сидели на кухне, сказали, что ты спать пошла всего час назад... я надеялся поговорить с тобой, но ты уже уснула.

– Я вчера так замучалась с этим талисманом... просто кошмар какой-то! На практике все оказалось гораздо тяжелее, чем я ожидала, – пожаловалась я, сонно потирая лицо.

– Но ты ведь справишься? – спросил Арланд, тем не ме-

нее не сомневаясь в ответе. Он подошел к раковине и стал умываться.

– Да, я знаю, что и как делать, просто эти вычисления убивают меня, – горько вздохнув, я уселась на тумбочку возле раковины и схватила зубную щетку. – Что-нибудь напутаю, вектор не рассчитаю, и мой талисман будет высасывать душу, а не защищать ее... Это все не так просто, – я замолчала, поковыряв ей в баночке с зубным порошком и засунув в рот.

– Может, сходим сегодня вместе на рынок? – предложил Арланд, мастерски выбривая лицо остро заточенным кинжалом. Как и у братьев-демонов, у него были свои приколы со странной расцветкой: при белесых волосах угольно черные брови и борода. Чтобы не вызывать подозрений, Арланд брился начисто каждый день, а иногда даже дважды, что бы в Ордене ни волоска не увидели. – Сегодня ведь праздник встречи Нового года. Я слышал, в Трехполье в честь такого события проводится фестиваль, люди до утра гуляют по улицам города, на главной площади устраивается ярмарка с соревнованиями и конкурсами, дети ходят разряженными толпами по домам, поют песни и получают за это сладости от прохожих, – он замолчал, смывая пену с лица и шумно фыркая. – Надо бы закупиться всем необходимым, Лео наверняка захочет приготовить что-нибудь особенное... к тому же я хочу сделать тебе какой-нибудь подарок на праздник, ты выберешь, что тебе хочется.

– Хочешь сделать мне подарок? – я удивилась. Хотя Ар-

ланд никогда не отличался скупостью и всегда покупал для меня самое лучшее, стоило мне только заикнуться о чем-то, я никак не могла привыкнуть к такому вниманию.

– Да, – ответил инквизитор, вытершись полотенцем. – Вчера мне выдали зарплату в Ордене... она оказалась куда больше, чем обычно, – гордо сказал он. – Премия, наверное.

– Сколько же? – Арланду определенно хотелось похвастаться, и я решила дать ему эту возможность.

– Две тысячи золотых! – довольно рассказал Арланд.

– Ничерта себе! – присвистнула я. – Но мы оба знаем, что ты того стоишь! Конечно, город не хочет терять такое сокровище, как ты, – улыбнувшись, я крепко обняла довольного инквизитора. – Где они еще смогут найти такого умницу?

– Представляешь как выходит?... – продолжил Арланд. – Я думал, что мне время от времени придется брать денег у семьи, а вышло, что я им еще и помогаю! Половину заработка я уже перевел Сеймурам, а остального нам вполне хватит на то, чтобы ни в чем себе не отказывать.

– Ты молодец, им наверняка сейчас не просто, после ослабления Хранителя и при таких обстоятельствах... Кстати, как там племенник? Они уже определили, к какой сфере он склонен? В последнем письме опять ничего про это не было!

– Ганс совсем маленький, – напомнил Арланд. – Не все маги с рождения мечут искры, его асимметрия наверняка еще едва заметна.

– Сколько месяцев прошло?... – я прикинула в уме. – Твоему племяшке скоро год! А вдруг он духовидец, как ты?

– Ты так волнуешься, как будто это твой племянник ... – усмехнулся инквизитор.

– Ну... Меня очень многое связывает с твоей семьей, это ведь благодаря нам с Дейком все так обернулось, так что мне интересна их дальнейшая судьба... Как думаешь, он рыжий вырастет или, как все Сеймуры, беловолосый? Почему не присылают его портрет?

– Надеюсь, беловолосый, – довольно ответил Арланд, мечтательно смотря куда-то в даль и не выпуская меня из рук. – Мне приятно, что ты так относишься к моей семье... я думал, ты считаешь их чопорными графьями и недолюбливаешь.

– Вовсе нет!

– Это хорошо, потому что...

– Потому что я не забываю своих клиентов и в будущем обещаю им скидки, – усмехнулась я, не давая ему сказать какой-нибудь глупости.

Тут дверь в умывальную с грохотом распахнулась.

– Белобрысый, у тебя бритва есть? – бесцеремонно спросил Люциус.

Колдун был во вчерашнем фиолетовом халате. Жесткая щетина, отросшая за ночь, портила всю его эспаньолку.

Арланд уставился на него ошалевшими глазами. Он так растерялся, что не знал, как реагировать.

– Бритва есть, спрашиваю? – колдун помахал перед глазами Арланда рукой. – Или нож хорошо заточенный?

– Кто ты такой!?! – наконец очнулся инквизитор, и нож, лежащий на тумбочке, мгновенно оказался в его руке.

– Арланд, стой! Это то самое, о чем я не успела тебе рассказать! Он... в общем, он имеет полное право здесь находиться, – я встала между ним и чародеем на тот случай, если инквизитор не послушает меня и набросится на Люциуса.

– Объясняй и побыстрее, пожалуйста, – Арланд не сводил взгляда с колдуна и крепче сжав в руки кинжал.

Счастье Люциуса, что инквизитор из-за паранойи даже в ванной ходит в перчатках, если бы колдун увидел татуировки, никакие объяснения бы его уже не спасли.

– Помнишь, ты постоянно спрашивал, что не так с моим конем? – осторожно начала я.

– С Чертом? Какое это имеет отношение к тому, что незнакомый человек в халате Леопольда врывается к нам в комнату с утра пораньше!?

– Прямое, Арланд, Черт на самом деле не конь! Это был заколдованный колдун. Сейчас он заболел и попросился немного побыть в доме, полечиться.

– Что!?! – инквизитор ожидал чего угодно, но не такого нелепого оправдания. – Ты правда думаешь, что я в это поверю!?

– У тебя нет выбора, иначе тебе придется держать в доме не коня Бэйр, а ее брата, – произнес Люциус, насмешливо

опустив глаза на пояс инквизитора. – У брата будет больше прав, чем у коня, так? Если я скажу, что я брат Бэйр, то смогу не платить за проживание, всячески вам надоедать и даже требовать с тебя денег за то, что ты домогаешься до моей сестры... – кивнул на мою рубашку. – Так ты дашь мне этот нож? – глаза колдуна перескочили на серебристое изогнутое лезвие.

– Он твой брат? – Арланд совсем запутался и вопросительно посмотрел на меня.

– Нет, он мой конь. Это Черт, просто в облики человека. Его зовут Люциус.

– Как человек стал конем? И наоборот? – судя по глазам инквизитора, его рассудок с трудом принимает наши объяснения. Возможно, он уже думает, что это очередное видение, насланное призраками.

– Люциус – сумасшедший колдун, – стала объяснять я. – Лет двенадцать назад он совершил какое-то страшное преступление, связанное с единорогами, и за это Рэмол превратил его в лошадь, чтобы тот вдоволь пострадал будучи безвольным животным. Превратив Люциуса в лошадь, серафим продал его первому встречному. Так случилось, что Дейк, когда крал лошадей для себя и меня, случайно украл именно Черта. Когда мы пришли к Демонтину и его брату, Люциус взбесился и Рэмолу пришлось превратить его обратно в человека и лишить магии, чтобы он никого не убил. Так я узнала, кто Черт на самом деле, и мы с ним познакомились.

Когда я и Леопольд ушли из усадьбы, Рэмол дал мне серьгу, которая превращает Люциуса в лошадь. Если ее снять, Люциус становится человеком. Серьгу он вчера стянул с помощью ветки дерева и стал человеком. Он заболел, попросился погреться в доме. Я ему разрешила.

– Так... – что-то светлое мелькнуло в глазах Арланда. Кажется, до него начал доходить тот фантастический бред, который я пыталась ему объяснить. – Значит ты – конь Бэйр? – инквизитор вопросительно уставился на Люциуса.

– Да. И твою кобылу я, между прочим, не трогал! – выдал колдун с обиженным видом. – А ты на мою ведьму покушаешься! Где справедливость?

– Беладонну?...

– Арланд, ты сегодня тугодум. Дай ему нож, пускай свалит отсюда и побреется.

– И да, – получив нож, Люциус довольно его осмотрел, и, продолжая глядеть на него, заговорил с нами. – Я не советовал бы вам заниматься тем, чем вы обычно по утрам занимаетесь: все уже проснулись и ждут вас к завтраку.

– Иди вон, Люциус! – я толкнула его в сторону двери.

– Значит, твоя лошадь человек и теперь он будет жить с нами? – недовольно нахмурился Арланд, когда в комнате снова стало пусто.

– В моей комнате, – кивнула я. – Он обещал вести себя прилично, я за него ручаюсь.

– Насчет него... мне нужно подумать. Но Линда долж-

на уехать. Прости, но я не хочу, чтобы в нашем доме было столько народу.

– Будем гулять по рынку, найдем ей квартиру, – кивнула я. Мне и самой не хотелось, чтобы Люська общалась с Люциусом, с чародея станется однажды не выдержать и разболтать ей все о нас.

Одевшись в домашнюю юбку и свитер, я спустилась вниз, на кухню.

Лео, в шелковой сизой блузе и черных штанах, в сером дорогом фартуке и с замысловатой тяжелой косицей стоял у плиты и заканчивал восхитительный шоколадный десерт с ванильным кремом – наш завтрак. Подглядев за поварами в кондитерской, Лео научился делать все невероятно быстро, он одновременно двумя руками выполнял разные действия и поэтому за одно утро умудрялся приготовить всего на целый день. Но сегодня, судя по запахам, он решил готовить только завтрак.

Люська сидела за столом и не знала, на кого смотреть, на прекрасного талантливового повара или на рыжего мага, читающего утреннюю газету с таким интеллигентным аристократическим видом, который даже Сеймурам не снился.

Люциус – вполне себе копия Истэки Демонтина. Оба гениальные маги, оба рыжие, оба тяготеют к сдержанной роскоши... как они вообще могли не подружиться до тех пор, пока Люциус не натворил чего-то там?

Впрочем, если Демонтин переставал казаться адекватным

только при более близком знакомстве, то Люциус... Иногда его движения становились судорожными, глаза резко начинали бегать, руки – трястись, речь из спокойной и уверенной нередко прерывалась невнятными, как будто испуганными бормотаниями. Всем сразу становилось ясно, что маг немного не в себе.

Вскоре на кухню спустился Арланд, раздраженный, но, в общем и целом, в мирном расположении духа. За завтраком было решено всем вместе идти на рынок за продуктами, украшениями, подарками, сладостям и прочими сопровождающими праздника.

Идея была одобрена, Леопольд тут же поскакал в свою комнату за кулинарной книгой (ее написал какой-то финийский повар, перед которым оборотень преклонялся, как перед богом, к тому же это был единственный кулинар, чье превосходство Лео готов был признать). На совете мы решили, что именно будет у нас в качестве праздничного ужина, и составили примерный список покупок.

Впрочем, праздничное настроение Люське Арланд все-таки подпортил, он дал понять, что она съедет от нас сегодня же и посоветовал заранее собрать вещи перед уходом. Мягкостью инквизитор никогда не отличался, поэтому девушка, кажется, сильно обиделась, хотя и старалась не подавать виду. Я пыталась извиниться перед ней, и она вроде сказала, что все понимает, но я видела, что она очень расстроена.

Собравшись и одевшись, мы всей веселой компанией от-

правились на рынок. Он находился в двух кварталах от нашего дома и до него нужно было идти по улицам. Люциус, который, как оказалось, в самом деле провел почти всю жизнь до превращения в лошадь в этом городе, постоянно забегал вперед и любовался памятниками, какими-нибудь старыми лавками, магазинчиками, которые помнил, и упоенно рассказывал нам, где тут что было, когда он еще жил тут.

– А как давно это было? – спросила Люська, шедшая между мной и Люциусом, ссутулившись и засунув руки в широкие карманы зеленого пальто. – Точнее, сколько вам лет?

– Сколько мне лет? – Люциус мигнул светло-кариими глазами в темную крапинку, сделав совершенно тупое лицо. Будучи лошадью, он постоянно так делал, когда нужно было изобразить ничего не понимающую скотину, чтобы от него отстали. Привычка, видимо.

– Да. Сколько? – повторила вопрос Люська. – Мне вот двадцать.

– Мне... – маг серьезно задумался и начал считать по пальцам. Глаза его округлись, когда он нашел нужное число. – Скажем так, в вашей академии меня вряд ли кто-то помнит.

– Значит, больше ста? – уточнила девушка.

– А вот и не скажу!... – правый глаз Люциуса задергался, и маг поспешил отвернуться, сделав вид, что внимательно рассматривает очередной магазинчик.

Мы дошли до рынка и почти сразу же разделились.

Лео убежал за продуктами, махнув нам на прощание темно-фиолетовым бантом над кокетливо закрученной кисточкой длинной косы.

Арланд, сунув мне в руки кошелек и незаметно чмокнув в щеку, побежал за ним, распугав всю рыночную площадь. Если человек в мантии инквизитора куда-то быстро бежит, значит, нет сомнений, он бежит за кем-то, и остается только надеяться на то, что не за тобой.

Люська неожиданно встретила старого приятеля и умчалась к нему, так как мы ей, видимо, за пару дней наскучили.

Остались только я и Люциус.

Темная сторона города

Люциус мерзляво поджимал ногу в старом Леопольдовском сапоге, который был велик магу на несколько размеров.

– Пошли купим мне одежду, и тебе что-нибудь попримечнее присмотрим, – предложил он. – Середина зимы, а ты все в осеннем ходишь!

Пожав плечами, я пошла за ним, лениво высматривая на прилавках что потеплее. Вскоре я заметила, что маг определенно знает, куда ему надо идти: он шел уверенно, не обращая внимания ни на что вокруг.

– Куда ты меня ведешь?

– Как я понимаю, исследовать город тебе было некогда? – уточнил он, не замедляя шага. – Тут есть одно потрясающее место: там можно купить абсолютно все. Ты должна там побывать.

– И что это за место такое, где можно купить абсолютно все? – спросила я, улыбнувшись сама не зная чему.

– Узнаешь, когда придем, – Люциус, ушедший вперед, обернулся и улыбнулся, жестом велел мне идти быстрее.

Определенно, родные края хорошо влияют на психику мага. Уже почти полдень, а он до сих пор ничего не натворил и ведет себя, как среднестатистический здоровый человек!

– Знаешь, я провел в этом месте всю молодость! Столько воспоминаний... никогда не думал, что я буду страдать тем,

что ты называешь сентиментальностью, но... меня трясет от переживаний! – восторженно рассказывал колдун, зачем-то таща меня на городское кладбище. Оно находилось за чертой города, и мы уже около пятнадцати минут шли по заснеженному кладбищу, разгребая сугробы.

– Ты ведь не хочешь сказать, что сидел всю молодость в склепах? – я опасливо посмотрела на старую кладку камней, полуразвалившийся склеп какого-то древнего богача. Сейчас там наверняка уже все разграбили, а ученики магической академии растащили кости на эксперименты, но все равно рядом с такими местами мне становится жутко: обычно всегда вся нечисть просыпается именно тогда, когда я оказываюсь рядом. А кладбище, это такое место, где нечисти много. Очень много.

– Хах, можно и так сказать, – усмехнулся Люциус, коснувшись уголка рта согнутым пальцем. Маг, не прекращая счастливо улыбаться, торжественно распахнул передо мной дверь другого склепа, пока еще целого.

– Может, не стоит? – я с сомнением осмотрела строение, а потом взглянула на колдуна.

Склеп представлял собой небольшое здание с высокой остроконечной крышей, старой металлической табличкой над дверью, гласящей о том, что лежит здесь колдунья Палава Черная. Над скользкими от снега ступенями стояла черная от времени деревянная дверь. Медная ручка на ней блестела, как рождественская свечка.

– Входи же, – Люциус кивнул на вход. – Там безопасно, уверяю. Для таких, как мы с тобой, подобные места и созданы.

– Что ж, ладно, – посмотрев на Люциуса еще раз, я не заметила на его лице ни капли издевки и решилась.

Зайдя в склеп, я не обнаружила ничего, что предвещало бы скорого нашествие зомби или появления привидений. Самый обычный пыльный склеп, посередине – очень высокий гроб с очертаниями пожизненной внешности усопшей на крышке.

– И что здесь такое?

– Хе-хе, то, о чем инквизиторы и власти не догадываются уже много-много лет!... О том, что ты сейчас увидишь, ты не должна рассказывать Арланду, поняла?

– Посмотрим...

Я с интересом наблюдала за Люциусом, опустившемся на колени у более длинной стороны гроба и старательно что-то выискивающего. Вскоре лицо чародея просияло: он нашел, что искал. Маленький выпуклый камень.

Одно нажатие, и стенка гроба опустилась, открыв нам... проход к лестнице, ведущей вниз.

– Я первый, если не возражаешь. Тут скользко.

Колдун зажег светячок и задом стал спускаться по каменной лестнице. Через некоторое время, когда он совсем скрылся, стала спускаться и я.

Мы шли вниз минут пятнадцать прежде, чем лестница

кончилась. Тогда мы оказались в подземном коридоре, где вдоль стен были развешены услужливо зажженные магические фонари.

Тайных ход в склепе? Любопытно, однако...

– Идем дальше, – Люциус поманил меня рукой и устремился вдоль коридора. Я поспешила догнать чародея, стараясь не обращать внимания на неприятное громкое эхо от цоканья каблуков.

Коридор продолжался недолго, вскоре я заметила, что свет, ложащийся на стены, вовсе не от фонарей: впереди был свой источник зеленоватого освещения. Еще немного, и я стала различать нарастающий шум, напоминающий гомон рынка.

– Добро пожаловать на Черный рынок Трехполя, маленькое подземное королевство темных магов, разбойников и всех тех, кто на поверхности вне закона! – торжественно произнес Люциус, открывая передо мной штору из старой дырявой ткани.

Мне пришлось прищуриться, таким ярким показался зеленоватый свет ярмарки после мрачного коридора! Только я вышла, как на меня налетел мерзкого вида низкорослый гоблин и, извинившись, побежал обратно. Сразу после этого мимо меня пронеслась разъяренная ведьма, махающая иссохшими костлявыми руками и вопившая что-то про кражу.

Этих первых впечатлений мне хватило для того, чтобы полюбить это место раз и навсегда.

Передо мной раскинулись огромные подземные залы, делившиеся гигантскими рядами сталактитов на бесконечные улицы, повсюду разбросаны палатки с разнообразными товарами, потолок находился в семидесяти метрах над землей, туда же вздымались гигантские сталагмиты, в которых были выдолблены лестницы, балконы и помещения – жилые или торговые, не понятно. Всюду царил густой зеленоватый полумрак, который создавали основные источники освещения – большие кристаллы, вмурованные в камни.

– Нравится? – довольно спросил Люциус, осматривая все с не меньшим восторгом. – Я был королем этого места, меня знал каждый торговец и каждый маг! Не было такого товара, который я здесь не брал, не было ничего, что я не мог себе позволить, не было наемника, которые не мечтал бы получить от меня зачарованное оружие... – мечтательно рассказывал чародей. Мы ходили между лавками, он все говорил, а я внимательно рассматривала предлагаемые товары. Здесь в самом деле можно было купить все: от животных и запрещенных магических книг до одежды и еды. – Раньше я чувствовал себя одним из тех, на ком тут все держится. Но, как оказалось, и без меня это место цветет! В конце концов, великие маги всегда рано или поздно пропадают без вести, я уверен, никто даже не удивился тому, что я исчез на целых тринадцать лет.

– Ого! – я увидела самого настоящего тролля, продающего за смешные три тысячи золотых. Это было очень высо-

кое тощее существо с землистого цвета кожей и раскосыми маленькими глазами, его темные волосы были прямыми и блестящими, как у девушек на пачках краски для волос из моего мира. То, что это был тролль, а не какой-нибудь страшненький леннай, я поняла только по табличке с ценой, гласившей, что продается именно тролль. – Мне, кажется или он... – я вопросительно посмотрела на Люциса.

– Похож на Леопольда, – кивнул колдун. – Тролли – те же самые дети проклятия. Только наш, как я понял, еще и первый плод истинной любви, поэтому родился посимпатичнее и со способностями. Троллей еще называют детьми ведьм. Не таких, как ты, а злобных, на голову двинутых рашемийских северных ведьм. Эти карги похищают заблудившихся охотников и пользуются их мужской сутью, пока несчастные не умрут под ними! Родившихся детей они распределяют по полу, девушек берут в свои ряды, а парни у них вроде слуг. Тролли, кстати, идеально подходят для этой роли, они в меру сообразительные, но любят жить по указу.

– И поэтому их продают в рабство!?

– Нет, никто их не продает. Они сами, – Люциус кивнул на тролля, которого я заметила. Никто рядом с ним не стоял, он сам держал табличку и приветливо всем лыбился, с видом уютской собачонки, мечтающей обрести хозяина. Заметив наше внимание, он улыбнулся еще шире, показав короткие заостренные зубы, и помахал табличкой, мол, дешевле не найдешь.

– Да уж... – я поспешно отвела от тролля взгляд, и мы пошли дальше.

– Значит, ты здесь часто бывал раньше? – спросила я после некоторого времени молчания. Неожиданно для себя я поняла, что мне на самом деле интересно слушать, что рассказывает Люциус. Его болтовня словно прокидывала мост между мной и этим удивительным местом.

– Да, причем очень часто, – кивнул колдун. – Любой маг Трехполя, хоть что-то из себя представляющий, вхож сюда. Если маг не знает о Черном Рынке, значит он слишком слаб. Сюда приглашают избранных, в которых что-то есть. Существуют специальные люди, занимающиеся подбором новичков.

– Я до сих ничего не знала о таких местах...

– Теперь знаешь: я привел тебя сюда специально для этого, – усмехнулся колдун. – В моих правах приводить сюда новеньких.

Я одновременно испытала чувство гордости и благодарности. Теперь и я избранная... ведь моя лошадь с прошлым магического гения считает, что я чего-то стою, как маг!

– А что ты тут больше делал, подавал или покупал? – снова спросила я.

– Поначалу продавал, но потом уже не было нужды ждать покупателей: они сами меня находили, – рассказал маг, кивнув в знак приветствия проходящему мимо гоблину – низкому зеленому существу с большими широкими зелеными

ушами и кошачьей мордочкой.

– Думаешь, я тоже могу попробовать торговать здесь? – спросила я.

– Вряд ли, – поморщился Люциус. – Чтобы начать торговлю, нужно проводить тут сутки по началу, то есть поселиться здесь. Сомневаюсь, что твой инквизитор это одобрит.

– Жаль...

– Не расстраивайся, торговля здесь точно такая же, как наверху. Спрос большой, но и предложений не мало. Ты ничего не потеряешь.

– Вошла бы, так сказать, в магическую элиту, – я пожала плечами.

– Магическая элита не стоит у прилавков, дорогая, – усмехнулся Люциус. – Лучшие из лучших уже дано сымитировали собственную смерть и живут бесплотными призраками, блуждая по миру и занимаясь, чем захочется, под чужими именами!

– То есть залегли на дно, как Демонтин?

– Демонтин – отдельный случай. Он – живая легенда. Он великий, но не все маги готовы считать его таковым, – принялся рассказывать Люциус с видом бывалого преподавателя. – Большинство относится к нему враждебно, потому что его открытия все с ног на голову перевернули. Как это можно принять, что из ничего, из воздуха, можно создать золото, воду, ткани? Как можно поверить в то, что мир состоит из каких-то крошечных частиц, а не из сплошной материи?

Демонтин впервые заговорил об этом! Это звучало, как бред безумца, но он доказывал свои теории, разрушая мировоззрение, строящееся тысячелетиями. Одно только удержало мир от падения в бездну беззакония: маги такой огромной силы, которая может менять вещества, рождаются чрезвычайно редко и, как правило, умирают еще в детстве. Иначе мир бы разрушился, материя превратилась бы в нечто невообразимое из-за постоянных изменений...

– Да уж... – я представила себе масштабы катастрофы, если бы каждый маг стал менять материи по своему усмотрению, и меня передернуло. – Но тебе повезло стать метамагом, так? И ведь ты не демон, ты обычный человек.

– Повезло – не подходящее слово, – кивнул Люциус. – Мои родители были темными, и я у них родился через девять месяцев после очередного запрещенного ритуала. Они хотели обучить меня и использовать, как опасное оружие, но... скажем так, у них ничего не вышло.

– Что же случилось? – любопытовала я. Раньше я не слишком задумывалась о том, кто такой Люциус и откуда он вообще взялся, но сейчас, когда чародей с небывалой адекватностью вдруг стал рассказывать разные интересные вещи и даже упомянул своих родителей... это вызвало у меня огромный интерес к его персоне.

– Случились белые совы, тогда еще рукоположенные Клевора-громовержца, – поморщился маг. Видимо, ему было не очень приятно это вспоминать. – Они убили моих родителей,

когда мне было пятнадцать. Меня бы тоже убили, но я по странному стечению обстоятельств родился не темным колдуном, а обыкновенным магом м гигантской асимметрией. Меня отдали на обучение в академию.

– Вот как... Я сожалею, – я хотела коснуться плеча мага в знак сочувствия, но потом передумала и отдернула руку.

– На самом деле не стоит, – заметил Люциус. – Они заслужили свою судьбу.

Он остановился возле чернокожего ланка, который со скучающим видом сидел за прилавком с магическими талисманами. Колдун спросил, где сейчас находится «Белый Куодан». Ланк, завидев Люциуса, радостно вскочил и распахнул объятия, тот, сдерживая брезгливость, обнял старого знакомого.

– Люциус Рыжий Черт, куда ты пропал на этот раз, дружище? – бормотал ланк осипшим голосом, о все глаза глядя на архимага. Услышав прозвище Люциуса, я поспешила спрятать в кулаке улыбку: вот это совпадение!

– Я не хотел бы распространяться об этом, – вежливо ответил колдун. Он ждал ответа на вопрос и, кажется, не имел никакого желания болтать со старым «приятелем».

– Не собираешься заняться прежними опытами? – спросил ланк, а потом заговорил совсем тихо, потянувшись к самому уху Люциуса. – Скажу по секрету, у меня через неделю поставка чешуи старшего дракона... тысяча золотых, и я придержу для тебя чешуйку!

Колдуна аж передернуло, – то ли от слов чернокожего чешуйчатого старика, то ли от запаха его дыхания.

– Жак, ты, я смотрю, последнего ума лишился. Кого ты пытаешься обмануть, старый червяк!?

– Я говорю правду, – ланк и не думал оскорбляться. – Теперь на рынке есть осколки рогов дракона, чешуя и даже кожа, а я – вторые руки! Лучше и не найдешь! Ты подумай.

– Обязательно, – надменно произнес чародей.

Ланк указал в сторону, где находился «Белый Куодан», и мы пошли туда.

– Возмутительно! – ворчал по дороге Люциус.

– Чешуя старшего дракона!?! – воскликнула я. – И ты отказался!?! За такую вещь можно добровольно отслужить пять лет в рабстве!

– Милая моя ведьмочка, старших драконов нет в этом мире уже триста лет! – объяснил мне колдун, словно умственно отсталой. – Они поумнели и слиняли куда подальше. Их рога, чешуя, кости – все это уже давно стерто в порошки, если и можно найти что-то, то лишь осколки. Целая чешуя, ха! Наверняка этот проходимец продает ошметки морской твари вроде того демона, которую вынесло на берег!

Я пожалала плечами, и мы пошли дальше.

Черный Рынок был огромен, и я с удивлением обнаружила, что заблудилась.

– Так о чем мы?... Ах да, обо мне, – продолжил Люциус. – Когда инквизиторы забрали меня у родителей, мне откры-

лась дорога мечты: дорога в академию. Студенческая жизнь, огромные успехи, неплохой заработок, лучшие девушки... все это быстро вскружило мне голову. И такая жизнь мне нравилась больше, чем жизнь в нищете среди кровавых оргий.

– Теперь понятно, почему ты... такой. Тяжелое детство, травмы юности?

– Пф! Нет, конечно! Проблемы у меня начались гораздо позже и совсем не из-за этого, – отмахнулся Люциус. – Из-за чего именно, я бы не хотел рассказывать.

– Как пожелаешь, – кивнула я. – Ты говорил, что научишь меня метамагии, но хватит ли мне для нее сил? Думаешь, мне правда хватит сил?...

– После той гнусности, который вы сотворили с тем демоном, еще как хватит, – мерзко ухмыльнулся колдун.

– Мы вообще-то его спасали! – напомнила я. – Он бы не вернул пламя!...

– Ну да, ну да, конечно, – Люциус поднял ладонь, сложенную как клюв птицы, и сделал характерный жест. – И все равно ты вполонину слабее меня, бесконечные емкости сделать не сможешь и золота из воздуха не вытацишь, но форму менять уже умеешь. Я научу тебя правильно смешивать материи и работать с мертвыми органическими материалами.

– Вы с Истэкой были знакомы до всей этой истории с единорогами?

– Я пытался найти его, когда был юнцом, чтобы напро-

ситься в ученики, но это было не так-то просто, – пожал плечами колдун. – Потом мне он уже был без надобности: я сам достиг всего, чего хотел. Вот Рэмол... если бы он смог описать хоть половину того, что вытворяет, учиться у него было бы честью. Даже сейчас.

– Рэмол? – я усмехнулась. – Так он твой кумир, выходит?

– О чем ты!? – воскликнул колдун. – Рэмол пришел в этот мир из таких глубин вселенной, о которых еще никто ничего не знает! Это мы их тут всех под одно слово подгоняем – «демон», – но по сути эта душа пришла из очень, очень далекого места. И она не смогла уместиться в одном теле, потому разлилась сразу в двух близнецах. Можешь себе представить, что было бы, будь Рэмол таким, каким должен был быть? Он мог бы создать свое измерение, свои миры, свои формы жизни, новые расы, новый разум! Первое значительное изобретение Демонтина, с которого все началось, – бесконечная чернильница. Рэмол же просто сделал себе бессмертную подружку! Я его ненавижу за то, что он со мной сделал, но... если кто в этом мире и имел право на такое, то это он. Мне даже немного льстит, что именно его попросили со мной разобраться: если он единственный, кто мог меня одолеть, значит, я был близок к вершине!

– Бессмертную подружку... Ты про Юкку? – переспросила я.

– Да. Юкка родилась обычным ланком, но потом подвернулась Рэму: он тогда только был изгнан на землю и как ни-

кто нуждался в любви и поддержке... Прежде, чем люди из Церкви отыскали демона, каким-то непостижимым образом пробравшегося в тело небесного, Рэмол успел наградить Юкку бессмертием. Потом она его лет через семьдесят вытащили они стали долго и счастливо терроризировать этот мир в клане падших.

– Но теперь-то он... хороший? – неуверенно спросила я.

– А сама как думаешь? – он покосился на меня, улыбаясь. – Он следит за миром, чувствует себя его охранником: от него ничего не укроется. Если он сочтет тебя угрозой, хорошим его назвать у тебя язык не повернется... что до нас с тобой? На самом деле я уверен, не просто так он оставил меня в живых. Не просто так он приютил тебя у себя в доме. Мы еще с ним встретимся, это точно: у него есть на нас планы.

– О каких планах ты говоришь? – насторожено поворачиваюсь к Люциусу. По мере нашего разговора он говорил все тише и сейчас почти шептал, наклонившись к моему уху.

– Младшие нелюди – кентавры, сатиры, нимфы и прочие. Рэмол связан с ними, и ты тоже, и я... в особенности я. Но он ничего не говорит, ты ничего не помнишь, а я тринадцать лет был отрезан от мира и ничего не знаю. Но нам все равно нужно держаться вместе, понимаешь меня?

– На самом деле нет, – тон Люциуса начал пугать меня, и я отстранилась от чародея. Не очередной ли это припадок?

– А тебе оно и не надо. Просто не скрывай от меня ничего,

хорошо? Ты, маленькая ведьмочка, теперь под моей опекой. Пусть твой инквизитор бегает на поверхности, а здесь, под землей, я твой единственный защитник!

Странные речи чародея меня смутили, но я не подала виду. Наверное, маг хочет напугать меня или просто похвастаться. В любом случае не стоило с ним спорить.

– А вот и «Белый Куодан»! – неожиданно воскликнул Люциус и потащил меня к магазину внутри огромного сталагмита.

На вывеске была нарисована странная птица, напоминающая смесь пеликана и попугая, в яркой бандане и с повязкой на левом глазу.

Внутри сталагмита находилось самое настоящее царство нелепых тряпок! Вверх, спиралью протягиваясь вдоль стен, поднималась лестница к небольшим отдельным платформам с одеждой. Но самые важные товары и прилавки находились внизу, где можно было заблудиться в лабиринтах из причудливых манекенов и невообразимых вешалок.

– Тингльтон Камень-Пальцы, где ты запропастился!?! – позвал Люциус, с видимым удовольствием стягивая с головы нелепую шапку-ушанку и начиная самозабвенно чесаться.

– Не обманывают ли меня мои уши!?! – раздался красивый зычный голос откуда-то из глубин магазинчика.

Вешалки стали как будто сами собой раздвигаться в стороны, и я приготовилась увидеть образ из головы наяву... но никого так и не увидела.

Недоуменно мигнув пару раз, я додумалась посмотреть чуть ниже и тогда все-таки заметила хозяина. Это был до неприличия низкий коренастый мужчина с чересчур большими для его бледного маленького лица голубыми глазами. Цвета слоновой кости борода, не очень длинная, но зато невероятно пушистая закрывала всю нижнюю часть лица по скулы, широкие мохнатые светлые брови нависали над глазами, как маска. Черты лица странного субъекта напомнили мне тесто, стекающее с головы мясистыми складками кожи. Этому лицу, казалось, не давала растечься только сила воли его обладателя. На голове у него был устроен громадный голубой тюрбан.

– Люциус! – воскликнул мужчина и помахал колдуну правой рукой. Резной, каменной.

– Ты все еще здесь: ничего не меняется, – философски изрек чародей.

– Совершенно верно, я здесь. Но ты... как ты выглядишь, старина! Как будто из пасти дракона вылез! – рассмеялся своими красивым смехом недоросток.

– Хуже, Тингльтон, гораздо хуже. Ты даже представить себе не можешь, откуда я вылез, – без тени насмешки ответил Люциус. – Мне нужна приличная одежда!

– Оу... Кое-что я берег специально для тебя с тех пор, как ты пропал! – закивал торговец и нырнул в бесконечное пестрое марево. Леопольд, наверное, здесь бы с ума сошел.

Когда он вылез, в его руках была до ужаса нелепая чер-

ная мантия с длинными коричневым перьями, свисающими с плеч. Наряд главного злодея фантастического фильма, не иначе.

– Ты что, будешь это носить!?! – я недоуменно взглянула на колдуна.

– Нет, – ответил он. – Тингльтон, раньше я мог выделяться, а сейчас мне нужно что-то для простого смертного, горожанина. Подбери вещей на свой вкус, мой размер ты знаешь. Заплачу я как обычно.

– Твое желание, о великий, – приказ! – игриво кивнул торговец и принялся носиться между вешалок и по лестнице, срывая то одну, то другую тряпку.

– Что оно такое? – тихо спросила я у Люциуса.

– Это высокогорный слевит, Бэйр. Этим местом заправляют именно они. Неплохие торговцы, обладатели самых крупных шахт с драгоценными камнями, они под каждым крупным городом прорывают такое место, куда стекаются все нелегальные товары, – сеть Черных рынков.

– Чего нелегального в одежде? – еще тише спросила я.

– Это не просто одежда, Бэйр! Эти вещи агенты Тингльтона достают из гардеробов императоров, королей, старейшин, танов, лордов, вытаскивают из древних гробниц, реставрируют и привозят сюда... в общем, лучше, чем здесь, не найдешь нигде.

– Представляю, какие здесь цены...

– Огромные, – кивнул Люциус. – Но для меня это никогда

не было проблемой. Можешь посмотреть, если что-нибудь понравится, возьми. Возможно, я познакомлю тебя с уважаемыми магами, ты не должна выглядеть замарашкой.

– А на какие деньги мы гуляем? – на всякий случай спросила я.

– Деньги – не проблема, я уже сказал. Ни ты, ни твой ненаглядный инквизитор не разоритесь.

Я пожалала печами и решила в самом деле посмотреть, что здесь есть.

Как только я начала всматриваться, пестрое марево стало разделяться на отдельные вещи, одни были по-настоящему красивыми, другие своей вычурностью и помпезностью вызывали улыбку: сразу представлялись клоуноподобные маркизы и принцессы с постными минами. Впрочем, среди роскошного блеска и запутанных фасонов находились вещи, которые я могла представить на себе. Пастельных тонов кофты, штаны, блузы, простые шерстяные платья в пол, продающиеся вместе с длинными по колени вязанным накидками с узорами и украшениями из нитей, бисера или меха...

– Что-то приглянулось? – спросил торговец, подбежав ко мне.

– Приглянулось-приглянулось, – крикнул Люцус, которого я уже не видела за бесконечными вешалками. – Посмотри, что именно, и свали то, что ей подойдет, в кучу к моим вещам.

– Всенепременно! – купец расцвел и, отведя меня в сто-

ронку, попросил снять плащ и сапоги.

Посмотрев на мою фигуру и размер ноги, он вновь принялся носиться по своему магазину со скоростью электровеника. Я и не заметила, как он сдернул с меня мой плащ и накинул на мои плечи нечто теплое и пушистое, что-то среднее между плащом и шубой с огромным капюшоном. Это нечто было меховое, приятного кремового цвета.

Вскоре рядом с кучей тряпья, подобранного для Люциуса, выросла еще одна, для меня. Все это торговец заботливо сложил в несколько мешков, как я поняла, зачарованный на легкость.

Когда Люциус вернулся из примерочной, он выглядел... не знаю, как, но уж точно не как нищий бродяга, нацепивший вещи прадеда, каким он был, когда вошел сюда. Думаю, по местной моде он был одет великолепно, хотя его стиль был гораздо сдержаннее, чем у любящего яркие детали Лео.

Коричневый, фиолетовый, ржавый, в таких тонах был его костюм.

– Итак? – Люциус вопросительно посмотрел на Тингльтона. – Сколько?

– Как обычно? – уточнил торговец, сияя, как ребенок, которому покупают долгожданный подарок.

– Как обычно, – кивнул Люциус.

– Вот таких, – слевит показал ему мешок монет размером с мою голову, – два. А этих, – он показал огромный камень, похожий на изумруд, – пять.

– Не против, если я твой мешок возьму для себя за образец? – спросил Люциус.

– Тогда мне плюсом три мешка, – нашелся торговец.

– Все силы из меня вытянешь... – нахмурился Люциус, положив левую руку на мешок с деньгами, а правую подвесив в воздухе на той же высоте от стола, на которой находилась левая. Сперва он выглядел сосредоточенным, но потом после нескольких минут воздух между рукой и столом заискрилось и озарилось светом, я почувствовала прилив мощнейшей энергии – она стягивалась к рукам колдуна из пространства вокруг, я чувствовала, как она утекает, это ощущалось как сильный сквозняк. Я моргнула и в следующий миг под правый рукой Люциуса был точно такой же мешок золота, как и под левой, а на лице колдуна сияла безумная улыбка.

– Тринадцать лет... что такое для меня тринадцать лет? – проговорил он, с нежностью глядя на свои руки.

Подобную процедуру копирования Люциус провел три раза с мешком и пять раз с изумрудом. Взяв себе один мешок, а остальное оставив счастливому торговцу, мы пошли дальше бродить по рядам.

– Тебе идет твоя куцанея, – заметил колдун, когда мы вышли. Сказал он это с таким лицом, как будто это был комплимент.

– Куцанея?... – недоуменно спросила я.

– Твоя одежда, глупая. Это, – он коснулся моей обновки,

то ли длинной широкой шубы без пуговиц, то ли плаща с рукавами, – куцанея.

– Ну да... удобная штука, – кивнула я, проведя рукой по мягкому светлому меху на оторочке. – Спасибо.

Спросив у проходящего мимо леннайя время и узнав, что пока еще только два часа дня, Люциус предложил продолжить гулять по Черному Рынку. Я согласилась, и мы отправились дальше по рядам.

Я по-прежнему не знала, что мне хочется рассматривать больше: товары или продавцов. Здесь был настоящий калейдоскоп рас, ланки, леннайи, слевиты, люди, полукровки, тролли, гоблины... не было только сенари.

Люциус, вооружившись мешком с золотом, подбегал то к одной, то к другой лавке, здороваясь со старым знакомыми и изредка покупая что-нибудь незначительное, но необходимое в городской жизни – домашние тапки из шкуры полярного волка, зубную щетку, инкрустированную драгоценными камнями, набор бритв, отлитых из металла, из которого обычно делают самое лучшее оружие этого мира – название я так и не смогла запомнить. Кроме того, колдун зачем-то купил красивый чайный сервиз и очень странный набор инструментов, то ли для маникюра, то ли для пыток. При всех этих тратах мешок с золотом несколько не уменьшился.

Когда леннайи в свих национальных костюмах, гоблины в обносках, тролли в шубах, слевиты, напоминающие татарских вельмож, ланки, со скучающим видом играющие с гри-

фонами, – когда все это перестало меня удивлять и даже поднадоело, я задумалась о том, что неплохо бы и самой купить что-нибудь на праздник. Например, подарки для Люськи, Лео и Арланда.

С Люсбкой было просто: коробочка каких-то умопомрачительных конфет, редкий чай и роскошный шерстяной шарф от торговки-слевита.

Лео давно хотел попробовать одну приправу из ягод, которые есть только на севере Рашемии и называются «Лиловый огонь». Достать их он нигде не мог и очень расстраивался. Здесь же они наверняка есть, если тут даже горшки императоров и домашние тролли продаются!

Не прошло и получаса, как необходимые ягоды были у меня, а с ними еще несколько пахучих приправ, странные продавцы которых обещали тонкий замысловатый оттенок вкуса в блюде. На случай, если с приправами я ошиблась, я купила еще несколько метров трех разных видов тканей – две из Охмараги, одну из Финьи. Таким диковинкам Лео уж точно должен порадоваться!

Подарок для Арланда вызвал гораздо больше трудностей. Особых увлечений, кроме работы, у него не было, никаких привязанностей тоже не наблюдалось, и при этом мне хотелось подарить ему что-нибудь особенное, чтобы при виде этого у инквизитора на роже расплылась бы улыбка, а глаза засияли...

Два мучительных часа я таскала чародея по рядам, пыта-

ясь найти что-нибудь подходящее. Люциус уже после первых десяти минут начал беситься, его мерзкая натура пробудилась и каждые пять минут низвергала на мою голову упреки. Но я держалась: Арланд того стоил.

После двух часов поисков я так и не нашла ничего подходящего и уже готова была сесть на ближайший сталагмит и заплакать от отчаяния. Наверное, так бы все и было, но я заметила в толпе своего учителя, Райнара, только закончившего говорить с сомнительного вида торговцем. Он тоже меня увидел и пошел навстречу.

– Бэйр! – воскликнул он, обрадовано улыбаясь, но при этом поспешно пряча свою покупку в мешок. – Не ожидал тебя здесь увидеть.

– Я тоже удивлена встрече, – кивнула я. – Что вы здесь делаете?

– Хлопочу по твоему заказу, только что отдал список одному проверенному человеку, – ответил он, покосившись в сторону. – А ты как тут оказалась? Одна здесь бродишь?

– Нет, со мной мой... знакомый, – я осмотрелась вокруг, Люциус уже должен был появиться, но его не было. – Видимо, он сейчас отошел куда-то.

– Что за знакомый? Я знаю всех магов, которые бывают на этом Черном Рынке, – Райнар развернулся ко мне вполоборота и кивком головы предложил пойти за ним. Подумав, я решила, что раз мешок с золотом все равно у меня, Люциус далеко не уйдет, и направилась за учителем.

– Он здесь недавно, вряд ли вы его знаете, – сказала я, продолжая печально осматривать товары вокруг.

– Что ж, а ты, я смотрю, быстро обрастаешь знакомствами, – заметил Райнар. – Я и в «Черной вдове» тебя видел, ты уже попала в список, теперь Черный рынок... ты тут недавно, я уже неплохо выросла. Скоро о тебе заговорят.

– Хах, надеюсь, в хорошем смысле, – я улыбнулась неожиданной похвале. Что ж, наверное, с такими учителями, какие были у меня, иначе произойти и не могло.

– Это все зависит от того, как ты себя подашь, – серьезно заметил учитель. – Я наблюдаю за тобой, как и многие из академии и... и не из академии. И я заметил, что ты держишься в стороне от остальных. Я бы хотел предупредить тебя, как... скажем так, как старший товарищ. Маги Трехполя, да и любые другие, считают себя в первую очередь братством, все проблемы решаются сообща, все друг за друга горой. Или ты с ними, или против. При всем моем уважении к тебе и твоим силам, против братства ты не выступишь, кто бы ни был у тебя за спиной.

– К чему вы это говорите? Пока я не встала ни у кого на пути, никому ничего не сделала!

Слова Райнара взволновали меня не меньше, чем слова Люциуса. О какой-то такой опасности они оба меня предупреждают, от кого предлагают свое покровительство? Все это как минимум странно, как будто я не продавала старушкам простые омолаживающие зелья, а пыталась лезть в совер-

шенно незнакомую мне местную магическую политику...

– Группа темных магов, которую вчера утром нашла инквизиция. А ты ведь была у них после того, что наговорила о темных и совах во «Вдове»... Ты ведь понимаешь, чем это тебе грозит? Крыс никто не любит, – серьезно объяснил он.

– Что!?! – я возмущенно посмотрела на него. – Как вы можете так говорить, если не знаете, что на самом деле было!?! Эти пятеро подсунули мне проклятое золото, они пытались сделать что-то со мной! Тут любому станет ясно, что что-то нечисто, иначе зачем группе темных заманивать меня к себе, заказывая зелья!?

– Ты даже не говорила с ними, – возразил он. – Откуда ты знаешь, что они хотели сделать?

– По-вашему, золото они мне по ошибке подсунули, да?

– Байку про золото лучше оставь, тебе никто не поверит. Как же ты выжила после него? Все знают, что такое проклятые деньки, после столкновения с подобным никто не остается прежним... – заметив выражение моего лица, Райнар усмехнулся и поспешил объяснить свои слова. – Я не упрекаю и не подозреваю тебя во лжи, мне все равно, что там было, но тебе стоит подумать о том, что ты будешь говорить остальным.

– Остальным, как и вам, я буду говорить правду, – насто-роженно смотрю на учителя.

– Но в чем же правда?

– В том, что моих сил достаточно, чтобы противостоять

проклятию.

– Но ни у кого нет таких сил. Только у белых сов.

– Меня опекает Орден.

– И как сильна его опека? – Райнар скользнул взглядом по моей левой руке в перчатке.

– Хватит допрашивать меня! – воскликнула я, не выдержав. – Если вы из тех, кто верит слухам про какие-то тайные эксперименты, то оставьте меня, будьте добры!

Окончательно возмутившись, я быстро пошла прочь от Райнара, надеясь, что он за мной не последует.

– Бэйр, стой! – мои надежды не оправдались, и странный преподаватель все-таки догнал меня. – Видимо, ты не так меня поняла.

– А как еще можно понять эти расспросы!? – раздраженно спросила я, выискивая глазами Люциуса. Но рыжий чародей как почувствовал, что в нем нуждаются, и назло испарился.

– Я хотел помочь тебе, так как сама ты можешь натворить глупостей.

Я задумалась, прежде чем оттолкнуть его и пойти своей дорогой.

И как мне надо было это воспринимать? С одной стороны, как минимум подозрительно, что Райнар так носится возле меня – на кой я ему далась, спрашивается? С другой, в чем-то он может быть прав. У здешних магов свои правила, и, если я буду держаться особняком, рано или поздно они встанут против меня. Тот же Кред, эти пятеро темных... вся эта си-

туация почему-то кажется мне очень не простой. Возможно, я заразилась от Арланда, но проклятое золото, фраза Креда о том, что меня «ищут», предупреждения Люциуса и Райнара – все это не похоже на совпадения.

– Что ты ищешь здесь? – спросил преподаватель, прервав мои мысли. Задумавшись, я бездумно переводила взгляд с прилавка на прилавок, не замечая, куда смотрю. Видимо, Райнар подумал, что я ищу что-то.

– Подарок одному очень дорогому мне человеку, – ответила я. – Но ничего не могу придумать.

– Кому же? Может, я смогу помочь, если ты расскажешь о нем. Я все здесь знаю и никуда не спешу, так что можем поискать вместе, – он дружелюбно улыбнулся. – А чем он занимается?

– Эмм... юрист.

– Кто? – колдун определенно впервые слышал это слово.

– Он рассматривает обстоятельства преступлений, следит за подозреваемыми, шпионит, находит тайные факты, предоставляет точные данные на суде и все такое... увеличивает процент справедливого решения, – с умным видом наврала я. Такой ответ у меня был заранее заготовлен для подобных случаев.

– Когда меня последний раз судили, такого не было, – задумчиво заметил Райнар, глядя в пространство: – И хорошо, что не было.

– А за что вас судили? – рассеянно полюбопытствовала я,

и только после того, как уже задала вопрос, вспомнила, что о таком обычно не спрашивают.

– Было дело по буйной молодости, – усмехнулся Райнар, простив мне забывчивость. – То ли за подстрекательство к мятежу, то ли за убийство... судьи сами толком не знали, поэтому и отпустили.

– Мятеж? Интересная была у вас молодость, – я взглянула на него, пытаюсь понять, насколько безопасно с ним связываться. Мне терзали сомнения, в академии Райнара ценят, на темной стороне города он как у себя дома – знакомство полезное, но меня не отпускало смутное беспокойство.

И где этот чертов Люциус, который обещал помочь мне избежать подобных неприятностей!?

– О, да... хотя я не так уж стар, на самом деле. Мне и сорока-то нет.

– В самом деле? – я искренне удивилась. – Я думала среди преподавателей моложе семидесяти никого.

– Что ты, все ровно наоборот. Те из магов, кто выбирает работу на общество, а не на себя – лекари, учителя, – они чаще всего не продляют свою жизнь. Это тяжело, когда переживаешь родных, друзей, остаешься один в городе, для жителей которого столько сделал. Наемникам, ворожеям и ремесленникам, которые постоянно путешествуют, легче дается долголетие. Они ни к кому не привязаны.

– Так вы не собираетесь продлевать свою жизнь?...

Перескакивая с темы на тему, мы быстро разговорились.

Хотя я не переставала высматривать подвох в происходящем, мне, как это ни странно, постепенно начало нравиться общество учителя, впечатление от неприятного разговора сглаживалось.

Пока Райнар добродушно зазывал меня к себе на красный ишимерский чай, на глаза мне неожиданно попала группа торговцев, стоящих у прилавка. И сами торговцы, и их прилавки сильно выделялись даже на фоне пестрого Черного рынка.

Серая потертая шкура, натянутая пологом на несколько тяжелых сучьев, вставленных горизонтально в расщелину между сталагмитами – вот и вся лавка. Торговцы... один их вид вызвал у меня нервную дрожь в ногах.

Они напоминали леннаев, те же как будто оттянутые к затылку черты лица, вытянутые вперед прямые носы, яркие цвета глаз... Но только и отличий было не мало. Кожа у существ была серой у одного и угольно-черной у другого, на головах разлетающиеся во все стороны тонкие жесткие косицы, а виски и лбы были выбриты. Под носами – толстая щель, «заячья губа», которой они тыкались в сторону прохожих.

Двое из трех продавцов стояли сгорбившись, поджав руки к груди и хищно принюхивались, скалясь. Их острые желтые зубы смотрелись жутко, но, как я поняла, демонстрировали их существа не из злости, а потому что с открытыми ощеренными ртами улавливали больше запахов. Они были слепы, как подземные крысы.

Третий, со светлой серой кожей, стоял ровно и уверенно, сложив руки на груди. На нем была юбка из пятнистой шкуры и ожерелье из массивных клыков и когтей, на ногах – сандалии из кожаных полос. Прическа – длинные ровные, опускавшаяся до пояса волосы. Все своей позой, внешностью, одеждой существо выражало отчужденность от окружающих, как будто было из другого мира и жизнью здешних не интересовалось вовсе, но только прикрытые веками красные глаза внимательно следили за каждым, кто проходил мимо.

– Кто они такие? – тихо спросила я у Райнара, не отрывая взгляда от ужасных нелюдей.

– Это темные леннайи. Жуткий народец, – ответил учитель.

– Что они могут тут продавать? – я пронаблюдала, как один из проходящих мимо, к которому слишком близко подлез незрячий псих с открытой пастью, подпрыгнул и бросился бежать со страху.

– Пойдем, посмотрим.

И Райнар направился прямо к ним. Не так быстро, чтобы я подивилась его бесстрашию, но и не так медленно, чтобы можно было бы думать о его трусости. Собравшись с духом, я последовала за ним.

– Что у вас тут? – поинтересовался маг у главного, зрячего красноглазого.

– Щенки пустынных гончих, – ответил тот с шипящим

акцентом. – Уходи. Все равно не возьмешь: нерв слабый.

– Щенки пустынных гончих? – я осмотрелась вокруг, но никаких щенков не заметила.

– Охотничьих, – кивнул темный. Со мной он говорил более вежливо, что не могло не удивить.

– Можно взглянуть?

– Бэйр, ты ведь не станешь?... – пораженно спросил Райнар. Я, не поворачиваясь к нему, пожала плечами в ответ.

– Сюда, – красноглазый указал мне на полог, отделяющий нас от стен из сталагмитов. За ним я слышала возню и писк.

В огромной плетеной корзине кувыркались и грызлись щенки размером с мою голову.

– Это их мать, – темный указал на здоровенную псину, сидящую возле корзины. Сидя, она доходила мне до предплечья.

Она напомнила мне тех гончих, которыми управляла Анук... только эта была стройнее, ее глаза не святились бешенством и уши висели, что делало морду более добродушной. Она была белой в больших коричневых пятнах с крапинками.

Хотя собаками я никогда не увлекалась, насколько я могу помнить, эта показалась мне очень хорошей.

– Дрессируются? Могут быть охранниками?

– Охраняет, поводырь, – кивнул темный. – Может охотиться.

Я посмотрела на щенков. Все они были разноцветные и...

как и все щенки, чертовски милые. Просто до слез милые: с маленькими мокрыми носиками и мягкими висячими ушками! Один из них особенно мне понравился, с темно-коричневыми, почти черными пятнами на бархатных ушах и такими же крапинками по всему кремовому тельцу.

– Сколько? – просто спросила я, вытаскивая из корзины щенка. Я понимала всю величину своего безумия, но уже не могла остановиться! Я не управляла собой, как будто кто-то другой подселился в мое тело.

– Шестьсот золотом. Или двенадцать коров. Можно сто сорок пудов мяса.

– Золотом, – выбрала я и развязала одной рукой мешок Люциуса.

– О, нет! Ты все-таки сделала это! – воскликнул Райнар, когда увидел меня, выходящей из-за полога. – Зачем!?

– Это подарок, – объяснила я, улыбаясь и кутая щенка в кофту под названием «куцаней». Малыш врывался, все пытался подлезть к мой шее и вылизать как следует. – Тот, кому я хочу подарить щенка, часто говорил, что увлекается охотой. Вот будет ему охотничий пес.

– Пустынная гончая!?! Это самые опасные из одомашненных пород! – негодуя воскликнул учитель.

– Он? Самый опасный!?! – я показала ему толстого щенка, напоминавшего мягкую шерстяную колбаску с розовым пузом и радостно виляющим хвостиком. – О, да, он всех порвет! Всех порвет, хороший мальчик!... – прижав щенка к

груди, я подставила ему подбородок, который немедленно был вылизан. Я трепала щенка за ухом, едва не повизгивая вместе с ним от восторга.

– Из него вырастет смертоносное чудовище!

– Правильно воспитаем, и вырастет защитник и охранник, – со знающим видом возразила я.

Тут я снова вспомнила про Люциуса и осмотрелась вокруг, надеясь заметить где-нибудь чародея. На мгновение мне показалось, что именно он стоит у прилавка напротив, но я ошиблась. Это вообще была коротко подстриженная женщина.

– Мы нашли подарок, теперь что скажешь насчет чая? – снова спросил Райнар.

– Не могу же я так сразу вручить Арланду щенка, это должен быть сюрприз... – задумчиво произнесла я, осматриваясь вокруг. На глаза мне попала женщина в пестром сарафане и с бусами, среди ее товаров были украшения и ленты. Подбежав к ней, я купила широкую темно-синюю атласную ленту и корзину с мягким дном и крышкой. В корзину я засунула мешок, чтобы не нести все сразу, а щенка оставила за пазухой.

– Да, чай будет очень кстати, я с радостью составлю вам компанию, – ответила я, когда Райнар подошел.

– Арланду? – воскликнул он. – Ты купила щенка своему инквизитору? Это он твой любовник!?

– Эммм... – только сейчас я поняла, как опасно прогово-

рилась. – Нет.

– Врешь.

– Хорошо, мой опекун значит для меня больше, чем надзиратель из Ордена. Но разве это важно? – удивленно смотрю на учителя.

Придя в себя, он лишь пожал плечами. Я снова подумала о том, какое до меня вообще дело преподавателю, а потом выкинула эти мысли из головы.

Мы поднялись на поверхность в совершенно другом месте, в одной темной подворотне Трехполя, и оттуда отправились домой к Райнару.

Преподаватель жил в центре города, в вытянутом двухэтажном доме с остроконечной крышей, покрытой красной черепицей. Обстановка внутри была ровно такая, какая должна быть у холостяка мага: кухня завалена магическими заготовками, травами и частями магических животных, которые лежали вперемешку с едой; гостиная представляла собой тесную комнатку с двумя пухлыми плюшевыми диванами, столом между ними и камином. Что было на втором этаже, я так и не узнала.

– Раздевайся, проходи на кухню, я заварю чай и посмотрю что-нибудь поесть тебе и щенку, – сказал Райнар и, скинув на пол прихожей сапоги и тяжелый меховой плащ, скрылся на кухне.

Раздевшись, я оставила корзину в прихожей и, покрепче ухватив вырывающегося погулять щенка, направилась за

учителем.

– В гостиной есть несколько моих старых големов, можешь посмотреть на них, пока я на кухне, – сказал он, усердно орудуя ложкой: он брал понемногу заварки из каждой из многочисленных баночек.

В гостиной я в самом деле нашла несколько невысоких человечков, сделанных из глины и других подручных материалов. Всего големов было пять, один полностью глиняный, другой с железными руками и ногами, третий с чудной металлической штукой в груди, четвертый с глазами-стекляшками, пятый – утыканный энергосберегающими кристаллами. При этом каждый человечек сохранял все новшества предыдущего, и пятый, с кристаллами, был самым совершенным.

Я подошла поближе к рядку големов, каждого потрогала и осмотрела магический фон, но так и не поняла, как они работают.

Райнар пришел в гостиную с подносом чая, печений и красного супа, от которого пахло вареной в овощном бульоне говядиной. Мой рот мгновенно наполнился слюной.

Мы пообедали, а потом стали говорить о големах. Щенок побегав немного, заснул у меня на коленях крепким детским сном.

– ...Знаешь, идеальных големов нет. Их можно создавать только как слуг, и то больше для развлечения, чем для работы. Один голем может выполнять только одно задание, ме-

сти полы, или убирать с пола вещи, или заваривать чай, или приносить чай с кухни в кабинет, или закладывать дрова в топку. Чтобы пол был выметен, а по первому приказу в кабинет приносился чай и растапливался камин, в доме должно быть около семи големов, пожирающих до черта энергии! И это только с самыми совершенными големами, простые, как вон тот, глиняный, способны выполнять все только по четком указу. «Пойди налево» – им так не скажешь, нужно говорить «подними правую ногу, согнув в колене, и опусти в вперед на ладонь дальше, чем она стояла» и так далее... То ли дело люди! Занимаясь магической биомеханикой, понимаешь, насколько совершеннее живые тела, но-новому восхищаешься их слаженностью и красотой! – увлеченно рассказывал мне Райнар. В доме он вытащил палки из своего пучка и его, как оказалось, очень длинные волосы теперь были распущены и постоянно лезли ему в глаза. Поэтому рассказ постоянно обрывался судорожными движениями в попытке убрать с глаз непослушные завившиеся в сложной прическе пряди.

– Но людей в качестве материала для големов не используешь, – хмыкнула я, косясь на щенка и почесывая ему розовое пузо.

– Иногда начинаю жалеть об этом, – усмехнулся Райнар. – Бэйр, а можно у тебя кое-что спросить?

– Ну?

– Почему носишь перчатку только на левой руке? Что же

с ней?

– Неудачный эксперимент, – я поморщилась. – Мне ее здорово изуродовало, так что ношу перчатку.

– Но ты ей двигаешь?

– Не так ловко, как правой, но, в общем, да, – я кивнула. –

А что?

– Любопытно. Даже очень любопытно, учитывая все недавние обстоятельства. А что за эксперимент был?

– Его проводила не я, – ответила я, хмурясь и всем своим видом показывая, что не желаю об этом говорить.

– Вижу, эта тема одна и тех, которые лучше не трогать. Что ж, ладно... еще чаю?

Я просидела у Райара до семи вечера, пока не стемнело и люди не начали сбегаться на главную площадь, которую было видно из окон дома преподавателя.

Когда я заторопилась уходить, Райнар позволил себе удивиться тому, как непривычно я выгляжу. Я ответила, что скорее всего на гуляния переоденусь в одежду, которую купила сегодня на Черном рынке. Тогда учитель великодушно предложил мне переодеться у него, чтобы не тратить на это время дома, где меня наверняка будут торопить уже собравшиеся друзья. Пожав плечами, я согласилась.

Проводив меня в умывальную и показав, как запирается, Райнар отправился куда-то вверх: я слышала шаги по лестнице.

Порывшись в мешке, я с удивлением обнаружила, что вся

одежда, которую мне подобрал слевит была светлой, без всяких излишеств, но от этого казавшейся еще более богатой. Простые покрои, дорогие ткани, из цветов – кремовый, светло-серый, нежно-розовый, сиреневый и грязно-лиловый.

Для праздника я выбрала обтягивающее фигуру нежно-кремовое платье из тончайшей шерстяной нити. Оно было с длинными узкими рукавами, высоким горлом и прямой юбкой в пол. Поверх него я решила накинуть длинную, ниже колен безрукавку, сшитую из вязанных лиловых полос с белыми узорами. Широкий пояс из выкрашенной в темную краску кожи со сплошной медной овальной пряжкой, в середине которой был большой оранжевый камень, окруженный странными вырезанными на металле узорами.

Перчатку, которая могла порвать платье своими пряжками, я сняла, но вместо нее обнаружила в мешке другую, светло-коричневую, с красивой вышивкой на кисти. Видимо, гениальный торговец заметил на моей левой руке перчатку и понял, что я не просто так ее ношу, поэтому положил мне целый набор на замену... надеюсь, на чаевые Люциус не поспешил.

Общий вид был, как мне показалось, женственный и изящный. Арланд должен оценить – он постоянно говорит мне о платьях...

Заплетя в волосах несколько косиц и осмотрев себя в последний раз, я вышла из умывальной. В гостиной меня ждал Райнар.

– Замечательно выглядишь! – отметил он, с интересом меня разглядывая. – Прекрасные вещи. Неужели была в лавке Тингльтона Камень-Палец?

– Да, – кивнула я, не слишком удивляясь тому, что Райнар знает его.

– Великолепное платье. Работа леннаев, не иначе: такую тонкую нить и гладкую ткань могут сделать только старухи из северных лесов, всю жизнь занимающиеся ткачеством вручную. В этом легоньком платье можно разгуливать в любую стужу, запутанная структура нитей не даст холоду прорвать образующуюся стену тепла. Никакой магии, только сверхчеловеческая техника, – Райнар внимательно посмотрел на меня. – Это платье стоит дороже, чем мой дом. А камень в твоём поясе – обработанный хрусталик из глаза горного змея, по цене равен ездовому единорогу, которые в наше время считаются вымершими... понимаешь, о чем я? Скажи честно, ты что, обокрала магазин? – улыбнулся.

– Нет, за все заплачено, – я медленно опустилась на диван, где на шелковой подушке спал щенок.

– Кто же платил?

– Мой друг...

– Он что, мета-маг?

– Да.

– Тогда все ясно, – Райнар нахмурился, его лицо посе-
рздело, как будто мы говорили не об одежде, а о надвигаю-
щейся войне. Я решительно не понимала, что теперь было не

так. – Прежде чем ты уйдешь... наверное, мы не увидимся до начала учебы. Дам совет: внимательнее выбирай друзей. И знай, если что-то случится, я всегда готов прийти тебе на помощь.

Совершенно растерявшись, я смотрела на учителя круглыми от удивления глазами. Что это за пафосные речи, как будто заученные из легендарной саги о подвигах Скалзая Белошита (очень популярной приключенческой книги в Скаханне)? И Люциус говорил мне то же самое, что интересно.

– Хорошо... – ответила я, осторожно поднимая спящего щенка на руки и обвязывая вокруг его шеи темно-синюю шелковую ленту, делая пышный бантик на загривке.

Уложив щенка в корзинку, я попрощалась с учителем и отправилась домой. По пути мне попадались люди, спешащие куда-то с огромными коробками, обвязанными лентами, группы весело поющих новогодние песни детей, гуляющая молодежь, лепящая снеговиков... все вокруг сияло разноцветными огнями, кричало, двигалось. Мое настроение быстро поднялось, и я полностью погрузилась в праздничную атмосферу.

Новый год

Дома пахло потрясающе, Леопольд как раз заканчивал на кухне свои шедевры. Вместе с ним сидели Арланд и Люциус, оба помогали оборотню, чем могли, и вполне дружелюбно болтали о чем-то.

Пока меня никто не заметил, я прошмыгнула в кладовку, стащила там немного колбасы и кувшин с водой, затем пробралась в свою комнату. Там я спрятала корзинку с щенком в шкафу, открыв ее и поставив рядом миску с колбасой и еще одну с водой на случай, если ребенок проснется и захочет пить или есть. Хотя это, конечно, вряд ли: у Райнара он сожрал столько, что вряд ли захочет еще. Еще на один случай я застелила все дно шкафа тремя слоями газеты, которую купила по дороге, а в воздухе повесила светляк, чтобы животинка не испугалась в темноте.

На кухне меня встретили, как королеву на параде. Люциус довольно заулыбался, Леопольд восторженно засверкал глазами, у Арланда благоговейно отпала челюсть.

– Всем привет! Запах потрясающий, – улыбнулась я, приносиваясь.

– Тебя где носило!?! – опомнившись, инквизитор нахмурился и строго сложил руки на груди. В честь праздника он стянул с себя накидку и напялил белый свитер, который я ему подарила в первые дни нашего пребывания в городе.

Уверена, изнанка этого свитера была расписана не хуже, чем подкладка накидки.

– Я встретила своего учителя, он меня на чай пригласил, – ответила я совершенно уверенным тоном. Тут главное не показать, что я вообще допускаю мысль о том, что сделала что-то незаконное, проведя столько времени с каким-то магом...

– Откуда это платье!? – высоким от волнения голосом воскликнул Леопольд, без тени стеснения ощупывая ткань наряда и меня вместе с ней. – Я хочу знать, где ты взяла ткань! Ты хоть знаешь, что это!?!...

– Люцис сделал мне огромный подарок, – я улыбнулась. – Он заколдовал мешок золота и подарил мне новый гардероб.

– Это паутина, Бэйр! – продолжал благоговейно вещать Леопольд. – Гигантские морозные пауки, которые водятся в пещерах гор Сливе-Нохе, обертывают свои яйца этой нежнейшей и крепчайшей нитью, чтобы те не замерзли! Добыча этой паутины опасна для жизни, но этим занимаются слевиты, потом продают лennaiям, а те...

– Мы поняли, – я ласково прикрыла оборотню рот рукой в перчатке. Скосив глаза на перчатку, Лео восторженно завыл, так как не мог говорить.

– Мешок золота? – Арланд повернулся к чародею. – Это незаконно.

– Незаконно это будет только в том случае, если ты меня сдашь своим совам, – усмехнулся чародей. – А пока об этом не знает никто, кроме нас четверых, это всего лишь наш спо-

соб себя порадовать. Ты что, против того, чтобы мы жили, как нам того хочется? Леопольд давно хотел нанять лучшего в городе учителя по рисованию – Кульяна Рагамеда, Бэйр и я грезим о том, чтобы оборудовать лабораторию в подвале, ты мечтаешь о собственной маленькой квартирке, которая стала бы приемной и кабинетом, чтобы не разъезжать по всему городу и не ждать несколько часов с одержимым на цепи, пока освободится какая-нибудь комната в здании Ордена. Вот, пожалуйста: деньги больше не проблема. Теперь каждый из вас может заниматься любимым делом, – Люциус обворожительно улыбнулся. – Представляете, сколько еще пользы я могу принести? А вы держали меня лошадью!

– Мой пирог! – схватившись за голову, Леопольд кинулся к духовке и вытаит оттуда пылающий румянцем и исходящий ароматным паром пирог. – Чуть не передержал!

Арланд, сделав вид, что тоже переживает за пирог, больше не упоминал мешок Люциуса. Это было равносильно согласию на этот незаконный источник дохода.

Дождавшись, пока Лео закончит с готовкой, мы отправились гулять на площадь. Я разгуливала в своей новой куцане, накинув на голову капюшон и стянув его на лбу медным витым обручем – так полагалось в Агираде. Арланд, чтобы не смущать людей своей инквизиторской мантией, накинул на плечи специально купленный меховой плащ и распустил волосы, чтобы они закрыли часть лица, и успевшего прославиться инквизитора не сразу узнавали прохожие.

Сначала мы отправились на главную площадь, там в честь праздника были устроены конкурсы.

Первым нам попало соревнование по лепке снежных скульптур, и я заставила всех принять в нем участие. В итоге мы с Арландом лепили, как я думала, лошадь, а как он – женщину, а Лео с Люциусом носились вокруг и кидались друг в друга снежками, весело выкрикивая обзывательства. К ним вскоре присоединилась целая толпа и конкурс снежных скульптур превратился в войну. Поскольку наша с Арландом женщина с копытами и головой лошади осталась единственно целой фигурой, судьи присудили нам победу и вручили здоровый яркий леденец, который инквизитор великодушно дал мне лизнуть пару раз.

После этого мы все, разгоряченные и веселые, пошли по другим конкурсам.

Леопольд получил костяной гребень, обойдя всех агирадских красавиц в длине и красоте волос, потом стал первым в конкурсах на гибкость, ловкость и лучший костюм. Он еще подумывал пойти на конкурс красоты, но Арланд застыдил оборотня и не дал ему испортить праздник женщинам. Тогда Лео отправился на конкурс лучшего пирога-десятиминутки, и испортил праздник всем хозяйкам, заняв первое место и там.

Я пробежалась по всем соревнованиям, устраиваемых академией магов. Где-то нужно было придумать и сделать самый бесполезный магический предмет за отведенные де-

сять минут – победило мое невозгораемое полено, «гениально просто», как отозвались судья. Где-то для победы требовалось сделать самую красивую и реалистичную иллюзию. Моя хаарь была так реальна, что судьи чуть не прервали конкурс с испугу, но в итоге присудили мне второе место, а первое отдали магу с обнаженной леннайской девушкой. В третьем я варила самое вкусное зелье. Без помощи Леопольда, – а не воспользоваться ей было ох как сложно, – я сделала микстуру от простуды со вкусом малины в меду и заняла первое место. Конкурс на лучшую смешную историю тоже стал моей минутой славы. Надеюсь, до Дейка она никогда не дойдет, он мне такое не простит...

Люциус долгое время ходил с важным видом, а потом неожиданно отправился пить на «кто больше». Попивая крепчайший самогон, как чаек, он в первые пятнадцать минут, совершенно трезвый, одержал законную победу. При этом как не пытались, на жульничестве его поймать не удалось. На опросы о том, в чем секрет, он гордо ответил, что привычка. Ему вручили бочку отменного верескового меда, – местный традиционный алкоголь, – и посоветовали завязывать с выпивкой. Во всех остальных конкурсах Люциус как мог мухлевал с помощью магии, его мошенничество было очевидно, но раскусить никто не мог, поэтому чародею давали вторые места, несмотря на лучшие результаты. Мухлеж стал общепризнанным талантом Люциуса.

Арланд долгое время отказывался куда-либо идти, пото-

му что белые совы, к сожалению, не проводили конкурсов на лучшее изгнание демона. Другие таланты признавать в себе инквизитор отказывался, но потом я его насильно отправила биться на деревянных мечях за звание лучшего мечника Трехполя. В этом городе почти не было воинов и наемников, но в больших сильных мужиках недостатка не замечалось. К всеобщему удивлению, Арланд, хилый и тощий белобрысый глист, всех там сделал, и в награду получил кубок с дорогим вином и поцелуй любой девушки на площади зрителей. Сделав вид, что долго выбирал, инквизитор в итоге указал на меня, стоящую у самого помоста и болеющую за него все время состязаний. Мне пришлось подняться на сцену и целовать его на глазах у огромной толпы. Оставалось только надеяться на то, что никто из зрителей так и не понял, что я – переодетая в барышню ведьма, а он – косящий под обычного горожанина инквизитор.

Нагулявшись, мы отправились смотреть фейерверки, которые устраивались ровно в полночь. С нами туда пошли Люська и Шарлотта. Колдунья присоединилась к нашей компании еще с конкурса на самый бесполезный магический предмет, а музыкантшу Лео случайно встретил с компанией, пока пек пирог для судей.

Фейерверки запускались с центральной сторожевой башни, у основания которой была достаточно большая площадь. Туда сбегались все желающие насладиться грохочущими снопами разноцветных искр. Люциус заявил, что мы не иди-

оты, чтобы смотреть на чужие головы, и отвел нас на уровень выше – город частью находился на холме и имел несколько уровней по высоте. Разместившись на спрятанном за кустами балконе в заснеженном саду, мы получили лучший вид на предстоящее шоу.

Настал торжественный момент, три раза прогремел колокол тревоги в башне, обозначив полночь, и тут же над горящим праздничными огнями городом взлетела первая искрящаяся стрела. Она взорвалась миллионами звезд, на несколько секунд усыпавших темное небо. Пространство заполнил радостный вой толпы на площади.

Несмотря на то, что в своем мире я, наверное, сотни раз видела подобное, здесь это было совсем иначе, куда более волнительно и впечатляюще. Зрелище будоражило, все внутри сжималось от страха перед зловещим грохотом и тут же раскрывалось восторгом перед снопом цветных искрящихся звезд.

Я услышала позади себя радостный и одновременно удивленный возглас. Обернувшись, я увидела, блестящие от отражающегося в них фейерверка глаза Шарлотты и сияющие глаза Лео, стоящего рядом с ней и смотрящего совсем не на световое представление. Сильно наклонившись, чтобы уменьшить разницу в росте, оборотень, закрыв от страха глаза, прижался к губам девушки. Это был их первый поцелуй.

Я осторожно пихнула плечом Арланда, чтобы он тоже порадовался за брата, который об этом моменте грезил уже два

месяца. Пока кивала инквизитору на Лео, я заметила, как Люська, коварно улыбаясь, как бы невзначай прижимается спиной к груди Люциуса, который с усердием пытается сделать вид, что ничего не замечает, но в итоге положил руку на плечо рыжей ведьмы.

Вокруг царила романтика, чувства лезли наизнанку, было плевать на все... но ни я, ни Арланд все равно не решились открыть посторонним в лице Шарлотты и Люськи наши отношения. Мы стояли, незаметно взявшись за руки, и смотрели на фейерверки, делая вид, что понятия не имеем, чем занимаются остальные парочки. И все на самом деле было замечательно.

После фейерверков мы все отправились к нам домой на праздничный ужин. Люська и Шарлотта провели с нами весь праздник, они помогали накрывать на стол, а когда пришло время дарить друг другу подарки, каждая вытащила по мешку.

Я не подозревала, что Шарлотта окажется на Новый год с нами, поэтому подарила ей чай Люськи и масло для кожи собственного изготовления. Мне от девушек тоже досталось по подарочку: Люська, нахально скаля зубы и ничуть не краснея, вручила мне при всех нижнее белье для постельных игр, от чего я чуть сквозь землю не провалилась, а Шарлотта, вежливо улыбаясь, но стараясь ко мне не прикасаться, подарила духи.

Лео был в восторге от приправ и тканей, чуть не заплакал

от умиления, когда Люциус вручил ему половник с автографом его любимого повара, и был очень рад кинжалу от Арланда и огромному теплому шарфу от Шарлотты.

Люциус тоже без подарков не остался, как это ни странно. Лео ему подарил коробку специально для него испеченного печенья, а Арланд какую-то книгу на древнем языке, при виде которой у колдуна отвисла челюсть. На подарок Люськи он вообще не знал, как реагировать: находчивая колдунья подарила ему большую коробку, что-то вроде «джентльменского набора».

Все обменивались подарками около получаса, потому что у всех было, что дарить и что сказать каждому.

Последними оказались мы с Арландом. Я убежала наверх, загадочно улыбаясь, а когда спустилась с корзиной, которую пришлось держать, чтобы разбесившийся щенок не выпрыгнул раньше времени, инквизитор уже ждал меня с не менее загадочной улыбкой.

Арланд подошел ко мне и вручил небольшую коробочку, обтянутую красным бархатом. У всех девушек в комнате глаза на лоб полезли, так как по какому-то странному стечению обстоятельств в этом мире в таких коробочках обычно дарили особо дорогие кольца, которые были связаны с женитьбой.

Я вопросительно уставилась на Арланда, боясь даже предположить, что может быть внутри. Инквизитор улыбнулся краем рта и открыл коробочку. Внутри лежало изящное

кольцо из желтого металла с оранжевым драгоценным камнем.

– Это что, предложение!?! – ошалело спросила Люська.

– Нет, это кольцо, концентрирующее магию. Камень способен набирать и оформлять огромные количества энергии, – Арланд взял мою левую руку и, сняв с нее перчатку, надел кольцо на безымянный палец. – С ним ты сможешь колдовать левой рукой.

Пребывая в состоянии немомого шока, я попробовала сплести хоть какое-нибудь заклинание, послав силы не в руку, а в кольцо. Над камнем загорелась яркая горячая свечка. Бледно-бирюзовая кожа ощутила тепло магии, но не стала впитывать ее, признав в ней часть своего родного тела. Подобных ощущений я не испытывала с тех пор, как повстречалась с Фавнгрифом.

– Это... у меня слов нет!... – от переизбытка чувств у меня слезы выступили на глазах. На руке вместо свечки заплясало новое плетение, сложившееся в светляк, потом в молнию, потом в иллюзорную бабочку. Вне себя от восторга, я кинулась обнимать инквизитора, прижимаясь носом к его шее.

– Спасибо!

– ...Это было единственное кольцо, которое я мог надеть на твою руку, не получив отказа, не так ли? – весело прошептал он, но так тихо, что никто кроме меня не мог слышать. – Так мне за тебя будет спокойнее, – это он сказал уже громко.

– А это тебе, – отпрянув от коварного инквизитора, я вручила ему корзину, внимательно наблюдая за реакцией... только бы щенок понравился! Это не шло ни в какое сравнение с его подарком, но все же я надеялась, что не ошиблась с выбором.

Арланд с полным недоумением на лице сел на диван и раскрыл крышки корзинки, навстречу ему высунулся щенок с бантом на шее. Офигевший инквизитор пялился на щенка, пока тот не выбрался и не полез к нему лизаться, радостно повизгивая.

– Пустынная гончая... – понял он, осмотрев щенка.

– Кто!?! – все в ужасе уставились на меня. Видимо, одна я не понимала, что за животное дарю. Судя по глазам окружающих, это было что-то вроде домашнего крокодила.

– В юности, когда еще было время охотиться, я мечтал о таком псе, – ответил Арланд и на его суровом лице медленно расплылась по-детски счастливая улыбка. – Как... как ты узнала!?

– Так тебе нравится? – спросила я, садясь рядом на диван. Щенок, помнивший меня, полез через колени инквизитора ко мне здороваться.

– Конечно нравится! У меня теперь есть собака, и еще какая! – выкрикнул инквизитор и обнял меня, поцеловав в щеку, затем ревниво стащил с моих рук щенка и стал с ним возиться, рассматривая и трепля за ушами. – Как же его назвать?... Глаза голубые, надо же! Собака с голубыми глаза-

ми, и где ты нашла такого?... Будет Кречет!

– Странное имя для собаки, – заметила Шарлотта.

– Моя собака, а не твоя, – огрызнулся Арланд. Он по каким-то своим причинам недолюбливал Шарлотту и не скрывал этого. – Кречет – отличное имя для охотничьего пса!

Щенок взвизгнул, когда Лео потянул его за хвост и до крови цапнул оборотня за палец.

– Молодец, не давай себя в обиду, – назидательно сказал щенку Арланд. – Вырастишь, всех тут построишь!

– Тяф! – было ответом.

Разобравшись с подарками, мы отправились на кухню, где началась одна из самых приятных частей праздника – торжественный обед. Леопольд расплывался от удовольствия, когда у всех глаза на лоб вылезали от превосходного вкуса блюд. Даже Люциус разорился на похвалу.

После еды Шарлотта потащила оборотня к их друзьям из театра и университета, а Люська предложила Люциусу прогуляться по городу. Судя по тому, как яро отнекивался чародей и по тому, что Арланд нашел-таки сегодня для ведьмы отдельную однокомнатную квартиру, ночевать Люциус будет не у нас. Да и Лео, скорее всего, тоже.

Мы же с Арландом, оставшись одни в доме, решили помыть посуду и прибраться на кухне, чтобы не заниматься этим утром, а потом пошли сидеть в гостиной вместе с щенком.

После праздничного вина в голове царил приятная рас-

слабленность, развалиться на диване перед камином казалось верхом блаженства.

– Где ты нашел это кольцо? – спросила я, лежа в обнимку с подушкой и любуясь камнем на пальце. Его цвет прекрасно гармонировал с оттенком моей кожи. – Я не знала, что такие бывают.

– Я тоже. В Ордене я узнал, что похожие кольца дают темным магам, которые добровольно согласились ограничить свой дар и уйти в специальное селение на территории белых сов. Кольца фильтруют магию из темной в обыкновенную. Это кольцо я заказал специально для тебя у мастера, он сказал, что сделать такое будет даже проще, чем для темного мага, – рассказал инквизитор. Он сидел на шкуре перед камином и игрался с щенком, посмеиваясь, когда тот неуклюже прыгал и пытался грозно рычать. – Ты счастлива?

– Ты вернул мне руку, черт возьми! Конечно, я счастлива! – я переползла с дивана на шкуру и села рядом с Арландом. – Единственное, что меня беспокоит, это твои слова... Ведь приняв это кольцо я не совершила какой-нибудь важный обряд?

– Нет, никакого обряда не было, – успокоил меня инквизитор. – Но это был намек.

– Намек на что?... – растерянно спросила я, смотря на кольцо.

– На то, что я хочу, чтобы между нами все было законно, и жду только твоего желания. Подумай, ведь это избавило

бы нас абсолютно от всех проблем и косых взглядов, – он вздохнул и неожиданно произнес: – На самом деле я тебя не понимаю. Это самое обычное дело, чего ты так боишься? Ты уходишь от темы каждый раз, когда я завожу разговор.

– Пока я на такой шаг не готова, – ответила я, глядя подблежавшего к моей руке щенка. – Это не значит, что я не уверена в тебе: я более чем уверена, что ты всю жизнь будешь параноиком с раздвоением личности; не значит, что я не уверена в наших чувствах: с годами они не станут понятнее. Просто меня от слова «женитьба» трясет. Это как-то слишком...

– Слишком страшно?

– Наверное. В моем мире такие вещи в двадцать не происходят, и в тридцать порой тоже, и в сорок... Понимаешь? – я обеспокоенно посмотрела на Арланда.

– Нет, мне не понять дурацких обычаев твоего мира. Можно поддаться чувствам один раз и провести ночь вместе, но так... Это правильно, когда любящие друг друга люди становятся семьей, – ответил инквизитор, беря набесившегося щенка на руки. Вскоре псинка уснула. – Я вырос с этими убеждениями, Бэйр, и я не хочу жить с женщиной, которая может уйти от меня к другому.

– Но я не...

– Я понимаю, – кивнул инквизитор. – Но и ты меня пойми.

– Дай мне еще пару месяцев, а потом... если ничего не изменится, я выйду за тебя, – пообещала я. Впервые Арланд говорил об том так серьезно, впервые я почувствовала, что

он готов выбирать только между крайностями, или разлука, или женитьба. Это поставило меня в тупик.

– Я согласен, – инквизитор удовлетворенно кивнул. – До лета. В первый день лета пойдем к священнику из Ордена.

– Даешь мне почти четыре месяца?

– Да.

Некоторое время я сидела, размышляя над жутким разговором. Я не ожидала такого поворота событий, не была готова к нему, но все же четыре месяца – это хорошее время. Это будет нескоро, а пока можно жить в свое удовольствие, не думая ни о чем.

– Эм... то, что тебе подарила Линда. По-моему, тебе должен пойти такой оттенок красного, как думаешь? Дома никого, а щенок уже уснул, так что...

Самые страшные звери

Лекои Опоаль Лдиэн

Это было похоже на то, как я однажды в детстве упал с десятиметровой высоты. Когда мать оставила меня, я стал искать другой ход в поместье. Переплыв реку, я попытался подняться по холму, будучи до нитки мокрым. Поскользнувшись на траве, я сорвался и покатился вниз, потом лежал, изнывая от боли во всем теле, и думал, что умру... тогда все обошлось, меня нашла Сарабанда.

Сейчас я чувствовал себя точно так же, но только никто не приходил меня спасать. Все тело болело, виски пульсировали, во рту стоял привкус чего-то мерзкого... меня пытали, пробовали отравить? Где я сейчас? Пахнет не домом.

Воспоминания напоминают дырявую тряпку. Отдельные сцены мелькают при попытке вспомнить вечер и ночь.

Я и Шаротта в ее доме, с театральной труппой и другими знакомыми. Фиар рассказывает об успехе нашей последней пьесы, хвалит всех. Особенно меня, и понятно, из-за чего: из-за моей внешности в театр стали ходить почти все девушки города, уборщица зарабатывает огромные деньги, вода экскурсии по моей личной гримерной, а один из местных торговцев стал спонсировать театр, надеясь, что я отвечу взаимностью его по уши влюбленной дочери.

Фиар говорит, что хочет написать новую пьесу к концу

праздников, и это будет «вулкан», как он сам выражается. Главная роль – моя. Я отказываюсь, но Шарлотта уговаривает меня не упрямиться и сыграть очередного героя-любownika. Ради Шарлотты, которая почему-то в восторге от моего успеха у публики, я соглашаюсь.

Есть ящик вина. Все пьют. Меня от него воротит, но я пью со всеми, чтобы не быть невежливым.

Следующее воспоминание, очень яркое.

Я в театре. Фиар, развеселившись от вина, предлагает начать репетицию прямо сейчас. Я, как последний идиот, лезу на сцену и пытаюсь что-то изобразить. Мне становится плохо, живот воротит от мерзкого вина... я превращаюсь в крысу и убегаю в щель, чтобы никто не видел, как меня рвет... в вине определенно был чернохвост. Растение, которое часто добавляют в недорогие вина для вкуса, и которое использует стража, чтобы ловить оборотней, запирая их в одном теле при помощи порошка.

Пока меня не было, на сцену взбирается Шарлотта, за ней следом студент, чьего имени я никак не могу запомнить. Что-то происходит, он обнимает Шарлотту и, хотя та отбивается, пытается ее поцеловать, крича что-то про то, что она давно его хочет и стесняется сказать. Фиар хохочет и орет, что этого в пьесе не было. Почуввав неладное, я вылезаю из щели, принимаю истинный облик, отталкиваю студента от Шарлотты. Он злится, я чую запах агрессии, идущий от него вперемешку с запахом вина. Он кричит, что я девчонка с ко-

сой, что понятия не имею, что нужно женщине, что я красивая кукла, а не мужчина. Я говорю, что он пьян и должен замолчать, чтобы не позорить себя. Тогда он бросается на меня. Я не хочу его бить, уклоняюсь, пока это возможно. Шарлотта, которую это все почему-то развеселило, кричит, что я непременно должен ударить хоть раз, а не то он окажется прав, что я девчонка. Я бью, аккуратно и легко, но это только разъярило студента еще больше, он бросается на меня снова. Мы скачем по всей сцене, едва не сбивая столы и лампы. Мне надоедают эти скачки, я разбиваю нос противнику, и тогда он успокаивается. Шарлотта в ужасе. Фиар орет.

У меня снова приступ, на этот раз проблема с образом – неудивительно после чернохвоста. Нужно обернуться, чтобы отравы не подействовала на меня. Я снова крыса, снова в щели, там превращаюсь в птицу, в змею, в кошку, снова в крысу. Отпустило. Выползаю из щели, но не успеваю обернуться, меня ловят в ведро, затем пересаживают в очень тесную металлическую коробку, в которой пахнет табаком. Обращаться нельзя: тело не прорвет металл коробки, я только покалечусь. Выбраться из нее невозможно – она очень плотно закрыта, есть только маленькая щель для воздуха, но туда у меня даже нос не пролезает.

Я пишу и бешусь, пытаюсь напомнить о том, что я не зверь и что со мной так нельзя, но снаружи никакой реакции. Коробку куда-то положили и дальше я почти ничего не слышал. Вскоре мне опять стало плохо и я, чтобы не мучиться, уснул.

Я проснулся от того, что коробку со мной взяли и куда-то понесли. Ничего не было видно, я ничего не мог понять, кроме того, что оказался на улице.

Следующее воспоминание уже совсем смутные.

Все трясется, дышать тяжело, меня швыряет в разные стороны... внезапное ощущение невесомости, потом сильный удар. Я без сознания.

Когда я очнулся вновь, земля забивала рот. Почувствовав это, я стал отплевываться, но от резких движений сильно заболела голова. Кое-как поднявшись, я перевернулся на спину и уставился в небо. Острые темные верхушки деревьев прорезали слепящую белизну. Кажется, я в лесу.

Тело продрогло, я не чувствовал пальцев, горло и нос опасно жжет начинающаяся болезнь. Обернувшись волком, я остался лежать, согреваясь в теплой шкуре.

Через некоторое время сил стало больше, я принялся, чтобы понять, где нахожусь. Запахи смешались: промерзшая почва, лес и дорожная пыль. Кажется, я на обочине.

Лежать на холодной земле дальше нельзя. Я поднялся, припадая на переднюю лаву и осмотрелся. Первое, что попало на глаза, – разломанная коробка из-под сигар. Такие курил Фиар.

Недалеко оказалась дорога, я выбрался на нее, но так и не понял, с какой стороны город. Пришлось превращаться в птицу и заставить себя взлететь, несмотря на синяка и боль в мышцах.

Только когда я поднялся выше елей, смог разглядеть вдалеке огни Трехполье.

Огромный город, один из самых больших на материке, был едва различимым пятном на заснеженных просторах. Я устремился к нему, паря по холодному воздуху.

Однако, вскоре я понял, что не смогу лететь дальше: сил было совсем мало. Тогда я превратился в лошадь, ведь это самое выносливое животное, которое может двигаться по дороге, не привлекая внимания. Так я и шел дальше.

Прошел день, к вечеру я не выдержал и свалился спать на обочине собакой, к счастью, собакой я был достаточно лохматой. Живот сводило от голода, но есть, кроме мерзлой пыльной травы, было нечего: на охоту меня бы не хватило.

С рассветом я снова поплелся по дороге.

Вскоре мне попалась телега, я забрался на нее птицей и, не веря своему счастью, обнаружил в мешках зерно. До города я добрался за несколько часов, сытый и отдохнувший. Кажется, сейчас десять утра.

Интересно, сколько меня не было и как я очутился так далеко?... Что с Шарлоттой, что с Бэйр и Арландом?

Оказавшись в Трехполье, я первым делом бросился домой. Залетев в окно своей комнаты, я набросил халат и спустился вниз. Как только я вошел в коридор, на меня накинулась разъяренная ведьма.

– Ты где был, многоликий кусок шерсти!? – рявкнула она, пылая праведным гневом. У нее под глазами были боль-

шие черные синяки и выглядела так, как будто не спала всю ночь. – Мы места себе не находили, думали, что ты погиб!

– Вернулся!?! – в коридор выпрыгнул Арланд, в полном инквизиторском облачении. Он выглядел еще хуже, чем Бэйр. – Ты засранец! – крикнул он, подойдя ко мне и тряхнув, что было сил. – Я весь город на уши поставил, стражу подключил, тебя ищут по всем канавам с собаками! Где ты был!?

– Я...

– Арланд, прирежь его, а не то я это сделаю! – прорычала ведьма, побираясь ко мне поближе и отпихивая инквизитора в сторону. – Ты!... Слов нет! Куда делся на целых три дня!?! – вцепившись мне плечи, Бэйр страшно сверкнула глазами, и я уже приготовился к чему-то очень больному... но ведьма, вместо того, чтобы ударить меня, крепко обняла, уткнувшись лицом в мою грудь. – Убью!... – пискнула она жалобно, стискивая меня, что есть сил. – Напугал, идиотина!

– Но меня не было всего одну ночь...

– Два полных дня и еще сегодняшней, – возразил Арланд, устало потирая переносицу и садясь на лавку в прихожей. – После праздника ты пропал, на следующий день, когда к восьми вечера ты не вернулся, мы стали тебя искать. Дом Шарлотты был заперт, в театре пожимали плечами. Утром я обратился в стражу, они уже сутки обыскивают город... И вот, только сейчас, на третий день, ты вернулся.

– Как такое может быть?... Мне кажется, я был тут еще

вчера вечером.

– Что, эта бесформенная серая масса соизволила явиться? – в прихожую вплыл заспанный Люциус. С трудом продрал глаза, он задержал на мне ненавидящий взгляд, а потом зевнул. – Я высплусь, и ты умрешь. Медленно и мучительно. Обещаю, – монотонно произнес он и отправился спать дальше.

– Где ты был? – повторил вопрос Арланд.

– Я... я не знаю, – ответил я. – Я очнулся в канаве очень далеко отсюда, но ничего не помню. Мне еще предстоит со всем разобраться, но, думаю, это как-то связано с нашей театральной гулянкой.

– Где-где ты очнулся!? – удивленно воскликнула Бэйр, утерев влажные глаза и, наконец, отпустив меня.

– В канаве, – признался я, поморщившись. В телеге я вылизался, но наверняка вид у меня был неважный.

– И ты совсем ничего не помнишь? – недоверчиво спросил Арланд.

– То, что я помню, мало связано с тем, как я мог оказаться так далеко.

– Хорошо погулял, значит... – фыркнула Бэйр и, обессиленная, упала на лавку рядом с Арландом. – Все, я ввожу сухой закон! Все слышали!? Хоть капля, и я всех прибую...

После этих слов она сорвала с пояса Арланда флягу и, зазмурившись, выпила все содержимое.

– Мой леннайский виски... – грустно вздохнул инквизи-

тор, с бессильной печалью смотря на то, как опустошается фляга.

– Все, – закрыв глаза, Бэйр опустила голову на плечо Арланда. – Нервы из-за вас ни к черту!

– Ладно, ты жив, здоров, это самое главное, – вздохнул инквизитор, устало тормоша нашу ведьму. – Мы почти не спали все это время, поэтому сейчас мы пойдем отсыпаться. Попробуй выяснить, что с тобой случилось... Только, ради всех богов, не пропадай больше!

Я растерянно кивнул, и тогда Арланд повел засыпавшую на ходу ведьму в их комнату. Я же пошел в умывальную: после долгого пути хотелось погреться в горячей воде и вымыться.

Пока я мылся, смог сформулировать вопросы, которые буду задавать трупке. Естественно, тот, кто запихнул меня в футляр для сигар, сам не признается, так что мне придется постараться, чтобы докопаться до истины!

Также я попытался придумать, как и что могло случиться, чтобы я оказался за столько километров от дома.

Возможно, тот, кто запер меня в железной коробке, забыл меня на какой-нибудь повозке, а она как раз шла из города. Повозку тряхнуло на очередной кочке, футляр выпал на обочину, сломался, открылся. Я оказался в канаве, произошел приступ, и я принял свой истинный облик.

Вымывшись, я превратился в крысу, побегал пару минут кругами, а потом опять стал собой: шерсть всегда сохла на-

много быстрее, чем длинные волосы.

Когда спустился на кухню, я с грустью обнаружил, что без меня эти трое голодали. Кладовка оказалась пуста, посуда не вымыта, а единственное, что было из съестного, это куски вяленого мяса, которые остались еще с путешествий.

Пока я осматривал свое брошенное хозяйство, вниз спустился Арланд, так и не снявший инквизиторскую накидку.

– Ты не будешь спать? – удивленно спросил я.

– Я уложил Бэйр, сейчас пойду к страже, скажу им, что ты нашелся живой и здоровый... потом еще пара дел есть, – рассказал он, едва сдерживая зевок. – Если вдруг наш маленький рабовладелец проснется раньше, чем я приду, скажи ей, что я ушел гораздо позже и не на работу, а просто к страже, ладно? Бэйр обещала пойти в Орден разбираться, если меня в праздники вызовут... она пойдет, я знаю, а это ничем хорошим не кончится.

– Она заботится о тебе, – заметил я, недовольно глядя на Арланда. – Ты не можешь работать без выходных и сна!

– Объясни это духам, которые вселяются в людей, – усмехнулся инквизитор и вышел с кухни.

Я подумал о том, что Арланду надо бы подмешать снотворного как-нибудь, чтобы он хоть раз нормально поспал.

Готовить, имея неотложные дела, плохо: всегда торопишься и все получается кое-как. Поэтому вместо того, чтобы налаживать хозяйство, я оделся и, захватив денег, отправился на улицу, в одно неплохое кафе, где мы часто отдыхали с

группой. Там я заказал себе поздний завтрак просто для того, чтобы чем-то наполнить желудок.

Пока ел, я старался ни о чем не думать и собраться с мыслями: на душе было паршиво. Предстоящий разговор казался мне теперь хуже, чем некогда представлялась встреча с бросившей меня матерью. Предчувствие подсказывало, что в этот раз все само собой не образуется.

– Лео! – совсем рядом прозвенел знакомый голос и мгновенно отвлек меня от мыслей. Лариса. Меня передернуло, я сделал вид, что не слышал ее. – Лео, мальчик мой! – она пропела прямо у меня над ухом.

Мне пришлось сделать огромное усилие, чтобы не поморщиться с досады. Вот и то, чего я так боялся: первый разговор.

– О, Лариса... – я сделал рассеянный вид и обернулся к ней. Рыжая, с неестественной завивкой и совершенно отвратительной красной помадой актриса стояла передо мной в своей желтой меховой куцане и искусственно улыбалась. – Здравствуй.

– Привет-привет, дорогой! – жеманно протянула она, протягивая мне руку в длинной атласной перчатке с большим перстнем на безымянном пальце. Я учтиво поцеловал противную мне до зубного скрежета ладонь, специально не дыша, чтобы не чувствовать приторно сладкого запаха духов. – Ты ждешь кого-то? – спросила Лариса.

– Нет, обедаю, – ответил я, кивком разрешая ей сесть на-

против. Подбежавшему слуге Лариса сразу же заказала бокал вина и салат из одних овощей. Она почему-то считала, что, если будет есть одну траву, ее кожа станет моложе.

– Обедаеть? – удивленно сжала губы женщина. – Ты всегда ешь только то, что сам приготовил, разве нет?

– Меня не было дома два дня, без меня никто не готовил – объяснил я, начав подбираться к нужной мне теме.

– Где же ты пропадал эти дни, Лео? Ты пропустил столько прекрасных вечеринок, что это даже неприлично! Прием у мэра, званый обед у отца Шарлотты... Это было роскошно, роскошно, – она подняла взгляд к магической лампе, висящей над столом, и в ее глазах заплясало отражение света. Плохой прием. – Но без тебя все было совсем не так, знаешь... – Лариса перевела взгляд, ставший вдруг многозначительным, на меня. – Я волновалась, – почти прошептала она.

Я, не удержавшись, скривился. Арланд и Бэйр – вот кто по-настоящему за меня волновался! Эти же устраивали вечеринки, и сейчас упрекают меня в том, что я пропустил званные обеды!... Впрочем, если этим людям хватило совести запереть меня в табакерку, как пойманную мышь, вряд ли они вообще считают меня человеком, за которого стоит волноваться.

– В чем дело? – спросила Лариса, заметив мою реакцию.

– Мне было не до вечеринок, – мягко ответил я. – После новогодней ночи, после театра... я не помню, каким образом, но я оказался за много миль от Трехполя.

– В самом деле? Какая нелепость! – она взмахнула рукой, а потом прижала ее к груди и широко распахнула глаза. – И совсем ничего не помнишь?

– Ничего, – подтвердил я. – Ты не можешь сказать, куда я пошел после того, как мы были в театре?

– Милый, Сольеро, – я вспомнил, что это имя студента, с которым я подрался, – притащил такое гадкое вино, что и у меня все как в тумане! Но я-то проснулась у себя дома... может, тебя после прогулки отправили домой какие-нибудь хулиганы на извозчичьей лошади и назвали неверный адрес?

– Не думаю, – коротко ответил я.

Выходит, что все они видели, как меня поймали в железную коробку и никто ничего не сделал. Иначе зачем Ларисе врать и пытаться внушить мне, что я сам вышел из театра, а потом еще и гулял где-то? Хорошо, что я хоть что-то помню, иначе думал бы, что во всем в самом деле виноваты извозчик и несуществующие хулиганы!

– Знаешь, Лео, что я тебе скажу? – не без наигранной актерской таинственности, но достаточно серьезно начала Лариса.

– Что же?

– Это касается Шарлотты. Мы все уже давно знали, но тебе сказать не решались: у тебя ведь такое нежное и чуткое сердце... Впрочем, ты сам все поймешь. Лео, милый, ты должен пойти к ней: она... волновалась за тебя. Иди к ней, успокой ее, – наставительно и неестественно ласково посовето-

вала Лариса. Если бы не странные совершенно непонятные намеки, которые могут означать что угодно, я бы решил, что ни за что не пойду сейчас к Шарлотте. Но вдруг с ней случилось что-то плохое?

– В чем дело, Лариса? – я попытался надавить и добиться нужного ответа. – О чем ты говоришь?

– Отправляйся к Шарлотте. Она ждет, – ей не понравился мой резкий тон, и она сделала вид, что оскорбилась. Встав из-за стола, Лариса ушла из кафе, не сказав ни слова.

Расплатившись за свой обед и за нетронутый салат, я вышел через несколько минут после женщины. Хотя у меня и были сомнения насчет ее слов, я все же отправился к дому Шарлотты.

Дверь была заперта, это могло означать только то, что Шарлотта еще не проснулась: вряд ли она отлучилась по каким-то делам в такое время в праздничный день.

Наверное, мне следовало уйти, отправиться к Фиару или вернуться домой, но я почему-то решил непременно проверить, все ли в порядке с Шарлоттой. На втором этаже всегда было открыто окно спальни, а это значит, что я могу легко попасть внутрь дома даже если дверь заперта, а на стук никто не отвечает. В конце концов, я имел на это полное право, учитывая наши с Шарлоттой отношения: мы ведь поцеловались!

От воспоминаний у меня приятно защемило в груди, и я понял, что точно должен увидеть ее сейчас! Я просто не

смогу ничего делать, пока не увижу ее.

Обернувшись воробьем, я взлетел к окну и, покружив немного, опустился на корзинку для цветов, в это время года покрытую плотным слоем мерзлого снега. На стекле толстый слой снежного налета, образовавшего красивые узоры, не позволяющие заглянуть в комнату. Пришлось пробираться внутрь сквозь приоткрытую наверху щелку: будучи птицей это сделать достаточно непросто.

Когда я спустился на подоконник внутри комнаты, то с ужасом заметил, что Шарлотта смотрит прямо в мою сторону. Почему-то это очень меня испугало, может, птичьи инстинкты разыгрались, у меня перед глазами все потемнело... Но, придя в себя, я понял, что это вовсе не Шарлотта так пристально смотрит на меня, а ее отражение в большом зеркале, прикрепленном к высокому шкафу. Сама девушка сидела чуть дальше, повернувшись ко мне полубоком, и внимательно разглядывала себя в зеркале.

Шарлотта еще не оделась, на ней был легкий халат, а красивые вьющиеся волосы выбились из ночного пучка, несколько прядей спадало на нежные плечи. Девушка была прекрасна, как никогда, отчаянно грустное выражение точеного лица придавало ее облику сходства с картиной.

Залюбовавшись образом, я не сразу вспомнил, что люди не сидят неподвижно перед зеркалами с таким видом, если с ними все в порядке.

Я решил обернуться собой и узнать, в чем дело, но в тот

же миг, как я это решил, произошло нечто, чего мои птичьи нервы не выдержали, и я с испугу упал с подоконника на пол. Я забыл взлететь и больно ударился, потому инстинктивно спрятался за штору.

Я испугался низкого мужского голоса, так неожиданно прозвучавшего в этой комнате.

– Почему ты встала, Шарлотта? – спросил он. Насколько я мог слышать, голос раздался со стороны кровати.

Сначала я изумился и задал сам себе вопрос о том, что здесь может делать мужчина... но на этот раз наивность отступила раньше, чем обычно, и оставила яркий образ того, что именно он здесь делал, пока я валялся в лесу.

– У меня на душе тяжело, – призналась Шарлотта, не отворачиваясь от зеркала.

– Опять те же мысли? – мужчина потянулся и, судя по скрипу, сел на кровати. Я его не видел.

– Я смотрю на себя и не понимаю, как такое может быть... вот я, а вот человек-отражение. И мне по-прежнему кажется, что это разные люди, – ответила девушка надрывным от отчаяния голосом. – Я ведь не могла так поступать, так подло и лицемерно... Это не я!

– Тебе вынуждают обстоятельства, ты ни в чем не виновата, – успокоил ее мужчина. – Твой отец, общество... твоё положение.

– Знаю, но ведь они не решали за меня. Я... я совсем обессилила! Еще немного и я потеряю власть над собой, над об-

стоятельствами... уйду, убогу, и больше никогда, никогда!...
– она не договорила, утихла, то ли подавленная собственными эмоциями, то ли успокоенная объятиями мужчины.

Я слышал, как шуршит халат под его руками. Слышал, и позорно бездействовал. Возможно, все из-за шока, возможно потому, что затаиться и подслушивать было для меня естественнее, чем встречать проблему лицом к лицу.

– Я не могу больше так!... – вновь воскликнула девушка. – У меня нет чести, но совесть пока еще осталась. Обманывать этого несчастного? Он ходит за мной по пятам собакой, улыбается, что-то там себе думает... а я рядом с ним вся дрожу, мне страшно! Он не человек... пытался меня поцеловать... у него зубы острые, как бритвы! Я порезала язык, случайно коснувшись резцов... нет, это безумие! Нельзя так, нельзя... надо прекращать, пока не дошло до большего!

– И не дойдет, – твердо отрезал мужчина. – Ты не говорила о том, что этот выродок отважился лезть к тебе!

– Почти два месяца, как он меня под ручку водит и задаривает дорожками украшениями, удивительно, как он еще не требует от меня всего... Хотя он не потребует. Он такой ребенок! Просто щенок... ласковый, глупый щенок, которого Фиар дрессирует для своей сцены. А я что же? Я еще и обманываю его, топлю его в этом болоте «высшего света», вожу по салонам, как нового породистого грифона, лишь бы в газетах написали о том, что дочь городского судьи теперь с актером, а не с разорившимся дворянином... использую его,

как последняя дрянь!

– Отец лишил тебя содержания, узнав, что ты связалась со мной, тебе необходимо было вернуть расположение старого сумасброда, пойти на поводу... это он вынудил тебя на поддельные отношения со знаменитой игрушкой общества. Ты ни в чем не виновата, Шарлотта, и ты можешь прекратить это в любой момент, оставшись совершенно чистой.

– Я так и сделаю! – решительно воскликнула девушка. – Как только встретимся, я все ему скажу... скажу, чтобы он ни на что не надеялся, верну жемчуга!... Хотя, кажется, я потеряла это ожерелье на празднике... так что не верну.

– Если хочешь, я сам ему все скажу.

– Нет, он... его лучше не злить, поверь. Он только кажется безобидным, но я сама видела, как он однажды поднял карету, чтобы помочь вытянуть застрявшее в яме колесо, и что он сделал с Сольеро в драке! Бедняга чуть не умер после такого удара! Я не хочу, чтобы он озверел и убил тебя! Иногда он совершенно собой не управляет.

Пока продолжался разговор, я успел опомниться, превратился в крысу и стал аккуратно взбираться по шторе к открытой форточке. Забравшись на достаточную высоту, я выпрыгнул на улицу, в прыжке стал птицей и что было сил забил крыльями, стараясь улететь подальше от дома Шарлотты.

Спустившись в один из тупиков, я обернулся собой и, не думая ни о чем, медленно пошел, куда глаза глядят. Ин-

стинктивно обходя людей и держась подальше от дороги для лошадей и повозок, я бродил по улицам, совершенно не желая думать.

Часы сменяли друг друга, я не помню точно, где был и кого встретил, все слилось в одну долгую белую от снега улицу и шаги, один за другим. Так продолжалось пока не стемнело и мне на глаза вдруг не попала яркая, увешанная праздничными гирляндами бакалейная. Не помню, как я к ней вышел, но я как будто очнулся ото сна, когда передо мной очутилась украшенная яркая витрина, сквозь которую в холодные серые улицы проникала частица противоположного мира – образ теплого уютного помещения, где за отдельными столиками в полумраке свечей люди отдыхали от забот.

Приглушенный свет из витрины падал прямо на меня, мир вокруг постепенно оттаял и ожил, наполнился запахами: ваниль, корица, шоколад...

Не думая ни о чем, я зашел внутрь.

Когда я оказался в зале, все посетители уставились на меня, даже слуги остановились. Я подошел к одному из них и спросил, нет ли сейчас в бакалейной хозяина. К моему удивлению, Костаф Деноре был на месте, и мне можно было к нему зайти.

– Хммм... что-то знакомое, или мне только кажется? – когда я зашел в кабинет, кондитер кинул на меня короткий взгляд и его усы искривились от ухмылки. – Чего тебе нужно, чудовище?

– Я хотел бы снова попроситься на работу. На этот раз на постоянную.

– Ты!?!... – Костаф фыркнул и окинул меня оценивающим взглядом. Он разглядывал меня несколько минут, потом лицо с выражения издевки вдруг переменялось на понимающее. – Принят. Завтра в восемь утра чтобы был на месте. На праздники заменишь двух поваров, слугу и уборщицу, а после посмотрим. И чтобы не было этой косы! Неопрятно.

– Завтра в восемь, – кивнул я и, взглянув на прощание на Костафа, вышел.

Что-то светлое, навеянная образом яркой витрины, улетучилась, когда я снова оказался на улице. Я опять чувствовал себя насквозь промерзшим одиноким зверем – то же чувство, которое я испытывал на тракте в Трехполье. Но больше желания бродить по улицам я не испытывал и потому отправился домой

Как только я вошел через калитку, увидел, как Арланд и Бэйр валялись в снегу и смеялись, будто умалишенные. Вокруг них восторженно визжа носился щенок, который был вне себя от счастья. Люциус наблюдал за ними из окна прихожей, прижимая к горлу огромный шерстяной шарф, – подарок Линды, – и улыбался.

Я остановился, не решаясь идти мимо них. Не знаю, почему я остановился. Как будто что-то не пускало меня к их веселому кругу.

– Лео, на тебе лица нет... что-то случилось? – заметив ме-

ня, ведьма прекратила смеяться и, выбравшись из сугроба, подбежала ко мне. – Где ты так долго был?

– Да так... – я пожал плечами и посмотрел себе под ноги. Я совсем не знал, что ей сказать.

– Ты выяснил, как оказался так далеко? – спросил Арланд, поймав разбесившегося щенка и засунув к себе в шубу, чтобы не простудился. Щенок стал вырываться и недовольно ворчать, но вскоре угомонился, пригревшись.

Увлечшись наблюдением за Кречетом, я не сразу вспомнил, что мне задали вопрос. Арланд, заметив мой растерянный взгляд, повторил.

– Я... Я не знаю.

На самом деле я уже забыл о том, что должен был выяснить, как очутился так далеко. Теперь этот вопрос казался мне совсем не важным. Какая разница, как я туда попал? Разве это имеет теперь хоть какое-нибудь значение?

– Я устал, – не глядя на удивленную Бэйр, я прошел мимо нее в дом.

Там ко мне попытался пристать Люциус, но видя, что я никак на него не реагирую, быстро оставил меня в покое.

Есть мне не хотелось, поэтому я поднялся в свою комнату и там, раздевшись, улегся на кровать, полностью спрятавшись под большим покрывалом, пахнущим перечной мятой.

Теперь, когда я оказался в своей безопасной и теплой норе из одеяла, окруженный любимым запахом и темнотой, я мог представить, что нахожусь дома. Обычно это всегда по-

могало успокоиться.

Я принялся убеждать себя, что засыпаю в своей подземной коморке, что рядом трещит камин и еще вокруг пахнет недавно приготовленным ужином. А на тумбе лежит невероятно интересная недочитанная книга про жизнь прекрасных и загадочных существ – людей...

Воспоминание вызвало резкий приступ головной боли, и я свернулся в тугой клубок. Сильно заболели глаза.

Люди... теперь они были не в книжках, а в моей собственной жизни, в моей душе. И они оказались совсем не теми, кем я их вообразил. Страшные злые чудовища, скрывающиеся под масками, вот кто на самом деле эти прекрасные и загадочные создания!... даже самые лучшие из них оказались омерзительнее негодяев из книг!..

– Лео? – мои мысли прервал обеспокоенный голос Бэйр. Я слышал, как она открыла дверь и заглянула в мою комнату. – Лео, все в порядке?

– Уходи! – крикнул я, со всех сил вцепляясь пальцами в простыню и напрягая челюсть, чтобы голос не дрожал.

– Что с тобой?... Ты плачешь?

– Нет! Уходи!

Дверь захлопнулась. Я снова был один.

Появление ведьмы, ее обеспокоенный голос вдребезги разбили хлипкое спокойствие моего темного мира. Я не выдержал и судорожно всхлипнул, чувствуя, что за этим всхлипом последуют рыдания.

Мне было так больно, я готов был метаться по всей кровати, хотелось выть и рычать. Но я удержался, вцепился в подушку и уткнулся в нее лицом, не давая себе проронить ни звука.

Впервые в жизни я заставил себя унять слезы: люди, из-за которых мне было так плохо, их не стоили.

На следующий день голова оказалась удивительно ясной. Я отправился в кафе Костафа и проработал там, не думая ни о чем. Когда я вернулся домой, оказалось, что Арланд принес на ужин еду из трактира.

Люциус и Бэйр набросились на жареную курицу, как голодные животные, инквизитор, чтобы не остаться голодным, даже снял кожаные перчатки, чтобы не запачкать их о жирную кожу. За едой все они весело болтали, обсуждая события дня.

Я уселся за стол, взял себе в тарелку кусок курицы и немного картошки, я надеялся отмолчаться, но, в конце концов, Бэйр все-таки спросила, в чем дело.

– Кажется вино, которое студент принес на праздник, содержало чернохвост, – сказал я. – Возможно, я застрял в одном обличии, потерял власть над собой и улетел из города, испугавшись.

– Чернохвост? – Арланд с Бэйр и Люциусом обеспокоенно переглянулись.

– Его постоянно добавляют в дешевое вино: он дает хороший вкус, – объяснил я. – Вы не знали?

– Это сильнейший ингредиент для зелий! – воскликнула Бэйр.

– И его часто используют темные для призыва: он помогает призраку удержаться в оболочке, – добавил Арланд, странно посмотрев на меня. По его глазам я понял, что сказал что-то очень важное. – Леопольд, где вы берете такое вино?

– У мэра целая цех за городом. Ну, возле кладбища, знаете? А при ней склад, – рассказал я, стараясь припомнить все до последней детали. – Дочь мэра, – девушка в очках, которая выступает за права рабочих, – часто выбивает нам бочонок или два с этого склада, а приносит их обычно студент.

Больше Арланд ничего не сказал, но весь оставшийся вечер сидел задумчивый. Бэйр с Люциусом не подавали виду, что что-то не так, но я заметил, как они переглянулись после моих слов.

Возможно, я спросил бы, в чем дело, но усталость была слишком сильной, да и желания говорить хоть о чем-то, что связано с театральной компанией, у меня не было.

Зелье для Райнара

Бэйр

После праздников для нас с Арландом жизнь вернулась в свою привычную колею. Он снова начал пропадать в Ордене, а я – в университете. Совсем иначе потекла жизнь Лео.

Бедняга после того, как узнал о нечестности Шарлотты, впал в глубокую депрессию. Он полностью ушел в работу в кафе, брал на себя все, что только мог. Дома мы его почти не видели, разве что поздно ночью, когда он возвращался на сон.

Только после праздников отдохавшие работники бакалейной вышли на работу, и тогда Лео получил передышку: вместо десяти часов работы стало семь. К тому же, босс сжалился над оборотнем, к которому посетители постоянно приставали с расспросами о театре, – знаменитость, покинувшая сцену – его история наделала много шума, – и перевел его на кухню, где Лео мог общаться только с мукой и яйцами.

У печки оборотень тоже оставался недолго, его лошадиное трудолюбие не прошло даром, и он доказал, что способен не только готовить. Он стал заниматься закупками ингредиентов, придумывал рецепты и помогал с интерьером, можно сказать, стал правой рукой Костафа Деноре.

Помимо работы Леопольд увлекся рисованием, он снял

себе студию и нанял лучшего учителя, – все это не без помощи Люциуса и его таланта творить золото из воздуха.

Все мы заметили, как сильно повзрослел оборотень после того случая. Леопольд начал одеваться скромнее, если готовил для себя, то обходился без изысков, а людей стал сторониться. Если он и общался с кем-то вне рабочего времени, то только с леннейями, его знакомыми торговцами пряностями.

На целую неделю он уезжал к матери и Лорену, проводить их и сестру. Они теперь жили в своем уединенном доме на берегу моря, Лорен вел какие-то лекции по истории в местном университете и оба были счастливы. Большого мы из оборотня так и не вытрясли;

Арланд попробовал проверить фабрику и ее склады, но, как ни странно, его туда не пустили, прикрыв все производственной тайной. Как ни старался, инквизитор не смог выбить себе пропуск, а после того, как его вызвали в мэрию на серьезный разговор, и вовсе оставил это дело. Он стал больше времени проводить в Ордене, помогая лекарям: зима в Трехполье выдалась холодной и больных оказалось больше, чем обычно.

Больница здорово преобразила инквизитора: не знаю, что он там делал, но я никогда до сих пор не видела его таким живым. Когда он возвращался, его глаза горели так же, как у Леопольда, когда тот смотрел на выпечку. Между нами я подшучивала, что такое воодушевление Арланда на работе вызвано молодыми лекарками, сходящими с ума от графа,

оставившего наследство ради того, чтобы помогать людям. Поначалу я только смеялась над этим, но потом, когда эти лекарки начали ходить к нам в дом якобы чтобы занести печенье, мне стало не до смеха.

Не подозревая, с кем говорят, эти дурочки на перебой расписывали мне, какой Арланд замечательный и талантливый, как быстро всему учится, какой он добрый и ответственный... Я слушала все это, сжав челюсти, но не убирая с лица милой улыбки. Через несколько подобных встреч женитьба перестала казаться мне такой уж бессмысленной затеей, хотя говорить я об этом не стала и принялась ждать лета, регулярно выбрасывая в помойку выпечку бестолковых лекарок.

Усугубляло ситуацию то, что я регулярно натыкалась на запечатанные письма на рабочем столе инквизитора. Этот несчастный параноик как знал, что я полезу их читать, потому зачаровывал конверты едва ли не сильнее, чем свою одежду! На все мои вопросы Арланд только широко раскрывал глаза и принимался рассказывать про свою великолепную любовницу, которая якобы и посылает ему эти письма. Я так и не узнала, что было в тех конвертах, но подозревала, что инквизитор переписывается со своим любимым учителем из Ордена: на них стояла печать с крыльями.

Наверное, я бы докопалась до сути этого дела, но времени на ревнивые расследования у меня не было. Да и желания, честно говоря, тоже.

Мы с Люциусом обустроили себе лабораторию: благодаря

талантам метамага Черный Рынок был у наших ног! Лучшее оборудование, чистейшие ингредиенты от надежнейших поставщиков, даже склянки, и те у нас были исключительно хрустальные!

Через несколько дней, когда наш подвал мог сравниться с лабораторией Истэки, мы с Люциусом принялись за работу над амулетом для Ордена, благо, все необходимое Райнар мне уже достал. В тот месяц я почти не спала, возвращаясь из академии, я просиживала внизу по десять часов, даже еду Леопольд приносил мне на подносе. Мир метамагии и законов тонких материй, изучаемых инквизицией, поглотил меня с головой.

Я обнаружила, что левая рука отлично работает с любым проявлением духа, я даже могла влиять на кружево так, как это делают инквизиторы. Это оказалось очень кстати, учитывая то, что мой амулет должен был быть связан с душой человека, защищать ее от любых воздействий.

Чтобы добиться должного действия, мне приходилось смешивать многие материи. На фабриках, где часть работы автоматизирована благодаря станкам на магических кристаллах, некоторые соединения можно было получить за секунды, в то время как в простой лаборатории на это могли уйти дни. Люциус научил меня управлять веществами, перемешивать их друг с другом прямо в воздухе и творить необходимые реакции. Сначала это были жидкости, потом желеобразные материи и, наконец, твердые вещества. Сложнее

всего пришлось с деревом и другими органическими материалами: чтобы отделять друг от друга клетки, не разрушая их, требовалось колоссальное сосредоточение и ювелирная точность! К счастью, с пресловутым деревом мне возиться так и не пришлось, нашлись более подходящие соединения из местного каучука. Кроме того, из памяти всплыло удивительно много знаний о духах и устройстве души, о ее связи с физическим миром и с тем, что позволяло прежней Бэйр путешествовать во снах в другое измерение.

Я вспомнила, как однажды, сама того не понимая, явилась в комнату Дейкстера и смогла предупредить его о Хранителе, скребущемся в дверь. Это воспоминание совершенно поразило меня теперь, когда знаний о таких вещих у меня было куда больше. Сумасшедшие идеи, которые закрутились в моей голове, я записала в дневник Маггорта и заставила себя забыть о них до тех пор, пока не закончу амулет для белых сов.

Когда амулет был готов, я не спала уже пару дней, потому сил на то, чтобы радоваться, у меня просто не осталось. Откинувшись на спинку кресла, я закурила и уставилась в пустоту. Впервые за месяц в моей голове не оказалось ни единой мысли.

На следующее утро, как только Арланд встал, я показала образец ему. Благодаря его скрытым способностям, – тем самым, которых ни у одного порядочного экзорциста быть не должно, – мы смогли испытать вещицу в действии. Оказы-

вается, к прочим плюшкам, полагающимся рожденным демонам, добавлялась возможность проникать в мысли человека. Я вспомнила, что именно это делал Истэка: пытаюсь заставить меня зазубрить жизненно важные формулы, он не оставлял меня в покое даже в ванной, звуча голосом в голове. Выяснилось, что подобные фокусы были ничем иным, как частичным подселением.

Амулет прошел испытание, и тогда мы отправились в Орден. Спустя сутки, – я как раз успела немного отоспаться, – умные старички в рясах признали мое изобретение гениальным и немедленно пустили в производство. Они были так милы, что решили вывести меня на площадь перед всем городом и прилюдно погладить по головке, мол, хорошая ведьма, берите с нее пример. Я была не в себе от усталости, вся растрепанная, с чудовищными синяками под глазами и осунувшимся лицом, да и чувствовала себя не лучше. Я почти ничего не соображала и просто делала, что говорили.

Когда же до меня дошло, что мужик, до боли в костях сжимающий мою левую руку, – это мэр Трехполя, я округлила глаза от удивления. Он спросил меня, чего не хватало столь талантливому созданию для работы, и я от растерянности ляпнула, что академия отнимает слишком много времени.

Через пару дней после этого мне поставили досрочные экзамены и я, кое-как подготовившись, сдала все, кроме того предмета, который вела Ионора Лабава – преподаватель-

ница, видящая ауры. Ее экзамен единственный принимался письменно, а, так как писать я толком не умела, вредная библиотечка отказалась зачесть мою работу. Пришлось сдавать второй раз. Арланд купил мне букварь, я с трудом заставила себя просидеть над ним несколько часов, а потом еще пару дней выравнивала почерк. К счастью, этого оказалось достаточно, чтобы Ионора осталась довольна. На прощание она неожиданно попросила меня подождать ее в кабинете.

Я отправилась туда, едва не засыпая на ходу, и уселась на стул возле рабочего стола.

Все тут было так ровненько, листочек к листочку, даже перья в подставке стояли прямо, как столбы. Находиться в этом кабинете мне было ужасно неуютно, я чувствовала себя грязным веником на вылизанной кухне, хотелось поскорее убраться отсюда домой.

Наконец, Ионора зашла внутрь и закрыла дверь. Поправив рукав светло-сиреневой мантии и очки с бордовой оправой, преподавательница прошла к столу. Я выпрямилась, приготовившись к серьезному разговору. Скорее всего, речь пойдет о том, что я ничего не знаю и вообще грех давать такому дикому чучелу диплом такой престижной академии...

– Я слышала, Райнар предложил тебе заниматься у него дома? – спросила она без обиняков.

– Да, – оторопело ответила я. От неожиданности я даже не успела ничего соврать.

– Что ж, поскольку здесь ты, как я вижу, больше не по-

завидишь, я должна кое-что тебе рассказать, – проговорила она. Ее голосе, обычно полный высокомерия, теперь звучал даже покровительственно, словно я была ее любимой отличницей.

– Я слушаю, – пробормотала я, пытаюсь понять, что вообще сейчас происходит.

– Я знаю, кто ты, – проговорила она, не сводя с меня внимательного взгляда сквозь очки. – Я видела прежнюю Бэйр, когда во время отпуска уехала в Рашемию к матери.

После этих слов всю мою сонливость как рукой сняло. Я обратилась в слух.

– Странная девочка заявила к нам в дом под видом бродяжки, а ночью пробралась в мой кабинет и стала задавать странные вопросы. То, что стало с твоей рукой, – она скользнула взглядом по перчатке. – Бэйр пыталась исправить ужасную ошибку, совершенную больше десяти лет назад. Она спрашивала меня о том, какой материал лучше всего подойдет для магического предмета, который она хотела создать. Когда она описала свойства, я ответила, что нет материала совершеннее, чем тело человека, и рассказала ей о ритуалах инквизиции, меняющих кружево. Я не думала, что она решится сделать с собой то, о чем мы говорили.

– Это сделала не она, – ответила я, замороженно смотря на преподавательницу. Черт возьми, так близко!... Все это время она была так близко! – Ее тогда уже не было: оказавшись в смертельной опасности, Бэйр перескочила в мое тело,

но ее душа в нем не прижилась. Позже я встретила сатира, его звали Фавнгриф... кажется, он называл себя Хранителем Садовой Роши.

– Сливовой, – вежливо поправила Лабава. – Продолжай.

– Он не успел мне ничего объяснить, он умирал, а я едва могла пошевелиться, времени не было. Он проткнул мне руку рогом единорога, втер под кожу порошок, который остался у меня в сумке от прежней Бэйр, и добавил что-то свое. Через несколько месяцев рог стал частью моего тела, превратившись в мышцы и кожу, а по руке от него разрослись полосы.

Расстегнув перчатку, я показала руку Ионоре.

– Вы знаете, для чего это? – в надежде спросила я. Неужели я, наконец, узнаю, что делала прежняя Бэйр!? Просто не верится, и ответ все время ходил рядом в облике этой вредной библиотечарши!

– Я догадываюсь, – увидев, во что превратилась моя кисть, преподавательница судорожно вздохнула.

Белые наросты в середине ладони, наслаивающиеся один на другой, словно лишайники на дереве, – зрелище не для слабонервных. Эти наросты уже начали оплетать пальцы, кожа становилась похожей на кору дерева.

– Но если Бэйр действительно хотела сделать то, о чем спрашивала меня, то эксперимент не удался, – вздохнула Лабава, откидываясь на спинку стула. – То, что вышло – такого никогда не было. Твое счастье, что в Ордене Белых Сов тебя

рассматривали недостаточно внимательно.

– А что собиралась сделать Бэйр?

– Что ж, это сейчас уже неважно: у нее не вышло сделать задуманное. Я позвала тебя сюда, потому что хотела сказать, что ты должна защищать последнюю работу Фавнгрифа, ведь не только я вижу, что это такое, и что можно сделать с такими силами. Самое лучшее и самое безопасное для тебя решение, это отрезать руку и сжечь, – заметив мой дикий взгляд, Ионора продолжила, – но на это ты не пойдешь. Потому будь осторожнее. Я не могу говорить прямо, особенно теперь, но я дам тебе совет. Держись поближе к своему опекуну и подальше от кого бы то ни было. Люди, которые хотели бы получить силу инквизиторов, не продавая душу Ордену, уже давно следят за тобой. И от Ордена тоже держись подальше: если они увидят, что с тобой на самом деле, закончишь жизнь подопытной в Церкви. Вот и все, что я хотела тебе сказать.

Совершенно сбитая с толку, я так и не придумала, что еще спросить у преподавательницы, кроме того, откуда ей известны все эти вещи.

– А вот это тебя уже не касается, – ответила она прежним строгим тоном.

Я спросила, можно ли мне будет прийти к ней, если появятся вопросы, но Ионора сказала, что в академию пускают только студентов, и, раз я уже выпустилась, то нечего мне тут расхаживать и плохо влиять на молодые умы. На этом наш

разговор закончился.

Добравшись домой, я пристроила только что полученный диплом в рамочке в той части дома, которая была отведена под торговую лавку. Люциус уже выставил на полки наши зелья и, как только бумажка появилась, повесил на двери снаружи табличку «Открыто». Оставив торговлю на колдуна, я поднялась в нашу с Арландом комнату и, упав на кровать, провалилась в глубокий сон.

Очнулась я только к вечеру, когда услышала, как внизу звякнул колокольчик: это инквизитор вернулся из больницы. Я спустилась вниз, Лео с Люциусом уже сидели на кухне за чаем, дожидаясь, пока приготовится ужин в духовке. Арланд только пришел и никак не мог отцепить от себя щенка.

Кречет за месяц вымахал так, что страшно было смотреть: кажется, он рос по сантиметру в день! Когда я принесла его в дом, щенок был меньше кошки, а теперь стал вполне себе средней собакой. Его милые попискивания потихоньку превращались в басистый лай, начал показываться дикий характер.

К счастью, Арланд оказался достаточно жестким хозяином, он смыслил в дрессировке, – сказался опыт охоты в графстве, – и, стоило ему гаркнуть на разошедшегося пса, тот всегда успокаивался: возможно, дело было в металлических отголосках, которые были неразличимы для человека, но отлично слышны чуткому собачьему уху. Постепенно их игры стали переходить в серьезное воспитание... но о каком

воспитании могла идти речь, когда Арланд возвращался домой после рабочего дня? Если Кречет слышал заветные шаги в прихожей, весь дом взлетал кверху!

– Кречет, фу! Фу, я сказал! – ворчал инквизитор, пытаясь убраться от своего лица слюнявую морду. Но отбивался он не слишком убедительно, потому был зализан до смерти.

– Уже вернулся? – спросила я, подавив зевок.

– Да...

– Как больные?

– Что? – переспросил Арланд, будто удивившись. – Какие больные?

– Ну, в больнице, – я улыбнулась. – Или где ты там был со своими лекарками?

– Ах, точно! Отлично. Их все меньше, – успокоил меня инквизитор. – Больных, то есть.

Мы прошли на кухню и там каждый по очереди принялся рассказывать, что с ним случилось за день. Я рассказала про то, как сдала экзамен, и про странный разговор с преподавательницей.

– Я и подумать не могла, что эта гримза столько обо мне знает! – воскликнула я, закончив рассказ.

– Эта гримза одна из умнейших магов последнего столетия, – вздохнул Люциус. – Асимметрия у нее слабая, едва хватает на свечку, но силу компенсируют знания.

– Ты знаком с ней!? – поразилась я.

– Слышал, – отмахнулся колдун. По его лицу я поняла,

что он не хочет говорить об этом дальше. Арланд после моего рассказа тоже помрачнел, но говорить ничего не стал. – Леопольд, можно мне добавки?

– Конечно! А у нас в кафе...

Лео рассказал про мужчину, который заказал десяток черничных кексов. В то же время в зале был толстый леннай, который заявил, что тот никогда столько не съест. Они поспорили, едва ли не до драки, а потом леннай заказал себе двенадцать, и они устроили соревнования! На это собрались посмотреть все жители окрестных улиц, было настоящее шоу. В конце концов толстый леннай выиграл, – мужик смог съесть только шесть, – и Леопольд вручил ему абонемент в кафе на завтраки.

Рассказ Лео здорово разрядил обстановку, остаток вечера прошел в веселых шуточках за чаем.

Через несколько дней я окончательно пришла в себя, ото-спалась как следует и отдохнула. Дни потекли один за другим, незаметно вылившись недели, а потом и в месяцы.

Мой амулет, который раздали всем желающим жителям Трехполя, сработал: вселения почти полностью прекратились. Арланд, недолго радуясь появившемуся свободному времени, окончательно перевелся в больницу, чтобы придти домой еще позже, чем раньше. Из-за этого я на него немного поворчала, мол, почти не видимся, но сама в итоге была не лучше: если не торчала в подвале, я бегала во Вдову или изучала лавки Черного Рынка.

Предупреждения Люциуса, Райнара и Ионоры я решила принять к сведению и серьезно ограничила круг знакомств. Появившееся кольцо на левой руке смогло успокоить любопытных простаков вроде Чижа: они охотно поверили в байку о том, что конечность пострадала в огне, но вот недавно Арланд нашел мне чудо-лекаря и теперь я снова ей колдую. На таких, как Кред, моя история не подействовала, но это было уже неважно, – если я и встречалась с темными магами Трехполья, то только проходя мимо. Сам Кред вскоре и вовсе пропал из города.

Люциус поначалу рвался меня сопровождать, куда бы я не ходила, но через какое-то время успокоился, так как у него появилось, куда девать свободное время. Люська, эта рыжая драконица, добилась-таки своего. Не стоит описывать все ее выходы, и то, как сам Люциус был иными вечерами, умоляя меня превратить его обратно в лошадь и избавить от любви отчаянной студентки. Несмотря на все это, кончилось все предсказуемо. Сначала чародей Люську терпел, потом он к ней привык, затем привязался к ее шуточкам и сам стал искать ее общества. Мне только и оставалось, что подтрунивать над колдуном, усаживаясь за прилавок каждый раз, когда он убежал на очередную свиданку.

Торговля шла неспешно, не сказать, чтобы мои зелья много приносили, но зато мне нравилось их придумывать и совершенствовать. Конкуренентов в Трехполье оказалось немислимое количество, многие маги жили на Черном Рын-

ке уже около двухсот лет, горожане знали таких с самого своего рождения. Кроме того, сотни выпускников академии расхаживали по улицам, предлагая свое варево каждому встречному. Были и такие маги, которые работали уже лет двадцать-тридцать, колдовали отлично, а брали ненамного больше студентов. На таком фоне единственным моим плюсом было то, что я подопечная белых сов, а, значит, точно никого не отравлю и не изуродую, – по крайней мере, так думали люди. Через пару месяцев у меня даже появились постоянные клиенты, но таких было меньше десятка.

Помимо того, что работала в своей лавке и готовила зелья, я лениво пытаюсь расковырять собственную руку. После рассказа Лабавы мне стало интересно, что с ней на самом деле сделал сатир, однако, успехов мои опыты пока не приносили.

Как и договаривались мы с Райнаром, после экзаменов я стала ходить к нему несколько раз в неделю, чтобы заниматься големами. Эти встречи стали для меня все равно что походы в игровую комнату! Как и Дейк, Райнар любил погулять и выпить, часто попадал в нелепые передраги, а его ехидные замечания по поводу всего на свете заставляли меня смеяться до слез. Мы быстро нашли общий язык, да и работа у нас шла хорошо.

Райнар оказался чем-то вроде местного гениального кукольника, его големов заказывали со всего мира за бешеные деньги: кому-то они были жизненно необходимы, а кто-то хотел украсить интерьер двигающейся и говорящей кон-

струкцией.

Магическую биомеханику преподаватель знал так, словно сам ее придумал, но сил на метамагию у него не хватало. Это создавало множество трудностей, ведь в таком деле она была необходимо. Собственно, это и был ответ на все мои догадки о том, ради чего Райнар так за мной бегал. Ему просто не хотелось отваливать огромные деньги на материалы из лабораторий, и он решил, что будет куда лучше, если я стану работать над деталями у него дома, да еще и бесплатно!

Что ж, я была не против. Он рассказывал мне много нового о магической биомеханике, делился знаниями о Черном Рынке и о чародейских кланах на поверхности, да и за жизнь мы с ним болтали немало. К тому же, возможность лишний раз попрактиковать мета-магию, не вызвав лишних подозрений, на дороге не валяется. Это из-за нее ведь Демонтин в свое время загремел в Церковь.

После очередного занятия Райнар попросил меня забрать для него одну вещь на Черном Рынке. Так вышло, что он опять не рассчитал времени и назначил две встречи на один час: за ним такое водилось. Пожав плечами, я согласилась, так как все равно собиралась спускаться вниз: Леопольду в кафе срочно понадобились редчайшие ингредиенты для кексов. У них готовился банкет, и Лео очень хотел блеснуть на нем своим шедевральной рецептом.

Перед спуском мне нужно было только забежать домой за Кречетом: без него уходить куда-то, кроме дома Райнара,

мне было строго запрещалось.

Прошло всего три месяца, но милый щеночек превратился в громадного зверя. Оно и немудрено, ел он столько, что, если бы не Люциус, мы бы его просто не прокормили! Пустынные гончие в самом деле были питомцами не для бедняков.

Однако, с момента, как принесла его в дом, я ни разу не пожалела о покупке. Пес рос умный, и, чем старше он становился, тем серьезнее относился к своим собачьим обязанностям. Он очень быстро прекратил лаять на соседей и бросаться на животных, на Арланда тоже прыгать перестал. Вместо этого Кречет просто шел встречать его к самому Ордену! Собака умудрилась запомнить часы и даже выучить дни дежурств инквизитора. Если же я брала Кречета с собой на рынок или во Вдову, он никого не подпускал ко мне ближе, чем на пару метров. Стоило ему зарычать, любые воришки, – и не только они, – шарахались в стороны! И это при том, что пес был еще подростком.

При этом просто так Кречет никогда не рычал, даже не лаял. На Черном Рынке, видя нас, продавцы экзотических животных спешили убрать товар подальше от зубов огромного пса, но Кречет не смотрел в их сторону. Иногда мне с ним было даже неловко: порой собака вела себя послушнее, чем я сама.

Когда я вернулась в дом и взялась за поводок, пес заметно оживился. Он любил выбраться вниз, обычно такие прогул-

ки занимали несколько часов.

Мы с Кречетом добрались до переулка Темной Эльги и через мрачный проход спустились в подземную часть города. Райнар велел мне забрать что-то у господина, живущего на Моховой улице в доме под номером двенадцать с половиной. Кажется, это был чернокнижник по имени Гренгаль.

В последнее Время на Черном Рынке было беспокойно. Участились перебои с товарами, поставляемыми глубинными слевитами. Возможно, это следствие начавшихся терок между представителями этой расы: высокогорные и глубинные грызлись, как кошки с собаками. Это было странно, учитывая, что они жили в одной горе, только одни внутри, а другие под ней. Внешне они были очень похожи между собой, разве что глубинные были немного бледнее и пахло от них хуже.

Улица, куда меня отправил учитель, была выстроена в лучших традициях Ужасных Улиц Подземелья: спутанные косые переулки, низенькие лачуги и дома-сталактиты со склизкими от влажности стенами. Между строениями протискивались узенькие дорожки из криво положенного кирпича, который топорщился, как чешуя черного дракона.

Не без труда отыскав нужный дом, я стала выглядывать входную дверь.

Снаружи к постройке была приделана деревянная лестница, ведущая на второй этаж, только не к двери, как предполагалось, а, почему-то, в сплошную стену.

После долго осмотра я, наконец, заметила вход. Это была маленькая черная невзрачная дверка из потрескавшегося от времени дерева, находившаяся как раз в тени под той самой странной лестницей. Обнаружить вход можно было разве что по серенькому худому половичку, втоптанному в черную маслянистую землю.

Ослабив на всякий случай поводок Кречета, я постучала. Ответа не последовало, но, прислушавшись, я уловила тихое шарканье, которое затихло у самого порога. Меня и таинственного хозяина старого дома разделяла только дверца, которую никто не спешил открывать.

– Я от Райнара, – громко сказала я, надеясь, что это подействует на Гренгаля, и он откроет. Так и вышло.

Колдун, к которому меня послал учитель, был невысоким полукровкой. Смесь ланка и слевита, да еще и с врожденными уродствами... достаточно мерзкое зрелище. Выглядел он, как сморщенный зачесуевший плешивый карлик с пучками жиденьким волосков на подбородке. Где-то проглядывалась чешуя, где-то – обычная кожа, одна бровь была из волос, другую отмечали кривые роговые наросты. Лысый череп полностью покрывала татуировка – гексаграмма, заполненная символами чернокнижничества, обозначающими рок, предназначение и смирение.

Единственное, на чем было приятно остановить взгляд, – это выразительные глаза карлика. Светло-зеленые, они смотрели удивительно живо и прямо, будто их обладатель вовсе

не подземный уродец, а статный мужчина, в котором ума ничуть не меньше, чем силы.

Эти глаза притягивали, они преображали узкое лицо с расплывшимся носом и впалыми щеками, делая его почти человеческим.

– Чего тебе нужно от меня? – спросил Гренгаль. Его слишком маленькая и узкая вытянутая челюсть при этом дрогнула, показался тесный ряд кривых желтых зубов. Рот был похож на заячий, крошечный длинный язык – на гнилой палец, скребущий по небу.

У карлика был сильный голос, но из-за строения рта сложно было разобрать, что он говорит.

– Меня зовут Бэйр, я от Райнара, – повторила я, с трудом заставляя себя оторвать взгляд от нелюдя. – Он сказал, что вы должны передать ему что-то.

– Ах, да. Я ждал тебя, – кивнул карлик. – Зайди.

– А это обязательно? Вы могли бы передать мне здесь, – мне совершенно не хотелось заходить внутрь его дома: мне вполне хватало запаха, который я чувствовала, даже стоя на пороге. Что-то вроде смеси творога и мышинового гнезда с едкой кислой ноткой.

– Я должен приготовить то, что должен передать: речь идет о снадобье, – пояснил карлик. – Зайди.

Тесное жилище карлика насквозь пропиталось запахом уродливого существа. Три крошечных комнатки на первом этаже почти без всякой мебели и лестница на второй этаж –

все, что я сумела разглядеть, пока хозяин вел меня на кухню.

В доме не было ни одной хорошей вещи, все поломанные, старые, разваливающиеся. Полы – голые серые доски, а покрывала, скатерти и шторы, все, какие были, – дырявые или в заплатках. Но при этом ни пылинки, ни одного грязного пятна я не заметила. Более того, весь коридор занимали полки, уставленные новыми книгами в ярких переплетах. Похоже, хозяин этого дома никогда не тратил деньги на излишества.

– Сядь здесь, – велел мне карлик, указав на хлюпкую табуретку возле стола.

Я осторожно опустилась на разваливающуюся мебель, но она, вопреки всем опасениям, выдержала меня. Кречет спокойно улегся возле меня под столом: видимо, жуткий карлик не вызвал у него никаких подозрений. Хороший знак.

– Вина? Чаю? Эля? Кофе? Смешать? – размеренным тоном спросило существо.

– Что, простите? – переспросила я.

Речь карлика цокала и шипела, слов почти не разобрать. Он повторил вопрос, и тогда я отказалась, но через пару минут передо мной все равно появилась чашка с ароматным чаем.

– А что за снадобье просил Райнар? – спросила я после того, как Гренгаль поставил передо мной чай и вернулся к крошечной старой плите, чтобы начать работу над зельем.

– А ты разве не знаешь? Ты же его ученица, – процокал нелюдь, удивленно крякнув.

– Он многого мне не рассказывает, – я пожалала плечами.

– В таком случае, я не могу тебе ничего ответить.

– Я могу сварить практически все. Странно, что Райнар не попросил меня, если речь шла о зелье, – произнесла я спустя время, понаблюдав за тем, как карлик справляется с зельем.

Что и говорить, мое самолюбие было задето. Не раз Райнар сам говорил мне о моем таланте к зельеварению, а теперь послал принести ему работу от кого-то другого! И ладно бы этот кто-то действительно работал качественнее, так нет же! Даже Леопольд, и тот справился бы с магическим котелком лучше.

– Раз он не попросил тебя, значит, тебе тем более не надо знать, что это за снадобье, – возможно, карлик опять прикусил свой длинный язык, а, может, мне не послышалось, и эти слова в самом деле были произнесены с очень странной интонацией.

– Я ведь все равно узнаю, – вдруг сказала я, самой себе напомнив при этом капризного ребенка. Мне стало стыдно, но я не подала виду. – Стоит мне в руки взять это зелье, я сразу пойму, из чего оно. А я все равно возьму его в руки, чтобы отнести Райнару. Так что нет причины скрывать от меня состав!

– Вряд ли ты определишь состав моего зелья, – возразил Гренгаль, копясь у себя в шкафчике. – Ты, может, и способная ведьма, но слишком глупая, раз лезешь, куда не надо. Сказано, что не стоит тебе знать, так что тут непонятного?

– Не без этого, – я смущенно потеряла шею.

А ведь он прав: опять нарываюсь на неприятности. Мало мне их было за этот год, что ли?... Будь там хоть кровь младенцев, у меня через неделю, если не ближе, свадьба! До тех пор уж точно нельзя ни во что влезать.

Подумав так, я перестала задавать вопросы. Карлик же сделал вид, что полностью ушел в работу, и не разговаривал со мной, пока не сварил свое зелье.

Вылив густое черное месиво в склянку, он тщательно закупорил ее пробкой и положил в деревянную коробку, коробку завернул плотной шерстяной тканью и убрал в корзину, корзину протянул мне.

– Держи и уходи, – произнес он, направившись к выходу, чтобы открыть мне дверь.

Кречет поднялся с места и направился к выходу, я, удобнее ухватившись за ручку тяжелой корзины, последовала за ним.

– Черный Рынок в преддверии войны, – неожиданно произнес Гренгаль, когда я уже вышла на улицу. Карлик стоял в проходе и сверлил меня взглядом удивительно ясных зеленых глаз. – Не смотри по сторонам и не задавай вопросов, сейчас внимательность ни к чему хорошему не приведет.

– Что?... – я настолько оторопела, что не сразу осознала смысл его пугающих слов. Когда же я опомнилась, Гренгаль уже захлопнул дверь и запер ее изнутри. – Станный он, да? – я вопросительно посмотрела на Кречета.

Пес отвернулся от меня и пошел к проулку, ведущему к рынку. Сунув корзинку в бездонную сумку, чтобы не мешалась, я последовала за ним.

Я шагала за собакой, погружившись в апатичные мысли о быте. Лео что-то говорил на днях про платье, Арланд – про священника... но все это время мне казалось, что день икс еще совсем не скоро. А тут, посчитав, я выяснила, что он, черт возьми, ближе, чем через неделю!

Размышляя о своей ведьмовской свободе, которая вот-вот закончится, я очнулась только когда впереди слышался подозрительный шум. Кречет насторожился, замер на месте и вытянул вперед свою острую морду.

– Что там такое? – шепотом спросила я.

Пес медленно пошел вперед, держась ближе к стене.

Мы прошли около пяти метров и остановились у поворота, после которого должен был начаться глухой переулок. Я прислушалась: судя по звукам, кто-то шел впереди нас, шел спокойно и уверенно, как ходят обычно по улице или в парке. Странности шагам добавлял только шлепающий звук оторвавшейся от ботинка подметки – это-то и насторожило меня поначалу.

– Пойдем, это просто еще один местный, – подбодрила я пса, и первая направилась за поворот.

Но как только я повернула, уверенная в том, что все в порядке, ситуация переменилась.

Стоило идущему впереди меня пройти две трети остав-

шегося до освященного рынка пути, как от стены отделилась тень и кинулась на него, словно паук на застрявшую в паутине муху. Жертва только тихо вскрикнула и замерла, исчезнув под серым плащом грабителя.

Пару секунд я стояла как вкопанная, но потом опомнилась и выпустила в сторону разбойника парализующее заклинание. Не тронув его, оно стекло с серого плаща, словно вода. Грабитель даже не заметил этого.

Сняв посох с крючка на спине, я не раздумывая кинулась на разбойника. Кречет, повинаясь моему жесту, залаял и побежал вперед.

Услышав лай, грабитель обернулся и, не отпуская жертву, вытащил из-под плаща матовый кинжал. Но когда Кречет подбежал к грабителю, тот вдруг убрал оружие, да и сам пес кидаться на преступника передумал.

– Дьявольщина! – выругался скорее с удивлением, чем с досадой разбойник. Голос оказался подозрительно знакомый...

Я остановилась и опустила посох.

– Как это понимать, Арланд!? – воскликнула я. – Ты грабишь людей на Черном рынке!?

– Я никого не граблю, он – опасный преступник! – инквизитор встряхнул сжавшегося от страха парня.

– Какой преступник!? – я в недоумении тряхнула головой. – Ты сейчас должен быть на учебе в морге! Ты лекарь, а не стражник! Значит так, если ты сейчас же мне не объяс-

нишь, что все это значит, я...

– Ты немедленно замолчишь и превратишь привлекать внимание! – процедил сквозь зубы инквизитор. По его тону я поняла, что на самом деле происходящее куда серьезнее нелепого недоразумения, и заткнулась. – Идет стража... надо убираться отсюда.

Сделав мне знак, чтобы я следовала за ним, Арланд ухватил пойманного парня за локоть и прошипел ему на ухо, что, если он попробует бежать, инквизитор натравит на него пса. После этого пленный добровольно пошел за нами, честно стараясь сделать вид, что все в порядке.

Выйдя из переулка на людный рынок, мы направились в сторону одного из заброшенных выходов. По тому, как уверенно вел нас Арланд, я догадалась, что он уже не раз был в подземельях и хорошо их изучил.

По пути нам встретилась стража, но поскольку пленник вел себя спокойно, а Арланд плотно запахнулся в плащ и закрыл свою мантию, на нас не обратили никакого внимания.

Местные стражники были не ровня тем, что наверху – они не брали взяток и любого нарушителя ждало кое-что похуже заключения на пару суток. Под землей, где собирались одни преступники, был свой закон, и он охранялся куда тщательнее.

– И все же, какого черта тут происходит?... – прошептала я, когда стража прошла мимо.

– Не у тебя одной есть секреты, – так же тихо прошипел

он. – А о честности и доверии друг к другу мы с тобой поговорим позже.

Выйдя из рынка в тоннели подземелий, мы прошли еще примерно двадцать минут, прежде чем оказались в темном и глухом тупике. На пару километров вокруг не было ни души.

Резко развернувшись, Арланд толкнул пленника к стене.

– Начнем, – голос инквизитора ударил в тишине словно молот о наковальню.

– Но я ничего не сделал! – завопил перепуганный парень, заметив пернатую белую мантию под серым плащом. – Не убил, не украл, не обидел кого!... Никогда!...

– Рассказывай все, что знаешь! – тихо звякнули звенья серебряной цепи.

– Я не понимаю, о чем вы!... – взмолился парень, падая на колени. По его щекам потекли крупные слезы, подбородок дрожал, пальцы судорожно мяли рубашку на груди. – Пощадите!... Умоляю!... – едва слышный писк от ужаса: Арланд затянул серебряную цепь на шее пленника.

– Говори, за чем тебя послали, – велел инквизитор без тени гнева в голосе. Он говорил спокойно, его глаза сверкали решимостью.

У меня никогда не было иллюзий на его счет. Дома Арланд мог быть кем угодно, но от того, кем он был за его пределами, зависела его жизнь и моя тоже.

Понимая это, я заставила себя не вмешиваться, молча стояла в стороне, поглядывая на единственный выход, не идет

ли кто. Однако, совсем не замечать происходящего у меня не получалось. Парень явно не врал о том, что ничего не знает.

– Я выходил из дома, думал купить на обед птицу в суп! ... Петуха!... – шептал парень, огромными от страха глазами смотря на инквизитора. Дрожащие губы еле двигались, но слова все-таки падали в воздух. – Я не собирался ничего плохого делать... пустите, я не виноват!... Если вы слуга справедливости, вы отпустите!... – не выдержав, мальчишка заплакал.

– Проклятие... – глаза Арланда широко распахнулись. Он смотрел парня, едва веря в то, что ошибся.

– Слава мертвым богам... – прошептал мальчик, складывая руки в молитвенном жесте и одновременно сгибаясь пополам. Он едва не терял сознание от внезапного облегчения.

Нахмурившись, инквизитор спустил цепь с шеи подростка. Я быстро подняла парня с земли и велела ему бежать домой и забыть все, что сейчас произошло. Дважды повторять не пришлось.

Когда он скрылся, мы с Арландом посмотрели друг на друга.

– Не работаю я ни в какой больнице, – произнес инквизитор без тени вины в голосе. – Я пробрался на тот склад и выяснил, что там полно дряни с Черного Рынка. Отравленное дешевое вино – это самое безопасное из того, что я нашел: жители даже не подозревают, что на них буквально ставят опыты, продавая черти что. Мэр, как оказалось, ручная со-

бачка Короля Подземелий, какого-то темного мага. Этот же темный натравил на тебя тех пятерых отморожков.

– И ты молчал!?! – воскликнула я.

Я боялась даже представить, какой опасности он подвергал себя, копаясь в этом!

– Арланд, как ты мог залезть в такое!?! Инквизитор, разгуливающий по Черному Рынку и выслеживающий местного Короля!... Для тебя безопаснее явиться в Орден без накидки, чем сюда в этой мантии!

– Я на Рынке намного дольше, чем ты, Бэйр, – тихо сказал Арланд. Он уже вел меня обратно к освещенной людной позادي. – И я знаю, что делаю. А ты сейчас отправишься домой и будешь там, пока я не вернусь, ясно?

– С чего ты взял, что я вот так спокойно уйду домой, зная, что ты торчишь здесь и занимаешься непонятно чем, рискуя жизнью!?

– С того, дорогая, что без твоих криков и глупых вопросов риск погибнуть у меня куда меньше, – процедил инквизитор.

Я попробовала было возразить, но Арланд многозначительно звякнул своей цепью.

Это мы уже проходили: если я упрямилась и лезла на рожон, инквизитор не церемонился, лишал меня магии и запирали дома. После того случая я не разговаривала с ним несколько дней, но потом пришлось смириться с тем, что он действовал ради моей же безопасности: тогда я собиралась на вечеринку Креды, после которой темный маг и несколько

его друзей бесследно исчезли. Я бы подумала, что инквизиция не без помощи Арланда устроила облаву на темных, но на той вечеринке была Люська. Она рассказала мне, что колдун пропал после праздника, в то время как куда более опасные темные спокойно добрались до дома. Все это время я тешила себя надеждой, что Кред просто уехал, но теперь поняла, что вряд ли. В городе действительно происходит что-то очень серьезное.

– Может, ты хотя бы скажешь мне, чего нужно опасаться? – тихо спросила я.

– Если бы я знал, Бэйр, опасаться давно было бы нечего, – ответил инквизитор.

Он довел меня до выхода наверх, который находился ближе всего к нашему дому. Заставив меня пообещать, что я пойду прямо туда и никуда больше, Арланд отпустил меня, а сам пошел прочь, плотнее запахнувшись в свой плащ.

Когда мы с Кречетом зашли в дом, ни Люциус, ни Леопольд еще не вернулись, потому я, не теряя времени, спустилась в подвал.

На душе было погано, я чувствовала себя так, будто обманывала кого-то, и, даже понимая, что это неправильно, продолжала это делать. Спускалась по этой чертовой лестнице с этим чертовым зельем в сумке.

Мысли о том, что лучше никуда не лезть, которые еще час назад казались мне вполне здоровыми, теперь потеряли всякое значение.

Все вокруг прятались от меня за своими страшными тайнами, – Лео молчал про ситуацию с Шарлоттой, Люциус как мог скрывал свое прошлое, Райнар со своими делишками на Рынке, а теперь еще и Арланд! Несколько месяцев врал мне о том, что врачует в больнице, а на деле разгуливает по Черному Рынку, как у себя дома, и нападает на людей!

Зла на него нет, но и я хороша. Если бы не была так поглощена своими делами, я бы давно догадалась, что не работает он ни в каком лазарете: он никогда не говорил о больных, хотя если берется за какое-то дело, готов трещать о нем сутками напролет! От него даже лекарствами никогда не пахло.

Нет уж, хватит всего этого. Я слишком заигралась в слепую дурочку! У меня под носом происходит что-то серьезное, что-то, что касается меня: ведь меня действительно искали зачем-то, но по неизвестным причинам прекратили! Я не могу и дальше сидеть в стороне, особенно после сегодняшнего.

Так как из дома я обещала не выходить, пришлось начать с малого: разобрать на молекулы зелье для Райнара и выяснить, что он собирался с ним делать.

Усевшись за стол, я сунула руку в бездонную сумку, пытаюсь выцепить оттуда корзинку с зельем. Достав из корзинки коробку, вынула склянку и раскупорила ее, вылив немного зелья на специальную тарелку для опытов. Мне нужна было совсем малость, чтобы разобраться, из чего все это сделано: работа предстоит нехитрая, кое-что можно узнать, посмот-

рев магический фон жидкости, а остальное станет ясно после того, как отфильтрую эту дрянь метамагией.

В черной жиже, сваренной Гренгалем, плавали твердые частицы. Процедив зелье сквозь разнокалиберные сита, я выяснила, что частицы оказались трех видов: осколки костей, клубки свернутых стеблей семипалых папоротников и незнакомый мне песок.

Разложив перед собой очищенные кости и песок, выцедив всю желчь в отдельную склянку, я разложила это перед собой и стала думать, что же делать. Проще всего, конечно, было пойти от обратного, заколдовать это все и посмотреть, что будет... но это слишком рискованно. Мало ли что может произойти? Лучше не экспериментировать с неизвестными ингредиентами, пока хотя бы приблизительно не узнаешь, что они такое.

Можно еще попробовать пробежаться по справочникам... но это займет слишком много времени!

Был отличный способ узнать, что перед тобой, ему меня научил Люциус.

В моей бесконечной сумке уже накопилось несколько сотен различных ингредиентов. Можно было сунуть внутрь руку с зажатыми в ладони частицами чего бы то ни было, и, если сосредоточиться должным образом, к руке «подлетит» самая близкая по составу вещь.

Так я и сделала: капнув на ладонь жидкости из зелья, я опустила руку в сумку и стала ждать. Как ни странно, вещь

пришла ко мне сразу же: я вытащила наружу коробку с самыми дорогими своими находками.

В ней лежали мертвые яйца глубинного дракона, кусочки паруса из его кожи, а также магические орешки, которые дал мне Агрибальд.

Так-так-так, это что получается, Гренгаль сварил зелье из дракона!?!... Жидкость точно не была кровью, но ее фон сильно отличался от всего, что я когда-либо видела. Без сомнений, у нее было биологическое происхождение.

Где же, интересно, он ее столько взял? Порошок из драконьих костей – единственное, что еще можно найти, все остальное уже лет сто как исчезло! И даже та пыль, которую можно найти, стоит, как дворец императора! Так откуда?...

И тут вспомнила старого ланка, который прицепился к Люциусу во время моего первого спуска на Рынок. Тот змей все болтал о том, что у него поставка драконьей чешуи. Выходит, он не врал, и на рынке действительно появились части старшего дракона? Неужели кто-то умудрился найти и убить одного, а теперь продает его по частям!?

Однако, было уже не важно, откуда взялась эта железа. Я догадывалась, что она могла делать, и от сумасшедших предположений у меня дыхание перехватило! Открыв дневник Маггорга трясущимися руками, я велела показать мне все старые записи, которые я делала в моменты пробуждения памяти. Как только перечитала все от корки до корки, я выдохнула и принялась за дело.

Я взяла каплю на палочку и смазала железой полоску бумаги. Влага быстро впиталась в структуру и переменяла свойства бумажной полоски. После этого я установила канал, по которому передавала чистую энергию из правой руки, медленно увеличивая напряжение силы.

Я перешла на другой уровень зрения и стала наблюдать за изменениями магического фона бумаги, которой передала свои свойства железа из зелья. Железа обращала поступающую энергию с положительной в отрицательную и распространяла ее по связям магического фона бумаги. Энергия, преобразованная железой, ослабевала эти связи, в разы уменьшала сопротивление ауры окружающей среде. То самое сопротивление, наличие которого и делало любой предмет реальным, помогало ему не удержаться в матрице мира, подчиняло его законам мира!

После первых же минут наблюдения мне стало все ясно... и это «все» было скорее «ВСЕ»!

Упав на стул, я, не веря своим глазам, пялилась на клочок бумаги, ставшей в один миг реальной и нереальной одновременно. Ее магическая структура стала похожа на структуру призрака: она могла быть осязаемой и твердой, но стоило железе получить сифт четырехста энергии, и она преобразовала бумагу в призрака, в тончайший эфир, настолько бесплотной и легкий, что он легко мог пройти сквозь грани реальности куда угодно: клочок бумаги буквально таял у меня в руках, проваливаясь в другое измерение.

Когда бумажка совсем растаяла, взгляд сам собой упал на мою левую руку, скрытую перчаткой.

Боясь даже подумать о том, какое безумие творю, – любая мысль могла заставить меня передумать идти на это, – я сняла кольцо, концентрирующее магию, я вылила на руку немного жидкости из зелья. Отведя руку подальше, я сосредоточила в пальцах все силы, доступные той части кружева, которая лишилась магии.

Вспыхнув, рука стала стремительно исчезать. Это меня не напугало, я научилась контролировать такое преобразование еще пока была у серафимов. Сейчас было важно другое.

Проведя по тому месту, где исчезла бумажка, я почувствовала ее исчезнувшими из вида пальцами. Шершавая, помятая она как будто валялась на столе прямо передо мной, однако ни ее, ни руки, которая ее держала, не было!

Как только я сжала находку пальцами, рука материализовалась обратно. Раскрыв ладонь, я увидела провалившийся в измерения кусок бумаги.

У меня в руках был ключ к перемещению между мирами.

– Бэйр! Бэйр, открывай! – сверху раздался стук и голос Люциуса. – Это и моя лаборатория тоже!

– Сегодня она моя, проваливай! – крикнула я в ответ, подавив дрожь в голосе.

– Что с твоим голосом!? Что ты там делаешь!? Только не говори, что ты опять взорвала мой любимый котел и мне снова придется восстанавливать его по кусочкам!

– В порядке твой котел, пошел вон! Мешаешь!

Люциус больше не ломился ко мне.

Я едва не теряла сознания от того смерча мыслей и идей, который поднялся в моей голове! Но, несмотря на этот хаос, я точно знала, что должна делать. Что-то, что присуще драконам, и то, что сидит в моей руке – это и есть ключ. Если драконы могут перемещаться между мирами, то и я смогу, если правильно использую эти капли железа, а также выясню состав порошка, который создала прежняя Бэйр, и того, что добавил от себя Фавнгриф!...

Кроме того, мне нужно придумать инструмент, которым можно управлять. Нельзя просо взять и провалиться сквозь пространство, распавшись на части, мне нужно конкретное измерение моего мира – мира Земли, и попасть туда я смогу, только если буду точно знать, как определить это измерение, отличить его от других.

Работы предстояло немислимое количество, наверняка для такого дела лучше всего будет вернуться к Демонтину... А до поры до времени надо хорошо спрятать все мои находки, в том числе драгоценную колбочку с каплями железа.

Аккуратно сложив все в коробку с яйцами, я убрала ее в бездонную сумку. Оттуда никто, кроме меня, ничего не вытащит: просто ничего не почувствует.

Чтобы Райнар не заметил, что я трогала его зелье, я разбавила содержимое склянки водой. Тщательно стерев все следы – как отпечатки пальцем, так и те, что оставались на ма-

гическом фоне, – я убрала склянку в коробку, а коробку в корзину. Посылка была ровно в том виде, в каком мне отдал ее Гренгаль.

О том, зачем такая мощная штука понадобилась Райнару, можно было догадаться. Железа вкупе с остальными ингредиентами не даст такого мощного результата, как в чистом виде, а достать ее в больших количествах невозможно. Следовательно, Райнару нужно было только ослабленное свойство: немного снизить сопротивление фона объекта, намазав его этой черной дрянью, чтобы легче было работать с его структурой и менять ее. Просто находка для колдуна, которому нужна мета-магия, но собственных сил на нее не хватает.

Назначение зелья казалось мне очевидным, но я все равно не понимала, зачем карлику понадобилось скрывать его от меня. Вряд ли Райнар собирался расщеплять с помощью снадобья реальную материю: у него просто нет таких сил! Ясно, что оно ему для работы с големами, а про големы я и так все знаю... так зачем скрывать? Это просто глупо! Наверное, карлику хотелось подшутить надо мной, чтобы я провела весь день, в пустую выявляя состав, а потом замучилась бы любопытством. Ведь если бы образцов драконьих останков у меня не оказалось, я бы никогда в жизни не догадалась, что это за вещество: в книгах ведь о таком никто не напишет!

Впрочем, вся эта история все равно казалась мне странной. Зелье стоило очень дорого, и зачем Райнар так потра-

тился, если у него под рукой есть роскошный мета-маг с целыми слоями дополнительных плетений на кружеве? Может, он просто заказал его раньше, чем встретился со мной, а ингредиенты пришли только сейчас?

Я просидела в подвале еще полчаса, медленно приходя в себя после сделанного открытия: если мои глаза будут блестеть изобретательским безумием, Люциус сразу догадается, что я что-то нарыла, и начнет спрашивать. А об этом лучше никому не знать, ведь я могу ошибаться.

Когда я поднялась наверх, вся наша небольшая семья уже была в сборе. Арланд вернулся и как ни в чем небывало занимался с Кречетом в гостиной, а Люциус с Леопольдом сидели на кухне.

– Что ты там делала? – спросил колдун, когда я уселась за стол в ожидании ужина. – Вид у тебя такой, как будто ты изобрела бесконечную чернильницу!

– Нормальный у меня вид, – проворчала я, поспешив отвернуться.

Я сделала вид, что наблюдаю за Арландом, дрессирующим пса. Кречет уже отлично знал основные команды, но инквизитор придумывал все новые, едва ли не тапочки его учил носить.

– А ты, Леопольд? Весь вечер молчишь! У тебя все хорошо? – Люциус с неожиданным вниманием обратился к оборотню.

Обернувшись, я тоже заметила, что на Лео лица нет. Он

стоял, старательно пялясь в окно, на духовку даже не глядел: верный признак, что что-то стряслось.

– Шарлотта приходила сегодня в кафе, – признался он, тяжело вздохнув. – Был скандал.

– Что ей от тебя понадобилось? – я нахмурилась.

После того, как Лео бросил театр, Фиар с компанией еще месяц не оставляли его в покое, все упрашивали вернуться. Они буквально преследовали оборотня, пока Арланд не вмешался! Одного серьезного разговора с Фиаром хватило, чтобы эти ублюдки начали бояться даже близко подойти к местам, где бывал Леопольд.

Как выяснилось, в Новый Год они напились, поймали Леопольда в табакерку и продали агенту охмаражского работорговца! К счастью, тот, видимо, тоже был не в себе от выпивки и не слишком хорошо следил за приобретением. По пути в порт, когда телегу тряхнуло, табакерка выпала на землю и сломалась. Страшно подумать, чем могла кончиться эта их выходка.

Теперь, когда я услышала, что сама Шарлотта осмелилась заявиться к Леопольду на работу и устроить скандал, готова была самолично пойти и поджечь ее дом! Лео только начал отходить от ее предательства, так она снова ему глаза мозолит!...

– Ее любовник пропал, – сказал оборотень. – Она подумала, я с ним что-то сделал. Кричала на все кафе, люди смотрели... – он устало потер глаза, но челку на них спускать не

стал: раньше он всегда так делал в моменты волнений. – Наверняка завтра в газетах будет полно дряни.

– Это точно дело рук ее папочки, – заметил Люциус, поднося к губам изящную чашку. – Он же городской судья, один щелчок пальцев и!...

Он щелкнул пальцами, и из воздуха ему на ладонь упало печенье.

Довольный собой, Люциус сунул его в рот.

– Газетчикам нельзя писать про судью, – вздохнул оборотень, заглядывая в духовку. – А вот про меня можно.

– Не обращай на это внимания, – посоветовал Арланд.

Пройдя на кухню, он уселся возле меня и тоже стал с нетерпением поглядывать на духовку.

– Тебе легко говорить: люди не будут шептаться у тебя за спиной! – ответил Леопольд.

– Да неужели? – Арланд улыбнулся. – Ты знаешь, сколько раз на дню я слышу, как у меня за спиной обсуждают мою накидку!? Весь город хочет знать, сколько раз в день я ее стираю!...

Ответом инквизитору было гробовое молчание: как и на все его шутки.

– А ты сам как провел день? – спросила я, с укоризной посмотрев на нечастного лжеца. – Что-то ты слишком веселый.

– Ничего особенного, – быстро проговорил он, сделав вид, что поглощен наблюдением за Леопольдом, раскладывающего ужин по тарелкам.

– Ну, а если вам интересно, как провел день я, то я провел его с пользой для нас всех! – сказал Люциус после некоторого времени молчания. – Вы, несчастные, даже представить не можете, где я устроил вам венчание!

– Но...

Мы с Арландом переглянулись, словно желая удостовериться, что то, что мы скажем, устраивает нас обоих.

– Мы хотели просто посидеть дома, – сказала я. – Сходим к священнику, Лео испечет торт, я надену что-нибудь белое, пригласим Люську...

– Просто посидеть дома!? Это свадьба инквизитора и дикой ведьмы! Я хочу смотреть на лица людей, когда они увидят, что вы выдумали! Ха-ха-ха, это будет насмешка века!...

– И где ты все устроил? – спросил Леопольд.

– В церкви на главной площади, конечно! – воскликнул колдун. – Ее поставили вместо старого храма леннайев, это очень особенное место. И прихожан там намного больше, чем везде...

– Но я уже нашел священника, который согласился провести обряд, – заметил Арланд.

– Мой тоже не откажется, уж поверь, – расплылся в улыбке чародей. Судя по тому, как кривились уголки его губ, нас с Арландом ждал какой-то сногшибательный сюрприз.

– Там красиво, – сказал Леопольд. Разговор о предстоящем торжестве заставил его забыть о Шарлотте. – Поверить не могу, что вы решились на это! Жить вдвоем до самой

смерти, терпя все недостатки друг друга, что бы ни случилось... Не знаю, решусь ли я сам на такое когда-нибудь.

Меня от его слов передернуло, но я не подала виду. Арланд только улыбнулся еще шире.

– Когда-нибудь обязательно решишься! – сказал он брату, приобняв меня за плечи. – Просто ты еще не встретил подходящую девушку.

– Наверное, я женюсь только на нелюди, – заметил оборотень, задумавшись. – Я ведь очень похож на ленная, наверное, тогда моих детей даже не станут называть полукровками.

– Брось, Леопольд, женитьба – это страшная глупость, – фыркнул Люциус. – Я вот живу уже почти восемьдесят лет, и ни разу не пожалел о том, что не обременил себя женщиной!

После его слов мы не выдержали и засмеялись: последние месяцы колдун вел себя, как влюбленная девочка, сходя с ума по женской копии самого себя.

Мы поужинали, а потом разошлись по комнатам.

Когда мы с Арландом оказались вдвоем, я попросила его рассказать мне о том, что он ищет в подземельях. По его лицу я видела, что что-то было не так.

– Бэйр, я не хотел бы, чтобы ты в это лезла, – ответил он, устало разматывая серебряную цепь перед тем, как положить ее на алтарь.

– Но ведь ты сам сказал, что ищешь мага, который что-то вынюхивал про меня, – сказала я, наблюдая за его вечерними

ритуалами. – Теперь ты просто не можешь отмалчиваться!

– Я знаю только, что это темный, который давно сидит на рынке. У него огромная власть над мэром, его руками колдун творит все, что вздумается. Хотя бы это проклятое вино! Вселения происходили из-за чернохвоста, который подмешивали в эту подслащенную воду, чтобы придать ей вкуса. Ни в одном городе не разрешили бы продавать эту дрянь. Еда, вещи, – все, что поставляется жителям, – опасная дешевка, кое-как состряпанная на рынке. Это дело рук Короля Подземелий, так его начали называть недавно. Каждый пятый торговец работает на него, но никто не знает, кто он такой. А сейчас что-то происходит внизу, все как с ума посходили: лавки тают с каждым днем...

– Может, уедем? – вдруг предложила я. Эти слова удивили даже меня саму, но, подумав, я поняла, что это не самое плохое предложение. – Леопольду тут делать больше нечего, Люциус и без нас справится. Поедем обратно в Тангей после того, как разберемся со священником?

– И оставить город на растерзание темных? – спросил Арланд, задумчиво смотря в окно. – Нет уж. Эта сеть работает только из-за одного единственного человека. Найду его, сдам суду, и тогда все рухнет.

– Арланд, найдутся и без тебя герои, – проговорила я, серьезно смотря на инквизитора. – Ты хоть понимаешь, насколько опасен может быть человек, который организовал все это? Неужели ты думаешь, что он позволит тебе найти

себя? А ведь на тебя даже глубоко копать не надо, достаточно просто присмотреться внимательнее!... Куда делась твоя хваленая паранойя теперь, когда ей самое время появиться!?

Арланд раздраженно тряхнул головой.

– Тебе этого не понять! Ты всегда все делаешь только ради себя, тебе все равно на других, – он заговорил с неожиданной резкостью – Пойми, люди вокруг, почти все они, – они же слабее котят! Это ты можешь подорвать врагов огненным шаром или купить еду за деньги, сотворенные из воздуха, а они не могут. Каждый день их обманывают, травят, и они ничего не могут сделать: им нечем сопротивляться. И ты предлагаешь мне уехать!? Просто оставить все, как есть!?

Раздраженно взмахнув руками, он принялся ходить по комнате.

– Да предлагаю! – воскликнула я. – Потому что я даже думать боюсь о том, сколько раз за эти месяцы ты мог просто не вернуться домой, а я бы даже не знала, где тебя искать! Признавайся, ведь было же что-то!? Откуда появились эти проклятые лекарки у нас в доме!? Что ты делал в больнице?

По его лицу я поняла, что.

– Просто сильный ушиб, – ответил он, стараясь меня успокоить. – Они хотели меня осмотреть, но я отказался. Все очень быстро зажило само.

– Насколько быстро? – я не сводила с него внимательного взгляда, ловя каждое движение.

– Я уехал в лес, снял накидку и все прошло за час, – тихо

проговорил он, не выдержав моего взгляда.

– Арланд!

Всплеснув руками, я встала с кровати.

– И ты хочешь, чтобы я подписалась на это до конца жизни!? Я не собираюсь трястись все время, думая, вернешься ты или нет! Если ты собрался и дальше устраивать мне такие испытания, то, извини, я к такому не готова!...

– По-твоему, я должен сидеть, сложа руки, и смотреть на то, что происходит!?

– Да, черт возьми! Ты инквизитор, а не стражник, чтобы решать городские проблемы. Если этот темный маг не вызывает демонов, он вообще не должен тебя волновать!

– Он делает кое-что гораздо хуже!...

Я в бессилии посмотрела на Арланда.

И что я могла ему сказать? Брось все, чем ты занимался эти месяцы, потому что я так сказала? Оставь людей на растерзание Королю Подземелий, кем бы он ни был?

Закрыв лицо руками, я опустила обратно на кровать. На глаза набегали непрошенные слезы.

– Бэйр, ну хватит! – проговорил он, опускаясь рядом и обнимая меня. – Сама подумай, чего ты боишься? После того месяца в лесу меня почти нельзя убить! Магия меня не берет и оружие тоже. Я слышал, Истэка смог жить даже с отрубленной головой!...

Получив сильный удар в грудь, он заткнулся.

– Со мной все будет в порядке, я ведь не один этим зани-

маюсь, – сказал он. – Найду этого мага, и поедем, куда захочешь.

Я так и не успокоилась, пока не уснула. Утром Арланд поцеловал меня в лоб и вышел из дома.

– Вы что, опять поссорились? – спросил Леопольд, когда я вошла на кухню, кутаясь в теплую кофту.

– Нет, – буркнула я, подогревая себе кофе.

– Тебе принести обед из кафе?

– Нет, я сегодня буду у Райнара, – вздохнула я. – Пойдем вместе, захвачу у вас завтрак.

Учитель, как и всегда по пятым дням недели, спал. Спал он до двух или трех часов дня, потому, по договору, если я приходила раньше, я приносила или готовила завтрак. Учитывая то, что готовлю, мягко говоря, не очень, завтрак я обычно покупала в кафе у Лео.

Когда я пришла к Райнару, он, вопреки всем своим обычаям, уже встал. Растрепанный тангеец ходил по дому в одних только синих шароварах, пытаясь отыскать что-нибудь, что облегчило бы его похмелье. Я предусмотрительно прикупила на рынке его любимого кислого пива, поэтому моему появлению Райнар был рад, как никогда.

– Ох, Бэйр, я говорил тебе, что ты чудо? – бормотал он, прикладываясь к еще холодной бутылке. Его черные волосы, достигающие до пояса, болтались за спиной спутанной копной. – Мертвые боги, это просто эликсир жизни...

– Я принесла тебе то, что ты просил забрать, – сказала я,

ставя на стол корзину.

Развернув свой завтрак, – кусок пирога в красивой бумаге, – я уселась на стул и стала есть.

– О, я совсем забыл! – увидев зелье, Райнар хлопнул себя по лбу. – Спасибо!

– Забыл!? – я фыркнула. – Сколько ты за это отдал!? Признавайся, ты распродал весь свой охмаражский гардероб, чтобы купить эту склянку!?

Учитель аж захлебнулся пивом. Он долго кашлял, согнувшись пополам, а когда поднялся и убрал с лица растрепанную гриву, его глаза были круглыми от удивления.

– Откуда ты знаешь, что это!?

– Эй, я же сотню тебе рассказывала о своих путешествиях! Я же видела драконов, причем целых два раза: одного пещерного и одного глубинного. Думала, я не узнаю их магический фон после того, как оба меня чуть не сожрали!?

– Я не покупал это, – сказал Райнар, придя в себя. – Должок старого приятеля.

– Хорошие у тебя приятели... – фыркнула я. – Познакомишь? Мне тоже пригодилась бы такая желчь.

– Бэйр, не лезь в это, ладно? – попросил Райнар, поморщившись. – Не вздумай никому сказать, что держала это зелье в руках. Я не хочу потом вытаскивать тебя из лап местных темных или из Ордена!

– Ахах, не переживай. Из Ордена меня есть, кому вытаскать, – усмехнулась я, дотронувшись до кольца на левой ру-

ке. – Я тебе не говорила, что выхожу замуж на днях?

– Да ну? – Райнар оживился. – И кто же это? Тот мета-маг, который купил тебе платье из паутины леннайев? Я бы хотел с ним познакомиться!

– Нет, я выхожу за Арланда, – сказала я, решив, что скрывать толку нет: все равно Райнар знал о нас.

– Все-таки за инквизитора, – маг недовольно скривился. – Что ж, желаю удачи: она понадобится вам обоим.

– Можешь прийти, Люциус обещал достать лучшее вино в городе, – сказала я.

– Кто, прости?...

– Люциус.

– Кто это? – Райнар насторожился.

– Неужели я тебе о нем не рассказывала!?... Постой, правда не говорила?...

Задумавшись, я поняла, что в самом деле ни разу не упоминала сумасшедшего мага! Подумать только, ни разу за эти месяцы!

Опомнившись, я описала его Райнару, как своего хорошего знакомого со времен путешествий, который теперь тоже живет с нами в Трехполье.

– Поверить не могу, – выдохнул преподаватель, опершись о стену. Его глаза смотрели в пустоту. – Так он вернулся! Спусти столько лет...

– Вы были знакомы? – удивилась я.

– Мой учитель, – кивнул Райнар. – Он преподавал, когда я

был на первом курсе. Мы с ним... были близки. Он многому научил меня. Всему, что я знаю.

– Вот и увидите! – я обрадованно улыбнулась. – Так ты придешь?

Райнар медленно кивнул, а потом встряхнулся и раскупорил вторую бутылку пива.

После завтрака мы отправились в подвал, где нас ждал еще незаконченный голем: это была ползающая ящерица размером с собаку, заказ эпатажного богатея из Нейвера.

Мы проработали весь день, а к вечеру я отправилась домой. Следующим утром я снова была у Райнара, потом прогулялась с Люськой по магическим магазинам, помогала Леопольду в кафе, выбивала себе лицензию на слабое приворотное зелье... Будни потекли один за другим, смешавшись в одну массу нескончаемых дел. Я и не заметила, как близко подкрался день, который, наверное, должен был изменить мою жизнь.

До венчания оставались всего сутки, и Арланд вернулся домой намного раньше обычного. Я как раз скучала в своей лавке и очень обрадовалась, побежала его встречать, но, стоило мне увидеть его лицо, я застыл на месте.

– Что случилось? – спросила я, боясь услышать ответ.

Кроме нас двоих в доме никого не было, но Арланд велел мне закрыть лавку и провел в нашу комнату. Там он запер дверь и зашторил наглухо закрытое окно.

Я села на кровать, перед глазами все плыло от волнения.

Неужели монахи из Церкви объявились?...

Заперев все, что можно, Арланд замер, словно не знал, с чего начать.

– Что случилось? – повторила я, чувствуя, что он никогда не заговорит. – У тебя такое лицо, как будто в город приезжают монахи из Церкви Черных Куполов!

– Сегодня я нашел любовника Шарлотты, – начал он. Инквизитор говорил медленно, подбирая слова. – Ты его знаешь. Это Кред.

– Кред!?

– Да. Он был подручным Короля Подземелий, связался с дочерью судьи, чтобы тот не смел лезть в дела Черного Рынка, – рассказал инквизитор. – Сегодня Кред погиб, он умер у всех на виду сегодня на главном рынке города.

– И что же? – спросила я, почти чувствуя облегчение. Смерть опасного темного мага – не самое плохое, что могло случиться. Учитывая то, о чем я успела подумать, это была почти что хорошая новость.

– Он погиб, потому что пытался повторить твой опыт с рукой, – проговорил Арланд, садясь рядом со мной. – Бэйр, то, чего мы все боялись, началось. Я до последнего надеялся, что мне не придется ничего тебе рассказывать, но теперь у меня просто нет выхода. Тебе придется уехать.

– Что!?! – я ушам своим не поверила. – О чем ты говоришь? Что случилось, ты можешь объяснить по-человечески!?

– Бэйр, у меня сейчас мало времени, я сильно рискую, задерживаясь тут надолго... Без вопросов! – он жестом заставил меня замолчать. – Все решаю не я, но я смог договориться о том, чтобы нам дали день. Завтра, после венчания, ты уедешь, я сам отведу тебя к тем, кто согласился тебя спрятать. Большого я сказать не могу. Не сейчас.

После этого разговора я не знала, что думать. Инквизитор велел мне готовиться к отъезду, собрать все необходимые вещи, а после едва ли не выбежал из дома, сказав, что вернется только к ужину.

Я не понимала, что происходит, казалось, что-то несуразное, бредовый сон... Однако, я все же стала собирать вещи, чувствуя, как при этом дрожат руки. В душе я надеялась, что этот разговор – дурацкая шутка перед свадьбой. Может, он решил устроить нам романтическое путешествие?... С него-то станется!

Глотнув из потайной фляги Арланда успокоительного, я немного оправилась от волнения. Через некоторое время в дом забежала Люська, совершенно очумевшая от предстоявшего торжества, и потащила меня в город за покупками. Я позволила ей утащить себя в мир ярких тканей и красивых безделушек, стараясь не думать о том, что сказал инквизитор.

За прогулкой мы совсем забыли о времени: столько всяких мелочей нужно было выбрать к завтрашнему дню, голова шла кругом... Домой я вернулась только ближе к обеду. При-

ятная усталость после долгих скитаний по рынкам охватила тело, я шла неспешно, погруженная в самые разные мысли.

Когда я подходила к дому, меня остановил прохожий, тронув за плечо.

– Уважаемая, не подскажите, не здесь ли живет Бэйр, ведьма с Великих Равнин? – спросил мужчина.

Обернувшись, я не сразу смогла заговорить от волнения.

– Дейк!...

Исполнить предназначение

Осколок

***

Узнав от Рафнейрис о том, что Дейкстера ищут, Адольф пустился на поиски. Он знал, что последний раз рыцаря видели в порту Тангея, откуда уходили корабли на другой материк, а такой был только один.

Змей добрался до нужного места через несколько дней, но след рыцаря, как он и думал, уже остыл. Однако, найти информацию было несложно: разумеется, жители порта не могли не заметить драку между двумя шестикрылыми серафимами и рыцарем Ордена. Отыскался даже старый рыбак, который видел, куда рыцарь поплыл после того, как нырнул в воду.

Адольф находил все новых и новых очевидцев и шаг за шагом, словно по невидимой ниточке, приближался к цели. Если в каком-то месте рыцарю удавалось затеряться, то змей всегда догадывался, куда Дейкстр пойдет дальше, прислушиваясь к самому себе. Охотясь на Донана, Адольф словно преследовал самого себя: они были как братья, их учили и воспитывали одни и те же ланки, они набивали руку на одних и тех же делах. Стоило следу оборваться, змей думал, куда бы

пошел сам, и никогда не ошибался.

Адольф не знал, что сделает, когда догонит Дейкстера. Нужно забрать осколок, но вот рыцарь... Похоже, Рэмол заставил Юкку навсегда отказаться от принципов гильдии, а сам серафим не из мстительных. Голова Донана никому не нужна, и это давало змею определенную свободу выбора.

Адольф прекрасно помнил, как лишился лица. Когда ведьма, которую ланк считал уже мертвой, подожгла постоянный двор, Дейкстру ничего не стоило прикончить своего преследователя. Однако, рыцарь оставил Адольфа в живых, и в последний момент ланк все же смог выбраться из горящего здания. Хотя огонь спалил всю его кожу, лишил большинства пальцев и того, что еще оставалось от глаза, теперь это не имело значения.

Адольф ходил по этой земле только потому, что Донан пощадил его в память о тех годах, когда они прикрывали друг другу спины. Про себя Адольф уже решил, что попробует украсть осколок, а самого рыцаря отпустит на все четыре стороны. Это будет достойным ответом на благородный жест Донана.

Рыцарь двигался в сторону границ с Равнинами. Великие Равнины – отличное место, чтобы пропасть без вести на несколько лет, путники туда не ходят, даже сплетни не выбираются дальше пограничных лесов. К тому же, рыцарю Ордена работа там всегда найдется.

Ланк отставал от Дейкстера на пару дней, но уверенно

шел следом. Каково же было его удивление, когда в одном из небольших городков на границе он наткнулся на ведьму и ее компанию. Виновница его страданий сама пришла к нему в руки, не подарок ли судьбы?

Новость о том, что Бэйр с Равнин оправдал молодой инквизитор, змей услышал в числе первых и не сказать, чтобы это известие его обрадовало. Адольф-то надеялся, что белая сова, идущая с ним по следу, прикончит ведьму, избавив его самого от хлопот, но тот, как оказалось, собирался ее спасти! Теперь же, когда Бэйр буквально прошла под самым носом ланка, месть снова была в его руках.

Решив, что даст Дейкстеру целые сутки форы, Адольф последовал за Бэйр.

Он отправился на рынок, чтобы купить ядовитую змею: его собственный яд после вмешательства Рэмол утратил всякую силу. Проклятый серафим, Адольф догадывался, что будет искать все его «поправки» в своем теле до конца жизни!

Рэмол, наверное, считает себя тем еще остряком. Когда Адольф не ответил ему, какую хочет чешую и глаза, серафим решил устроить ему пожизненную лотерею. Сначала все выглядело, как надо, но после первой же линьки все, чего коснулся Рэмол, стало другим. Серебристая чешуя слезла с левой половины лица, а на ее месте выросла медная. Глаз же обрел янтарный оттенок, а волосы, которые восстановил небесный, стали расти черными – это был настоящий кош-

мар! Смотря на себя в зеркало по утрам, Адольф едва ли сдерживал истерический смех: с одной стороны, собственное уродство его злило, но с другой... с другой стороны этот ланк в зеркале выглядел настолько нелепо, что даже сам Адольф заплатил бы какому-нибудь цирку, только чтобы посмотреть на такое!

Белые клочки прядей перемешивались с черными, бронзовая чешуя с серебряной, один глаз бирюзовый, другой – янтарный. При обычной линьке глаза и волосы никогда не меняли цвет, но теперь, после работы Рэмола, Адольф догадывался, что до конца жизни частично побывает во всех расцветках, которые только бывают у ланков.

Именно лицо ланка привлекло внимание Леопольда, седой оборотень сам подошел к змею на рынке. Понятия не имея, кто перед ним, он предложил помощь своего брата инквизитора... это было ужасно нелепо, но делу не помешало.

Адольф обогнал компанию на дороге и дождался на дороге, забравшись на дерево. Все шло, как по маслу, ведьма проехала под ним, он кинул на дорогу змею, чтобы задержать лошадь, и выстрелил. Зрение у Адольфа, как и у любого ланка, было неважное, но после работы Рэмола выстрелить из лука в цель, находящуюся в двенадцати метрах, Адольф мог без труда.

Однако, конь ведьмы, нелепый рыжий ублюдок, в последний миг отскочил в сторону, и стрела попала в инквизитора... Возможно, змей предпринял бы еще одну попытку, но

ланка заметили. Леопольд со своим звериным чутьем устремился точно к тому дереву, где сидел Адольф, и змею пришлось спасаться бегством. Возможно, оборотень даже догнал бы его, но, к счастью, не родился еще на свете разумный, который лазал бы по деревьям лучше Адольфа Снежного Змея.

Скрывшись в лесах, ланк вернулся к поискам рыцаря, пообещав себе, что когда-нибудь непременно сведет счеты с ведьмой.

Дейкстр за те сутки, что Адольф решил потратить на месть, успел затеряться на Равнинах. Найти его оказалось сложнее, чем раньше, но все-таки не невозможно. Через неделю скитаний по лесам змей выбрался в глухой пограничный городишко, где и обосновался рыцарь.

Адольф знал, что у Дейкстера были проблемы с деньгами: рыцарь предусмотрительно не обращался к банкам и в Орден. Он боялся, что как только сунется на глаза слугам закона, об этом тут же узнают серафимы через сеть собственных оповещателей, которая пронизывала любое государство, как мох-паутинка ствол дерева.

Чтобы не загнуться с голода, рыцарь вынужден был найти хоть какую-то работу, а в деревне, где он остановился, как раз объявилась нечисть.

Все началось с исчезновения коров, в лесах нашли их растерзанные и обглоданные останки. Ошметки мяса раскиданы по всей поляне, тяжелые берцовые кости раздроблены...

огромное травоядное растерзали словно мышку!

Сам змей, чтобы не светить запоминающимся лицом в городке, решил ночевать в лесу – с охотой у него никогда не было проблем, а ночи на Равнинах были теплые даже для ланка. Рыцарь, скорее всего, придерживался того же плана, но после того, что оба увидели на поляне, оставаться в лесу им показалось неразумным, особенно ночью.

Дейкстр отыскал среди горожан того, что пустил его в хлипкий амбар, а Адольф поселился на чердаке, благо, небольшое плохо заколоченное окно находилось как раз рядом с хорошими крепки ветвями бука. Устроившись прямо над своей жертвой, Адольф надеялся надеялся, что сможет выкрасть осколок, как только Дейкстр оставит свои вещи без присмотра. Тогда рыцарь даже не узнает о слежке, и змею не придется его убивать.

Однако, этот скупец едва ли не спал в обнимку со своими сумками! Он так опасался воров, что взял их с собой даже когда утром отправился выслеживать монстра. Змей следил за рыцарем с деревьев, тщетно надеясь залезть хотя бы в мешок с припасами.

Так прошел весь день, Дейкстр по-прежнему не оставлял вещи без присмотра. Он ходил по городу, расспрашивал жителей о приезжих и о местных тварях. На Равнинах было полным-полно неизученных чудовищ, но все они были слишком мелкими, чтобы сотворить такое с целой коровой. А ведь стадо таяло на глазах, тварь, устраивавшая резню, была поис-

тине ненасытной... Адольф поймал себя на том, что с нетерпением ждет момента, когда рыцарь выследит неизвестного хищника: змею до смерти хотелось посмотреть, что это будет за страшилище.

К обеду Дейкстр отыскать одного приезжего мужчину. По словам горожан, как приехал, он всегда ходил в балахоне, закрывающем голову, якобы из-за врожденных уродств. Балахон был настолько длинный, что тащился по земле, не открывал даже мысков ботинок. Рыцарь что-то в нем заподозрил, и несколько часов ходил за незнакомцем по городу.

Любопытный змей тоже решил изучить чудака в балахоне, Адольф забрался в комнату, где остановился мужчина. Впрочем, там не нашлось ничего интересного: скудные походные пожитки, пара комплектов нижнего белья в огромных дырах, да пара старых рубашек. На гребне, который змей отыскал в умывальной, запутались волосы цвета светлого золота – таким могла позавидовать любая девушка. Если бы не видел широкие плечи, обтянутые балахоном, змей непременно подумал бы, что это в самом деле скрывающаяся женщина.

Убравшись из комнаты подозрительного путника, змей вернулся к Дейкстеру – тот уже вернулся в свой амбар и ужинал сворованной на чьем-то огороде капустой. Ланк принялся лениво ждать, пока тот хотя бы выйдет в уборную по большому делу, оставив свои ненаглядные сумки в комнате. Рыцарь не был в отхожем месте уже несколько дней, смешно, но

Адольф даже начал беспокоиться за здоровье старого друга.

Когда, наконец, рыцарь отлучился из комнаты на задний двор, змею оставалось только свеситься с окна чердака и приступить к делу.

Не теряя времени, Адольф закрыл щеколду на двери и бросился к заветным сумкам. Он перерыл все, даже табак вытряс, а потом высыпал обратно. Но ничего! Совершенно ничего, что хотя бы отдаленно напоминало могущественный артефакт.

Адольф знал, что почувствует осколок сразу же, как увидит: такое нельзя не почувствовать. Вещь должна казаться холодной и покалывать пальцы – об этом змей читал в книгах, когда работал в библиотеке. Ничего подобного в пожитках не оказалось, и тогда змей решил, что рыцарь всегда таскает осколок с собой, возможно, прячет его под одеждой.

Заслышав тяжелые шаги на улице, Адольф открыл щеколду и быстро вылез в окно. Стоило его чешуйчатой ногой скрыться за рамой, как Дейкстр вошел в комнату и внимательно осмотрелся. Хотя змей старательно запоминал положение каждой вещи, чтобы положить, как было, кое-что он все-таки упустил: завязки на мешке лежали немного иначе.

Выругавшись, рыцарь собрал все свои пожитки и ушел из амбара: он почуял неладное. Змей, возведя глаза к небу, отправился за ним по крышам и деревьям.

Дейкстр уверенно шел прочь из города, но потом вдруг остановился, словно задумавшись о чем-то. Размышления

заняли несколько минут, и после них рыцарь пошел в ровно противоположную сторону, прямо в лес. Там он спрятался за деревьями и принялся чего-то ждать. Адольф ждал вместе с ним, удобно устроившись в шести метрах выше на сосне.

Наступил вечер, потом ночь... Дейкстр спал всего несколько часов, а Адольф не мог позволить себе и этого: если уснет, он может упустить рыцаря. Когда занялось утро, Донан отправился в ту сторону чащи, за которой начиналось коровье пастбище.

Поле, где паслись пропадающие коровы, со всех сторон окружали тропинки, и только по одной из них люди не ходили – той, что вилась со стороны глухой чащи, где, как поговаривали, жила лесная ведьма. Туда-то и отправился рыцарь.

Как только они с Адольфом оказались у поля, заметили мелькнувший за деревьями плащ мужчины, скрывающего лицо. Похоже, рыцарь не ошибся и расследование вот-вот подойдет к концу!

Почувствовав приятное возбуждение, змей устремился за мужчиной в балахоне, едва не потеряв из вида Дейкстера, который вынужден был идти медленнее, чтобы не обнаружить себя раньше времени случайно треснувшей веткой.

Наконец, тип в балахоне остановился на глухой лесной полянке, где его и настиг рыцарь. Обнажив меч, Донан двинулся к застигнутому врасплох путнику.

– Я знаю, кто ты! – громко проговорил рыцарь, приближаясь к растерявшемуся мужчине. Тот прижался спиной к

стволу дерева, на котором сидел Адольф.

– Опусти меч, рыцарь, – попросил пойманный оборотень. Голос у него был не испуганный, но встревоженный.

Вместо ответа Дейкстр кинул ему небольшой мешочек.

– Чернохвост! Проглоти все, я отведу тебя к мэру, мне заплатят, а ты останешься жить в колонии для бешеных оборотней. Все довольны.

– Для бешеных оборотней? – оторопело переспросил мужчина. Адольф с удивлением уловил акцент, какой можно услышать только у знатных с другого материка. Все любопытнее и любопытнее!

– За голову бешеного оборотня мне заплатят больше, поэтому не трать мое время! – предупредил рыцарь. Подняв меч, он сделал несколько шагов к своей добычу.

– Ты не причинишь мне никакого вреда этой железкой, – вдруг сказал мужчина. Он словно уговаривал трехлетнего мальчика не колотить его деревянным мечом по ноге. – Опусть свое оружие: я услышал тебя и стада больше не трону.

– Глотай порошок, я считаю до трех! Раз!...

Рыцарь подошел еще ближе, его меч уже мог достать незнакомца. Адольф, наблюдавший за этой захватывающей сценой, подобрался от нетерпения: ему очень хотелось увидеть, чем все кончится. Но в этот момент чуткий слух ланка уловил удары по воздуху.

Они доносились сверху, звуки, похожие на хлопанье крыльев гигантской птицы... однажды змей уже слышал подоб-

ное.

Прижавшись к стволу и стараясь стать как можно незаметнее, Адольф принялся всматриваться в небо. Лучи солнца, проглядывающие сквозь ветви, слепили, и змей не смог ничего увидеть, он только услышал, как что-то большое пробилось сквозь ветви и упало вниз, совершив у самой земли невероятный кульбит.

Широко расправив все шесть крыльев, Рэмол сидел на корточках, упершись руками в землю, – за сотни лет полетов он так и не нашел более удобного способа приземляться.

– Боюсь, друг мой, что именно этой железкой он прикончит тебя, как зарвавшегося волчонка, – проговорил серафим на выдохе.

Он поднялся, продравшаяся о ветки новая одежда повисла ключьями на могучем теле.

– Давно не виделись, Дейкстр, – миролюбиво сказал серафим, повернувшись к рыцарю.

Тот, опомнившись от изумления, принял боевую стойку. Оборотня рыцарь тоже не выпускал из поля зрения.

Адольф опомнился первым. Почувяв, чем может кончиться эта неожиданная встреча, змей перебрался на другое дерево – его легкое тело создавало не больше шума, чем прыгающие по ветвям куницы. Теперь змей занял позицию, наиболее удобную для того, чтобы защитить серафима. Одна секунд – и Адольф окажется прямо позади рыцаря. Покрытые разноцветной чешуей пальцы сжимали ручку кинжала

из алмазной стали. Дружба дружбой, но змей не мог допустить, чтобы отца падших снова ранили.

Серафим стоял смиренно, внимательно следя за каждым движением рыцаря: он хорошо помнил, к чему привел один единственный порез в прошлый раз.

«Адольф, меч!» – вдруг раздалось в голове змея голосом Рэмола.

Не задаваясь вопросом, откуда пришло это странное видение, змей скользнул на землю. Один умелый удар по кисти, и меч выпал из парализованной руки рыцаря. Не теряя времени, серафим подхватил оружие и отошел подальше от Дейкстера.

Корчась на земле и прижимая к груди раненую руку, рыцарь озирался по сторонам, словно загнанный зверь.

Оборотень, как ни странно, не воспользовался ситуацией, чтобы убежать. Он спокойно стоял на прежнем месте и наблюдал за происходящим с тем же интересом, с каким несколько минут назад наблюдал за ним самим Адольф.

Змей отскочил от Дейкстера и встал возле серафима, переводя дыхание.

Все четверо стояли на поляне, в тишине лесных звуков, под теплыми лучами Равнинного солнца. Никто не говорил ни слова: каждый пытался понять, что же тут происходит на самом деле.

– Говорил я, что нужно было встретиться в таверне, – вдруг произнес оборотень. – А ты все лес, лес...

– Зато как удачно вышло! – заметил серафим, осматривая меч в своих руках. От его прикосновений сталь на лезвии переливалась едва заметными бликами.

Осторожно, чтобы не порезаться, Рэмол сжал кончик меча пальцами, расправил крылья и закрыл глаза. Из его руки вырвалась мощная молния, которая впиалась в лезвие, моментально раскалив его до бела. Дейкстр закричал и упал на землю, корчась от боли.

Адольф обеспокоенно смотрел на старого друга, но ничего не мог поделать: он догадывался, что сейчас происходило. Похоже, осколок был заключен в мече, и сейчас Рэмол пытался то ли достать его оттуда, то ли уничтожить.

Однако, очень скоро внутри меча зародилась собственная вспышка, она вырвалась наружу прямо под пальцами Рэмола, заставив серафима отпустить меч. Раскаленное оружие упало на землю, а небесный остался стоять на месте, сжав в кулак обожженную ладонь.

– Паршивец... – пробормотал он, нахмурившись.

Рыцарь, все еще лежавший на земле, медленно открыл глаза. Адольф облегченно вздохнул: Дейкстр был жив.

– Сегодня твой счастливый день, Донан, – проговорил Рэмол, вновь поднимая оружие. Теперь сияющее лезвие стало куда тусклее, но внутри него еще как будто билась сила, которой его пытались разрушить. – Твой меч не хочет покидать тебя.

– Я ничего не сделал! – прохрипел рыцарь, с трудом садясь

на земле. – Юкка даже не знала о тех документах!...

Серафим нахмурился.

– О чем ты?

– Мне предложили большие деньги, если принесу из кабинета Юкки документы по одному старому делу, – признался Донан. – Я даже не успел найти их, когда меня обнаружили!

– А что скажешь насчет этого? – Рэмол щелкнул пальцами по мечу, и тот отозвался странным, нехарактерным для металла звоном.

– Просто меч, – ответил рыцарь, переваливаясь на колени. – То, что с тобой стало после удара... я не знаю, в Ордене что-то с ним сделали, связали со мной. Может, зачаровали против нечисти. Кто их знает?... – говорить было тяжело, и рыцарь шумно выдохнул, упершись руками в землю, чтобы не упасть. – Я не вникал.

– Хочешь сказать, что все это время ты не знал об осколке?

– Каком еще осколке?...

– Если не знал, зачем ты сбежал из терема? – спросил Рэмол.

– Когда услышал вашу с Истэкой ругань и понял, что ты знакомый Юкки, – тот самый без памяти влюбленный в нее Воробей, – понял, что с тебя станется подарить ей мое сердце на золотом блюде, – Дейкстр быстро приходил в себя и теперь, почуяв верный шанс выйти живым с этой поляны, говорил быстрее. – Ты ради нее и не такое делал, а она мечтает

намотать мои кишки на колеса своей лучшей кареты!

– Она действительно мечтает об этом, но я не стал бы убивать тебя ради старых бумаг. Ты... – Рэмол осмотрел злое оружие. – Ты себе даже представить не можешь, что сотворил по глупости. Что ты взял из кабинета Юкки, когда бежал?

Дейк замер в изумлении, а потом на его лице появилось странное выражение – смесь озарения и глубокой досады.

– Так все дело в том ножике?... – проговорил он. – Я схватил его, чтобы отбиться от тех, кто меня застукал!

– Это был мой «ножик», – сказал Рэмол. – Знаешь, из чего я отлил его?

Рыцарь качнул головой.

– Из осколка сердца Кирика, в котором поселилась частица демона, – усмехнулся Рэмол, взмахнув мечом. На лезвии заиграли блики, которые не были обычными отблесками на солнце: они шли из самого оружия. Оно впитало силы собрата, попытавшегося его уничтожить, и теперь сыто искрилось. – После стараний кузнецов из Черного Дракона – это одно из опаснейших оружий на Скаханне, обладающее помимо прочего еще и собственной волей.

– Забирай его, если он тебе нужен, – сказал Дейкстр. – Проживу как-нибудь.

Рэмол задумался. Он не отрывал взгляда от лезвия, будто ждал, что оно заговорит с ним, а, может, они и в самом деле вели молчаливую беседу.

– Он желает быть твоим, – произнес серафим и передал меч рыцарю, но тот даже рук не поднял: по лицу Дейкстра ясно читалось, что он скорее ополчит против себя собственный орден, чем еще раз прикоснется к этой дьявольщине. – Ну же!

Звонящий голос серафима прозвучал убедительно, и рыцарь все же принял меч обратно, тут же убрав в ножны за спиной.

– Дай ему имя, – велел Рэмол. – И носи с честью. Когда твое время на земле истечет, мы с Истэкой позаботимся о том, чтобы эта могущественная вещь не попала не в те руки. До тех пор он – твоя ноша и твоя ответственность.

– Это все? – мрачно спросил Дейкстр.

– Нет, – сказал Рэмол, и обернулся к змею. Адольф, стоявший все это время у дерева, словно застывшая в маскировке пустынная ящерица, впервые за все время двинулся.

– Да? – проговорил он, приблизившись к Рэмолу.

– Я смотрю, старые привычки тебя не отпускают, – заметил серафим, сурово взглянув на ланка. – Я не для того возвращал тебе здоровье, чтобы ты снова начал убивать.

– Я хотел только вернуть осколок в уплату за помощь, в убийстве не было необходимости, – проговорил змей, всей душой благодаря проведение за то, его слова были чистой правдой.

– Что ж, твое счастье, что это так, – сказал серафим, словно прочитав мысли ланка. – Однако, если я тебя отпущу, ты

снова примешься за старое: по глазам вижу, что примешься. Я не могу допустить, чтобы существо, которому я помог выжить, принесло в этот мир еще больше зла, чем в нем уже есть.

Адольф молчал, ожидая своего приговора. Он знал, что от серафима зависит вся его дальнейшая жизнь, и, когда Рэмол подошел к нему вплотную, даже не дернулся.

Когда пальцы демона коснулись лба ланка, по чешуе с треском скользнула яркая искра и быстро впиталась. Адольф широко раскрыл глаза: ощущение было такое, словно ему в мозг воткнули булавку. Впрочем, боль быстро прошла.

– Ты будешь чувствовать всю физическую боль, которую причиняешь другим, и, если по твоей вине умрет хоть один разумный, ты погибнешь, а твоя душа распадется на части и воскресит убитого, – предупредил серафим.

– А ты опять за старое? – с усмешкой спросил оборотень в балахоне. – Я думал, после истории с Вольгой ты стал осторожнее с проклятиями.

– А что еще я могу сделать, если по-другому они никогда не понимают? – весело возмутился серафим.

– Пойдем все-таки в трактир, – предложил оборотень, решив не спорить с другом. – Там не так холодно, к тому же, я не успел позавтракать и страшно голоден.

Серафим согласился, и они с оборотнем направились вон из роци. Адольф с рыцарем, переглянувшись, остались на местах, еще не веря, что все закончилось вот так.

– А вам двоим особое приглашение нужно? – сказал Рэмол, обернувшись. – Идем! Есть работа для вас обоих.

Дейк и Адольфы двинулись следом, почти не удивившись.

– И давно ты за мной следил? – тихо спросил рыцарь.

– Давно, – ответил змей, покосившись на Дейкстера. Он знал, каким будет следующий вопрос.

– Что с мордой?

– Шутка Рэмола.

Остаток пути они шли молча, привыкая к тому, что теперь, спустя столько лет, снова могут идти друг возле друга, ничего не опасаясь.

Серафим отыскал в городке трактир, и все они завалились туда, причем не в общий зал, а в просторную комнату, куда Рэмол велел принести все, что могут приготовить на кухне.

Слуги вносили в комнату все новые и новые блюда, опустошая кладовые, спустя время они принесли и горячее. Рэмол, оголодавший за несколько дней полетов, сметал все, что попадалось ему под руку, не отставал и незнакомец в балахоне. Он ел едва ли не больше серафима, хотя любого нелюдя несомненно разорвало бы от такого количества пищи.

Наблюдая за ним, Адольф с Дейкстером пришли к выводу, что существо, пожиравшее быков, – не человек. Даже оборотень не смог бы съесть столько. Сами они не отставали, складывая себе в тарелки всего побольше, чтобы не остаться голодными: оба давно не имели возможности есть досыта.

Завтрак затянулся примерно на час, и только когда Рэмол сыто откинулся назад, удерживаясь на упершихся в пол крыльях, пошел разговор о деле.

– Этот господин, – Рэмол указал на гостя, обратившись к Дейкстеру и Адольфу, – нуждается в помощи: ему предстоит отправиться в очень опасное место. Я хочу, чтобы вы оба сопровождали его.

– К чему это? – изумился оборотень, повернувшись к се-
рафиму. Капюшона он не снял даже за едой. – Рыцарь пы-
тался убить меня из-за каких-то коров. А ланк... не вызывает у меня никакого доверия.

– Адольф прекрасная ищейка, к тому же, я добавил ему пару интересных способностей. А Дейкстр опытный охотник за нечистью, а если принять во внимание его оружие, то нет такой твари в этом мире, которую он не сможет сразить. Эти двое – как раз то, что нам нужно! А что до этого недоразу-
мения на поляне... Донан просто понятия не имеет, кто ты, иначе бы сам привел тебе лучшего теленка! – усмехнувшись, Рэмол скинул капюшон с головы оборотня одним из своих крыльев.

Это оказался мужчина неопределенного возраста с боль-
шими ясными глазами цвета летнего неба и светлым лицо, обрамленным золотыми локонами, как у принцев из детских книжек. Его широкий гладко выбритый подбородок говорил о прошлом военного, а изящный нос с правильными крыльями – о знатном происхождении.

С таким лицом никак не вязался нищенский балахон, в который укутался незнакомец, а с нищенским балахоном совсем не вязалась корона, чьи зубцы выступали из-под золотистых кудрей, как скалы среди морских волн. Длинные острые золотистые зубья, небольшие у лба и увеличивающиеся к затылку, шевелились, словно части тела, отвечая на каждое движение головы мужчины и на его эмоции.

Адольф и Дейкстр смотрели на незнакомца с совершенно одинаковым выражением лица, Рэмола повеселил их глупый вид.

– Перед вами, господа, Эмбер Дюшес, офицер нейверской армии, который во время войны с орками двадцать лет назад...

– ...спас из заточения юную драконицу, которую люди удерживали силой, чтобы ее мать участвовала в сражениях, – подхватил Дейкстр. Когда он понял, кто перед ним, его глаза засияли: он знал эту легенду наизусть с самого детства. Эта была его любимая, после Воробья, конечно. – Ее звали «Белая Буря» или Исавелла. На прощание юная драконица подарила спасителю медальон из своей сокровищницы в знак вечной любви. Она не могла остаться с ним, потому что была еще юна и нуждалась в опеке матери. Надев его, офицер сам обратился в дракона, прошло много лет, и теперь он ищет свою повзрослевшую возлюбленную по всему свету.

Адольф не сводил разноцветных глаз с гостя. Значит, перед ним дракон из самой знаменитой легенды Скаханна.

– Не так давно я нашел след Исавеллы, – сказал серафим. – К сожалению, добраться до нее будет крайне сложно, и без помощи ты не обойдешься.

– Ты уверен? – спросил Эмбер, встревоженно повернувшись к Рэмолу. Похоже, это то самое дело, ради которого он ждал серафима. – Уверен в том, что это она?

– К сожалению, друг мой, сомнений быть не может.

Вздыхнув, серафим вынул из-под рубашки большую круглую пластину размером с блюдце. Она была белой, но в свете отливала всеми цветами радуги, словно перламутровая раковина.

Это была чешуя старшего дракона.

В поисках правды

Лекои Опоаль Л Диэн

Мы с Костафом готовились к большому банкету, старенький банкир в честь своего дня рождения заказал у нас целую тонну выпечки, но за каких-то пару дней до праздника старичок помер, и все неожиданно отменилось. Я должен был нанимать временных поваров, закупаться продуктами, составлять меню и списки, договариваться с именинником о вкусах и... как же это приятно, когда все дела, которые так не хочется делать, внезапно исчезают с самого утра, и освобождается целый рабочий день! Особенно если это день накануне отпуска, который ты взял ради свадьбы брата и лучшей подруги.

Я ушел домой, думал приготовить обед и ужин, а потом отправиться в мастерскую и попробовать до вечера закончить начатый еще на прошлой неделе натюрморт, но дома меня ждал неожиданный сюрприз, перечеркнувший все мои планы.

– ...Тебя не узнать, просто столичная леди! Цветешь и пахнешь, засранка!

– А ты почти не изменился! Как ты меня нашел!?

Ведьма стояла почти перед самым нашим домом и обнималась с каким-то тангейцем... С тангейцем! Дейкстр Донан, собственной персоной стоял возле нашей калитки!

– Дейк! – я крикнул ему и помахал рукой.

– Твою ж мать... – завидев меня, рыцарь удивленно улыбнулся и пошел ко мне. – Леопольд! Вы смотрите на него, а!? Совсем поседел, щенок! А как от тебя пахнет?... Это что, ваниль!?

– Я работаю в кондитерской, – объяснил я. Сам рыцарь пах так, словно мылся последний раз неделю назад. Судя по его виду, так оно и было.

– Видел тебя в газетах еще в Тангее, – усмехнулся Дейк, продолжая разглядывать меня. Наконец, он протянул мне руку для пожатия, а потом прижал меня к себе, обняв за плечо. – Ты здорово вырос за это время! Во всех смыслах.

На мои глаза набежали слезы, но я сморгнул их, чтобы не испортить впечатление.

– Я очень скучал по тебе, – ответил я, отстраняясь.

– Я тоже по вам скучал, – кивнул Дейк. Слезы он все-таки заметил, но только крепче сжал мое плечо.

Мы прошли в дом. Кречет вышел поздороваться с рыцарем, тот под взглядом пустынной гончей оторопел, но быстро взял себя в руки.

– Свои! – важно сказал он псу, и Кречет, посмотрев на нас с Бэйр, пропустил Дейка внутрь.

– Откуда голос? – Люциус, как невозмутимое фамильное привидение, выплыл из кухни, чтобы встретить нас в прихожей. – Дейкстр... какая встреча, – то, как чародею было приятно видеть рыцаря, ясно отразилось на его лице. – Ка-

кие недобрые вести ты притащил вместе с этим дурным запахом?

– Я мчался так, что едва за дерево успевал вовремя сойти, не то, что побриться! – объяснял рыцарь, раздеваясь. – Боялся опоздать к важному дню, – подвигнул Бэйр.

– Ты знаешь!?! – удивилась она. Все это время ведьма сустилась вокруг него, не зная, какие из гостевых тапок ему подойдут. При этом она не спускала с Дейка блестящих от восторга глаз. – Но откуда!?

– Все объясню, только дайте дух с дороги перевести! – выдохнул тангеец, стянув, наконец, сапоги и затолкав их подальше под лавку. – Дайте мне помыться. Лео, приготовь что-нибудь, будь другом. Я не ел со вчерашнего утра!

Увидев нашу ванну, рыцарь простонал от блаженства и выпер нас вон, за закрывшейся дверью тут же зашумела вода из-под крана. Пока он мылся, мы с Бэйр накрыли на стол все, что осталось со вчерашнего ужина. Я принес продукты из кладовки и принялся за готовку, пока на это было время. Чую, как только Дейк вернется, из-за стола мы долго не встанем.

Наконец чистый рыцарь в простой рубахе и свежих штанах вплыл на кухню.

– Ну вас тут и хоромы!... Ясно теперь, чего Тома так в Агирад рвалась. Тут толк знают!... Как она, кстати?

Узнав, что у моих родителей и сестры все в порядке, он кивнул и уселся за стол напротив своей тарелки.

– Где Арланд? – спросил рыцарь, расправляясь с едой так быстро, словно у него ее вот-вот отнимут.

– Он еще на работе в Ордене, – сказала Бэйр. Она сидела напротив рыцаря и с любовью наблюдала за тем, как он чавкает хрящами из рагу. – Он придет к вечеру... Но это неважно. Что с тобой было? Рэмол знает, что ты здесь? Выкладывай все!

Дейкстр, не переставая жевать все, что было на столе съедобного, рассказал нам о странном случае на поляне, где они с Адольфом, преследуя оборотня, наткнулись на Рэмолу. К концу истории вся еда была сметена со стола, так что Бэйр пришлось идти в кладовую за последней банкой соленых помидоров.

– В общем, Рэмол поручил мне и Адольфу одно большое дело, связанное с оборотнем, им я все это время и занимался. Сейчас оно привело меня в Трехполье, и я примчался к вам, как только пересек стены города.

– Я верила, что ты ни в чем не виноват, но я так боялась, что что-то пойдет не так и... – произнесла Бэйр, глядя в пространство, а потом с улыбкой посмотрела на рыцаря. – Какое счастье, что Рэмол не стал действовать с горяча!

– При встрече каждый раз ему в ножки кланяюсь, – скривился рыцарь.

– А это тот самый меч? – она кивнула на ножны, которые рыцарь брал с собой даже в ванну и не снял со спины теперь, когда ел.

– Ага, – он кивнул, подцепляя вилкой помидорину и запихивая в рот. – Рэмол говорит, это первый в истории демон, живущий в оружии. Его зовут Клиф, и я за него головой отвечаю. Буквально.

– Клиф? – я удивился. На древнем языке это слово значило «меч». – Не очень-то изобретательно.

– А я в изобретатели не нанимался, – хмыкнул Дейк. – Я хотел всучить это чудо Рэмолу и пусть бы сам разбирался, но он сказал, что мечу нравится сражаться с нечистью под моим началом. Но к Демонтиновой бабушке это все! Выкладывайте, что у вас тут происходило. Кроме того, что Арланд объявился и что у вас свадьба, я ничего толком и не знаю!

И Бэйр начала рассказывать о наших приключениях. Пока они болтали, я по обыкновению готовил и периодически добавлял в историю своих деталей.

Люциус за все время зашел на кухню, только чтобы забрать миску с обедом, а потом опять заперся в лаборатории. На рыцаря он даже не смотрел, делая вид, будто его и вовсе нет, и это показалось мне странным. Вроде бы, в тереме они ладили...

– Академию закончила, медаль за изобретение получила, ишь ты! – смеялся Дейкстр, отпивая из кружки. Нырнув в очередной раз в кладовую, Бэйр пришла в бутылкой эля и теперь они на пару распивали уже вторую. – А ведь когда мы встретились, ты визжала от восторга, если свечку зажечь получалось, а теперь города спасаешь!

– Растем! – гордо улыбнулась ведьма.

– Я дома!

В гостиной послышался голос Арланда, когти Кречета, вернувшегося вместе с инквизитором, громко царапали доски пола.

– А вот и совенок пожаловал, – протянул в рыцарь, бросив недовольный взгляд в сторону гостиной.

– Пойду, подготовлю его к встрече, – улыбнулась Бэйр, вставая из-за стола.

Зная Арланда, я мог представить, как он обрадуется появлению рыцаря, особенно накануне свадьбы. Впрочем, когда он вошел на кухню, никакого особенного недовольства я не заметил. Он как будто даже не удивился.

– Здравствуй, Дейкстр, – Арланд вошел на кухню и сел на главное место за столом.

– Давно не виделись, – усмехнулся тот.

– Ты один?

– Адольф решил, что выберет более подходящий момент для знакомства, – ответил рыцарь.

– Что там про Адольфа? – тут же спросила вернувшаяся на кухню Бэйр. Судя по гневным воплям Люциуса и хлопнувшей двери в лабораторию, она пыталась вытащить его к столу, но потерпела неудачу.

– Он тоже здесь, в Трехполье, – сказал Дейкстр. – Видела бы ты, что с ним стало после пожара!... Но еще увидишь, думаю.

– Я не считаю, что это хорошая идея, – проговорил Арланд, многозначительно посмотрев на рыцаря.

– Брось, после того, как Рэмол его проклял, этот змей теперь ласковый, как котенок, – улыбнулся рыцарь.

– Если бы Адольф не напал на нас тогда в гостинице, нам бы не пришлось бежать, мы не встретили бы Лорена, и я никогда бы не оказалась в поместье Сеймуров, – проговорила Бэйр, задумчиво улыбаясь. – Черт, в каком-то смысле я обязана ему тем, что у меня завтра свадьба!

Они оба уже были хороши, остаток дня самозабвенно предавались воспоминаниям о былых приключениях, и никакая сила в мире не могла оторвать их друг от друга и от эля, за которым Бэйр даже специально посылала курьера в соседний трактир. Арланду не очень хотелось оставлять их вдвоем, особенно в таком состоянии, но ему пришлось: традиции, все-таки, есть традиции, и сегодня он будет ночевать в моей мастерской, чтобы с утра не увидеть невесту.

Примерно в одиннадцать ночи я увел туда брата. Погода стояла теплая, с легким прохладным ветерком – самое то для последнего весеннего вечера. Однако, Арланд шел с таким лицом, будто пробирался сквозь осенний ливень с градом.

– Кажется, ты не удивился, увидев Дейка? – спросил я, когда мы ушли достаточно далеко от дома. – И про этого Адольфа знал?

– Это я пригласил рыцаря, – кивнул инквизитор. – Леопольд, могу я тебя попросить кое о чем?

– Конечно!

– Не мог бы ты сегодня переночевать в нашей с Бэйр комнате и понаблюдать за ней?

– В каком смысле!?! – я даже остановился. – Ты что, боишься, что Дейк?...

– Конечно нет, – брат нахмурился. – Просто... в городе очень беспокойно. Завтра важный день для меня и Бэйр, после венчания мы отправимся в свадебное путешествие, но до тех пор может случиться... много всего. Я хочу, чтобы ты охранял ее.

– Например что может случиться? – я недоуменно посмотрел на брата. Новый виток паранойи?... нет, он выглядел предельно серьезно. – А куда вы поедете?

– Это секрет, – ответил он, постаравшись улыбнуться. – Я не могу тебе сказать: ты все разболтаешь!

– Надеюсь, вы не едете без меня в лес леннайев: я слышал, Бэйр все собиралась отправиться туда на несколько дней! Я бы тоже хотел там побывать.

Арланд ничего не ответил, и до мастерской мы дошли молча. Там я все ему показал, устроил постель и отправился обратно домой.

Бэйр и Дейк сидели на кухне, довольно попивая эль, я подоспел как раз вовремя: еще немного, и завтра мне было бы ее не поднять. Заставив ведьму пойти спать и всучив ей флягу с очищающим зельем Арланда, я вернулся к Дейку и уложил его на диване.

Ночь я провел котом в ногах спящей ведьмы, она спала так крепко, что даже не заметила меня. Ничего необычного вопреки опасениям Арланда так и не произошло, а с утра началась ужасная суматоха.

Ведьма, как я и ожидал, тряслась от нервов и ходила, словно не в себе. Я предложил ей выпить успокоительного для одержимых, которое всегда работало безотказно, но она отказалась, что на нее было непохоже.

В одиннадцать все было готово! Бэйр выглядела настоящей красавицей! Я как следует потрудился над ее прической, а над платьем из тканей с Рынка трудился целый месяц, так что, если на первую в истории свадьбу ведьмы с Равнин и инквизитора приедут газетчики, изображение точно попадет на первую полосу!

Дейкстр ходил вокруг, пытаясь указывать мне, где поправить прическу или подтянуть платье. Кажется, он нервничал едва ли не больше ее самой!

– Я представляю, как ты будешь выдавать замуж дочь, если у тебя она когда-нибудь будет, – фыкнула Бэйр, не выдержав. – Иди выпей чего-нибудь, ты сам не свой!

– Видела бы ты свое серое лицо, ведьма! Ты уверена, что хочешь замуж за этого зануду? Может, ну его, сбежим и напьемся, как в старые добрые?... – он подмигнул ей, нервно улыбаясь.

– Я люблю его, Дейк, – неожиданно серьезно ответила Бэйр. – И я правда надеюсь, что мы проживем вместе до са-

мой смерти, ни разу не поссорившись. Беда в том, что мое желание имеет все шансы сбыться раньше времени.

После этого рыцарь замолчал и больше не шутил про инквизитора.

Когда часы на городской башне пробили полдень, к калитке нашего дома подъехала открытая повозка, убранная цветами и запряженная четверьмя белыми лошадьми. Я сел туда вместе с Бэйр и Дейком, Люциус и Люська должны были уже быть на месте вместе с другими гостями.

Когда мы приехали, я оставил Бэйр снаружи, поручив Дейкстеру за ней следить, а сам отправился внутрь.

В церкви все было убрано подобающим образом, в воздухе парил запах ладана и весенних цветов, тут и там сновали прохожие: люди замечали свадебные украшения, потом объявление на доске и приходили поглазеть на молодых.

В толпе я заметил Арланда, как и всегда, одетого в белую накидку. Он говорил с высоким священником в белом саване и грязном меховом плаще... Кто бы мог подумать!

– Тебя не узнать! – воскликнул я, подходя к ним.

Рэмол обернулся, а когда заметил меня, на его лице появилась добродушная улыбка.

Ради такого события серафим побрился и даже расчесал волосы, красная грива была убрана назад, ее удерживали тонкие переплетенные на голове косы.

– Это и был сюрприз Люциуса? – спросил я, улыбаясь в ответ. – А Истэка и Раф тоже тут?

– Они не смогли приехать, – ответил Арланд. – Как Бэйр?

– Страшно волнуется!

– Что ж, тогда нужно поторопиться, а то я тоже страшно волнуюсь!... – сказал серафим. Выпрямившись, он попробовал сделать серьезное лицо, какое бывает у очень старых священников, и особый жест руками, каким благословляют новобрачных. – Ну как?... – спросил он, покосившись на нас. – Я не принимал брачных обетов с тех пор, как жил на небесах в чертогах Клевора! Когда благословляешь оттуда, не приходится смотреть людям в глаза, беря ответственность за их счастье... как бы у меня перья от волнения не полезли!

– Ты справишься, Рэм, – улыбнулся ему инквизитор, хлопав по плечу.

И когда это они так подружились?

Арланд посмотрел на меня, давая понять, что все готово и надо вести невесту. Выйдя наружу, я отыскал в толпе Бэйри, вручив ее Дейку, подтолкнул обоих внутрь церкви.

– Заиграет музыка и ты должен отвести ее к Арланду! – объяснил я.

– Я знаю, Леопольд! Иди уже!

Кивнув, я поспешил внутрь. Все было готово, музыканты ждали только сигнала, многочисленные гости – друзья Бэйри и грустные лекарки с работы Арланда, уже стояли вдоль коридора. Я занял свое место за спиной брата, напротив Люськи, которая были свидетельницей, и тогда Рэмол расправил все шесть крыльев. Заиграла торжественная музыка.

Дейк, бледный от волнения, ввел ведьму в храм. Увидев Рэмола, Бэйр, как ни странно, не обрадовалась. Она широко распахнула глаза, будто испугалась чего-то, даже остановилась. Но рыцарь шепнул ей что-то и повел дальше. Церемония продолжилась.

Они поднялись к алтарю и там Дейк торжественно передал ее руку Арланду, пообещав всю душу из него вытрясти, если он ее обидит. Исполнив свою роль, рыцарь отошел к гостям.

Когда влюбленные встали перед серафимом, тот заговорил, слегка расправив крылья. Огоньки на дне его глаз разгорались с каждым словом, сильный голос звенящим эхом отражался от стен церкви.

Люди в толпе зевая утихли, изумленно смотря на живого небесного, венчающего ведьму и инквизитора. У входа уже крутились первые газетчики и усердно снимали сцену на магические аппараты.

Когда Арланд и Бэйр произнесли слова обета, поклявшись быть друг для друга семьей до конца дней своих, серафим сжал их руки в своих.

Ради такого случая Арланд снял перчатку, а Рэмол прикрыл его черные от татуировок пальцы иллюзией ярким белым светом. Вспышка ослепила меня, но я заставил себя смотреть дальше: мне не хотелось пропустить как они обменяются кольцами и поцелуются.

Толпа зашумела, Арланд натянул перчатки, и свет погас.

Обряд был завершен.

Под ошалевшими взглядами прихожан, ведьма под руку с инквизитором покинули храм, а за ними и Рэмол. На ходу серафим стянул белую рясу и протянул ее мужчине в толпе – похоже, он-то и был тут за настоящего священника.

– Спасибо за доверие, – сказал серафим, улыбнувшись ему. – И Мартину об этом знать не обязательно, идет?

– Думаю, патриарх не был бы против, – усмехнулся тот. – Но я сохраню ваш секрет.

У ворот церкви нас встретил незнакомый мне мужчина. Он подошел к Арланду и Бэйр, поздравил их и обнял ведьму, покровительственно потрепав ее по плечу. Оказалось, это был ее учитель, Райнар.

Мне запомнилась его странная одежда, словно он только ограбил вещевой рынок с контрабандой из Охмараге.

Его появление здорово обрадовало Бэйр, потому мы задержались немного у церкви, чтобы они могли поговорить о работе над големами прежде, чем ведьма уедет на несколько дней: сразу после венчания их с Арландом ждало то самое путешествие.

Заметив Рэмола, Райнар странно улыбнулся. Он подошел к небесному и протянул руку, сказав, что для него большая честь встретиться с героем Войны Богов. Серафим пожал руку, добродушно улыбнувшись в ответ. Он почти не обратил на преподавателя внимания, ему нужно было что-то обсудить с рыцарем. Серафим и рыцарь ушли куда-то сразу по-

сле обряда.

Получив поздравления от всех, кто желал их принести, и ответив на пару вопросов газетчиков, Арланд с Бэйр вернулись домой. Там новоиспеченные супруги собрали вещи и, попрощавшись с нами, уехали в неизвестном направлении. При этом оба они выглядели так, будто отправлялись не в свадебное путешествие, а в ссылку. Тревога снова кольнула мне сердце.

Люциус куда-то испарился, а Люська, поболтав немного со мной на кухне, отправилась в академию. Ей, в отличие от Бэйр, еще только предстояло допустить до сдачи экзаменов, и с этим, как она мне рассказала, у нее были проблемы.

Остаток дня я провел в мастерской, а потом вернулся домой и читал новую книгу. Колдуна все не было, и к ночи меня это начало беспокоить: вдруг что-то случилось?

Прежде, чем бросаться на поиски по городу, я решил внимательно осмотреть дом и тогда обнаружил Люциуса в лаборатории: колдун, как оказалось, сидел все это время там.

Трясущийся, заикающийся, он заходился ужасным истерическим хохотом каждый раз, когда я пытался с ним заговорить. Люциус как никогда напоминал прежнего психопата.

Приступов с ним не случалось уже очень давно, а тут вдруг произошел, и оставалось только гадать, с чем это было связано. Вряд ли же его так подкосила простенькая свадьба?

Вытащив колдуна из лаборатории, я усадил его на кухне и приготовил травяной чай, подлив в чайник успокоительного

из запасной фляги Арланда. После нескольких чашек Люциус успокоился, но по-прежнему был не в себе.

Возиться с чародеем мне не хотелось, но я не мог просто оставить его на кухне и пойти спать. Пришлось сидеть и ждать, пока в состоянии колдуна что-нибудь переменится.

– И с чего тебя так? – поинтересовался я, глядя на покачивающегося из стороны в сторону чародея.

– Это долгая история, – вдруг ответил колдун, залпом выпив очередную чашку моего успокоительного зелья. Он перестал покачиваться, но руки у него ужасно тряслись, можно было подумать, он специально ими дергал. – И я ее тебе расскажу...

– Я устал, Люциус, у меня слипаются глаза. Иди спать, и я тоже пойду, а завтра поговорим, – предложил я, пряча лицо в ладонях и зевая.

– Кто знает, что может случиться завтра! – возразил чародей и его левый глаз несколько раз дернулся. – Город может взлететь на воздух в любой миг... Мир может рухнуть!... – и опять нервный хохот.

– Люциус...

– Нет, я должен тебе все рассказать! – перебил меня он. Резко вскочив со своего места, он схватил меня за руку. – Это касается всех нас!

– Хорош-хорошо, я слушаю! Только не трогай меня, – я осторожно высвободил свою руку.

В душу начинали закрадываться недобрые подозрения.

Странное поведение Арланда, убитый вид Бэйр и ее слова перед венчанием, а теперь еще припадок Люциуса... все это действительно не предвещало ничего хорошего.

Подумав, я налил успокоительного чая и себе.

– Помнишь, я говорил, что родился и вырос в этом городе? – спросил Люциус, начиная свой рассказ.

– Да.

– Я не рассказал о том, что со мной произошло, из-за чего я в итоге оказался никчемной ездовой скотиной, а это очень важно! – говорил колдун, с треском разгрызая очередное печенье, так что большая часть осыпалась на стол, но он этого не заметил. – Так вот слушай. После того, как белые совы прикончили моих сумасшедших темных родителей, их орден не переставал следить за мной. Многие годы они наблюдали мой путь от нищего сироты до чародея, который держал в руках добрую половину Черного Рынка. Я знал о том, что за мной следят, и старался не попадаться: я хорошо запомнил, что сделали с моими родители, и не хотел оказаться на их месте. Однако, однажды, лет сорок назад, в мою квартиру на Черном Рынке пришел инквизитор. К моему удивлению, он не нацепил на меня наручники, хотя к тому времени уже было, за что. Он предложил мне работу. В деньгах я не нуждался, но в моем положении отказывать совам было равносильно смерти: тогда еще у них не было невосприимчивости к магии, но зато за ними стоял их бог, всемогущий Клевор, который мог размозжить меня молнией по указке священни-

ка... В общем, я согласился на них работать. Мне было даже любопытно, зачем мог понадобиться инквизиторам маг? ... – Люциус вздрогнул и заговорил в другом тоне, другим голосом. – Знаешь, на самом деле, еще не истек срок нашего с ними договора и то, что я тебе расскажу, является тайной Ордена, которую знают лишь немногие посвященные. За ее раскрытие меня могут на всю жизнь упрятать в пыточную в подвалах главного здания Ордена... другое дело, что белые совы не знают, что я жив... те из них, которые знают о договоре со мной, конечно.

– Давай к делу! – поторопил я его. Я уже понял, что то, что собирается рассказать мне колдун, в самом деле важно.

– Как я сказал, в то время инквизиторы еще не обладали и половиной нынешних сил, они были слабее, но их было больше и все как на подбор фанатики. Клевор был достаточно силен и имел множество рукоположенных, но их все равно было недостаточно для политических игр церкви. Совам необходимо было найти способ самим справиться с нечистью и особенно с магами, не прибегая каждый раз к помощи бога, Мартин Безбожник уже явил миру свое искусственное белое пламя и встал у правой руки патриарха. Под его руководством по всему миру открывались лаборатории, и множество тайно нанятых колдунов трудилось над ритуалами, которые могли бы преобразить обычных людей в опасных воинов, способных рассеивать магию. Мне было поручено создать ритуал, который должен был стать заключительным.

Он давал инквизиторам способность боевой ярости.

– Зачем им это?

– Воин, не знающий страха и боли, невосприимчивый к магии, – ты правда спрашиваешь, кому такие могут понадобиться!?! – горячо прошептал Люциус, залпом выпивая еще одну чашку чая. Дальше он только шептал, как будто боялся, что нас подслушивают. – Итак. Я работал над этим проектом вместе с одним способным магом. Сначала был нанят он, но у него не хватало способностей, чтобы закончить дело, поэтому взяли меня. Поначалу я был нужен как метамаг, живая кузница, но потом мы с тем магом быстро поменялись местами, и я стал руководить проектом. Стоящее на мертвой точке дело было закончено за каких-то полтора года. Однако, когда я завершил работу, понял, что не должен был за нее брать: то, что я создал, превзошло даже мои ожидания! Вещества для ритуала лишали обычного человека страха смерти и притупляли боль, а жажда крови развивалась за счет нехватки собственных жизненных сил и способности восполнить их за счет убийства. Это было жестокое и опасное изобретение, которое не должно было стать орудием политики. Мой напарник требовал от меня, чтобы я представил нашу работу верхушке Ордена, но я все откладывал, раздумывая, как поступить правильнее и не попасть потом в темницы к белым совам.

– И что же ты в итоге сделал? – спросил я, когда колдун замолчал на несколько минут. Я подлил ему еще чая, а потом

и себе.

– Я... – Люциус судорожно вздохнул, но выпил из чашки и продолжил. – Я сжег все записи, взял свое изобретение, – порошок в большом мешке, – и отправился в лес леннаев недалеко отсюда. Яркоглазые меня пустили: многие из них знали меня на Черном Рынке. В лесах я смог спрятаться, но, как оказалось, недостаточно надежно. Кто-то сдал меня, – тот самый маг, которого я сместил, – и белые совы пришли уже через несколько дней, пришли за моей головой и за моей работой! В ту ночь я не спал, мучился бессонницей, и я был бы уже мертв, если бы не она тогда... Услышав о приближении инквизиторов, я едва успел схватить мешок с порошком и выскочить из окна своего дома, они успели осыпать меня своей дрянью, лишаящей магии! Я понятия не имел, куда бегу, но в конце концов лесная чаща вывела меня к закрытой роще, пристанищу последних белых единорогов. Я спрятался там, забравшись на дерево возле ручья, который должен был скрыть мои следы от собак. Белые совы подоспели через несколько минут после того, как я оказался в ветвях, но я уже нашел выход. Я понимал, что сегодня они меня поймают, и, чтобы им не досталось мое изобретение, я высыпал его в ручей, из которого как раз пили единороги... Ты можешь себе представить, каково это: сидя на ветке, держать на весу огромный мешок с тяжелым порошком, при этом стараясь, чтобы тебя не увидели!... Это тяжело... я не справился, и сорвался вниз, упал прямо в воду, прямо туда, куда высыпал

эту дрянь! Я нахлебался ее предостаточно... Единороги, которым в глаза попала пыль из мешка, обезумели. Они бросились на инквизиторов и превратили их в фарш, а потом вырвались из роши и напали на ближайшее селение леннайев. Я успел убежать и скрыться в чаще леса. Не помню точно, сколько я там провел... Надо было видеть, что я творил! Я плавил камни, менял форму деревьев, взрывал землю... кажется, та роша до сих пор считается проклятой. Но все это кончилось, когда за мной прилетел Рэмол. После все как в тумане. Серафим превратил меня в лошадь и продал кому-то в Рашемии. Представляешь, что со мной было!? Я ничего не помнил, а потом очнулся лошадю! Я сходил с ума, но ничего не мог поделаться... мне казалось, я всегда был конем, а мои воспоминания – просто сон. Или, может, тот рыжий колдун был моим хозяином когда-то?... Я сходил с ума, пытаюсь сложить все куски вместе. Только когда встретил Рэмола второй раз, уже вместе с вами, я узнал, что это, оказывается, было наказание. Только здесь, в Трехполье, я окончательно понял, за что меня наказал серафим. Из-за того, что я отравил единорогов, началась настоящая катастрофа! После того, как то стадо перебили испугавшиеся леннайи, органы и кости единорогов продали на Черном Рынке, оттуда они разошлись по всему миру... а на них была зараза, которую я сделал для инквизиторов! Порошок надо было вживлять в тела с помощью магии, а при таком грубом применении, да еще на магических животных, он сработал иначе. Из то-

го проклятого ручья пили другие животные, пыль преобразила их кружева и вызвала болезнь, которая теперь распространилась по всему материку. Младшие нелюди, нечисть, лесные духи... Я озолотил орден Черного Дракона, им удалось сдерживать натиск и загребать огромные деньги, но сейчас... сейчас, когда я побывал с тобой и Бэйр в лесах и пустынях, своими глазами увидел, во что вылилось мое спасение, та роковая минута с порошком на дереве...

– И ты только сейчас об этом говоришь? – воскликнул я, не веря своим ушам. – Да ты хоть понимаешь, что натворил!?!... Нужно было немедленно сообщить обо всем Дейкстеру! Дейкстеру, Рэмолу, Арланду – кому угодно, но не мне!

– А ты думаешь, они не знают!? Думаешь, Донан тут просто так объявился? – крикнул колдун. – Рэмол с Истэкой уже двенадцать лет ищут лекарство! Они перерыли весь мир в поисках того, что сможет обратить процесс заражения! А потом выяснилось, что маленькая дикарка с Равнин, не умеющая даже читать и писать, сделала все за них! Вместе с хранителем Сливовой Роци она смогла создать лекарство, но то, что вышло, рука нашей ведьмы, пожирающая магию, – никто не может понять, что это такое и как ей воспользоваться! Рэмол держал нас в тереме несколько месяцев, но ни он, ни Истэка так и не додумались, что это был за порошок. Даже я не могу понять, что это, хотя каждый день вижу перед собой эту проклятую руку!... А сейчас что-то происходит!... Рэмол не просто так объявился в Трехполье, месте, где все

началось! Арланд, его глаза и уши, не просто так торчат целыми днями в подземельях, где я создал эту дрянь!... Не может быть совпадением, что та самая змея, из-за которой меня нашли в лесу леннайев, этот Райнар, прикинулась преподавателем и вцепилась в нашу ведьму, как клещ!... Нет!... Что-то начинается, что-то вокруг бурлит и кипит, и это что-то поставит надгробие на моей могиле!!!

Колдун зашелся мелкой дрожью и схватился за голову, будто стараясь затолкать мысли обратно.

Перетащив Люциуса на диван в гостиной, я отправился к себе. Мне нужно было обдумать все, что я услышал.

Странное поведение Арланда и Бэйр днем, вчерашние слова брата о том, чтобы я не спускал с ведьмы глаз, появление Рэмола – все это действительно было странно, но может ли такое быть, чтобы все было настолько плохо, как говорит Люциус?... Арланд с Бэйр просто уехали отдохнуть, а рыцарь с серафимом заглянули на другой конец материка, чтобы поздравить их с радостным событием, почему бы и нет?

Чем больше я об этом думал, тем сильнее мне хотелось, чтобы все действительно было так. Однако, что-то внутри подсказывало мне, что Люциус гораздо ближе к истине, чем я.

Утром колдуну не полегчало: он валялся на диване, бредил и отказывался поддерживать разговор. Я испугался, что мне придется сидеть с ним, пока не вернутся Арланд с Бэйр, но нас пришла проведать Люська. Я оставил чародея на ее

попечение, а сам отправился в гостиницу, где остановился Дейкстр.

Если хочу выяснить, что происходит, для начала нужно поговорить с рыцарем, а дальше – по обстоятельствам.

В комнате рыцаря я наткнулся на подозрительно знакомого ланка. Я узнал его по разноцветному лицу и тут же вспомнил его, хотя виделись мы еще осенью и теперь его цвета снова поменялись.

Он вдруг улыбнулся так, будто давно знает меня. Поднявшись с кровати, где читал что-то, он пошел мне навстречу.

– Адольф Снежны змей, – представился он.

– Адольф, – повторил я, вспомнив Адольфа, про которого мы вчера говорили. – Меня зовут Леопольд, я пришел поговорить с Дейкстером.

– Его нет уже второй день, разве он не у вас? – удивился змей.

– Вчера они с Рэмолем куда-то ушли после церемонии и с тех пор я ни одного не видел.

– Что ж, они взрослые мальчики, – ланк пожал плечами.

– Тебе известно, зачем они здесь? Есть же причина помимо свадьбы?

Но змей только пожал плечами, хитро улыбаясь.

– Если тебе еще не сказали, значит, ты пока не нужен. Но не переживай, это ненадолго.

Что ж, раз Дейкстера с Рэмолом нет, а змей мне ничего не скажет, придется искать ответы в другом месте. Я решил

наведаться в дом к Райнару: Люциус вчера говорил что-то про то, что знает его.

Возможно, у колдуна просто обострение, а безобидный кукольник просто похож на того мага... Учитывая все то, что Бэйр рассказывала о своем преподавателе, он вовсе не из тех, кто может связаться с инквизиторами. Да и выглядит он молодод. Однако, проверить его дом будет не лишним.

Я не знал, где живет Райнар, но это было не так сложно выяснить: достаточно придумать какую-нибудь историю и обратиться к стражникам. Они всегда рады помочь скрывающейся знаменитости.

Первые встречные стражника, как ни странно, поверили в байку о том, будто Райнар должен мне крупную сумму, и отправили точно по адресу к преподавателю.

Превратившись в крысу, я пролез внутрь через дыру в стене, а дальше сориентироваться не составило особо труда: дом оказался небольшой.

Внутри царил настоящий хаос... Нет, с точки зрения высокого человека, вокруг все было вполне прилично, можно было бы даже решить, что недавно убирались. Вещи на своих местах, мебель чистая, полы новые. Но с моей точки зрения, или, вернее сказать, обоняния крысы в доме был страшный бардак. В каждой щели, под тумбами и диванами собралась десятилетняя пыль, в щелях застряли осколки старых костей, кое-где даже гнилые куски фруктов!

От ковров неприятно пахло животными, на кухне царил

запах плохо запечатанных зелий (я уже успел заметить, что чем сложнее зелье, тем хуже от него пахнет). Из подвала, где должна была храниться еда, несло падалью.

Сам Райнар валялся на огромной кровати на втором этаже. Он напоминал сонного медведя: разинув пасть и свесив с кровати здоровенную руку, он храпел так громко, что я сначала испугался – подумал, это рычит собака. Черные косматые волосы вились над головой львиной гривой, из-под бороды почти не было видно лица. Настоящее чудовище.

Обследовав дом, я обнаружил ход в подвальную лабораторию. Прощмыгнув вниз по лестнице, я оказался в большом укрепленном помещении, похожем на то, где работают Люциус и Бэйр, только светлее и стекляшек здесь поменьше.

Многочисленные полки заполнили свитки и мешки с ингредиентами, но больше всего тут было статуэток: самые разные, большие и маленькие, в форме людей и животных – их было больше, чем в кукольном музее! Должно быть, големы. Всего имелось три стола, два из них были завалены заготовками кукол, а третий – бумагами и маленькими жезлами.

Надеясь найти какие-нибудь документы, я обрыл всю лабораторию, но ничего не нашел, кроме писем из трактиров, которые регулярно напоминали Райнару о том, что он ничего не оплатил после очередного загула.

По всему выходили, что самый большой грех Райнара – это не особенно большие долги. Единственное, что я счел подозрительным – это запах. Отвратительный теплый запах

змеинового гнезда, которым пропах дом и который был в десять раз сильнее в лаборатории. В крысином обличии от этой вони у меня начинали слезиться глаза!

Однако, источник я, как ни старался, не мог определить, везде воняло одинаково.

Выйдя из лаборатории наверх, я снова стал животным и затаился на подоконнике, подождал, пока Райнар проснулся и позавтракал. С утра его немного пошатывало.

После завтрака он оделся, закрутил свою гриву в пучок, заплел бороду в косу, накидал в корзину еды из кладовки и отправился в лабораторию.

Я уже думал, что придется наблюдать за его опытами, но все оказалось куда интересней: он оттащил одну из плит на полу и спустился в открывшийся в проход. Я последовал за ним крысой.

Почему-то мне казалось, что мы попадем в тайную комнату, но ход оказался очень долгим, он вел вперед и вниз. Райнар зажег светящийся шар – у него он был синий – и шел, напевая себе под нос что-то веселое. Пел он, кстати, неплохо.

В конце концов ход привел нас прямо в подземелья, ведущие к Черному Рынку. Я бывал там пару раз вместе с Люциусом и Бэйр, но не сказать, чтобы мне это место понравилось: слишком сыро и слишком плохо пахнет. Но не так плохо, как в лаборатории у Райнара, конечно...

Маг шел, уверенно выбирая повороты, причем шагал он с таким видом, как будто прогуливался по летнему садику и

дышал ароматом цветочков. Ему определенно здесь нравилось.

Я заметил, что он пропустил несколько поворотов, ведущих к шумному Черному рынку. Видимо, маг направлялся в другое место под землей... все интереснее и интереснее.

В конце концов Райнар забрался так далеко, что ему едва ли хватало света, чтобы освещать себе путь: стены и потолок хода стали слишком высокими и широкими. Поскольку мне стало скучно просто бежать за ним крысой, да и лапы уже болели от шершавого камня, я превратился в себя и стал пугать его, прыгая по теням и иногда шаркая.

Приятно было чувствовать себя, как в старые добрые времена, блуждать по подземельям и смотреть на мир, используя теневое зрение.

– Да что за чертовщина!? – воскликнул Райнар, когда я начал тихо напевать жутенькую песенку «О тварях из Тени» на родном языке матери. Пел я тихо, почти шепча, но слова долетали до колдуна едва слышимыми шорохами. Меня он, даже если бы очень захотел, никогда бы не увидел.

Испуганный вид мага меня забавлял, и я иногда позволял себе тихо хихикать, пугая его еще больше.

Видимо, Райнар боялся, что за ним кто-то идет, потому что несколько раз сворачивал не там, где надо, и ходил кругами. Он даже вышел к рынку и походил между прилавками, купил еще продуктов, чтобы запутать след... Возможно, шпионь за ним кто-нибудь другой, он бы и оторвался, но

со мной это было бесполезно: оборачиваясь в самых разных животных и нелюдей, прыгая по теням, я мог незаметно следовать за ним куда угодно.

Наконец, Райнару надоело петлять, а мне надоело его пугать, и он пошел, куда собирался. Скрывшись в тоннелях, он за час добрался до одного из подземных залов. Под высокими сводами здесь собралось подземное озеро, его воду освещали зеленые кристаллы, а стены покрывали пушистые цветущие мхи.

Колдун подошел к плотной моховой занавеси и отодвинул ее: за растением оказался проход. Я шмыгнул за магом прямо туда в обличии крысы.

Мы оказались в крошечной пещерке, обставленной крепкой деревянной мебелью. На выступах вдоль стены были постелены шкуры, там же валялось несколько подушек, на столе – куски хлеба, столовые приборы и кувшин с молоком, судя по запаху. За столом сидела женщина. Похоже, она ждала Райнара, потому что его появлению ничуть не удивилась.

Таких, как она, я еще никогда не видел. Взять хотя бы то, что она обрила голову налысо и нанесла на череп странные геометрические татуировки. Она выглядела настоящей преступницей, но глаза у нее были не злые, только неестественно темные губы недовольно кривились.

Она носила бордовый плащ, который цветом напоминал засохшую кровь – от женщины и пахло кровью, а еще от нее шел тот самый отвратительный змеиный запах. В чем же она

так извозилась?...

Она так заинтересовала меня, что я забылся и замер на одном месте.

– Смотри-ка, ты привел с собой крысу! – воскликнула женщина, заметив меня.

Я было испугался, но она, кажется, не желала мне зла, даже обрадовалась.

– Всего-то крыса...

– Здесь они редкость, но, если удастся встретить одну, – это непременно к удаче, – объяснила женщина и протянула мне кусочек хлеба. Подбежав к ней, я принялся и послушно взял угощение в зубы, а потом убежал в угол, чтобы сгрызть. Я самая обычная крыса, ничего подозрительного, хе-хе... и я вас совсем не подслушиваю.

– Принесла? – требовательным тоном спросил Райнар.

– Я свое дело делаю, – в голосе женщины послышался упрек. Она поставила перед Райнаром мешок, который держала за пазухой. Я понял, что змеей воняет именно от этого мешка, а не от женщины. – А вот ты даешь повод для сомнений.

– Терпение, сейчас нельзя торопиться, – спокойно ответил Райнар.

Он поднял мешок, раскрыл его и внимательно осмотрел содержимое. Кажется, маг остался доволен, он положил добычу под стул, на котором сидел.

– До меня доходят слухи, будто наверху все не так глад-

ко, – продолжила женщина. – Не думай, что я слепа, как мышь, если вынуждена жить в этих норах: на поверхности у меня свои глаза и уши!

– Это Гренгаль, что ли? – Райнар издевательски усмехнулся.

– Ты рушишь наши планы, ведешь свою игру, и не думай, что это так останется! Ты обещал, что ведьма присоединится к нам, и где она сейчас!?

– Ведьма нам больше не нужна, – отрезал Райнар.

Мне показалось, что они говорят о Бэйр. Скорее всего, так оно и есть... Если так, то мне просто сказочно повезло застать этот разговор!

Дожевав корку, я пошел за добавкой. Женщина отвлеклась, отломив мне кусочек хлеба, и я снова убежал с ним в угол.

– Так она нам не нужна, или дело в том, что ты ее упустил? – с подозрением в голосе спросила женщина. – Как это вообще возможно, не добиться помощи от бестолковой молодой девицы!?

– Она с самого начала была закрыта: ее сторожил инквизитор, а теперь выяснилось, что и Рэмол следил за ней, – объяснил Райнар. Он старался говорить спокойно, но я слышал в его голосе раздражение. – Хорошо, что я ей не открылся, иначе мы бы уже взлетели на воздух по воле серафима.

– Но ты мог бы устранить ее! А если она попадется тем уродам с поверхности, ты подумал, чем это может для нас

кончиться!?

– Я сделал достаточно, уж поверь. К тому же, до нас этим убогим нет никакого дела, так что пусть забирают ее со всеми потрохами, – Райнар махнул рукой в сторону. – Мы сами со всем справимся.

– Не промахнись опять! Нам дорого обходится твоя медлительность. Мне она дорого обходится.

– Ты – пастух. Знай свое место и не суйся на поверхность, тогда рано или поздно получишь причитающееся.

– Смотри, я ведь могу и передумать, – пригрозила женщина и поднялась со своего места. Она в самом деле собралась уйти, но маг остановил ее.

– Куда ты? – спросил Райнар, когда она начала собирать хлеб и молоко в свою корзину. – Я принес тебе немного нормальной еды.

Он положил на стол сверток, который принес из дома. Кровяная колбаса, ветчина, немного яблок и маленькая бутылочка вина.

– Лучше бы ты принес мне солнце, Райнар: еды я и сама могу себе достать, – хмыкнула женщина. Однако, свертки она все же взяла.

Она накинула на лысую голову с татуировками капюшон и быстро скрылась в темноте подземных ходов.

Посидев немного в комнате, Райнар встал, вышел из пещеры и отправился ровно в противоположную сторону, обратно к рынку и ходам на поверхность. Я скользнул за ним по

тени.

Прямоком из подземелий маг двинулся в академию, на вечерние лекции. К этому времени на высоких городских часах было шесть часов вечера, я решил не задерживаться и пойти домой. Если повезет, я застану там рыцаря и смогу все ему рассказать.

– Люциус, я дома! – крикнул я, оказавшись в прихожей. – Тебе как, полегчало?

– Люциуса дома нет, – ответил мне знакомый голос.

Из прохода в зал вывалился Рэмол. Он споткнулся о порог, повалился вперед и ударился головой о косяк двери, расправил крылья и взмахнул ими, чтобы не упасть, и снес ими все, что плохо лежало. Я только поморщился от внезапного грохота.

– А я искал тебя сегодня! – проговорил я, снимая уличное пальто и сапоги.

– Были дела, – ответил серафим, потирая ушибленный о дверной косяк лоб.

– Хорошо, что ты здесь. У меня есть к тебе несколько вопросов, – заметил я.

– Это очень кстати, потому что у меня есть к тебе целый разговор, Леопольд.

Кленовая Роща

Бэйр

Неожиданно под ногу мне закрался изогнутый дугой корень. Не заметив его, я споткнулась и полетела прямо на Арланда, идущего впереди. Инквизитор взмахнул руками в тщетной попытке удержаться за что-нибудь, но конце концов мы оба с криком повалились в лесную грязь.

Кречет обеспокоенно подбежал к нам, чтобы проверить, все ли в порядке. Решив, что мы с Арландом просто решили немного полежать на земле и отдохнуть, он завалился рядом и разинул рот, высунув большой язык.

– Черт... – простонала я, утыкаясь лицом в перья белой накидки. Было уже очень поздно, мы шагали по лесу вторые сутки. Если бы Арланд сейчас не заговорил, я бы мгновенно уснула прямо на нем, прижавшись к темным мягким перьям.

– Бэйр, я лежу лицом в грязи, не могла бы ты подняться и помочь мне встать?... – вежливо спросил он и задвигал плечами, пытаясь скинуть меня.

– Конечно, – покачиваясь, я кое-как поднялась на ноги и подала руку уже-целый-день-как-мужу.

Белоснежная накидка теперь была вымазана лесной грязью, к перьям и волосам прицепились листья и ветки. Арланд напоминал чудовищного лешего.

– И что прикажешь мне теперь делать? – проворчал ин-

квизитор, осматривая себя. Достав беленький платочек из кармана на груди, он стер с лица толстый слой грязи.

– Это ужасный день, ужасная ночь, – простонала я в ответ, упираясь спиной в ближайшее дерево и смотря в светлеющее небо, едва видимое за ветвями густого леса. – Я все еще не могу поверить, что вместо «недели для нас двоих» на тихой ферме, романтических прогулок на лошадях и купания в речке мы вынуждены барахтаться в грязи на пути неизвестно куда к неизвестно кому...

– Но это лучше, чем если бы прямо на этой ферме на нас напало с тридцать магов, мечтающих только о том, чтобы отрезать твою руку? – сухо спросил Арланд, отряхиваясь. – Если все это когда-нибудь закончится и мы оба останемся живы, обещаю тебе сказочный... как ты это называешь?... Медовый месяц?... Да. У нас будет сказочный Медовый месяц...

– Так говорят, когда ситуация безнадежна: все будет хорошо и у нас непременно будет что-то замечательное. Но это будет потом, неизвестно когда, когда что-то там кончится, – невесело заметила я, отлипнув от дерева.

Я поплелась следом за инквизитором. На злость у меня уже не хватало сил, все нервы были истрочены еще вчера днем, теперь я могла только ворчать.

– И еще это «обещаю»... Лучше бы ты промолчал, честное слово! От твоего «обещаю» мне стало только хуже.

– Я думал обнять тебя, но я весь в грязи, так что решил,

что ты только еще больше расстроишься, – проговорил Арланд, ускоряя шаг. Наткнувшись на разросшийся куст, он выхватил меч и с размаху разрубил ветви, освобождая нам дорогу.

– Ты такой чувственный, когда пытаешься поддержать молодую жену, от тебя так и веет душевным теплом и участием, – ответила я, копируя адвокатский тон инквизитора.

– Мою свадьбу тоже испортили, но я не ною, потому что у нас нет другого выхода. Нужно потерпеть, Бэйр, – назидательно проговорил он.

Я с досадой уставилась на его белобрысый затылок. Когда он начинает говорить в таком тоне, мне хочется хорошенько долбануть его молнией!

Я узнала о том, что происходит, после того, как мы с Арландом уехали из дома. Инквизитор привел меня в закрытую трактирную комнату, куда позже прилетел Рэмом. Серафим рассказал мне обо всем, что творилось все это время и о чем я даже не догадывалась, – то есть, догадывалась, конечно, но смутно.

Так вышло, что среди всех воспоминаний, оказавшихся в моей голове после частичной замены памяти, ничего не отложилось о многих делах моей предшественницы. Я по-прежнему ничего не знала о таинственных преступлениях, за которые ее искали, не помнила старых знакомых и мест, где ей приходилось жить. Все это и «напомнил» мне Рэмом, услужливо собиравший мое прошлое клочок за клочком с

тех пор, как его вылечил Арланд.

Сила, заключенная в мою левую руку Фавнгрифом, оказалась лекарством, оружием против «бешенства» младших нелюдей, с которой надеялась совладать прежняя Бэйр. На кой оно ей было надо? Скорее всего, тщеславие, желание испытать свои силы и знания, а еще она дружила с младшими нелюдями и наверняка ей было обидно, когда ее друзья умирали в мучениях. Эпидемия росла медленно, в пустыне, где мы были с Дейкстером, она получила плодородную почву в лице и без того от природы агрессивных чудовищ. Среди разумных болезнь распространялась дольше, у единиц оказался иммунитет, и это давало возможность предотвратить катастрофу до того, как странное поведение нелюдей будет замечено законными властями. Итак, все легендарные кражи и авантюры моей предшественницы были связаны с поисками необходимых ингредиентов для лекарства. Бэйр была своей среди кентавров и фавнов, лично знала Фавнгрифа и его компанию, они вместе работали над лекарством, только в разных местах материка.

После того, как Бэйр украла «прах привидения» из коллекции одного влиятельного некроманта, она объявила, что ее часть лекарства готова. Они с Фавнгрифом договорились встретиться у Северного леса, где оставался последний единорог в Рашемии: тогда его еще можно было спасти, к тому же, его рог был последним ингредиентом. Но по роковой случайности драгоценное лекарство попало в руки человека,

который даже представить не мог, что находится у него в мешочке на поясе. Те месяцы, которые я проскиталась вместе с Дейкстером, смешали все карты. Я скрывалась, и все те, кто знал о моей миссии, не могли найти меня и «напомнить» о лекарстве, которое ждали тысячи больных. Грядущее избавление для младших нелюдей и безобидной нечисти, вроде домовых, внезапно и без единого следа исчезло на просторах Скаханна. Можно представить, чем это могло обернуться.

Но произошло настоящее чудо, и я оказалась в том самом Северном лесу, где меня нашел Фавнгриф... впрочем, ни ему, ни его спутникам, ни единорогу я уже не могла помочь – я опоздала, они были на последней стадии, и времени на то, чтобы все мне объяснить, у них не оказалось. Только потому, что времени не было, Фавнгриф без моего согласия сделал то, что посчитал нужным: он не знал наверняка, что собиралась сделать с обеими частями моя предшественница, поэтому нашел другой способ сохранить их труд. Он вбил мне в кисть рог единорога и смешал обе части лекарства с моей кровью, заключив его в моем теле.

Исцеление болезни оказалось только одной возможностей моей искалеченной конечности – но я до сих пор не знала, как ей пользоваться. Вроде как приобретенные способности позволяют мне вытягивать не только магическую заразу, но и саму магию, из которой были сотканы души младших нелюдей. Причем внутри меня вытянутая магия преобразовывалась в чистую энергию, которую я могу использовать для че-

го угодно: от поддержания собственной жизни до зверских пыток и убийств нелюдей. Искушив нескольких домовых, я без всяких потерь могу полностью наполнить самый мощный накопитель чистой энергией.

Лекарство внутри меня превратилось в ни что иное, как бесконечный источник сил: убивай никому ненужных духов и пользуйся их душами в свое удовольствие! Году изучения сложнейших ритуалов и чудовищные коэффициенты потерь при перенесении энергии? Кому это надо, если можно намешать порошков, провести простенькую операцию и месяц-другой походить на обезболивающих!? О таком грезят все маги, для них секрет порошка, который превратил мою левую руку в комбайн для производства дармовой силы, – предел всех мечтаний. Если бы кто-то узнал о том, что изобрела прежняя Бэйр, из нее бы под пытками вытягивали этот рецепт. Именно поэтому мне стоило держать в секрете свои способности... а с этим я не очень хорошо справилась.

Так получилось, что перчатка, закрывающая узоры на руке, оказалось недостаточным прикрытием для моих возможностей. Стоило мне появиться в Агираде, где я перестала прятаться и даже пошла в академию, в распростертые объятия к магам всех мастей. Все, кому надо было, узнали, что Бэйр с Равнин создала бесконечный источник могущества, обрела возможность питаться чужой магией. Конечно, слухи об этом не касались студентов и большинства преподавателей: они понятия не имели об эпидемии и о лекарстве, им

так же не было дела до моих чудачеств и «татуировок» на руке. Но интересные особенности подметили те, кто был в курсе происходящего с младшими нелюдями и слышали о похождениях моей предшественницы. Эти-то осведомленные и представляли угрозу для меня и для лекарства. Благодаря шпионам из академии вести обо мне быстро распространились по Рашемии, Тангейю и Агираду – странам, где уже началась настоящая эпидемия нечисти. Среди охотников за моей рукой были те пятеро, которые пытались поймать меня с помощью проклятого золота.

Как только нужные люди подтвердили мои способности в определенных кругах, случилось то самое, чего опасались такие как Рэмол, Лабава, Люциус и даже уродец Гренгаль – те, кто, в отличие от меня, понимал, что происходит, и старался защитить лекарство и меня. А случилось то, что исцеление для одних, прекрасный источник возможностей для других, – моя рука стала главным призом на начавшейся охоте за моей головой.

Хуже того, до сих пор законные власти – ордена и государства – даже не подозревали об эпидемии среди младших нелюдей и нечисти. Дейкстр был прав, когда не стал сообщать своему ордену о том, что мы узнали в пустыне: прослышав об эпидемии, люди и нелюди принялись бы уничтожать всех без разбору. Теперь же, когда Кред, пытаясь повторить мой опыт с рукой, не выдержал того, что сделал, и погиб прямо на главной площади, начнутся расследования.

И эти расследования рано или поздно откроют перед судом все, что происходит: они узнают про руку, потом про изображение Бэйр и про то, для чего оно было предназначено.

Сложно описать, что я испытывала, когда Рэмол рассказывал мне все это после венчания. Все перевернулось для меня с ног на голову: и прежняя Бэйр, и боли в левой руке, которые все еще изредка навещали меня, и все те беды, которые мне пришлось пережить, спасаясь от озверевших чудовищ... Все те загадки и вопросы, которые мучили меня долгое время, оказались связаны в один веник, которым стремительно сметалось все, чем я уже приготовилась жить.

Никакой семейной жизни, никакого покоя, ничего я не получу, потому что еще не закончилось то, с чего все началось, потому что я еще не выполнила возложенной на меня задачи, о которой даже не подозревала все это время... И никуда мне уже от этого не деться. Когда над тобой стоит двухметровый серафим, способный вообще на все, и говорит, что ты что-то кому-то должна, ты не возражаешь.

Стать частью такого благого дела – честь, но я в героя я наигралась еще у Сеймуров, и теперь с ку больше радостью предпочла бы проворачивать авантюры на Черном Рынке, чем строить из себя волшебницу-спасительницу.

А вот глаза Арланда горели, когда он слушал о том, во что нам предстоит ввязаться. Точнее, во что мы уже ввязаны. Вся эта морока со справедливостью, помощью угнетенным – это то, без чего он себя больше не представлял. Как я узна-

ла чуть позже, он уже давно помогал Рэмолу с этим делом про бешенство, с тех пор, как обнаружил яд на фабриках. Он стал глазами и ушами серафима на Черном Рынке, искал источник зараженных ингредиентов, которые наводнили прилавки таким количеством, будто кто-то специально разводил бешеных магических существ.

Возможно, услышь я обо всем этом в другой день, я бы восприняла все не так пессимистично и не раскрасила бы предстоящую мне миссию в черный цвет самопожертвования... Но это ведь была моя свадьба! Даже после того, как Арланд сказал, что мне предстоит уехать, я не знала, что дела настолько плохи: что день свадьбы может стать последним днем, когда я вижу его и всех остальных своих друзей живыми и здоровыми.

По плану мы с Арландом должны были сесть в повозку и, соврав всем про свадебное путешествие, уехать в глухие леса леннаев на востоке. Там уже ждали знакомые серафима, которые обещали дать мне укрытие.

В этом лесном поселении мне предстояло продолжить борьбу с эпидемией. Все нелюди в округе стараниями серафима уже знали о том, что я могу исцелять, – пусть даже пока сама не понимала, как именно. И младшие нелюди не собирались упускать возможность вылечиться, пока их припадки ярости не превратились в необратимое безумие.

Встретить нас должны были в самой чаще, и мы продвигались к ней уже вторые сутки. Идти дальше становилось

все тяжелее и тяжелее, лес густел, деревья и кустарники разрастались, образуя непроходимые заросли. Огромные взрывающие землю корни деревьев изгибались опасными петлями, о которые можно было легко споткнуться, почти за каждым кустом находился небольшой овраг, иногда приходилось обходить болотистые места – путь был непростой и утомительный.

Утомительный... для меня, после стольких месяцев городской жизни и ночевки в собственной кровати, это был настоящий ад! Даже любимый походный костюм казался мне неудобным и тесным после прекрасно сшитой одежды из дорогих мягких тканей. Ноги, давно не топтавшие острых камней, кочек и корней, болели, дыхание сбивалось, мне хотелось просто лечь на землю и уснуть.

– Мы можем остановиться и передохнуть, если хочешь, – предложил Арланд, когда я его догнала в очередном овраге.

– Если мы остановимся, я не смогу заставить себя идти, – призналась я, принимая руку инквизитора, помогающего мне выбраться.

– Граница должна быть уже близко, – чтобы, выбравшись, я по инерции не упала прямо на его грязную накидку, инквизитор придержал меня рукой. – В конце концов, не может этот лес быть бесконечным, да?

– Бэйр, ведьма с Великих равнин? – произнес кто-то звучным тягучим басом за спиной Арланда.

Инквизитор развернулся и выставил вперед горящую бе-

лым пламенем руку. Кречет, вставший между Арландом и темнотой, из которой донесся чужой голос, глухо зарычал, смотря на большой куст перед нами. За ним скрывался говоривший.

– Я – друг, – пробасил незнакомец.

Из-за кустов, ломая ветви тяжелыми копытами, выбрался гигантский кентавр.

Можно было догадаться, что мне снова придется иметь дело с этими существами. Но когда кентавр вошел в круг света от моего светляка, и я смогла разглядеть его получше, я поняла, что удивиться все-таки стоит.

Этот оказался значительно больше, чем те из группы, которую я встретила в Северном лесу. Черты лица у него были совершенно другие, не говоря уже о прочих отличиях.

Его шкура была золотистая, с длинной шерстью. Над широкими, с мое лицо, черными копытами распускались огромные вьющиеся щетки. В месте, где лошадиное тело перетекало в человеческое, шерсть была светлее, чем на всей лошадиной части, постепенно она редела и оставляла темную бронзовую кожу человеческого торса. Ниже локтей, линией вдоль кости у кентавра росли длинные волосы, похожие на щетки на копытах.

Лицо было почти как у леннойя. Большие глаза, уголки которых тянулись к вискам, смотрели нечеловеческим взглядом: невозможно было разобрать эмоции. Не было белков, только темнота, а в ней – кольцо ореховой радужки и узкий

вертикальный зрачок. Волосы на голове были насыщенного землисто-коричневого цвета, многие пряди заплетены в косы.

За спиной у кентавра висел огромный тугой лук и колчан со стрелами.

– Мое имя – Дендегар. Я провожу Бэйр к нашему селению, – произнес кентавр со страшным акцентом, когда убедился, что Арланд передумал пускаться в ход свои силы. – Можешь идти, – он обращался к инквизитору, но смотрел при этом на меня.

– Я должен убедиться, что Бэйр доберется до селения, – сказал Арланд.

– В селение можно только ведьме, – кентавр ответил не сразу, как будто он забыл, что должен сказать, и старательно вспоминал, хмурясь. – Наша Роща – запретное место для чужаков.

– Но он мой муж, может он пойти со мной? – спросила я, надеясь, что сердце у кентавров окажется хоть в половину человеческим. Если Арланд уйдет прямо сейчас, я этого не вынесу!

– Дайте нам хотя бы одну ночь: потом я уйду, – пообещал Арланд.

– Одна ночь, – произнес кентавр после недолгих раздумий. – Видеть дорогу нельзя, – он посмотрел на Арланда и закрыл себе глаза рукой. – Видеть дорогу нельзя.

– Хорошо... я завяжу глаза, – согласился инквизитор.

– Долго нам идти? – спросила я у кентавра, предвкушая близкий отдых.

Подумав, кентавр показал мне три пальца.

– Три часа?

Он помотал головой.

– Три дня!? – я ужаснулась.

Кентавр, не произнеся ни слова, развернулся и пошел куда-то, жестом приказав следовать за ним. Я завязала Арланду глаза своим шарфом, и повела его за кентавром, держа за руку.

Мысли о том, сколько еще нам предстоит идти, увеличили мою усталость втрое, и только мысли о том, что с Арландом я пробуду еще целых четыре дня, удерживали меня от того, чтобы не свалиться на землю. И еще одна ночь... хотя бы одна ночь у нас будет, прежде чем мы расстанемся.

Кречет, взволнованный появлением необыкновенного существа, кружил вокруг кентавра и обнюхивал его. Дендегар не обращал на пса никакого внимания, продолжая невозмутимо пробираться через кусты и перескакивать через овраги. Ему было проще преодолевать препятствия лесной чащи, поэтому мы с Арландом, который не мог видеть, куда идет, постоянно отставали. Один раз мы даже чуть не потеряли Дендегара из виду, но он вернулся, и мы продолжили путь.

За долгое время пути кентавр еще не раз так пропадал, а мы не раз отставали. Первый привал мы сделали только около трех часов следующего дня. Я сжалась над Арландом,

который тоже уже еле шел, просто упала на первую же кочку и больше не вставала. Даже никаких усилий не потребовалось, чтобы мгновенно уснуть и тем самым прекратить путь.

Меня разбудили, когда было уже темно. Как оказалось, Арланд заботливо перетащил меня на свою накидку, расстеленную прямо на земле: на ней мы с ним и проспали, благо терять ей было уже нечего.

Дендегар изловил дичи и зажарил ее на небольшом костерке: это и был наш завтрак. Пили мы оставшуюся во флаге Арланда святую воду.

После первого привала идти стало легче. На душе, впрочем, лучше не стало. Арланд, на чьих глазах все это время была повязка, пробовал шутить или завести непринужденный разговор, но мысли о том, что мне предстоит расстаться с ним, возможно, на долгие месяцы, мешала радоваться настоящему. Я готова была расплакаться, и разговоры у нас не клеились.

К третьему дню я почувствовала, что смиряюсь с предстоящим, душу сковало оцепенение. Мне не хотелось говорить, не хотелось думать и рассуждать, но зато и мучиться я перестала. Доселе пугающие мысли о будущем стали похожи на страницы старой книги: бумага затерта, слова зачитаны, и уже едва ли можно уловить смысл.

Четвертый день пути стал началом «оттепели». Три дня дорога по однообразной местности и однообразные мысли все-таки заставили меня заскучать, и я стала пытаться как-

то развлечься. Я попробовала приставать с вопросами к Дендегару, но ничего не вышло: кентавр как будто поклялся за все время пути сказать только шесть слов. Их он и произнес – это было три «привал», когда надо было поспать, и три «вставайте» после каждого такого привала.

В итоге единственным развлечением стало наблюдение за Кречетом. Все путешествие он приставал к кентавру, кусал его за хвост, играл с бабками, лаял на него в шутку, приносил ему дичь, как дань сильнейшему. Дендегар на пса смотрел с недоумением, но мужественно молчал, только изредка отгонял молодого пса, чтобы тот не отгрыз ему хвост.

Примерно в девять вечера четвертого дня мы неожиданно вышли к высокому забору из толстых неотесанных кольев. Лес примыкал к ним вплотную, как будто деревья пытались пробраться за ограду, и из-за этого казалось, что забор, как и лес, вырос здесь естественным образом. Если бы не ворота и факелы возле них, можно было пройти мимо, ничего не заметив.

Я и в самом деле уже настолько отчаялась увидеть посреди леса признаки цивилизации, что на забор не обратила никакого внимания, подумав, что это очередные заросли. Но Дендегар остановил меня своим седьмым и самым долгожданным словом «пришли».

Наш проводник крикнул что-то на незнакомом мне языке, и ворота открыли изнутри два других кентавра. Мы вошли внутрь.

В селении было еще темнее, чем в лесу: это из-за странной породы деревьев, посаженной здесь повсюду. Широкие почти плоские кроны укрывали шатры от солнечного света.

Но, несмотря на темноту, я с первого взгляда поняла, что представшее передо мной селение огромно. У каждого из первых шатров, которые я могла различить в темноте, стоял на шесте факел. Чем дальше были шатры, тем мельче были огоньки находящихся возле них факелов... тех из них, которые мерцали вдалеке едва заметными точками, было больше нескольких сотен.

Между шатрами я заметила несколько кентавров. Видимо, они были обеспокоены криками сторожевых и вышли из шатров посмотреть, что же произошло, но подходить к нам, пришельцам, не решались.

Дендегар без лишних слов и объяснений провел нас с Арландом по деревне, где возле колодца был поставлен отдельный шатер со всеми необходимыми человеку вещами. Видимо, меня ждали и к моему приходу тут подготовились.

Мой шатер был таким же огромным, как и прочие, и напоминал скорее дом с тремя комнатами по шесть-семь квадратных метров, разделенными полами.

В одной из них, где находилась лежанка из сенового матраса и шкур, стоял так же сундук и шкаф с полками. В другой комнате стоял высокий длинный стол, похожий на операционный, так же шкаф и другой стол, более напоминающий письменный, за которым мне предстояло работать. В

третьей комнате находилась большая старая кадка, которая была призвана заменять мне ванну, и столик, на котором располагался умывальник.

Осмотрев все это, я поблагодарила Дендегара за всех кентавров, которые приготовили для меня эту роскошь: оставалось только догадываться, как они достали в лесу эту мебель.

Мой проводник отреагировал, как и всегда, сдержанно:

– Одна ночь. Завтра он уйдет, – напомнил он, после закрыл полог и оставил нас с Арландом и Кречетом одних. Только сейчас я смогла развязать инквизитору глаза.

Первые минуты он усиленно моргал, так как отучился видеть за эти дни, но вскоре пришел в себя и стал осматривать мое жилище.

– А все не так плохо, – заметил он, пройдясь по комнатам. – Не хуже, чем в домике твоей матери.

Мне мало верилось в то, что путь закончился: с момента, как я была в лесу, до момента, когда из моего нового жилища ушел Дендегар, прошло всего несколько минут. Я скорее по инерции, чем осознанно, я принялась обустроиваться, раскладывая одежду по шкафам и сундукам.

Пока я выуживала из бесконечной сумки свои вещи, Арланд наполнял бадью водой из колодца неподалеку. Я ее нагрела, и мы смогли смыть с себя слои грязи, которыми покрылись в лесу.

В ванне, в горячей воде, с килограммом мыла и литрами шампуней, я, наконец, почувствовала себя человеком, впер-

вые за все эти дни. Просто удивительно, как возвращает к жизни простая возможность вымыться!

Арланд тоже заметно ожил после ванны. В лесу, в такой непроходимой глуши ему было незачем опасаться загадочных монахов, и поэтому он позволил себе немного расслабиться: нужно было видеть его счастливое лицо, когда он, наконец, смог сбросить с себя ненавистные, уже затвердевшие от грязи вещи.

Лежанка, представляющая собой матрас из сена, была застелена теплыми и мягкими на вид шкурами... Нам было не до того, чтобы думать о том, насколько чисто плотно будет ложиться на них голым телом. Несколько дней ночевок на земле превращали любое место, где можно полежать, не наткнувшись лбом на острый камень, в царское ложе.

Кречет улегся рядом так, чтобы быть границей между входом в шатер и нашей лежанкой. Пес, как и всегда, стерег наш покой.

Хотя покой – это не то слово, которым можно было описать нашу последнюю ночь. Заснули мы только под утро, когда сил не было уже даже на то, чтобы признаваться друг другу в вечной любви и горевать по поводу предстоящей разлуки... хотя убивалась по большей части я. Арланд держался и на все мои потоки слов отвечал только крепкими утешающими объятиями.

Потом, когда у меня появилось время задуматься над той ночью, я поняла, что впервые позволила себе такую слабость.

Можно ныть и капризничать, можно пустить слезинку-другую, если нервы шалют, можно пожаловаться и напроситься на сочувствие: это не так страшно. Но сказать кому-то все то, что я говорила тогда Арланду... никогда у меня даже мыслей не было, что я так могу. Я умоляла его остаться со мной, говорила, что не смогу без него, что сойду с ума, и много, много чего еще, чего не говорила еще никому и никогда, ни в одной из памятей.

На следующий день, когда он уходил, я провожала его за ворота. Я обняла его, как в последний раз, поцеловала, засунула в карман уже вычищенной белой накидки наскоро сделанный защитный амулет, и отпустила. Один из охотников селения должен был проводить его до самой дороги в Трехполье.

– Постарайся не одичать тут без меня: я приеду, как только смогу! – крикнул Арланд за уже почти закрывшимися воротами. Его буквально выталкивали наружу, не давая сказать ничего больше. Его глаза снова были завязаны.

После того, как грохнули закрывшиеся ворота, я почувствовала невыносимое одиночество. Среди незнакомых существ, в неизвестном месте, без друзей, которые никогда до этого не оставляли меня... это было хуже, чем лишиться глаз и голоса. Меня как будто отрезало от всего привычного мне мира. Во второй раз.

Я едва не лишилась чувств, стоя у ворот, поэтому меня отвели в мой шатер и оставили одну, дав немного времени

на то, чтобы прийти в себя.

Не помню, что со мной было в те часы. Может, я просто сидела на месте, может, делала что-то... Помню только то, что, когда в шатер зашел Дендегар, я была в кабинете, сидела на земле, обхватив колени.

Кентавр сказал, что старейшина хочет меня видеть.

Почти не поняв, что он имел ввиду, я прошла за ним к большому шатру, выкрашенному в желтый цвет с кривыми зелеными и красными символами.

Внутри этого шатра не оказалось комнат, как у меня. Как я узнала позже, у кентавров просто не было необходимости разделять свои дома на отдельные помещения, им нужны были только стены от чужих глаз, крыша от дождя и место, где можно хранить оружие и немногие вещи.

– Бэйр, ведьма с Великих Равнин, – исковеркав мое имя чудовищным акцентом, Дендегар назвал его кентаврам в шатре и удалился.

Четверо обратили свои взгляды на меня.

Все они были чистой масти, без пятен, и, видимо, это указывало на благородное происхождение и оправдывало их лица: они смотрели на меня с истинно княжеской надменностью, сам Кудеяр бы их в этом не переплюнул.

Их одежда тоже отличалась от той, какую носили другие кентавры, на их спинах красовались причудливые попоны и на груди были уложены широкие полосы зеленой ткани на подобии шарфов.

Старейшину среди них я определила сразу. Он был гораздо крупнее, даже больше, чем Дендегар, поразивший меня своими размерами.

Вождь не был стар, он выглядел лет на сорок по человеческим меркам. В его оранжевых волосах не было седины, широкие мохнатые брови разлетались в стороны, как стрелы. Лицо было узким, с острыми чертами и длинным подбородком. Глаза напоминали по цвету ржавое железо, как и шерсть на конском теле, длинная и волнистая.

– Я – Уландар Осенний, – произнес он тягучим низким голосом. Кентавр говорил очень отрывисто, со знакомым акцентом, растягивая гласные «у» и «и». – Я отец и хранитель Кленовой Рощи. Ты – наш гость. Демон по имени Рэмол называл тебя целителем Безумия. В нашем селении зараженных нет, но они придут сюда за исцелением из других мест.

– Наш друид поможет тебе. Он задерживал болезнь на месяцы, и смог уберечь наше селение от эпидемии, – сказал один из трех других кентавров. Возможно, они были советниками или сыновьями Уландара. – Ты должна слушаться его и учиться.

– Чему учиться? – спросила я, но мой вопрос оставили без внимания.

– Ты будешь жить здесь, в нашем селении, в шатре, который тебе приготовили, – добавил второй советник. Он говорил значительно хуже, я с трудом поняла, что он пытался до меня донести.

– Что, простите? – переспросила я, но меня как будто не услышали. Продолжил говорить третий кентавр с не менее ужасным акцентом.

– Есть правила. Ты должна их соблюдать, – произнес он. Он переглянулся с Хранителем. Тот кивнул, и тогда советник продолжил говорить со мной: – Выходить одной и без сопровождения охраны ты не можешь. Ты будешь есть и работать со всеми, но твоя работа будет легкой и еды ты будешь получать меньше. Ты можешь готовить себе сама, если хочешь.

– Ты можешь учиться у нас или учить тех, кто захочет стать твоим учеником, – добавил второй советник.

– Ты можешь драться с мужчинами и женщинами на состязаниях, но не должна нападать на детей и матерей, – сказал первый.

– Ты не можешь никого лечить, пока тебе не позволит друид, – произнес третий.

– Ступай. Пусть тебя отведут к друиду, – велел Уландар, заканчивая эту странную встречу.

Я вышла из шатра в полной растерянности. Я едва ли успела разобрать, что они мне говорят, запомнила только три правила из всех, которые мне надиктовали, и так и не поняла, что они пытались сказать мне про друида.

Зачем мне драться с кем-то?...

Снаружи у входа в шатер старейшины меня ждал Дендегар.

– Кажется, мне сказали пойти к друиду. Отведешь меня к нему? – спросила я у молчаливого кентавра. Он, как будто не поняв, что я ему говорю, зашел в шатер. Там ему что-то сказали, тогда кентавр вышел и, сделав мне знак следовать за ним, направился куда-то. Видимо, к друиду.

– Ваш друид тоже кентавр, или он сатир? – спросила я, догнав своего проводника. На мой вопрос он не ответил, даже не обратил на меня внимания. – Тебе что, запретили со мной говорить? – удивилась я.

Дендегар снова не удостоил меня ответом.

В деревне в это время дня кипела жизнь, кентавры сновали повсюду: дети играли, хозяйки плели корзины, носили воду, следили за скотом – по большей части птицами и странными существами, похожими на свиней и собак одновременно.

Но стоило мне пройти мимо, как кипящая жизнь замирала. Заметив меня, кентавры расступались и спешили поскорее убраться подальше, некоторые даже прятались в шатры, забирая с собой детей.

Мне пришло в голову, что они, скорее всего, никогда не видели людей.

Дендегар привел меня к небольшому шатру. Полог был приоткрыт, и, видимо, это означало, что мне можно войти.

Внутри все было забито сеном – высушенными вениками из целебных трав, иногда даже из целых кустов. Посреди них сутился высоченный сгорбленный сатир.

Он был стар, шерсть на его ногах росла совсем серой и в некоторых местах редела, на голове тоже появились проплешины, открывающие розоватую кожу. Лицо сатира обезобразила старость.

– Здравствуйте, – сказала я, обращая на себя его внимание.

Сатир замер, прекратив всю свою суету, и повернулся ко мне.

– З-туй-те? – произнес он с вопросительной интонацией.

– Я – Бэйр, ведьма, – объяснила я, уловив в его голосе нотки недовольства.

– Вэдма? – переспросил сатир.

Я создала огонек правой рукой и бирюзовую искру, поглощающую магию, левой. Соединив две силы, я показала, что могу. Если Рэмол рассказывал им обо мне, то сатир должен понять, в чем дело.

– Бейрь... – он проблеял мое имя и подошел ближе ко мне. Несмотря на преклонный возраст, сатир был выше меня – все из-за длинных ног.

Наклонившись, чтобы посмотреть на мое лицо, он скорчил недовольную мину.

– Sé go bhfuil tú? – спросил он.

– Что?

– Sé. Go. Bhfuil. Tú! – повторил он медленнее и по слогам.

– Я не понимаю!

Раздраженно фыркнув, сатир махнул на меня рукой и

вернулся к своим травам, громко и недовольно ворча свои странные слова.

И только тут я поняла, в чем дело... Меня оставили в лагере с кентаврами, которые не понимают моего языка! В этом причина молчаливости Дендегара и странного акцента старейшин. Скорее всего, Рэмол просто перевел их требования, написал им переведенный текст и научил их произносить звуки, чтобы было похоже на человеческую речь. Они зазубрили их и потом просто выдали мне, как школьники зазубренные правила! Поэтому они говорили по очереди – так легче было учить – и поэтому не отвечали на вопросы! Они даже не понимали, что я им говорю, и вряд ли понимали, что они мне говорят!

– Проклятие!...

Я заломила руки, чтобы со злости, не выпустить магическую стрелу во что-нибудь.

Я готова была терпеть ссылку, готова была уехать... Но запереть меня за тридевять земель с копытными, которые даже языка не знают!?

– Да за что, черт возьми!?

– Seo béic! – заблеял на меня сатир, недовольный шумом.

– Заткнись, старый козел! – крикнула я на него, не выдержав.

– Seo béic! Seo! – он заблеял еще громче.

– Это уже вне всяких границ... я тут не останусь! Сплю весь лес, но сбегу отсюда к дьяволу!

Я выбежала из шатра и устремилась к себе, не обращая внимания на непонятные мне крики Дендегара.

Быстро собрав сумку со всем необходимым, я выскочила наружу и побежала к воротам. Рядом со мной скакал Дендегар и пытался остановить, чуя неладное.

Я отогнала его магической стрелой, ударив ей в землю прямо под его копытами.

Оказавшись в трех метрах от ворот, я приготовилась обратить их в пепел, стала собирать в руках магию. Мне нужно было всего несколько секунд!

Я почти закончила, когда ко мне подскакал Дендегар. Я была уверена, что он не подойдет, поэтому не обратила на него внимания... Внезапно магия исчезла.

– С какого!?!...

Я обернулась к кентавру.

В его руках был внушительных размеров мешок с антимагическим порошком. На нем я заметила крупные инициалы Арланда.

– Ну конечно!... – меня пробрал истерический смех.

Не в силах сдержаться, я согнулась пополам, а потом повалилась на землю, не переставая смеяться.

Магии не было, я превратилась в самую обыкновенную девицу, которую можно было без труда связать. Я пыталась сопротивляться, ударила кулаком по челюсти Дендегара, но в итоге все равно оказалась со связанными руками в глубокой яме без лестницы.

В такие ямы в моем мире люди загоняли мамонтов, держали пленников или врагов. Из таких ям невозможно выбраться с голыми руками.

У меня же не было ничего: сумку, кинжал... да что там, даже перчатку, обувь и черепок несчастного Распутина у меня отобрали, как у опасной психопатки, прежде чем посадить в яму!

Первые часы в яме были самыми сложными. Расшалившиеся за последние дни нервы породили самые дикие чувства.

Арланд, подлец... он ведь знал, куда ведет меня! Он запер меня тут, лишив всякой возможности выбраться, пока сам рискует жизнью – пока все, кого я знаю, рискуют жизнями, действуя по указке Рэмола, у которого якобы есть какой-то план, о котором мне почему-то не говорят!

Я готова была выть от бессилия: мысли о том, что я заперта и не могу помочь им, что я безмолвная пленница, сводили с ума. В голове носились безумные планы побега – я не видела никакого смысла в том, чтобы оставаться здесь. О каком лекарстве может идти речь, если у меня ничего нет!? Ни ингредиентов, ни инструментов для лаборатории, я даже не смогу поговорить с этими копытными! Что вообще я могу сделать в таких условиях?

Однако, того порошка, который был у кентавров, хватит на несколько лет, даже если буду пытаться сбежать каждый раз, как восстановится хотя бы часть магии. А больше про-

тивопоставить этим копытным гигантам мне было нечего.

Совершенно обессиленная злостью, к ночи я уснула.

Утром мне спустили лестницу и проводили в мой шатер. Там я обнаружила новый предмет, не понятно откуда взявшийся, – это было простое зеркало в деревянной рамке. Оно стояло в умывальной, на столике.

Увидев свое отражение, я ужаснулась: ночь истерики в грязной яме вряд ли могла кого-то украсить.

Я переоделась в чистую одежду и попыталась занять себя одним из учебников, которые захватила с собой. Чтение могло отвлечь меня от мыслей о тюрьме, в которой я оказалась, необходимость вдумываться в прочитанное, осознавать и размышлять, вернула мне некоторое душевное равновесие.

В полдень один из кентавров вошел в моей шатер и оставил на столе в спальне миску с едой. Вспомнив, что я почти два дня ничего не ела, я быстро смела все, что мне подали, не почувствовав вкуса и даже не поняв, что именно было в миске.

Вечером мне принесли еще еды.

На следующий день ко мне пришел друид и жестом велел идти за ним. Я пошла, но только после того, как два здоровых кентавра, ждавшие снаружи как раз на такой случай, вошли и, показав веревку, дали мне понять, что я снова окажусь в яме, если не буду перечить их друиду. Пришлось послушаться.

Старый сатир, в сопровождении тех же двух кентавров,

решил пройтись со мной по лесу и собрать травы. Я получила возможность нарезать того, что могло бы мне понадобиться, однако все, что мне попало, – это слабенькие травки для успокаивающих чаев и не более. Одно в этой вылазке было хорошо – на время привычной работы раздражение отступило.

После сбора трав друид позвал меня в свой шатер. Я пробовала отказаться, но кентавры снова пригрозили мне веревкой, тогда я пошла к Старому Козлу.

Сатир показал мне, как он варит зелье из собранных трав, пытаясь обратить мое внимание на свойства варева. Я слушала его с той же внимательностью, с какой обладатель научной степени слушает рассуждения школьного учителя. Ничего нового он мне не сказал: такой чаек даже Леопольд варить умеет, еще и посильнее.

После «занимательного зельеварения с дедушкой Козлом» я смогла вернуться в свой шатер, но ненадолго. Вскоре вошла какая-то кентавриха и, схватив меня за руку, потащила на улицу.

Я было замахнулась на эту беспардонную скотину посохом, но тут же в шатер вошел кентавр мужского пола и пригрозил разломать мой посох пополам, если я не пойду с его сообщницей. Пришлось повиноваться, как бы унижительно это ни было.

Кентавриха, как выяснилось, решила заставить меня плести корзины. Я пожгла к чертям все доверенные мне прутья

на зло этой зеленоволосой мымре, но бунт не пошел для меня даром: мне пришлось идти за новыми прутьями в лес под конвоем из двух кентавров, да еще и с выводком из четырнадцати жеребят, беспрестанно гогочущих на своем языке. Я для них была чем-то вроде смешной собачонки, никакая ругань и искры не могли разогнать эту бестолочь, то и дело норовящую меня щипнуть или пихнуть.

После сбора прутьев меня снова попытались заставить плести корзины, но я опять взбунтовалась. Только на этот раз я решила быть умнее и не просто отказалась выполнять работу, а вызвалась заниматься другой – готовкой.

Смекнув, что к котлу меня подпускать нельзя, иначе у всего селения начнутся проблемы, главный повар деревни доверил мне только резать продукты. С этим делом я справилась отлично, учитывая то, что со вчерашнего дня меня так и подмывало прирезать кого-нибудь от злости.

Вечером я ужинала вместе со всем селением, вокруг гигантского костра в центре деревни. Молодежь танцевала у огня, женщины болтали о чем-то, а мужчины любое взаимодействие обращали в испытание силой.

На меня никто не обращал внимания, и это позволило мне успокоиться и понаблюдать за своими надзирателями. Я с удивлением заметила, что они, как и гоблины, напоминали индейцев.

Следующие дни потекли однообразно. Каждый день я должна была внимать откровениям старого сатира насчет зе-

льеварения, которое он пытался мне все объяснить с помощью жестов. Удивительно, но я его понимала, а он упорно отказывался воспринимать то, что я пыталась до него донести. И это при том, что я предлагала вполне разумные способы усовершенствования его зелий!... Зато на «Старый Козел», как я называла этого колченогого, он откликался с удовольствием, потому что интонацию я подобрала к этому имени как нельзя более почтительную. В общем, друид оказался типичным старым брюзгой: ничего не хотел слушать, зато не затыкался, извергая нескончаемые потоки своей мудрости, зачастую забывая, что я ни слова не понимаю.

После занятий с колченогим меня тащили на общественные работы. Подготовка была самой приятной из работ, самой отвратительной – слежение за детьми. Видят боги, я возненавидела этих мелких мерзавцев! Совершенно неуправляемые сорвиголовы, которые или дрались друг с другом, или объединялись, чтобы поколотить меня или отдавить мне ноги – ту часть моего тела, которая им, надо понимать, больше всего во мне не нравилась.

По вечерам я закрывалась в своем шатре и читала, но иногда мое любопытство перебарывало злобу, и я ужинала со всеми у костра, наблюдая за новым народом. Каждый вечер они умудрялись вытворить что-то, это был какой-то бесплатный цирк.

Кентавры оказались настоящими варварами, первое впечатление оказалось верным. Никакого стремления к пре-

красному, они ничего не делали, кроме предметов хозяйственной необходимости. Даже то прекрасное оружие, которое у них было, они сняли с каких-то лесных разбойников, которым не посчастливилось забраться слишком глубоко в лес.

Их женщины не умели петь, не плели венков, не любили цветы – разве что на завтрак. Большинство из них оказались настоящими уродинами, как по мне. А если и встречались среди них грациозные красавицы, то они старались себя обезобразить, придать себе «мужественности». Чем гуще была шерсть под мышками и на животе, чем квадратнее лицо и шире талия, тем лучше считалась женщина... Я никогда не считала себя любительницей прекрасного, но в таких условиях мои эстетические чувства по-настоящему страдали.

Дети кентавров – самые гадкие создания, которые мне когда-либо встречались! Среди них поощрялись издевательства для поддержания воинского духа, кто сильнее, хитрее и творит пакости другим, не попадаясь, – тот лучше. Можно представить, кем они выросли с таким-то воспитанием.

Мужчины кентавров – отдельная тема. Они представляли собой костяк селения, его силу. Все остальные жили и работали, чтобы мужчины могли хорошо есть и охотиться, их желания были законом для всех. Для них же самих законом была сила или, в крайних случаях, слово старейшины. Каждый спор решался схваткой, но не до смерти, а до первой крови. Если драка не решала вопроса, шли к старейшине за

советом, и его слово становилось окончательным и неоспоримым решением.

Ко мне в селении относились, как к незваному гостю, прибывшейся уродливой попрошайке. Меня заставляли, если я чего-то не хотела, не слушали, если мне что-то не нравилось, отказывались понимать, если я пыталась что-то предложить, даже если это действительно было хорошей идеей – мое предложение добавить в варево хороших приправ они воспринимали так же, как предложение пойти в задницу к собственной матери.

Я должна была все делать по правилам, они не просили большего, не позволяли меньшего. В общем-то, жить так можно было: они не взваливали на меня непосильную работу и не морили голодом, предоставляли свободное время и не ругались, если что-то взрывалось в моем шатре. Но были вещи, которые делали мое пребывание в селении если не совсем невыносимым, то, по крайней мере, очень тяжелым.

Во-первых, мои ноги и одежда. Это вызывало настоящий ажиотаж у всех подряд, мне лезли под юбку, щипали за колени и за задницу, смеялись над тем, как я прыгаю, отбирая у меня какие-нибудь важные вещи и носясь с ними по всему селению.

Один раз какой-то гадкий малец забрался ко мне в шатер и стащил дневник Маггорта, а потом бегал от меня по всему селению, угрожая вырвать все страницы, если я прекращу эту мерзкую игру. Этот кошмар продолжался, пока старей-

шина случайно не заметил эту сцену и не отчитал мальчика, вернув мне книгу. Видят мертвые боги, если бы тот случай кончился иначе, от маленького засранца только копытца бы и остались!

Детьми все не кончалось, женщины кентавров тоже любили посмеяться надо мной. Не раз я улавливала в их голосах и смехе презрительные нотки. Мне даже думать не хотелось, над чем могли так ухохатываться эти мымыры.

Мужчины относились ко мне, как к прибившейся к стаду собаке. Даже пытались играть со мной, как с собакой, кидая мне всякие веточки, и учили командам, обещая листик взамен. При этом они оглушительно ржали, хотя я старалась даже не смотреть в их сторону.

Никогда еще я не чувствовала себя настолько униженной, как в тот месяц! Впервые в жизни я испытывала к кому-то такую ненависть. Сам вид неряшливых и грубых нелюдей, воняющих то ли лошадю, то ли козлом, очень скоро опротивел мне до тошнот. Каждый день длился как неделя, мне начинало казаться, что я уже вечность торчу в этом захолустье, не произнося ни слова.

О городской жизни я вспоминала, как о лучшем, что со мной было... но мысли о друзьях всегда были разных оттенков. Иногда я скучала по ним, иногда ненавидела за то, куда они меня отправили.

Больше всех в моих мыслях доставалось Арланду. Только из-за этого антимагического порошка, который за месяц

на мне не раз испытали, я вынуждена была оставаться здесь, только из-за него мне приходилось терпеть ссылку... Поэтому именно Арланд в моих мыслях стал главной причиной моих мучений и, видят мертвые боги, он правильно сделал, что не появлялся в селении в то время и не напоминал о себе, хотя обещал каждую неделю отправлять письма со своей совой: я бы написала ему много чего, о чем бы потом жалела.

Но все изменилось спустя первый и самый неприятный месяц жизни в селении. Потом, если у меня и появлялись мысли об Арланде и об остальных, то это были размытые грустные воспоминания по вечерам, которые мелькали за несколько секунд до того, как я пропаливалась в глубокий сон смертельно уставшего человека.

Новый период моей ссылки началось с того, что однажды ночью в селение прибыли неожиданные гости. Несколько кентавров пришли с самого юга материка, прямо из сердца южных пустынь.

Они были в разы меньше, красивее и изящнее, чем те существа, с которыми мне приходилось жить. Их тела напоминали скорее антилопы, чем лошадиные, а на головах вились небольшие черные рога.

Всего пришедших было двадцать, пятнадцать мужчин, две женщины и трое детей. Семеро из них были больны, трое на последней стадии: их вели связанными, потому что они бросались на все, что видели, даже на камни и деревья.

Вид больных кентавров был из тех зрелищ, которые потом

преследуют в страшных снах. Ввалившиеся черные глаза, искаженное худые лица с выступающей на губах пеной, кланье зубов, неестественно искривленные конечности, судорожно сжимающие что-то пальцы... долго время я боялась даже близко к ним подходить.

Утром я должна была начать лечение, используя свои силы и зелья с мазями, рецептам которых научил меня друид. Старый Козел хотел присутствовать при лечении, но он только мешал мне, поэтому я его выгнала. В этом мне, к счастью, не стали перечить.

Первым ко мне отправили самого больного, которого уже хотели убить по пути. Проще говоря, того, которого было уже не жалко.

Его связали и положили ко мне на стол в части шатра, оборудованной под кабинет. Несчастное создание дергалось в судорогах и бросало на меня кровожадные взгляды, раздражаясь незнакомыми мне проклятиями.

Я сварила несколько мазей и зелий, которые могли успокоить и обездвижить больного, облегчив мне работу. Но я совершенно не понимала, что мне нужно делать после того, как кентавр успокоится, поэтому медлила с началом «операции» до последнего.

Когда все было готово, я с опаской приблизилась к столу, на котором лежало связанное копытное, жаждущее моей крови. Левая рука, почувствовав, что «пища» близко, вспыхнула бирюзовым туманом. Ощущение было мне знакомо: то

же я чувствовала, когда пытался противостоять Дороти, направшей на меня в галерею поместья Сеймур... но тогда я вытягивала ее всю, а теперь мне нужно было определить заразу, не трогая остальных потоков в кружеве.

Я стала медленно прощупывать ауру пустынного кентавра, стараясь не поглощать ничего лишнего. Но против моей воли поглощение все же происходило: рука, почуяв кормушку, не желала повиноваться. Не знаю, сколько я простояла над столом, пытаюсь отыскать источник болезни в кружеве, заполняя собственной магией то, что пожирала левая рука. Но когда я очнулась, рубашка на мне была вся мокрая от пота, как и волосы, голова кружилась, а перед глазами все плыло.

Кентавр был мертв.

Я не успела даже осознать, что произошло, обдумать это и сделать выводы. Ко мне зашел один из селения, забрал тело, потом пришел друид, что-то презрительно мне проблеял и удалился.

Я уснула прямо в кабинете, сидя на земле и прислонившись спиной к шкафу с книгами. Меня разбудили только вечером, чтобы я поужинала.

На следующий день на моем столе оказался другой больной, который был не в таком плохом состоянии, как прошлый. Я с трудом заставила себя снова подойти к столу, но, когда приблизилась, рука сама загорелась и потребовала работы. Чтобы случившееся днем раньше не повторилось, я

стала использовать правую руку иначе. Когда левая искала, чем бы насытиться в ауре нелюдя, правая давала ей необходимую магию, чтобы она не высасывала дочиста жизненно важные плетения и без того ослабленной ауры.

Через несколько часов напряженной работы я нашла источник болезни, но к этому времени больной находился на последнем издыхании. Если бы я продолжила дальше копаться в его кружеве, он бы погиб.

С помощью жестов я объяснила кентаврам, что продолжить можно только на следующий день, когда восстановятся силы зараженного, а пока его надо покормить и дать где-нибудь отлежаться.

На следующее утро я узнала, что он не пережил ночь.

Я отказалась работать над остальными больными, пока не выясню, как работает моя рука, почему она убивает вместо того, чтобы лечить. Но меня опять никто не слушал. Чтобы я продолжила дело, ко мне в надзиратели приставили двоих мужчин и друида, принесли в шатер третьего пустынного кентавра.

Спустя несколько часов скандалов, сквозь слезы и под угрозой остаться без руки, я все же приступила к работе. На этот раз я старалась делать все быстрее, на ходу придумывала уловки, которые мешали руке поглощать силу души нелюдя. Источник болезни я нашла быстрее, но предпринять что-либо не успела: друид остановил меня. Зараженный уже был мертв, и дальше тратить на него время было бесполезно.

Этот кошмар с убийствами продолжался, пока дело не дошло до детей. Когда кентавры привели первого ребенка, который был в полном сознании, потому что болезнь в нем только начинала развиваться, я взбунтовалась и в очередной раз попыталась бежать.

Я понимала, когда мне, как скот на убой, приносили безысходно больных, но когда на столе оказался практически здоровый ребенок... Это было уже слишком!

Но разве меня кто-то послушал? Эти скоты грозили убить ребенка самостоятельно, чтобы он не заразил остальных, если я не примусь за лечение! Зараза была угрозой для их чистенького селения, это все, что волновало друида и лесных кентавров.

Страх причинить вред ребенку удвоил мои старания. На этот раз я принялась за работу со всей возможной тщательностью. Я несколько часов разрабатывала схемы и алгоритмы, по которым стоило действовать заклинаниям обеих рук, затем составляла формулы плетений... к счастью, копытные изверги позволили мне хотя бы подготовиться как следует!

Несмотря на то, что новый метод был сложен в исполнении, в теории все было достаточно просто и могло сойти за гениальное решение. Держа две руки по бокам от тела зараженного, я должна была одновременно пускать особенные плетения потоки энергии из обеих – поглощающей магию левой и создающей магию правой. Если левая «пожирала» больше положенного из ауры, на место захваченной энергии

тут же становилась чистая магическая, и таким образом истощение ауры происходило насколько можно минимальное. При этом в некоторых, особо уязвимых ее участках я заранее «устанавливала» сгустки магии, которые левая рука впитывала несколько секунд, прежде чем я могла начать ей управлять и остановить забор силы.

Работа была не из легких, но я все же решилась попробовать в тот же день, в который разработала новую схему действий. Решиться мне помогли стерегущие кентавры.

Несчастный ребенок брыкался и скулил от страха, потому что знал, что все, кто приходил в мой шатер до него, погибли. Детеныша пришлось опоить сонным зельем, и только когда он уснул, я приступила к работе. На этот раз все прошло гораздо быстрее, ребенок сильно ослаб, но все же была надежда на то, что он выживет.

На следующий день он не пришел в себя, но несмотря на это мне на стол положили второго. Под угрозами мне пришлось провести все то же самое и с другим ребенком.

Прошло несколько дней, оба пациента не приходили в себя и боролись с последствиями моего лечения с переменным успехом. Один из них очнулся на четвертый день без всяких признаков заражения! Это была первая победа.

После того, как и второй ребенок очнулся здоровым, кентавры разослали гонцов во все ближайшие Рощи, чтобы те принесла счастливую весть: выздоровление стало возможно. Не прошло и недели, как в селение прибыла еще одна груп-

па, на этот раз лесных кентавров, таких же, как те, с которыми я жила. Они оказались гораздо выносливее, чем пустынные лани, мне удалось исцелить почти всех, за исключением двух случаев, когда состояние было уже необратимо.

Во время лечения лесных кентавров у меня возникла проблема, противоположная той, которая была с пустынными. Если там энергии катастрофически не хватало, то тут ее было слишком много. Впитанная магия и болезнь, переработанные в моем теле, буквально переполняли мою ауру, и мне приходилось использовать накопители, чтобы «не лопнуть». Часть силы я возвращала кентавру, а ненужную часть – преобразенную в чистую силу болезнь – я вкладывала в старые драконьи яйца, которые нашла еще в гроте, во время нашего расследования, связанного с «Глубинным Демоном». Эти прозрачные пустые шары размером с елочную игрушку могли хранить огромное количество энергии, что было весьма кстати.

За лесными кентаврами стали приходиться группы других младших нелюдей: сатиры, нимфы, гоблины, орки, лесные духи и те, названий кому в моем мире нет, а на здешнем языке они звучат так, что их надо специально заучивать, если хочешь запомнить. Это были лешие, тролли, болотные люди, люди-птицы, люди со змеиными хвостами, даже чудовища, похожие на снежного человека.

Новые зараженные приходили почти каждый день, способ лечения совершенствовался. С некоторыми группами зара-

женных я справлялась за день, с некоторыми – за неделю, все зависело от стадии заражения и выносливости существ. В большинстве случаев больные выживали, но не обходилось без исключений. Меня никто не винил и не упрекал в этих смертях, как никто не благодарил и не хвалил за выживших. Нелюди вообще относились к происходящему так, как будто это ровным счетом ничего не значило.

Кентавры прекратили заставлять меня работать, потому что я и так целыми днями возилась с больными в шатре. Кормили меня по-прежнему и продолжали подшучивать на свой лад. Друид время от времени читал мне нотации на языке жестов, заявляя, что я даже мази в кожу больных втираю неправильно.

Физически я быстро привыкла к перепадам энергии, – когда ее было слишком много, я отправляла ее в накопители, а если мне переставало хватать жизненных сил, забирала ее оттуда же. Однако, необходимость ежедневно отвечать за жизнь и смерть живых существ сильно ударила по душевному равновесию.

Было бы легче, если бы я почувствовала в себе великое призвание спасать невинные души от ужасной смерти. Но этого не было, скорее наоборот, чем больше я лечила, тем больше понимала, что это не мое, что я не могу столько думать и волноваться за других: мой характер совсем не приспособлен для этого. Для меня это была настоящая пытка.

Лекарям необходимы огромные душевные силы, чудо-

вишняя выносливость – ведь они должны не только перебороть собственное волнение, они должны перебороть страхи в больном и помочь ему. Принимая больных у себя в шатре, я давала им негласное обещание, но на самом деле любое принятое мной решение могло лишить их жизни. Это был вечный обман, который то раскрывался, то нет.

Мне было бесконечно жалко несчастных оленят или маленьких нимф, но вместе с тем мне было безумно страшно видеть этих прекрасных существ в том состоянии, в каком их вносили в мой шатер. Я каждый раз заставляла себя работать над ними, с трудом перебарывая отвращение и нежелание прикасаться болезни. Эта необходимость каждый день переступать через себя подавляла меня, я переставала чувствовать себя собой: стала просто безвольной машиной, одна часть которой поглощает магию, а другая отдает. Меня заправляли едой и оставляли в покое только когда работы больше не было.

Единственное время, когда я возвращалась в свое «я» – это исследования драконьей железы. Небольшие опыты, которые я устраивала в редко выдававшиеся свободные минуты, возвращали меня к жизни. Они и беседы с дневником Маггорга стали моей единственной отдушиной. В остальное время я чувствовала себя лишь жалкой тенью себя прежней: я уже не возражала, когда меня заставляли, не стремилась даже попытаться сделать так, как хочу я. Кентавры вытравили из меня весь огонь.

Ключ от всех дверей

Стоял конец лета, я уже чувствовала, что забываю родную речь и превращаюсь в безголосое животное, когда в селение одним вечером неожиданно прилетел Рэмол.

Пару месяцев назад я готова была бы наброситься на серафима с проклятиями, попыталась бы выдрать ему все перья из крыльев за то, что он со мной сделал... Но сейчас я чуть не разрыдалась от счастья, когда увидела, как он идет между шатрами.

В селении его встретили, как сошедшего на землю бога. Все замолкали, когда он проходил мимо, и почтительно кланялись крылатому оборванцу. Рэмол прошел сквозь коридор расступившихся кентавров и встал напротив меня.

Разрыдавшись, сама не зная почему, я кинулась ему на грудь. Стоило увидеть знакомое лицо, способное на человеческие эмоции, как меня прорвало. Впервые за все эти месяцы появился кто-то, кто мог понять меня! Понять, как же мне плохо, и посочувствовать. Простое сочувствие – вот чего мне так не хватало. Нелюди были на него неспособны, они вообще не понимали моих эмоций, им было все равно, улыбаюсь я или плачу.

Обняв меня и закрыв всеми шестью крыльями от злого мира, серафим, ничего не говоря, простоял так, пока я не успокоилась. Затем он ободряюще улыбнулся и произнес:

– Скоро все кончится, потерпи еще немного. Я приду поговорить с тобой, когда побеседую со старейшиной. А пока вот, – он достал из сумки, перекинутой через плечо, большой конверт желтой почтовой бумаги, перевязанный веревкой. – Это письма от Арланда.

Звук родной речи так поразил меня, что я ничего не ответила, а упоминание об Арланде было сравнимо с божественным откровением... он в самом деле есть, этот Арланд, он не плод моего воображения, как я уже начинала думать... И он, мир, из которого я ушла, это не сон! У меня даже есть письма из реальности, которую я покинула несколько месяцев... нет, целую вечность назад!

Рэмолу нужно было поговорить с предводителем кентавров, а пока он был занят, я убежала в свой шатер. Не в силах думать ни о чем больше, кроме писем, я разорвала конверт.

У меня в руках оказались несколько листов, исписанных твердым, четким почерком Арланда, – мгновенно узнав его, я вновь чуть не расплакалась.

Я стала читать, по несколько раз пробегая глазами каждое слово.

«Бэйр, не передать, как я скучаю по тебе: мне уже едва ли верится, что ты в самом деле существуешь. Твой образ начинает превращаться в болезненную мечту среди того хаоса, в котором я живу сейчас, и это невыносимо. Вокруг не осталось ни одной твоей вещи, ничего, что могло бы напоминать мне о тебе, разве что крошечный талисман, который ты по-

дарила мне на прощание. Я всегда ношу его с собой.

Я безумно скучаю. Это ведь три месяца разлуки... да помнишь ли ты меня еще, дорогая моя Бэйр, переменчивая, как само пламя?

Как бы то ни было, Рэмол впервые разрешил мне написать тебе, и я должен рассказать, как у нас дела. Но все по порядку.

Мы с Леопольдом переехали и теперь живем за городом, в старом особняке, который купил для нас Рэмол. Серафим и остальные живут с нами.

Один из них Эмбер – очередная живая легенда, обращенный дракон. Возможно, ты слышала о нем от бардов. Он прибыл в Агирад, чтобы найти свою возлюбленную, обратившую его драконицу. Рэмол подозревает, что она находится совсем рядом, в заточении под горами слевитов Сливте-о-Тувь, и Эмбер собирает экспедицию в подземелья, чтобы вызволить ее.

Эмбер, я, Леопольд, Дейкстр, Адольф и даже Юкка – мы все часть большого плана серафима, но никто из нас не знает точно, чем занимаются остальные. Теперь, когда ты далеко отсюда и тебе ничто не угрожает, я, наконец, могу рассказать тебе, над чем я работал все это время и что делаю сейчас вместе с этими удивительными людьми и нелюдьми.

Черный Рынок под городом – это огромная сеть подземных тоннелей, уходящих под горы Сливте-о-Тувь. Никто, даже сам Рэмол, не знает, как глубоко они уходят: они появи-

лись в этом мире намного раньше людей, возможно, остались еще со времен первой разумной расы Скаханна, повелителей теней, не выносящих солнца. Сейчас в горах давно живут слевиты, и четыре века назад несколько кланов, предавших Владыку Гор, изгнали вниз, в подземелья и запечатали там. Так появились глубинные слевиты, которых ты могла видеть на Черном Рынке. Им запрещено подниматься на поверхность и заходить на территорию высокогорных, но сейчас этот запрет был нарушен. Что-то гонит подземных слевитов наверх, я лично видел письмо глубинного короля, который умолял Владыку Гор выпустить их. Они готовы уйти, скрыться в лесах, которых никогда в жизни не видели, лишь бы не оставаться на глубине. Действительно ли существует опасность или это уловка, которая позволит глубинным захватить долгожданную власть в горах – никто не знает. Это я и пытался выяснить, когда бродил по подземельям.

Теперь большая часть лавок закрыта, Черный Рынок опустел, улицы патрулирует усиленная стража обратной стороны Трехполя, столкновения с отрядами вылезших наружу глубинных происходит все чаще. Идет война. В бою эти слевиты свирепы, как дикие кабаны! Я сам видел, как один из них убил человека одним ударом молота. Не могу представить, что могло испугать их на глубине: кажется, они справились бы и с разъяренным драконом.

Каким-то образом начинающаяся война слевитов связана с тем, что много лет назад изобрел Люциус. Помнишь Закаю,

его рассказы про первые ритуалы белых сов? Наш чародей был одним из тех, кто их разрабатывал. В последний момент он передумал отдавать свою работу инквизиторам и высыпал ее в реку в лесу единорогов, пытаясь уничтожить. В конце концов зараза расползлась по миру, ты и сама видела последствия. Сейчас, прежде чем глубинные предприняли первую попытку подняться наружу, об этом изобретении снова заговорили. Маги и торговцы, люди и нелюди, все вокруг стали трещать об этом, упоминая твое имя, и я никак не мог найти источник. Однако, теперь я очень близок к разгадке.

Рэмол заставил меня снять накидку и коротко обрезать волосы: теперь меня не узнать. От монахов, – если они только есть под землей, – серафим обещал меня защитить. Теперь я работаю на Рынке под видом мага-наемника вместе с Адольфом – я нанялся к высокогорным, а он к глубинным. У змея удивительные способности к гипнозу, к тому же, он великолепно прячется. Мне жаль, что в прошлом вы с ним были врагами: наверное, он первый, кого я могу назвать другом. С его помощью мы раздобыли множество важных писем, которые помогли разобраться в происходящем.

Теперь я точно знаю, что слухи о Люциусе и о тебе пошли из-под земли, кто-то оттуда знал, что эпидемия началась из-за него и что тебе суждено с ней покончить. Поэтому Король Подземелий искал тебя.

Однако, как только Рынок опустел, этот темный маг словно испарился: никто больше не слышал о нем. Мне удалось

найти дом его приспешника, но тот был пуст. Остались только книги – очень странные книги для мага, который живет под землей. Среди них многие работы Люциуса, а некоторые принадлежат монахам из Церкви. Давно, когда пытался найти способ скрыться от ордена, я сам читал эти книги, и я даже предположить не могу, зачем эти знания могли понадобиться слуге Короля Подземелий. Возможно, Король был из глубинных слевитов, пытался найти способ усилить свою армию, чтобы пробить для своего народа путь наверх? Мне предстоит это выяснить. Теперь поиски Короля – наша с Адольфом главная задача, помимо работы во враждующих кланах. Кем бы он ни был, этот Король, каким-то образом он прочно связан с войной слевитов и с тобой.

Расскажу немного об остальных.

Я не знаю, чем занимается Леопольд, но, кажется, он не спускается в подземелья. Он здоров, ни разу не видел на нем даже синяка, потому предполагаю, что он шпионит для Рэмола, бегая мышью по мэрии и читая письма с государственной тайной службы, забираясь на шторы. Мне Лео говорит, что по-прежнему работает в кафе.

Как это ни странно, наш Леопольд сильно сдружился с ланками, особенно с Юккой. Она не говорит ни с кем, кроме Рэмола, Эмбера и Адольфа, но оборотень умудрился ей понравится. Теперь она учит его обращаться с кинжалами, а Адольф – пользоваться гипнозом ланков. Надеюсь, эта странная женщина уедет раньше, чем Леопольд под ее вли-

ниями вздумает податься в падшие.

Дейкстр нанялся в подземную стражу, он на стороне людей. Через него мы узнаем обо всем, что происходит в гарнизоне. Больше о его делах я ничего не знаю.

Рэмол с Юккой пытаются предотвратить катастрофу, которая может возникнуть после смерти Креда. Они поднимают старые связи, пытаясь на корню пресечь слух о том, что младшие нелюди больны. Надеюсь, ты сумеешь создать лекарство, которое можно будет бы распространить по материку, до того, как вопли обезумевших от жажды наживы рыцарей и инквизиторов перейдут в действия. Все мы очень надеемся на тебя и твой талант.

Я исписал пять листов... Адольф уже несколько минут пытается взломать мою дверь, кричит, чтобы я заканчивал, потому что Рэмол улетает, а нам пора вниз.

Милая Бэйр, не знаю, когда удастся написать тебе еще, не знаю, когда мы встретимся, но я счастлив, что ты в безопасности, и, надеюсь, что ты напишешь в ответ.

Твой любящий муж,
Арланд Сеймур»

Я перечитала письмо несколько раз, пытаясь разложить все по полочкам. Если то, что я узнала, вообще можно было как-то разложить: все с ног на голову перевернулось!

Дейкстр, Адольф и Юкку работают вместе? Арланд стал напарником змея, который пытался меня убить? Леопольд подружился с трехсотлетней главой гильдии? В подземелье

идет война слевитов, о которых я даже не слышала до сих пор?

Я сидела на сундуке, пытаюсь осознать все это, когда ко мне вошел Рэмол.

– Смотрю, ты пришла в себя, – проговорил он, стараясь держать крылья поближе к спине, чтобы не сбить ими все мои вещи на полках.

– Придешь тут в себя, – ответила я слабым, ставшим непослушным за месяцы молчания голосом. – О чем ты говорил со старейшиной?

– О том же, о чем писал тебе Арланд, – серафим прошел внутрь и улегся на мою лежанку ко мне лицом, распластав крылья по всей крытой части шатра. Вид у него был крайне уставший.

– Откуда ты знаешь, о чем писал мне Арланд? – с подозрением спросила я, рассматривая гигантские крылья.

– А о чем еще он мог тебе написать? О том, что происходит и чем он теперь занимается.

– И ты забереешь меня отсюда?

– Нет, пока я не могу забрать тебя, – ответил серафим, положив подбородок на сложенные на подушке руки. Он разглядывал меня своими чудными глазами с огоньками вместо зрачков. – Ты нужна здесь.

– Думаешь, Истэка не смог вытащить лекарство из моей руки в лаборатории, а я смогу, сидя в глухом лесу? – спросила я, неожиданно даже для самой себя рассердившись. –

Арланд и остальные рискуют жизнями, а я здесь трачу время и силы на жалкие сотни больных нелюдей! Это ведь ничего не значит по сравнению с теми миллионами, которые бегают по пустыням. Скажи мне правду, зачем ты запер меня здесь?

– Чтобы ты была здесь и не мозолила глаза магам и рыцарям, которые и так как с ума сошли после смерти того темного. Выпускать тебя в люди нельзя, а здесь ты поможешь хотя бы тем жалким сотням, – ответил он. Серафим замолчал на некоторое время, а потом, взглянув на меня, вдруг спросил. – А где сила?

– Какая сила? – я задала встречный вопрос, надеясь совладать с голосом и не выдать своего волнения.

– Болезнь внутри тебя перерабатывается в чистую энергию. Учитывая то, скольких ты вылечила, у тебя должно было скопиться порядочно.

– Я не...

– Ты понимаешь, о чем я говорю, Бэйр.

– Я трачу ее на опыты.

– Ты что, конец света устроить собралась? – усмехнувшись, серафим приподнялся на локтях. – Какие еще опыты можно провести с таким количеством энергии?

– Я знаю, что делаю, тебе не о чем беспокоиться, – уверила я его.

– Надеюсь на это, – Рэмол осторожно улегся на спину и заложил руки за голову. – Ты не против, если я посплю немного? Во всем селении больше нет ни одной нормальной кро-

вати.

– Ничего, я устроюсь на твоих крыльях, – я криво улыбнулась, осмотрев пол, превратившийся в семь квадратных метров мягчайших пятнистых перьев.

– Не стоит: они живут своей жизнью, когда я сплю... – весело фыркнул серафим.

– Хорошо, я найду, где провести ночь, – я встала и, осторожно перешагивая через крылья, вышла из комнаты. – Спокойных снов.

– И тебе, Бэйр... Постой! – я послушно остановилась и обернулась к нему. – Я улечу завтра утром, напиши до тех пор письмо, пожалуйста.

– Хорошо, – я кивнула и ушла в свой кабинет, где продолжила размышлять о странном письме Арланда.

Он писал о том, что что-то надвигается из глубин, и я, кажется, догадывалась, что это такое. На Черном Рынке я не раз слышала сплетни о подземных монстрах, которые набрасываются целыми стаями на караваны торговцев-слевитов. Судя по описаниям, подземелья не многим отличаются от пустыни, по которой я путешествовала вместе с Кудеяром: там полно кровожадных тварей и опасных территорий. Если туда проник вирус, то подземные чудовища могли стать еще умнее и бесстрашнее, поэтому повалили за добычей наверх, где наткнулись на целый город глубинных слевитов. Испугавшись, слевиты стали пытаться выбраться наружу.

Скорее всего, так оно и есть, иначе зачем Рэмолу вмеши-

ваться? У него одна цель – предотвратить эпидемию, а в глубинах может быть настоящий рассадник этой заразы. А если там еще и дракон, эта возлюбленная легендарного Эмбера, о котором я столько раз слушала от пьяных бардов? Страшно подумать, что представляет из себя эта ящерка, если она заразилась: нижние ярусы лабиринтов уже наверняка превратились в подземные реки крови! А, возможно, зараженная драконица и есть то «зло», которое рвется наружу.

Истэка, помнится, говорил мне о старшем драконе. Исавелла – мой последний шанс отправиться домой, а я, выходит, – ее последний шанс выжить, если она в самом деле заражена. Миленький расклад получается.

Действия Рэмола, вмешавшегося в войну слевитов, были бы очевидны, – он хочет справиться с эпидемией и помочь дракону моими руками, пока она не разнесла подземелья. Все складывается, если бы не одно «но» – Король Подземелий. Какая у него роль, у этого Короля? Зачем он искал меня и почему теперь серафим заставляет Арланда искать его? Как он связан с Люциусом? Как связан с войной слевитов?

Я ломала голову над этими вопросами, но потом сдалась и решила вернуться к ним позже. Ведь мне еще нужно было сочинить ответное письмо Арланду.

На самом деле я совсем не знала, о чем ему писать. Он в своем письме не жаловался, но я могла представить, куда ему приходилось залезать под видом наемника, что делать и как жить. Его отправили на войну, в сражения, его ведь на-

изнанку там выворачивает! К тому же, я догадывалась, что Рэмол заставил его снять накидку вовсе не из-за того, чтобы затеряться на Рынке: скорее всего, Арланду нужны были силы, которые он в себе запечатал до поры до времени. А боевой маг из него никакой, после шестнадцати Арланд не учился даже светляки запускать. Надеюсь, его хоть чему-то научили, прежде чем отпускать в бой...

После такого мне было стыдно жаловаться на свою жизнь – мол, здесь нечего пить, кроме воды, и туалет у меня в кустах. Но при этом ничего хорошего про селение я, как ни старалась, не могла придумать.

В итоге я достаточно скупно описала ему свои успехи в исцелении, рассказала про кентавров, и добавила немного о своих надеждах, что мне скоро позволят уехать из селения и присоединиться к их команде спасения мира. К письму я приложила еще один маленький амулет из веточек, ниток и перьев.

Закончив письмо, я откинулась на спинку стула и устало потянулась. Кулак вытянутой руки неожиданно уткнулся во что-то мягкое.

– Уй! – воскликнул кто-то за моей спиной, и это был не Рэмол: голос слишком высокий. Я в ужасе обернулась, приготовившись защищаться, но вместо ожидаемого врага увидела Лео!

– Лео! – будучи вне себя от радости, я кинулась на шею оборотню.

– Тише ты, тише! – зашипел он, прижимая меня к себе и закрывая мой рот рукой. Я почувствовала, какие холодные у него пальцы. – Молчи, у серафима очень тонкий слух, он услышит, если ты будешь говорить! Иди в кусты, а к тебе присоединюсь!

Я сделала, как он сказал, и вскоре мы снова встретились, уже в более безопасном месте.

– У меня почти нет времени, поэтому слушай и не перебивай! Я превратился в паука и спрятался у Рэмола в сумке, чтобы попасть сюда. Арланд знал, что серафим выбросит пару листов из его письма, а письма остальных до тебя и вовсе не дойдут, поэтому послал меня, чтобы некоторые вещи ты узнала наверняка.

– Что?... Какие два листа? Какие письма!?

– Во-первых, Арланд просил передать тебе вот это, – он сунул мне в руку тонкий деревянный тубус длиной в половину ладони. – Во-вторых... Лучше сядь, – он осторожно подтолкнул меня к стулу, а сам уселся на столешницу.

– Дейкстр выяснил через знакомых стражников и заключенных, что ты замешана во всем том, что творится в городе, – тихо прошептал Леопольд, внимательно наблюдая за моей реакцией.

– Что!?

– Бэйр, я могу поклясться своей матерью, что я не верю в то, что ты как-то причастна к началу этой ужасной войны! Но по всем подземельям ходит твое имя, твои следы повсюду...

есть прямые доказательства того, что ты создавала разрушающее магию оружие для глубинных слевитов: теперь они косят магов, как крестьяне пшеницу! Один порез, и человек отрезан от магии на годы!

– Я никогда не делала ничего подобного! Да и зачем мне это!?! Я же сама маг! – зашептала я, не веря своим ушам.

– Ты даже представить не можешь, что творилось со всеми нами, когда мы это слышали! Арланд отловил несколько глубинных слевитов и лично выбил из них признания: они даже описывали твою внешность! Все, абсолютно все думают, что ты создала это оружие.

– Что?... И Арланд поверил этим кошмарным слухам!?

– Он скорее был единственным, кто не поверил, – еще тише ответил Лео. – Он сам достал для Рэмола несколько орудий, которые выбил в схватках с глубинными слевитами, и серафим подтвердил, что их создала ты: так и сказал «ее почерк, ее магия». Но Арланд все равно отказался верить... – Леопольд замолчал, чтобы перевести дух. – Бэйр, ты понимаешь, что все это значит? Тебя хотят убить, как преступницу! Император Агирада объявил тебя государственным врагом, когда это всплыло; самые опасные маги и инквизиторы рыщут в поисках твоих следов! Арланду тоже не сладко, он защитил тебя единожды, и теперь ему тоже угрожает расправа, потому что ты была под его опекой... теперь попасться монахам для него и в половину не так опасно, как соратникам-инквизиторам. Те отправят его под пытки, а в Ордене

сразу прикончат, как преступника. Понимаешь теперь, почему ты тут? Но государство, это не так страшно, главное: Рэмол тоже не доверяет тебе, будь с ним очень осторожна! Не думай, что он не умеет убивать... я за эти месяцы видел достаточно, чтобы понять, кого всем нам на самом деле стоит бояться.

– Что ты имеешь ввиду? – прошептала я, испуганно смотря на оборотня. У меня перед глазами уже плыли ужасные картины всего того, что могло со мной случиться в любой день этих трех месяцев и что может произойти через месяц, завтра или уже через час.

Лео, после секунду раздумий, придвинулся ко мне вплотную и наклонился к уху.

– Я был в сумке, когда Рэмол говорил с вождем кентавров, – едва слышно зашептал он. – Мать учила меня древней речи, это мой родной язык. Рэмол велел кентаврам следить за тобой, и, если они заметят что-то подозрительное, связанное с магией, они должны будут бросить тебя в яму и немедленно вызвать его. Он убьет тебя, если ты дашь хоть малейший повод думать, что ты причастна к тому изобретению... Есть поступки, которых не прощают, так он сказал.

– Мне надо бежать... Немедленно! – я в панике вскочил со стула.

– Это бесполезно, – Леопольд схватил меня за руки и усадил обратно. – Ты думаешь, тебя не найдут? Да тебя уже завтра проткнут отравленными стрелами лесные леннайи или

те же кентавры, если ты не выберешься из леса, а в обратном случае схватят инквизиторы! За тобой следят в лесу, в городе и под землей, тебе негде спрятаться. Единственное, что ты можешь, это делать то, что делала на протяжении всего этого времени: лечи зараженных и не вздумай создавать лекарство вне своей руки! Это может спасти тебе жизнь. Если ты научишься лечить, не убивая, Рэмол оставит тебя в живых даже в том случае, если ты не докажешь свою непричастность к этому оружию.

– Откуда ты знаешь все это?... С чего ты решил, что он оставит меня в живых!?! Да я сама бы себя убила за такое! – горячо прошептала я в лицо оборотню, срываясь на фальцет, чтобы не кричать.

– С того, что он сам говорил об этом Юкке в их комнате, а я их подслушивал, как всю жизнь это делал... – ответил Леопольд.

– Он знает об этом? О том, что ты слышишь каждый шорох?...

– Он и половины обо мне не знает, думает, я с утра до вечера рисую и шью, – ободряюще улыбнулся оборотень, беря меня за плечи. – И еще кое-что, Бэйри. Я никому не говорил об этом, но я знаю кое-что...

– Бэйр! – из шатра донесся голос серафима. – Бэйр, ты не могла бы принести мне воды?

Леопольд мгновенно превратился в мышь и скрылся в тенях, а я поспешила к серафиму, налив ему кружку воды из

кувшина, который всегда стоял у меня в кабинете.

Рэмол сидел на кровати, потирая шею и сонно зевая.

– Кошмары, будь они не ладны, – пожаловался он. – Я услышал твой голос и подумал, что ты не спишь.

– Я читала вслух, – ответила я, сама поражаясь своей невозмутимости. Никогда еще я так не врала, как сейчас, будучи на грани истерики. – С этими кентаврами я забываю родной язык, поэтому частенько читаю себе вслух.

– Мне определенно не спится этой ночью, – заметил серафим, выпив кружку воды. – Хочешь, я поболтаю с тобой, ты вспомнишь родной язык, а я заодно посмотрю на твои опыты? Мне интересно, чему ты научилась за это время.

– Конечно, – я заставила улыбку растянуться на своем лице. – По большей части я пытаюсь усовершенствовать мази, помогающие в лечении.

– Нет, я имею ввиду с тех пор, как ты уехала из терема. Я же твой учитель, как и Кудеяр, так что мне интересно, как ты продвинулась... скажи, в академии по-прежнему преподают так же невыносимо скучно?

– Тебя же туда не приняли, откуда ты знаешь, каково там? – я усмехнулась, указывая серафиму дорогу в мой кабинет.

– Ну, Истэка рассказывал очень правдоподобно, – Рэмол пожал плечами и крыльями.

Разогрев воду в котле, я стала демонстрировать ему все, что придумала, чтобы совладать с болезнью. Хотя у меня

тряслись руки от страха и мысли в голове путались, я умудрялась соображать. Не забывая засыпать серафима сотнями терминов и названий, я приправляла эту пищу для ума иллюзиями с изображениями магических конструкций и формул. Рэмол крепился. Он час слушал все это с бесстрастным лицом, но потом не выдержал и, наконец, сам заткнул меня.

– Ты ничем поинтереснее не занимаешься? Только этими зельями? – в надежде спросил он, смотря на меня глазами мученика. Притворялся, конечно. Наверняка он вел всю эту игру, чтобы выяснить, не приколдовываю ли я над запрещенным оружием в свободное время, не связаны ли с этим опыты, которые я провожу с силой, полученной из болезни?

Хотя на самом деле вся энергия до последней капли хранилась в надежном месте и ждала своего часа, я решила, что лучше будет, если серафим ничего об этом не узнает, более того, поверит в ровно противоположное: что я уже все использовала.

– Ну... у меня есть одно хобби, которое может тебя заинтересовать, – таинственно улыбнулась я. Серафим воодушевился.

– Какое же?

– Не так давно меня научили строить големов, – рассказала я, бегая по комнате и собирая всякие безделицы, палочки, ложки, склянки, из которых можно было бы слепить что-нибудь двигающееся.

– Знал я одну колдунью, слишком любившую големов...

плохо она кончила, – недовольно фыркнул серафим, но все же подошел к столу, на котором я разложила части будущего гомункула.

– Я бы не сказала, что они мне очень нравятся, но их интересно лепить, – я пожалала плечами, быстро прикрепляя палочки и ложки к туловищу-банке с помощью глины. Внутри нее я положила немного трав, запустила туда пару необходимых заклинаний из обеих рук и закупорила пробкой.

По велению моих пальцев с обеих рук, – комбинация магии и антимагии давала более быстрые результаты, это мы обнаружили с Райнаром, – человечек с пробкой вместо головы поднялся и заковылял к серафиму, перебирая ложками, как костылями. Доковыляв, он отдал ему честь.

– Ну как тебе? – спросила я, обрадовавшись, что смогла продемонстрировать Рэмолу тщетность его подозрений: големы забирают уйму энергии, об исчезновении которой серафим так беспокоился. Они вполне могут быть теми самыми опытами, о которых я ему соврала пару часов назад.

Но реакция серафима оказалась далека от моих ожиданий. Глаза Рэмолы, обычно прищуренные, сейчас распахнулись и стали похожи на два тусклых круглых фонарика. Он сам как будто окаменел.

– Неужели никогда не видел такого? – я совсем не поняла удивления серафима. – Мне говорили, ты умеешь создавать живых существ из глины, так чем тебе так удивителен простой голем?

Рэмол ничего не ответил, но посмотрел на меня таким безнадежным взглядом, как будто я сделала что-то невыносимое.

– Как ты это называешь? ... – тихо спросил он. В его голосе пока не было угрозы, но я сердцем почувствовала, что что-то не так.

– Голем... – я оставила человечка и на всякий случай отошла подальше от серафима. Без моей магии голем мгновенно рассыпался.

– Голем? – переспросил Рэмол, чуть расправив крылья и подавшись ко мне – дурной знак.

– Да, меня научил этому один преподаватель из академии, – испуганно ответила я, отходя еще дальше.

Сердце бешено колотилось, я всем нутром ощущала, что говорю с бомбой... допущу ошибку, и он убьет меня прямо здесь!... Но что я сделала не так?... Чего такого в простой игрушке!?!...

– Разве это плохо? В академии все таких делают... это же просто игрушка, безделица! – произнесла я дрожащим голосом, не в силах совладать со страхом.

– Игрушки... – эхом повторил серафим. С этим словом из него как будто ушли все силы: крылья опустились, плечи ссутулились, светящиеся глаза закрылись. Серафим осторожно опустился на стул, как будто не мог стоять. – Просто игрушки... ну, конечно.

– Я чем дело? – спросила я, не рискуя подходить ближе. – Я не понимаю!

– И кому ты продавала этих големов? – спросил серафим изменившимся голосом. – Отвечай!

– Да кому они нужны? Я каждый раз их разбирала, а иногда просто выкидывала. Спроси у кого хочешь: на заднем дворе нашего старого дома их десятки валяются... – я говорила чистую правду. – Ну, а какие-то остались у Райнара, моего учителя, которому я помогала их делать.

– Ну да... – Рэмол оперся на свои крылья, откидываясь назад. – Конечно...

– Тебе плохо? – то, как изогнулся серафим, показалось мне очень странным. Он ведь мог сломать себе что-нибудь, лежа на раскладушке из собственных крыльев.

– Да, – тяжело выдохнул Рэмол, закрывая локтем глаза. Его голос продолжал меняться, теперь я поняла, что было не так: он начинал звенеть, как у Арланда в моменты сильного гнева. – Уходи... Выйди отсюда, заночуй где-нибудь еще... Просто сделай так, чтобы я не видел тебя, пока не улечу отсюда!

Под конец со мной словно говорил не один серафим, а сотня демонов, живущих в теле небесного. Я знала, что это может значить, поэтому стрелой вылетела из своего шатра, моля богов, чтобы Рэмол справился с тем, что я по дурости в нем разбудила.

Было за полночь, на улице не осталось ни души. Я побежала, не разбирая дороги, и наткнулась на шатер старейшины... вокруг него росли пышные кусты.

Не раздумывая ни секунды, я как до смерти напуганное животное забила под длинные ветви и, чуть ли не скуля от ужаса, просидела там до рассвета, обхватив колени.

Потом я не выдержала, и уснула.

Когда я проснулась, солнце было уже высоко в небе и отмечало три часа дня. Серафим должен был уже улететь.

На глазах у удивленных кентавров, я вылезла из кустов, которые полностью меня закрывали, и направилась к себе в шатер, прихрамывая на затекшую за ночь правую ногу.

В шатре я опустилась на свою кровать и обхватила руками голову.

Картина внешнего мира, открывшаяся мне вчера, заполняла все мои мысли. Страх и отчаяние перед обстоятельствами за ночь раздумий только усилились, казалось, я вся состояла из тревоги и отчаяния. Они опустошали, мешали думать, превращали меня в жалкое подобие трусливой мыши – хотя даже та имеет больше храбрости!

Я одна в лагере врагов, против меня встало целое государство, мой покровитель – единственный, кто мог бы меня спасти от всего этого, – вот-вот отвернется от меня, рядом нет никого, кто может меня защитить... во всем мире нет того, кто может защитить меня от грозящей расправы.

Эти мысли ужасали, но они были не преувеличением, они отражали реальность. В любой момент за мной могли прийти, любой пустяк может стоить мне жизни... как вчерашний голем, вызвавший столько ярости у серафима, который при-

летел, как оказывается, разобраться со мной!

Я кинулась на кровать, обхватив колени, желая исчезнуть отсюда. У меня не было сил даже плакать, я только бессмысленно дрожала, не пытаясь остановить проносящиеся в голове картины своего будущего.

Одна из таких картин застыла в моей голове. Я закрывала глаза и видела Рэмола. Он возвышается надо мной, все заслоняют его расправленные крылья, глаза светятся решимостью, без тени злости или ненависти, плечи напряжены, из рук льется ослепляющий свет, за которым таится густая, вечная тьма...

Вздвогнув, я вскочила с кровати и, чтобы вымести из головы этот ужас, ушла в кабинет, где принялась ходить из стороны в сторону, цепляясь глазами за каждый предмет. Я пыталась занять свои мысли, чтобы в них больше не лезли эти жуткие картины.

На глаза попались части разрушенного голема.

Опираясь на это удивительное наблюдение, а за тем на воспоминания, мысли вдруг, как упряжка послушных лошадей, пустились по стезе разума.

И что могло так разозлить серафима в этой маленькой глупой игрушке? И она ли так повлияла на него? Может, он увидел еще что-то? Но что? В моем кабинете нет ничего, что могло бы его насторожить. Все запретные ингредиенты, которые чудом попали ко мне в руки во время путешествий и которые могли бы быть зацепкой для Рэмола, я храню в без-

донной сумке, отрезанной от этой реальности, и никто кроме меня их оттуда не вытащит, будь он хоть трижды серафим-демон.

Чтобы удостовериться в этом, я вытащила сумку, закрыла глаза и сунула внутрь руку. Межреальный карман открылся сам собой, мне в руку легла коробка с яйцами дракона, склянкой с железой и семенами Мертвого Дерева.

Осмотрев рюкзак, я обнаружила, что ничего не было тронуту, все лежало на прежних местах.

– Значит, не нашел, – прошептала я, чувствуя, как от облегчения у меня голова идет кругом. – Я совсем вымоталась... так я ничего не добьюсь.

Чтобы восстановить душевные силы, я решила поглотить немного из одного из драконьих яиц, в которых была заключена вся та энергия, о которой говорил Рэмол. Сейчас это было как нельзя кстати: после вчерашней ночи я была совершенно измотана и с трудом соображала. А теперь, если мне что-то и может помочь выжить, так это моя голова.

На ощупь яйца были холодные и немного шершавые. Те из них, которые я заполнила энергией, были немного теплые и приятно грели ладони. Выглядели яйца очень красиво, как матовые хрустальные лампочки... но, если разбить хоть одно такое чудо, можно смести с лица Скаханна весь этот лес.

А неплохая идея на крайний случай?... Нет, живой я им точно не дамся. Пусть попробуют сунуться ко мне со своим порошком, я не позволю убить себя за то, чего я не делала!

Уж лучше сгорю в собственной магии.

Эти мысли подействовали на меня ободряюще, и в наслаждении я сжала пальцами левой руки первое попавшееся яйцо. Магия потекла по жилам, как электричество, шелкая и искрясь в суставах, причиняя приятную покалывающую боль и вонзаясь в затылок. Я ощутила, как разлетелись в разные стороны намагниченные волосы и как мир вокруг заиграл яркими свежими красками. В горле нарастала судорога, как перед взрывом хохота.

Это было то, чего мне так не хватало все это время – ощущение собственной силы. Я наконец-то чувствовала, что могу что-то сделать, что я не беззащитна перед обстоятельствами.

– Ни в лесу, ни в городе, ни под землей... – я нараспев повторила слова Леопольда и восторженно расхохоталась, вне себя от переполняющей кровь пьянящей магии. – Но не в этой жизни!

Решившись, я вскочила со стула и побежала к выходу из шатра, чтобы закрыть полог. Над входом снаружи я повесила ветвь рябины – условный знак, говорящий кентаврам о том, что я больна и не могу работать.

Как только все было закреплено, я вернулась в кабинет, где приступила к работе. Мысли носились в голове, как отлаженный механизм: еще никогда в жизни я не соображала так ясно, как сейчас. Вещи, которые раньше расплывались, теперь соединяли прочные связи. Я вдруг увидела то, чего

раньше никогда не замечала – и все было так очевидно просто!

Для начала я создала купол внутри шатра, поглощающий звук, затем купол из силы, поглощающей магию, приблизившись к нему больше, чем на полметра. Если что-то взорвется, ни один вшивый друид не почует магии, ни одна мышь не услышит ни звука.

Закончив с этим, я разложила на столе все то, что собрала за время путешествий. Редчайшие травы, камни, части животных, семена, драконьи яйца и железу...

В моей голове, разгоряченной магией, идеи крутились в алгоритмах и схемах, как в мощнейшем компьютере, никогда я не мыслила так просто и ясно, никогда еще я так не понимала материи... я буквально слышала их! Они сами текли под руки, сами сливались в единое целое в разуме и в реальности.

Скорлупа опустевших драконьих яиц была крепче металла, но сейчас она плавилась под моими пальцами, превращаясь в послушную глину. В нее вливались порошки, стертые в пыль семена Мертвого Дерева, которые дал мне Агрибальд, в ней растворилась концентрированная железа, растеклась твердая белая полоса, одна из тех, которые обвивали мою левую руку и которые давали мне невероятные способности.

Масса растекалась передо мной в воздухе, подчиняясь каждой мысли, ингредиенты взаимодействовали друг с другом, изменяясь в свойствах... Я закрыла глаза и работала,

смотря только магическим зрением – иначе я ослепла бы от неземного света, льющегося из кузни моих рук.

Черепок домового, который я сохранила, несмотря на то, что его обладатель пропал больше года назад, еще содержал в себе несколько частиц порошка. Раньше мне и в голову не могло прийти, что я смогу снова получить это вещество, – Дейкстр оставил мешочек в лесу, рядом с телом Фавнгрифа, – хотя я догадывалась, как оно могло быть полезно... Как оказалось, горсть, которую я бросила в угрожавшего мне безумного домового в той бане, попала в глазницы его черепка. Наверное, из-за них-то Распутин и погиб в итоге.

Соскребя оттуда немного, я отправила частицы в бесформенную массу, парящую в воздухе. Когда они растворились в ней, все было готово... но чего-то не хватало!

Наше тело – совершенное орудие, так говорила Райнар и Ионора. Но что отличает его от любого другого предмета? Душа!

Бедный, бедный Распутин... он почти растаял за время путешествий, черепок казался мертвым. Однако, я еще ощущала в нем последнюю искорку. Забрать ее оттуда, не уничтожив, было делом не из простых. Однако, уж что-то, а выдерживать баланс магии и немагии, перекраивая чужие кружева, я научилась.

Я выпила еще немного из оставшихся яиц, и принялась за дело. Слабая искорка прыгнула мне на пальцы и, пока не растаяла, была отправлена в вещество из чудовищной смеси

могущественнейших ингредиентов, заряженное таким количеством энергии, что хватило бы на живого червяка из глины.

Еще секунда, чтобы придать необходимую форму, еще несколько мгновений ожидания – получилось или нет. Все зависит от того, свяжется ли искра души домового с львиной долей магии, которая осталась в материи из драконьих яиц. Если выйдет, душа сможет закрепить магию в теле кинжала навсегда и будет концентрировать ее вечно, – ведь в этом и есть ее смысл: стоит телу ослабнуть, душа его восстанавливает, забирая из мира.

Сначала ничего не происходило, но потом по едва заметным жилкам потек свет, короткая вспышка и... мне в руки опустился он – Ключ от всех дверей, Начало любых границ.

Живая, но безвольная частица дракона, способная проникать сквозь пространство.

Он выглядел, как кинжал, но был размером с небольшое шило. Вытянутый, причудливо изогнутый, переливающийся всеми оттенками бирюзового, как будто вытесанный из синего льда. Его лезвие слепило своим сиянием: оно как будто просилось в действие. Несомненно, он был прекраснее всего, что я когда-либо видела!

Я рассматривала его, задыхаясь от восторга, одновременно веря и не веря, что я сделала это.

Наконец, я собралась с духом и со всей силы вонзила свой нож в воздух, зажмурившись. Я почувствовала сопротивление, в моей голове взорвался фейерверк разноцветных искр,

растворившихся в белом сиянии.

Я открыла глаза и увидела щель.

Щель, которую я проделала в пространстве, была совсем маленькой, я не могла даже заглянуть в нее из-за слепящих потоков света. Единственное, что я могла, это пропихнуть в нее что-нибудь, чтобы убедиться, что передо мной портал.

Схватив со стола ложку, я быстро всунула ее туда, не почувствовав почти никакого сопротивления. Когда она полностью исчезла в свете, я стала ждать, сама не зная чего.

Вдруг ложка сама выпрыгнула обратно. Я недоуменно посмотрела на щель и заметила, что сквозь нее просачивается вода... самая настоящая морская вода! С водорослями и планктоном!

Первые минуты я вне себя от восторга смотрела на то, как прямо из воздуха на землю льется маленький водопад, а потом в мою голову прокралась здравая мысль: если я пробила ход в другой мир, прямо в море, то всех нас может просто-напросто затопить из этой небольшой щелки.

Испугавшись, я кинулась запечатывать щель. Для этого была предназначена другая сторона кинжала – крюк на конце ручки... Как показал эксперимент, он работал так же хорошо, как и лезвие.

– Что ж... Кажется, теперь осталось только добраться до Арланда, – я улыбнулась, рассматривая кинжал.

Соблазн начать изучать межреальные материи прямо сейчас был велик, но я решила повременить с этим. Сейчас глав-

ное – не навлечь лишних подозрений и сохранить нож. Но если первая проблема отпадала собой: у меня в руках теперь был ключ от всех миров, где меня не сможет достать ни один даже самый умный серафим, то вторая была более чем актуальна.

Где мне хранить кинжал, способный разрезать пространство? Его нельзя опускать в межреальный карман: он проделает там брешь и неизвестно, чем это может кончиться. И под подушкой такие вещи не прячутся, и в землю не закапываются: уплывет в другое измерение без моего ведома! Мне нужно, чтобы кинжал всегда был при мне, и чтобы никто, кроме меня, не мог его заметить.

Но ведь это практически невозможно! Кентавры могут устроить внеплановый обыск, лишить меня магии и бросить в яму, отняв все опасные вещи, как они уже делали это. Даже одежду с меня могут снять... Единственное, что я могу сделать с кинжалом, это съесть! Тогда его точно никто не найдет: кому придет в голову вскрывать мой труп?

Я улыбнулась этой странной шутке. Настроение, несмотря на незавидное положение разыскиваемой преступницы и многочасовую работу, было лучше некуда.

– Так куда же тебя деть? – спросила я у кинжала, разглядывая его плавные очертания.

Я держала его левой рукой, и заметила, как похожи их цвета. Светло-голубая кожа с белыми узорами гармонировала с бирюзовой полупрозрачной материей кинжала, а место, с

которого я срезала белый нарост и где темнела темно-голубая кровь, было точь-в-точь таким же...

В мою голову пришло безумное, но единственное верное решение.

Еще в тереме Рэмол научил меня управлять материальным состоянием руки, но я так и не нашла применение этой способности. Разве что иногда, когда мне хотелось подурчиться, я пыталась просунуть ее сквозь что-нибудь. Как-то я решила посмотреть, что Арланд прячет в своем запертом на ключ ларце, и залезла туда призрачной рукой. Тогда я обнаружила, что могу не только просовывать ее сквозь что-то, но и брать какие-нибудь предметы и делать их такими же нематериальными. Но тогда я на это открытие почти не обратила внимания, так как то, что я нашла в ларце, было куда интереснее. Это был дневник Арланда, который он вел с самого детства и который я с тех пор потихоньку читала, пока инквизитора не было дома.

Теперь же я, кажется, нашла этому свойству достойное применение... Конечно, я могу покалечиться, но разве не все равно теперь?

Усилие мысли, и левая рука стала такой же полупрозрачной, как кинжал. Я вытянула ее так, чтобы кости, соединяющие кисть и локоть, лежали ровно, как было бы, если бы мне поставили срастаться перелом. Когда, как мне показалось, они встали достаточно прямо, я просунула между ними и кожей кинжал, затем рука снова стала материальной...

Боль была адской! Те судороги, которые часто навещали меня после махинаций Фавнгрифа, были просто цветочками по сравнению с тем, что я испытывала сейчас!

Я закричала и, не удержав равновесие, упала со стула, чуть ли не на больную руку.

– Это определено была очень плохая идея!... – процедила я сквозь зубы, стараясь немного отвлечься от боли, слушая свой голос.

Но от такого отвлечься было невозможно...

– Seo déal idirghabháil!? – в мой шатер вломился друид, а за ним еще несколько кентавров.

Кажется, действие куполов истекло, и все селение услышало мои вопли.

– Seo déal idirghabháil!? – повторил друид, суется вокруг меня. Он выкрикивал свое «щё дел идирал» беспрестанно, указывая на мою левую руку.

– Я сломала ее! – объяснила я, пытаюсь описать жестами, как упала со стула.

В селении поднялся переполох, быстро разлетелась новость о том, что я повредила бесценное сокровище – спасающую от болезни руку. Это посеяло настоящую панику. Вокруг меня носились, как около драгоценного ребенка, не давали мне двигаться и прислушивались к каждому стону, угадывали желания. Мне сделали множество обезболивающих припарок и отваров, с грехом пополам положили на руку шину, прикрепив ее к телу.

Когда рука совершенно онемела, и я не могла ни двигать ей, ни чувствовать боль, я ощутила себя на седьмом небе от счастья. Буквально. Кажется, в успокаивающий нервы напиток мне подмешали дурманящие вещества.

Снова вместе

Следующие несколько дней я, как и после операции Фавн-грифа, провалялась в кровати, почти не вставая. Боли в руке постепенно утихали, но двигать ей как прежде я, естественно, не могла. Кинжал как будто почувствовал родную плоть, ведь я вживила в него часть рогового нароста с руки, пытаюсь таким образом придать материи свойства рога. Никакого опухания или других симптомов, сопровождающих внедрение в тело инородного предмета, не было. Даже внешне рука не изменилась. Разве что на ощупь стало на одну кость больше.

Спустя неделю я уже смогла жить и работать, как раньше. Хотя левой рукой я почти не двигала, у меня вполне получалось лечить с ее помощью. Правда, теперь кинжал впитывал всю энергию переработанной болезни и даже капли магии, случайно вылетевшие из ауры нелюдей во время лечения. Мне не доставалось ничего из поглощенного, и еще приходилось тратить свою магию на то, чтобы восполнять ауры пациентов.

Чтобы окончательно не обессилить, я подпитывалась крупицами, оставшимися в драконьих яйцах еще с прошлых опытов. При разумной экономии мне должно было хватить этого на несколько месяцев.

Но, в общем и целом, жизнь после прилета Рэмола и изоб-

ретенция кинжала стала проще.

Теперь я понимала, что на самом деле происходит, и с этим знанием тверже стояла на ногах. Я больше не ощущала себя брошенной и никчемной, я понимала, что и зачем делаю. И чувство, что в любой момент я могу просто слиться от всех в другое измерение, что и говорить, придавало некоторой уверенности.

Я прекратила все посторонние опыты, занималась только лечением и, если совсем нечего было делать, в десятый раз перечитывала мемуары Маггорта. Кентавры, хотя и поглядывали на меня косо, начали жалеть меня, как несчастную калеку: они думали, моя рука парализована, поэтому я ей не двигаю. Для них, видимо, не было ничего страшнее, чем лишиться конечности. Мне стали отдельно готовить, добавляя в еду местные варианты обезболивающего, давали больше времени на отдых и, наконец-то, перестали надо мной издеваться. Некоторые дети даже приходили в мой шатер, тайком принося ягоды. Видимо, так они пытались извиниться... по крайней мере, мне хотелось в это верить.

Но самым главным изменением было то, что теперь у меня появилась возможность связываться с Арландом! Тубус, который он передал мне через Леопольда, оказался маленькой коробочкой для писем на лапу почтовой совы. Сова, та самая сипуха с подозрительно умными глазами, прилетела ко мне в первый же вечер и позволила прикрепить тубус к своей лапе.

В тубусе можно было передавать целые письма, если их правильно складывать, так что теперь я каждые несколько дней получала известия из внешнего мира и знала, что там происходит.

Кроме нас с Арланом о переписке знал только Леопольд, который ее и устроил. Мы принимали множество мер предосторожности, чтобы точно знать, что получаем письма друг от друга, а не от какого-нибудь шестикрылого. Например, мы меняли тубусы на лапах совы. Мой первый тубус был красный, а сова прилетела с желтым, который я заменила своим, потом она прилетела с зеленым, и его я сменила на желтый, и так всю переписку. Кроме того, мы писали только русскими буквами, которым я ради забавы обучила инквизитора, еще когда мы жили вместе.

Но, несмотря на все предосторожности, я не рисковала писать Арланду о своем открытии, и он тоже не писал мне ничего из того, чего, по его мнению, я не должна была знать. Я не получала никаких известий о своем «преступлении» и о расследовании инквизитора. В основном Арланд писал о своей жизни в армии.

Я знала, что его пару раз ранили, но несерьезно, и он возвращался в ряды соратников уже через пару дней. Большую часть времени он рыскал по казарме в поисках информации, расспрашивал солдат, пытался влиться в среду, но у него это, как и стоило ожидать, плохо получалось. Как боевой маг он проигрывал обученным соратникам, с людьми не ладил, —

еще бы, наверняка его воротило от одного вида невымытых наемничьих рож, – зато ему несколько раз удалось показать себя по время подготовки сражений, и его отметили наверху, что давало неплохие шансы продвинутся выше по званию, а, значит, получить больше возможностей.

Адольф во вражеском лагере тоже времени не терял, но ему было значительно проще. Змей через первые же пару недель устроил драку, его отвели к начальству, он загипнотизировал капитана и внезапно стал командовать отрядом, а еще через месяц уже подобрался к званию повыше.

Дейкстра из стражников никто повышать не спешил, он был полезен, как хороший воин.

Лео продолжал работать в кафе и шпионить за серафимом.

Юкка обратилась к старому знакомому, главе церкви и патриарху, Мартину Безбожников. Он принял меры и сильно ограничил орден Белых Сов. Инквизиторы, обозлившись на то, что им запретили убивать нечисть, стали мешать делать это рыцарям.

О Люциусе снова ни слова.

Все это продолжалось два месяца, а потом события резко стали набирать обороты. Снова прилетел Рэмол, поднял все селение с ног на голову, несколько часов расспрашивал меня об успехах лечения, а когда услышал, что уже месяц не было ни одного погибшего, велел мне воссоздать порошок, который придумала прежняя Бэйр. То, что у меня отшиб-

ло память, он понимать отказывался. «Сдохни, но сделай» – его просьба звучала именно в таком тоне. Теперь серафим меньше всего напоминал того душку, которого я встретила в тереме, и послушаться его было все равно, что прогневить особенно мстительного бога.

На следующий день пришло письмо от Арланда, где он писал о следующих событиях:

Адольфа, наконец, поставили в отряд дипломатов, а за самого Арланда подсуетился Рэмол, чтобы определить его на то же место. Были устроены, а скорее подстроены переговоры двух народов, Адольф невзначай предложил одно, Арланд подхватил, слевиты слушали, ланк медленно заглядывала в глаза каждому... переговоры кончились перемирием. Высокогорные слевиты обещали собрать отряд-экспедицию из сильнейших воинов, которые только есть в Агираде, чтобы они отправились на разведку в лабиринты и, если это возможно, покончить с тем, что угрожает глубинным. А на то время живущие на нижних ярусах подземелий слевиты могут подняться выше, в город внутри горы. Глубинным такие условия понравились, и они остались довольны итогами переговоров, чего не сказать о Владыке Гор. Но с тем договорился Рэмол, объявив, что уже собрал экспедицию из лучших воинов, какие есть на материке.

Команда эта включала в себя проводника по тоннелям, видящего в кромешной тьме, – то есть Леопольда, двух воинов, ищейку, а также боевого мага.

Нельзя было не догадаться, что все это значило...

Прочитав письмо, я прыгала от счастья по всему селению. Кентавры подумали, что я сошла с ума, когда я бросилась обнимать Старого Козла, но связывать меня не стали.

Однако, мое счастье длилось не долго, ровно до прилета серафима. Когда прилетел снова, он рассказал мне в точности то же, что и Арланд, даже привез письма от него и от всех остальных. Когда я, едва сдерживая улыбку, спросила, кто же тот маг-самоубийца, серафим сказал, что Люциус.

– Ты же не думала, что я отпущу тебя до того, как ты закончишь лекарство? – спросил он, нахмурившись. – Я привез тебе в сумке половину лаборатории Истэки и все существующие ингредиенты, которые только смог достать. Надеюсь, ты справишься.

Никаких оправданий серафим не терпел, он оставил мне посылку от Демонтина и улетел. Его ультиматум звучал как нельзя ясно.

До сих пор у меня был план насчет того, как сделать лекарство. Но я не решалась на это из-за слов Леопольда о том, что, как только я стану не нужна для исцеления, Рэмол прикончит меня за созданное оружие.

Решив отложить проблему на потом, я занялась тяжелой стопкой писем. Леопольд и Арланд писали все то же, чем и в прошлый раз, письмо от Дейкстера было довольно предсказуемым – мол, наемничаю, эль под землей невкусный, бабы страшные, здоров, ничего не болит, как сама, подруга?

Огромной неожиданностью стало письмо Люциуса: о маге я ничего не слышала еще со дня свадьбы. Даже Арланд в своих письмах не упоминал его, и я боялась, что Рэмол исполнил свое старое обещание. В душе я уже давно боялась серафима до дрожи в желудке, и мысль о том, что он мог убить колдуна, не казалась такой уж далекой от реальности.

Однако, в письме действительно был витиеватый почерк Люциуса.

«Дорогая Бэйр, здравствуй. Прости, что не писал тебе: был слишком занят, поедая овес.

Отлично помню лесных кентавров и выражаю тебе свое искреннее сочувствие: как по мне, уж лучше бы Рэмол подселил тебя к темным леннайям, они хотя бы моются. Но и в твоём положении есть свои преимущества. Например, тебе не придется возить на себе Юкку.

Ты знала, что у них с Рэмолом есть негласная традиция, по которой он раз в двадцать лет дарит ей самое невероятное ездовое животное, какое сможет найти? В этот раз честь выпала мне.

Серафим отправил меня с ней почти через весь материк, знала бы ты, во что превратились мои бедные копыта! Я побывал в главных зданиях обоих орденов, Черного Дракона и Белых Сов, мы даже были в той самой церкви с черными куполами. Я видел коня самого Патриарха! Шучу, самого Патриарха я тоже видел. Рэмол велел мне охранять его подружку, как зеницу ока, и кое-куда я ходил вместе с ней. Надо за-

метить, мать падших та еще штучка! Поверить не могу, что ее связывает с крылатым оборванцем что-то большее, чем извечная благодарность за подаренное бессмертие.

Рэмол рассказал мне о том, как тебя подставил Райнар, заставив работать якобы над големами, а на деле создавал твоими руками чудовищное оружие! Бэйр, это моя вина, прости меня, ради всех мертвых богов. Я обещал оберегать тебя, а сам увлекся рыжей бестией, как последний мальчишка, и позабыл обо всем на свете. Если бы я хотя бы услышал имя твоего этого преподавателя, увез бы тебя из страны подальше от него! Этот подлец много лет назад сдал меня белым совам, если бы не он, возможно, ничего этого бы не случилось. Когда мы с ним встретились, он был бестолковым мальчишкой, каким, наверное, и остался, но он слабый маг, а они все хитрые и скользкие, как ланки. Искренне сожалею о том, что произошло, надеюсь, ты простишь меня.

Когда дела с патриархом мы уладили, вернулись в Агирад, в особняк неподалеку от Трехполя, Рэмол разрешил мне остаться человеком и отправил по делам в лес леннай-ев. Между прочим, я пишу это письмо на столе из розовой древесины возрастом больше двух тысяч лет, держа в руках перо белого лебедя из зачарованного озера! Я не так далеко от тебя, дорогая Бэйр, каких-то три дня пути глубже в лес.

Надеюсь, очень скоро мы увидимся и сможем рассказать друг другу побольше.

С наилучшими пожеланиям,

Люциус Рыжий Черт»

Письмо Люциуса все изменило.

Раз Рэмол сказал ему, что верит в мою непричастность к оружию, значит, мне больше нечего бояться! Слава всем мертвым богам, теперь я точно скоро вернусь к друзьям.

Когда серафим появился через неделю, я уже покидала все свои вещи в бесконечную сумку и была переодета в походный костюм. Серафим получил пять частиц порошка, которые я выскребла из глубин черепка бедного Распутина. Истэке даже из одной частицы не составит труда сделать целую пустыню этой белой дряни, а пять ему для этой цели будет за глаза.

Сочтя работу сделанной, Рэмол, наконец, разрешил мне уехать.

Сколько было восторга, когда я вышла за ворота! Я чуть ли не бежала от этого проклятого селения навстречу настоящей жизни, друзьям, Арланду... Впрочем, бежала я только до тех пор, пока не споткнулась о корень и не проехала по земле на своей левой руке.

Боль была такая, что я думала, нож разрезал сухожилия или раздробил кость, и Рэмол вот-вот полезет меня лечить, и все обнаружится... Но, к счастью, все обошлось, мне хватило актерского таланта, чтобы убедить серафима, что я в порядке. Да и ключ остался на месте и ничего не повредил, как бы удивительно это ни было.

После этого мне пришлось идти медленнее, что было

невыносимо, учитывая мою уже не первый месяц бушующую ненависть к лесу.

Прибыв в город, я первым делом отправилась на рынок. Прежде чем встретиться с друзьями, мне нужно было купить необходимую для похода под землю экипировку – по дороге я все-таки уговорила Рэмола отправить меня туда вместе с остальными.

Чтобы не давать городской страже повода для прибавки к зарплате, я полностью замотала свою голову платком, на манер паранджи у мусульманок, оставив только глаза, цвет которых Рэмол временно изменил на ядовито-бирюзовый, чтобы меня принимали за чокнутую ишимерку.

Прогулка по рынку была для меня чем-то непостижимо счастливым... За время заключения я увеличила ауру боги знают во сколько раз, да и в метамагии поднаторела. Потому я сыпала деньгами направо и налево, скупала все, что нравилось, по полчаса болтала с продавцами, умирая от умиления при звуках родной речи. Я накупила себе несколько килограммов конфет, фруктов и хлеба! За пять месяцев без хлеба я готова была душу отдать за батон, не то что какие-то медяки. Прекратить мой внезапный приступ шопоголизма было просто некому.

Только к вечеру, когда больше покупать было нечего, я отлежалась в местной бане для очень богатых, приделась и отправилась на встречу с теми, чьи лица уже почти забыла.

Особняк находился примерно в десяти километрах от го-

рода, так что мне пришлось нанимать повозку, чтобы добраться туда. Рэмол набросал мне на карте маршрут и улетел, чтобы сообщить всем о моем скором прибытии.

В десять вечера я была на месте. Громадный дом возвышался над старым заброшенным парком посреди скрывававшей его от потусторонних глаз рощи.

Дрожа внутри от переживаний, я постучалась в массивную дверь из черного дерева, прождала несколько минут, прежде чем мне открыли. Это был Лео.

Без лишних слов я повисла на шее у оборотня, покрыв поцелуями его мягкие, как у ребенка, щеки. Лео в долгу не остался, не отпустил меня, пока я не стала молить о пощаде его любвеобильное высочество.

Но как только я отпрянула от оборотня, на меня набросился Кречет. Вымахавшая и заматеревшая псина встала на задние лапы, положив передние мне на плечи, и оказалась выше меня на целую голову. Пока не вылизал мне все лицо и шею, Кречет не успокоился. Я смогла войти внутрь только после этого умывания.

Сначала Леопольд отвел меня на кухню, где помог убрать в кладовку все съестные покупки. Потом он провел меня в гостиную.

В отличие от кухни, где правил утонченный вкус хозяйственного Лео, эта комната была небольшой и не очень уютной. Окна задернуты тяжелыми шторами, облупленные, некогда белые стены стояли голые, с редкими светлыми сле-

дами картин. Многие из статуй и ваз потрескались и потемнели от времени, кое-где даже находились остатки давно увядших цветов.

Все, что говорило о том, что дом все-таки жилой, концентрировалось возле огромного каменного камина, в котором полыхал огонь. Возле камина стояли кресла и диван, неподалеку от них находился большой прямоугольный обеденный стол. На столе – белоснежная скатерть, несколько блестящих бронзовых канделябров и уже расставленные блюда с ужином.

Дейкстр, сидящий в кресле возле камина, не сразу меня заметил, а потом как будто и не узнал вовсе, хотя я уже сняла платок, а глаза вернули прежний цвет. Только когда я заговорила и подошла к рыцарю, его лицо прояснилось, и он встал, чтобы обнять меня.

– Где Арланд? – спросила я, когда все слова приветствия уже были сказаны.

– Он в своей комнате, – объяснил Леопольд. – Он не так давно вернулся из подземелий и решил привести себя в порядок перед встречей с тобой, – после этих слов оборотень вернулся на кухню.

– Это так на него похоже! – довольно улыбнувшись, я усеялась на диван, а потом и вовсе улеглась. – Мягкая мебель... боги, что за блаженство лежать на ней! – я обложилась всеми подушками и почувствовала себя на седьмом небе от счастья.

– А где все остальные? Где Рэмол? Люциус? – спросила я, когда Лео вернулся. Дейкстр, видимо, был не в настроении разговаривать: он даже не смотрел на меня. Со мной говорил только оборотень.

– Они скоро придут, – уверил меня Леопольд, уже расставляющий на столе только что принесенные с кухни салаты. – Юкка с Рэмолом наверху, они что-то обсуждают, Эмбер засиделся в библиотеке, а Адольф пока еще не пришел. Люциус еще не вернулся из леса леннайев, насколько я знаю. Вроде, должен сегодня.

– Адольф...

Только сейчас я осознала, что, приехав к друзьям, я буду вынуждена жить с ним рядом, есть за одним столом и при этом не кидаться на него из-за всего того, что между нами было. Не то чтобы я ненавидела его, скорее, я просто не знала, что буду чувствовать, когда увижу ланка, которого так долго воспринимала, как самую страшную бабайку в этом мире.

– Он тебе понравится, я уверен, – вдруг подал голос Дейкстр, продолжая смотреть в огонь в очаге. – Арланд от него в восторге! – в тоне рыцаря явно слышалась издевка.

– Этот змей хотел убить тебя и меня, вряд ли мы после этого станем лучшими друзьями, – возразила я, садясь на диване. – Надеюсь, он не возьмется за старое, иначе я за себя не отвечаю.

Рыцарь только фыркнул, будто я сказала страшную глу-

пость.

– Он в самом деле совсем не плохой... если только не обращать внимания на его змеиные клыки: они жуткие, – Лео передернул плечами. – По крайней мере, он много читает, даже работал библиотекарем! Разве может такой начитанный нелюдь быть плохим?... – сказал оборотень, но тут же передумал и добавил: – В любом случае, он точно не глупый.

Мы прождали несколько минут, болтая о чем-то несерьезном. Я просто задавала вопрос за вопросом, а Лео на них отвечал.

Несколько раз, не выдержав, я начинала спрашивать Дейкстера о его жизни, но он только угрюмо отбрасывался бессмысленными фразами. Мои восторги по поводу встречи определенно мало соответствовали настроению, в котором он жил и работал все эти месяцы. Возможно, несколько часов назад он видел казнь или самосуд, что теперь не редкость на Черном Рынке, и моя нелепая болтовня кажется ему лишней... В любом случае, было видно, что рыцаря больше занимали его собственные мысли, чем непринужденный разговор.

Зато Лео не прятался в себе. Как и всегда, он был в курсе всех новостей города, не только политических, но и светских. Оборотень проникся моим желанием хотя бы на один вечер отложить все проблемы и просто порадоваться встрече, поболтать о ерунде, сделать вид, что никто из нас не знает о кошмарах подземелий – кошмарах, которые уже завтра

станут частью и моей жизни.

Милый, добрый Лео... а ведь, я больше чем уверена, ему было так же, как и всем, тяжело в изменившейся обстановке, просто он не подавал виду. Но оборотень все равно нашел силы мирно побеседовать, только чтобы не расстраивать меня.

Так мы просидели минут пятнадцать, я уже начала медленно подсаживать поближе к еде, когда к нам спустились Рэмол и Юкка.

Несмотря на то, что раньше никогда не видела ее, я сразу узнала в ней ту самую Юкку Бессмертную. Да и кем еще могла быть эта роскошная золотая змея с медными волосами по плечи, как будто сошедшая со страниц детских сказок про Царицу с Медной Горы?

Она была невероятно красива даже в своем простом зеленом платье, ей не нужны были роскошные ткани или украшения: она сама была сияющей драгоценностью тончайшей работы.

Рэмол, сменивший уже разодранную одежду на еще не разодранную, казался по сравнению с ней просто нелепым бродягой. Единственное, что в нем могло показаться красивым, так это роскошные красные волосы, которые он в кой-то веке умудрился причесать – наверняка не без помощи Юкки.

Этот контраст заставил меня задуматься об этих двоих. Я многое слышала о падших от Дейкстера, о их жестоких

порядках и безжалостной главе. О их с Рэмом любви, ради которой оба не раз переворачивали мир.

– Бэйр, – ланк, подойдя ко мне, слегка склонила голову, в знак приветствия. Я встала, чтобы тоже поприветствовать ее. – Наслышана о твоих подвигах.

– Юкка, – я ответила кивком. – К сожалению, почти ничего не слышала о тебе.

– Это к лучшему, – серафим уселся за стол, приглашая всех присоединиться к нему.

Видимо, ему, как хозяину, можно было начинать трапезу, потому что Леопольд, все это время отгонявший меня от салатов и прочего, и бровью не повел, когда серафим стащил кусок пирога.

– Где же Арланд? – я нетерпеливо посмотрела на лестницу, ведущую на второй этаж. Наверняка жилые комнаты располагались именно там.

– Он скоро придет, не беспокойся, – уверил меня Рэмол, откусывая огромный кусок.

– Я не опоздал? – в гостиную кто-то вошел.

Обернувшись, я заметила краем глаза светлые волосы, по привычке подумала, что это Арланд, и обрадовано улыбнулась, вскочив с места. Но потом вошедший повернулся ко мне полностью, и я увидела вторую половину его лица – с матово-медной кожей, янтарным глазом и черными волосами.

– Бэйр, – Адольф оказался рядом быстрее, чем я успела

сесть обратно, и склонил голову в знак приветствия. Пока я приходила в себя от этой неожиданной встречи, он заговорил. – Между нами много невысказанных обид, но я уверен, что мы сможем оставить их в прошлом, – он криво улыбнулся, но с учетом особенностей его лица, улыбнулась только та половина, которая поменялась. Бирюзовый же глаз смотрел на меня с ненавистью... Или это только мои фантазии?

– Я надеюсь, – ответила я, отдергивая руку подальше, заметив, что он собирается ее пожать.

Змей, как будто ожидавший этого, улыбнулся, на этот раз обеими сторонами своего странного лица.

– Неужели я не последний сегодня? – удивленно воскликнул он, осмотрев присутствующих за столом.

– Арланд прихорашивается, Эмбер обещал вылезти из библиотеки, как только сможет. Люциус опоздает, – проворчал Леопольд, недовольно смотря на остывающий ужин. – Бэйр, ты не могла бы?...

Ему даже договаривать не пришлось, потоки разогревающего пламени прокатились по столу, и угощения снова задымились. Все, кроме салатов и закусок, конечно.

Довольная собой, я села обратно на свое место.

– Предлагаю начать есть без них! – хмыкнул Рэмол, воодушевленно расправляя крылья и хватаясь за ножи.

Юкка невозмутимо вынула нож из левой руки серафима и дала ему вилку.

Наконец, с лестницы послышались торопливые шаги. Все,

как по команде затихли и повернулись к спускающейся фигуре.

На этот раз я не стала вскакивать сразу, потому что не была уверена в том, что спускающийся именно Арланд.

Мужчина был одет в темно-коричневые штаны и серую рубашку, волос нет, недлинная, но густая черная борода сильно искажала черты лица... Но рогов и хвоста, – отличительных особенностей Эмбера, – все-таки не было, поэтому я решила, что этот опоздавший никто иной, как мой муж.

– Арланд...

Я встала из-за стола и, не обращая внимания на то, что на нас все пялятся, медленно пошла к мужу.

Арланда было не узнать: обритый, с бородой и темными глазами, он скорее напоминал ишимерца-головореза, чем того гладенького блондинчика из графской семьи, за которого я выходила, пища от восторга. Передо мной стоял совсем другой человек.

Все приготовленные слова застряли в горле от волнения, поэтому я просто смотрела на него, подолгу разглядывая каждую знакомую черту. Он тоже не мог говорить, тоже смотрел на меня, как на привидение, а потом наклонился, чтобы поцеловать... О, дьявол, я чуть не потеряла сознание от забурливших эмоций!

– Черт, как же я скучала! – очень тихо проговорила я, обнимая его за шею здоровой рукой и прижимаясь лицом к его плечу. Прежним остался только запах – самый родной запах

на свете.

На глаза ни с того ни с сего набежали слезы, которые я быстро утерла о рубашку Арланда.

Позади нас послышались шаги, а затем голос, который испортил весь момент. Пришлось отстраниться друг от друга, чтобы посмотреть на пришедшего.

– Я опоздал, простите, – извинился стоящий посреди гостиной мужчина.

Хватило одного взгляда: я сразу узнала Эмбера.

Он был точно такой, каким я его себе представляла, со спокойным и красивым лицом, с золотыми кудрями и честными серо-голубыми глазами. Только одежда напоминала не монашеский балахон, как мне описывал Арланд, а скорее средней цены мантию.

– Мое имя Эмбер Дюшес, – он подошел ко мне и представился, протянув руку.

– Бэйр, – я кивнула в знак приветствия и, пожимая его руку, добавила: – Бэйр Сеймур.

– Арланд много говорил о тебе, – дракон улыбнулся и его рога задвигались: те, что были ближе ко лбу, прижались, а те, что были выше, раскрылись в стороны.

– Бэйр, пойдем за стол, – заметив, что я никак не могу прийти в себя, Арланд мягко подтолкнул меня к столу, а потом и просто повел меня, держа за плечи.

Как только все расселись, Рэмол свалил в свою огромную тарелку, больше напоминающую поднос, четверть от каждо-

го расставленного на столе блюда. Вторую четверть на свою тарелку выложил Эмбер. Остальным шестерым осталось две четверти всего приготовленного.

Наверное, я просто отвыкла от нового: в селении кентавров никогда не происходило ничего нового, разве что приходили племена из других мест. Но все же одно дело – увидеть кентавра, дриаду, или сатира, и совсем другое дело – видеть за своим столом мать падших и с ней на пару настоящего дракона!

Я была не в силах прекратить смотреть на то, как и сколько Эмбер ест, как непроизвольно рычит, срывая зубами куски мяса с кости, как непрестанно ложатся и топорщатся его рога... Это было не в моей воле не обращать на все это внимания!

Когда не смотрела на него, я пялилась на Юкку. Я не могла отвести взгляда от ее сияющей чешуи, красивого лица и глаз. Она не живая, это просто искусный годем, вышедший из-под руки безумного ювелира!...

– Бэйр, может, хватит так смотреть? – шепнул Арланд, наклонившись ко мне. – Они могут заметить.

– По-моему, они должны были привыкнуть за столько лет, – ответила я, не сводя глаз с рогов. Да как это вообще возможно!?!...

– Как ты добралась? – спросил Адольф, сидевший напротив Арланда, привлекая мое внимание. – Я слышал, дороги сильно развезло и там не проехать.

– Нет, все было в порядке, дороги относительно сухие, – ответила я, неохотно отрывая взгляд от Эмбера.

– Как тебе мое новое блюдо, кстати? – недовольно спросил Лео, заметив, что я не притронулась к еде.

– Оу...

Взглянув на свою тарелку, в которую Арланд заботливо положил что-то, я обнаружила нечто непонятное. Напоминало мясо и салат одновременно.

– Как это называется?

– Водорослевая рыба в собственной коже со специями из морских орехов, – объяснил оборотень с гордым видом.

– Какая прелесть...

– Ты даже не пробовала! – возмутился Лео, заметив мою реакцию. – Это очень вкусно!

Взяв себя в руки, я отломилась себе кусок от рыбы с кожей из странных водорослевых наростов и запихнула его в рот.

– Кисловато-горький вкус. Ммм... Съедобно. Ореховое послевкусие... потрясающее!

Выяснив, что гадость на вид, на вкус эта рыбка, как и все, что готовит Лео, восхитительна, я принялась за еду.

Благодаря Адольфу и Лео я смогла отвлечься от Эмбера, но вскоре снова принялась наблюдать, только на этот раз за всеми.

Эмбер достал какую-то книжку из-под мантии и читал украдкой, пока Юкка с молчаливым укором не убрала книгу обратно за подкладку его мантии. Тогда Эмбер стал тихо

расспрашивать у Леопольда, как он приготовил эту рыбу.

Рэмол негромко разговаривал с сидящим рядом Дейкстером. Я не могла слышать, о чем они говорили, но время от времени были слышны сдавленные смешки, позже я заметила, что эти двое бросают веселые взгляды на Юкку, которая делала вид, что ничего не замечает.

Адольф непринужденно болтал с Юккой и Арландом. У них завязался разговор о ядах, которые можно было бы получить из приготовленной Леопольдом рыбы, если использовать ее иначе. Арланд назвал ядов всего на один меньше, чем Юкка, что меня встревожило

– Откуда такие познания? – спросила я, когда он закончил говорить.

– Откуда!?! – Адольф рассмеялся. – Нежели ты не знала, что твой муж гениальный алхимик?

– Я знала, что Арланд хорошо разбирается в химии и изобрел несколько сильных смесей, но я не знала, что он так осведомлен о ядах! – я возмущенно посмотрела на инквизитора. – Этому в ордене ведь не учат!

– Бэйр, в библиотеке моего рода, Леопольд может подтвердить, что там есть такие книги, которые есть не у каждого тайного общества, – усмехнулся Арланд, пытаясь оправдаться. – Яды – самое безобидное, что там можно было найти на самых высоких полках.

– Самое безобидное, это приготовление блюд из ядовитых рыб, змей и лягушек, – между делом вставил Леопольд, а

потом снова вернулся к болтовне с Эмбером.

– Хммм... запретные рецепты – очень интересная тема, – заметил Адольф, довольно улыбнувшись. – Может, поделимся? Я знаю пару рецептов, которые могут тебя заинтересовать, – он посмотрел на меня.

– Зато я не знаю ничего такого, что могло бы заинтересовать тебя, – ответила я змею. – Разве что несколько основ для макияжа... – я отвернулась к Арланду, чтобы никто не заметил моей ехидной улыбки.

– Макияжа? Что это такое? – воодушевился Адольф. Похоже, он изо всех сил старался наладить со мной контакт, только вот все равно это было как-то фальшиво...

Арланд, узнавший от меня значение словечка раньше, кинул на меня предостерегающий взгляд.

– Бэйр шутит, – объяснил он двуликому змею. – Она обожает кидаться незнакомыми словами из своего мира.

– А ты ведь знаешь его значение, – усмехнулся ланк. – Она тебе что, словарик дала?

– Ни для кого не секрет, что мы ищем дорогу в ее мир, – ответил Арланд. – Если мы ее найдем, я должен быть готов к переменам, хотя бы примерно представлять себе культуру и нравы места, куда попаду.

– Так Бэйр рассказывает тебе про обычаи своего мира? – прохладно поинтересовалась Юкка. – Я думала, ты уже все забыла, – она перевела на меня свои глаза, миндалевидные золотые капли, в которых можно было утонуть.

– Нет, я забыла только, кем была, а все остальное я отлично помню, – проговорила я, едва не потерявшись от ее внимания. – Я даже помню, какой последний фильм смотрела в кинотеатре, и кто был президентом, когда меня выкинуло. Я даже английский помню, что уж там!

Никто, конечно же, не понял, что я сказала.

– У нас много машин... очень много машин! – начала я, почуяв, что могу стать звездой вечера. Я буду говорить, а меня все будут слушать – как же соскучилась по этому чувству в обществе бестолковых копытных! – Весь мир держится на машинах. Они делают все, что у вас делает магия, и даже больше. От военной промышленности до кухонной утвари: они везде. А кинотеатр, это здание, где стоит машина, показывающая фильмы. Фильмы, это как театр, только актерам нужно сыграть всего один раз, чтобы их действия запечатлились на специальную пленку. Потом пленку копируют и привозят в разные кинотеатры, где прокручивают, чтобы любой желающий мог посмотреть выступление актеров хоть тысячу раз.

– Кажется, я понял... – задумчиво произнес Адольф.

– Бэйр может устроить это, – заметил Арланд. – Она собрала в нашем подвале проектор и показывала нам на стене двигающиеся изображения, которые Леопольд нарисовал на прозрачных пластинках. У нас на стене скакал Черт, и это без всякой магии!

– Мир без магии? – удивился Эмбер.

– Совсем, – я кивнула. – В нашем мире нет магии. У нас даже нет богов, точнее, никто не знает, есть ли они на самом деле. Но гадалок полно, как и тех, кто «дружит с судьбой», как равнинные ведьмы.

– В то, что с судьбой у тебя особая дружба, я вполне могу поверить, – согласился Адольф. – Ты в самом деле умеешь приказывать ей?

Говорить про того проклятого оборотня или нет?... Под взглядом Рэмола я решила, что не стоит.

– Прежняя Бэйр хорошо это умела, я же вспомнила только немного, пока жила в домике в лесу, и время от времени испытываю свой талант на простых вопросах, – кивнула я. – Это не что-то сверхъестественное, но может быть весело.

– Нагадай-ка мне, вырастет ли у меня нормальная чешуя на лице после линьки! – вдруг попросил ланк.

– Не думаю, что это хорошая идея, – заметила я, неловко разглядывая змея.

– Все же я настаиваю! Я никогда не бывал на приемах у гадалок, а теперь ты меня заинтриговала! – Адольф продолжил упрашивать.

В итоге он меня уговорил, и я согласилась попробовать посмотреть, что будет с его лицом. Для этого мы ушли от всех в его комнату.

Лагк жил в маленькой комнатухе с большим окном и широким подоконником. Ничего лишнего, теплое одеяло, камин, кровать с балдахином. Ни одной личной вещи ланка

в поле зрения не было: наверняка попрятал по тайникам.

– Где мне лучше сесть? Или встать? Что нужно делать? – спросил он.

– Ну... сядь на подоконнике, сюда, – я указала на место возле себя.

Адольф сел и, выпрямившись, зажмурился.

– Расслабься, – велела я ему.

– Конечно...

Проведя некоторые махинации со своим сознанием, я смогла перебросить восприятие на уровень материи бытия и времени.

Когда начинаешь ощущать прошлое, будущее и настоящее, это как множество ручейков, стекающих в одно русло, которое тоже потом распадается на несколько. Какие-то ручейки пресекаются, какие-то бесконечны, какие-то русла полноводные, какие-то уже или пока пусты. Это как кидать кубики в теории вероятности. Ты знаешь, каковы шансы выкинуть четыре очка, например, но интуиция дает тебе конкретный ответ – да или нет, выпадет или не выпадет. Ты чувствуешь плотность будущего события, оно или обрастает реальностью, или остается призраком несбывшегося.

Я «кинула кубики», удерживая на крючке сознания образ лица Адольфа. Перед глазами потек ручеек прошлого, раздвоился, потом направился в будущее, где распался на два, потом на три, затем два русла опустели и все оборвалось. Я пыталась все вернуть, заставить ручейки снова течь перед

глазами, чтобы лучше разглядеть, но в итоге все русла перемешались и оборвались и... я отпрянула от видения, чтобы еще чего не натворить.

– Это... – я попыталась расшифровать странное ведение, стараясь не смотреть на Адольфа, с будущим которого, кажется, что-то сделала. – Непонятно... не будет, как прежде, но и как сейчас не будет. Все изменится.

– То есть? Я не буду больше беловолосым?

– Наверное, да, – я пожалала плечами. – Я не практиковалась в этом деле, поэтому не могу ничего сказать точно. Извини.

Змей, кажется, не сильно расстроился.

– Что ж, ладно. На самом деле я не для того тебя увел, – проговорил он. – Я хочу поговорить.

– Слушаю, – произнесла я, удивленно смотря на ланка. Мы с ним не говорили с тех пор, как он подошел ко мне в городском парке, и я могла только догадываться, чем закончится наша беседа в этот раз.

– Ты меня изуродовала, – произнес он голосом, лишенным всяких эмоций. Вид у него был такой, как будто кто-то заставлял его говорить, приставив нож к горлу. – Но я тебя прощаю.

Я настолько опешила, что не сразу поняла, что он сказал. Когда же до меня дошло, что змей предлагает мне официальное перемирие, я решила ответить.

– Ты пытался убить меня и моего друга, но я тоже тебя

прощаю, – оторопело проговорила я.

Ланк протянул мне руку, три последних пальца были медные, а указательный и большой – серебристыми. Я пожала протянутую руку: когда наши ладони коснулись, по моей спине пробежали мурашки.

Никогда до сих пор я не касалась кожи ланков. Она совсем не походила на змеиную, скорее на тонкий бархат! Крошечные прохладные чешуйки приятно щекотали пальцы.

– Я решил, что, раз мы будем прикрывать друг другу спины с завтрашнего дня, лучше все уяснить, – объяснил он, вздохнув.

– Согласна, – я кивнула, разглядывая ланка.

Мне было тяжело смотреть ему в глаза, я испытывала некоторую неловкость, однако он, похоже, ничуть не смущался. Смотрел на меня открыто, широко раскрыв оба глаза и улыбался, кажется, искренне.

Я вдруг поняла, что была бы не против узнать его поближе, может, не такой уж и плохой?...

А потом вспомнила про гипноз.

Если бы не защита, которой я увешалась с ног до головы от Рэмола, могла бы и не заметить!

– Эй! – воскликнула я, махнув рукой между нами, чтобы сбить концентрацию змея. – Тебе не стыдно!?

– Нет, – он улыбнулся и развернулся к двери.

Когда мы вернулись, в гостиной уже закончили ужин, Леопольд убрал со стола и принес чай с корзинкой печенья. Жи-

тели особняка расселись на креслах и диванах вокруг каминна. Среди них я заметила новое лицо.

– Люциус! – воскликнула я, увидев чародея.

Обернувшись, маг встретил меня обрадованной улыбкой. Он поднялся и подошел ко мне, чтобы обнять.

– Как твои несчастные копыта перенесли дорогу от леннаев? – спросила я, не сдерживая улыбки. Как же я была рада видеть эту рыжую рожу!

– Все в порядке, – устало ответил колдун. Я заметила, что он сильно похудел, а лицо осунулось. И чем он занимался, интересно? – А к леннаям я вернусь после того, как кончится этот кошмар: у них прекрасные дома отдыха.

Мы пошли к остальным. Я села в одно с Арландом кресло: мне не хватило места и, к тому же, хотелось быть к нему поближе.

– Итак, все в сборе, – сказал Рэмол, когда Адольф тоже занял свое место. – Завтра вы отправитесь во владения высокогорных слевитов, – начал он. – Перед выходом я дам вам карту и письма, которые вы должны будете передать стражам, чтобы они пустили вас в подземелья. Все, кто должен, уже знают о вас и вашей миссии. Я останусь наверху и буду следить за тем, чтобы проход не запечатали до того, как вы вернетесь. Во все остальные тонкости вас посвятят слевиты.

– Уже известно сколько у нас будет времени? – спросил Эмбер.

– Столько, сколько понадобится, – ответил серафим, на-

ливая себе чашку чая. – Время – моя забота.

– Один вопрос, – произнес Адольф, изящно устроившись в кресле.

– Ну? – Рэмол обернулся к нему.

– Мы сможем вернуться раньше, если что-то пойдет не так?

Учитывая особенности нашей компании, не так могло пойти много чего, от припадка Люциуса до Арланда, который может снова потеряться в видениях среди призраков.

– Если вы вернетесь ни с чем, то горные слевиты запечатывают ходы в подземелья Сливте-о-Тувь, чтобы дрянь оттуда не пошла дальше, – сказал Рэмол. – На поверхность при любых обстоятельствах вы выйдете только тогда, когда Эмбер будет готов к тому, что никто никогда больше не войдет и не выйдет из подземелий. Если же вы сможете очистить ходы и объяснить, как бороться со «злом», тогда под землей расцветут города, возможно, государства. Результат вашей экспедиции – это история. Вы можете повернуть ход событий, вашей заслугой может стать жизнь целой цивилизации, которая просуществовала веками, или же одна-две легенды о трагической смерти народа глубинных слевитов горной гряды Сливте-о-Тувь.

Больше никто ничего не говорил. Вскоре Юкка отправилась наверх. За ней последовали остальные, в том числе и мы с Арландом.

– Думаешь, в подземельях тебя не накроет видениями? –

спросила я, когда мы оказались в комнате инквизитора. Просторной, как всегда, с занавешенным окном и с собственной умывальной. Все вещи личного обихода здесь были вполне достойны графского поместья.

– Выпью что-нибудь и пройдет, – ответил Арланд, поспешно пытаясь прибраться. Он распахивал по ящикам комода оружие, мешки с какими-то порошками и бумаги... последние здесь были повсюду, даже на потолке.

– И здесь они тоже есть? – спросила я, оглядывая потрепанные стены дома. Сколько он пустовал, пока Рэмол его не купил?

– Нет. Я попросил их не заглядывать ко мне в комнату этой ночью, – выудив из ящика комода пыльную бутылку вина, Арланд поставил ее на высокий столик на колесиках.

– Даже так? – я улыбнулась, подглядев, что еще инквизитор выудил из своего огромного комода. Это были мои любимые конфеты.

Арланд подкатил поднос к кровати и сел возле меня.

– Скажи, а ты в самом деле заучиваешь слова моего мира? – я подвинулась поближе к инквизитору и схватилась за бутылку, но он у отнял ее у меня и стал открывать сам.

– Одной рукой ты, конечно же, откроешь, – Арланд кинул взгляд на мою подвязанную платком левую руку.

– Об этом я и хотела с тобой поговорить, когда перевела тему на твой словарный запас, – я села вплотную к Арланду и, дотянувшись до его уха, прошептала: – Я нашла дорогу

отсюда.

Первые секунды инквизитор сидел неподвижно и молчал, а потом медленно повернулся ко мне.

– Что ты сказала? Я не расслышал...

– Ты все верно расслышал, – я обняла его за шею и прижалась губами к уху. – В моей руке спрятан ключ к нашей свободе. Пришлось пойти на крайние меры, чтобы о нем никто не узнал, и поместить его между костей!

– То есть... что?... Я не понимаю!... – запаниковав, Арланд попытался выбраться из моих объятий, но я держала крепко.

– Не дергайся, тут наверняка даже у стен есть уши, – прошептала я, целуя его в висок. Он медленно отложил бутылку обратно на столик. – Главное: просто знай, что мы можем уйти отсюда, покончить со всеми этими прятками, начать новую жизнь... Мне нужно только найти способ, как открыть дверь именно на Землю!

– Но как?... – придя в себя, Арланд поддержал концерт и тоже зашептал, посадив меня к себе на колени.

– Однажды Райнар попросил меня забрать у одного торговца зелье, но что за зелье, не сказал... Торговец – его зовут Гренгаль – начал меня дразнить, говорил, что я никогда не узнаю, из чего сделано это его варево. Но, придя домой, я провела пару опытов и обнаружила, из чего оно – в его состав была какая-то железа из тела дракона. Я оставила себе немного, а потом, изучая ее свойства, придумала, как

сделать ключ. Я выплавил его из скорлупы яиц глубинного демона, помнишь его? Я боялась рассказывать тебе все это, пока не закончу опыты. Но теперь все готово, я все сделала, и ты должен знать, как... мало ли, что.

– Драконья железа в зелье? – Арланд посерьезнел, я по-прежнему сидела у него на коленях, в кольце его рук. – Черная и вязкая?

– Откуда ты знаешь? – насторожилась я.

– Я следил за тем, кому оно достанется, следил за домом Гренгалья. Я стоял в переулке и ждал «гонца», поймал того мальчишку, а потом появилась ты с Кречетом... Значит, ты несла зелье? Тебя я ждал?

– Выходит, что так, – проговорила я, догадавшись к чему он клонит. – Думаешь, Король Подземелий – это Райнар?

– Гренгаль служил Королю Подземелий, но он мог делать зелья и для других. Райнар был темным магом?

– Нет, самый обычный средней руки маг, – сказала я. – Но он отлично чувствовал себя на Черном Рынке, а зелье с драконьей железой на заработок кукольника не купишь. Это что-то да значит.

– Так или иначе, скоро мы все узнаем.

– А даже если нет, в любой момент мы сможем сбежать отсюда, – проговорила я, укладывая голову на плечо Арланда.

Инквизитор откупорил бутылку вина, и мы выпили на брудершафт – а в этот раз нам действительно было, за что

выпить!

После нескольких бокалов настроение значительно поднялось, а все проблемы были отложены как минимум до завтра.

Мы были вдвоем в нашей комнате, после пятимесячный разлуки, с твердой уверенностью в будущем. Казалось, ничто не может нас разлучить и что так будет всегда.

Старый особняк

На утро в голове слегка гудело, но было не до этого: мы проснулись в три часа дня. Было только два вопроса, о которых мы могли думать – почему нас никто не разбудил и как давно все ушли в подземелья без нас?

Чуть не прибив друг друга, мы с Арландом кое-как оделись в умывальной, покидали вещи в мою волшебную сумку и бегом спустились вниз по лестнице, топая, как стадо слонов.

Наши ошалелые рожи вызвали взрыв хохота у мирно сидящих за чайным столиком Дейкстера, Леопольда и Рэмола.

– Встали! Мы уже думали, вы залюбили друг друга до смерти, – сквозь смех сказал серафим. Я смутилась: похоже, надо было все-таки поставить на ночь купол тишины в комнате. – Куда собрались?

– Мы ведь должны были уходить сегодня, – сказал Арланд, непонимающе осматривая остальных.

– Пока вы никуда не пойдете, – вздохнул Рэмол, отсмеявшись. – Адольф не в порядке. У него началась преждевременная линька, – серафим кинул на меня многозначительный взгляд. – Он не может никуда идти, пока кожа не слезет.

– Вот черт! – в сердцах выругалась я. – Я ведь предупреждала его!...

– Значит, мы...

– Сидим дома и не высовываемся, пока Адольф не поправится. Занимайтесь, чем хотите, – сказал Рэмол и махнул рукой в сторону лестницы, мол, пойдите, переоденьтесь.

Нам с Арландом пришлось вернуться, сменить походную одежду на обычную, да и привести себя в человеческий вид.

Когда мы спустились, остальные все еще сидели за чаем.

– Сколько это продлится? – спросила я у Юкки.

– Неделю, может, немного больше, – ответила она. В голосе ланка ясно слышалось беспокойство. – Учитывая то, что у него проблемы с лицом, возможно понадобится помощь.

– Зачем ты вообще сделал это? – спросила я у Рэмолы. Другие тоже вопросительно уставились на серафима: похоже, этот вопрос давно всех волновал. – Неужели не мог вылечить его нормально?

– А ты могла бы его не калечить? – задал встречный вопрос серафим, раздраженно распушив перья. Его окружали осуждающие взгляды и ему это, видимо, не понравилось.

– Он пытался меня убить!

– А мне показалось забавным, что у него будет такого рода память обо мне! – серафим пожал плечами.

– Все никак не угомонишься, – проговорила Юкка, бросив на него осуждающий взгляд.

Она вдруг поднялась и ушла наверх с прямой, как палка, спиной.

Рэмол проводил ее обеспокоенным взглядом, но потом тряхнул головой и отвернулся, делая вид, что ему все равно.

Вдруг по пустому особняку прокатился гулкойм звон.

Все переглянулись.

– Кто-то ждет гостей? – удивленно спросил Рэмол. Все, как по команде, помотали головами. – Кого, интересно, сюда занесло? Леопольд, открой, будь добр.

Оборотень встал и пошел в прихожую, встречать таинственного гостя.

– Лео! Какой ты нарядный!

Пронзительный голос Рафнейрис заставил всех нас вздрогнуть, даже Эмбера, который не имел счастья быть знакомым с этой до смерти милой девушкой.

– Раф!?! – воскликнул Рэмол, поднявшись, когда она вошла в гостиную. – Какого ты тут делаешь!?

Как и всегда, она была роскошно одета и блистала улыбкой.

– Я пришла сообщить, что Кудеяр придет через пару дней, так что вам надо его подождать! – ответила она и в ее голосе было столько яда, что Адольф со своими клыками мог удавиться от зависти.

– Кудеяр не может!... – воскликнул серафим, но девушка перебила его.

– Кудеяр не может пропустить такие события, мы все это знаем! – заявила она. – Отец послал его на подвиги, а не мир посмотреть, и поэтому Кудеяр обязан участвовать в походе под землей!

– Он не сунется в эти пещеры! – крикнул Рэмол, в гне-

ве расправляя крылья, перья на которых топорщились, как у разъяренной птицы.

– Я уже написала матери и отцу, они приказывают тебе не мешать ему!

– Они слишком много о себе возомнили! Мне они приказывать не могут, и Кудеяр не...

– Могут, и ты сам это знаешь! – крикнула Раф и топнула ногой так, что плитка под ее каблуком раскололась. Воздух словно сгустился вокруг тонкой фигуры девушки, синие глаза горели. – Ты не имел права держать Кудеяра в неведении! Он с детства пытается доказать отцу, что достоин его, это мечта всей его жизни, а ты укрываешь от него такое событие!? Война между слевитами, болезнь младших нелюдей, море взбесившейся нечисти! Он уже на этом мог сделать себе имя и вернуться домой, но из-за тебя о нем могут даже не упомянуть в хрониках!

– Ты хочешь убить своего брата!? Под землей он...

– ...Прекрасно будет видеть тeneвым зрением, его тени заменят целую армию, а его способность управлять ветром может спасти всех от удушья. Он – незаменим в этом путешествии, и ему нужно там быть! И если он узнает, что от него все это скрывали, потому что «хотели защитить», он никогда этого не простит! Он и так в бешенстве из-за того, что ты молчал все это время и не дал ему участвовать с самого начала!

– Ты не понимаешь, что творишь, Раф, – Рэмол начал

говорить спокойнее, но его тон все равно походил на нотацию. – Неужели ты думаешь, что ты умнее меня и Истэки и можешь решать такие вопросы?

– Нет, не умнее. Но Истэка сказал, что ты дурак, и велел мне разобраться. Он, в отличие от тебя, верит в то, что мы с Кудеяром уже не маленькие дети!

– Вам по двадцать три года, Раф, конечно же вы дети! – воскликнул серафим. – Отпусти тебя к людям, ты и двух недель не проживешь своим трудом! Кудеяр до сих пор не заработал ни медной собаки!

– При чем здесь это вообще!? А ты сам когда последний раз принимал от кого-то плату за свою помощь!?

– Раф, сядь, зачем ссориться стоя? Я тебе чая налил, – Леопольд пригласил девушку за стол.

– Спасибо, Лео, – она ласково ему улыбнулась и села на указанное место, затем повернулась обратно к Рэмолу и продолжила, поменявшись в лице: – Так что, дядюшка, твоя забота уже переходит все границы, пора бы это признать. Кудеяр и я, мы любим тебя, и знаем, как многим тебе обязаны. Но тут дело касается чести. Кудеяр не может пропустить такое событие.

– Кто вообще разрешал Вольге воспитывать детей!?!... – серафим яро тряхнул крыльями и принялся ходить вдоль гостиной, буквально сверкая глазами. – Самого его никто никогда не заставлял совершать то, что он совершил, он был самым несносным царевичем до Войны Богов!...

– Леопольд, а что-нибудь к чаю есть? – громко спросила Раф у оборотня, давая понять Рэмолу, что разговор с ним окончен.

От такого неприкрытого хамства серафим взбесился еще сильнее, но это был вовсе не тот гнев, который проснулся в нем в роще кентавров. Его крылья сами собой начали бить воздух, и Рэмол поспешно покинул гостиную. Судя грохнувшей входной двери, он отправился летать на улицу.

– Миндальный пирог и немного печенья, – ответил Леопольд девушке, когда серафима уже не было в особняке.

– Можно мне и того, и другого?

Оборотень побежал за печеньем и пирогом для гостыи, а та тем временем завела разговор со мной.

– Бэйр, Дейкстр! Из-за своей крылатой вредины я с вами даже поздороваться не успела! Подумать только, дорогая, ты такая худая, совсем как тросточка! Ты что, совсем не ела все это время?

– Здравствуй, Раф. Нет, скорее меня совсем не кормили, – улыбнувшись, я обняла давнюю подругу, вдохнув приятный аромат ее духов. – Давно о тебе не было слышно. Как ты? И что там про Кудеяра?

– Как я? – она усмехнулась. – Да вот... путешествую. Истэка без Рэми совсем заскучал, закрыл иллюзией свои крылья и отправился по людским городам вспоминать молодость. Они когда расстаются, бог весть что творят! Рэми вот нашел себе какую-то войну, а Истэка совсем от рук отбился! Я да-

же не знала, где он все это время был! Пил, сорил деньгами, ходил по женщинам, устроил в Финье какой-то орден демонапоклонников... развлекается, как может, в общем, – Раф взмахнула рукой, как будто изображая Истэку, махнувшего рукой на все принципы, навязанные ему братом. – Я поначалу сидела одна в тереме, потом отыскала Кудеяра, побродила немного с ним: он тоже сидел в Финье, жарился на солнце и ворчал на людей – как и всегда. Как-то мы болтали в очередном трактире, и я вдруг поняла, что до него не дошли слухи о войне слевитов! Я сразу поняла, что это не спроста: он бы непременно узнал о таком событии, если бы ему не мешали. Наверняка Рэми опять закрыл все каналы! Естественно, так это все оставить было нельзя. Я рассказала все Кудеяру и написала родителям и Мартину, а дальше все само собой решилось. Они выудили Истэку из загула и сейчас держат на Охмараге, а с Рэмом будут разбираться позже.

– Не думала, что твои родители настолько могущественны, что могут вытащить из загула Истэку... – мне страшно было представить, как выглядел загул могущественнейшего демона-серафима, но еще страшнее было представить методы, которыми его можно было остановить.

– Ну, они только разрешили Кудеяру участвовать, а с Истэкой разобрался Мартин. У него свои методы! – Раф невесело улыбнулась. Перебегая взглядом с лица на лицо, она вдруг увидела Арланда.

Заметив инквизитора, Раф долго его рассматривала. Я по-

думала, что она его не узнает, но она, как ни странно, догадалась, кто перед ней.

– Знаешь, Арланд, а ты так до страшного похож на Мартина, – заметила она. – Ты словно его сын.

– Сомневаюсь, – усмехнулся тот.

– А тебе, Бэйр, так больше нравится?

Я мотнула головой, виновато улыбнувшись Арланду.

– Попросите Рэми, они с Истэкой поменяли расцветку друг друга даже после переселения, – предложила она. – С этой черной бородой ты совсем злой!

– Обойдусь без помощи Рэма, – невесело усмехнулся Арланд. – После того, что он натворил с Адольфом...

– А что с ним?

Мы рассказали ей про двухцветную чешую, волосы и глаза.

– У него началась преждевременная линька, так что он сидит в своей комнате. Только поэтому мы все еще здесь: иначе бы уже были в подземельях.

– Оу... Бедолага! – жалостливо протянула девушка. – Это у них так ужасно проходит!

– А тебе откуда знать? – удивилась я.

– Когда Юкка начала линять, у нас весь дом был в золотой чешуе: у нее кожа какая-то странная, не лезет, а сыпется. Забавы ради я подмела и продала все это торговцу, как золотой песок. Купил, представляешь!

Слово за слово, Леопольд принес пирог и печенье, до-

лил всем чаю, и разговор потек в русле дружеской беседы. Дейкстр, не проронивший за все время ни слова, вскоре ушел из гостиной, и остались только мы вчетвером.

Закрыв тему линьки ланков, которая была причиной нашей задержки, – словно сама судьба вмешалась, заставив нас остаться и дожидаться Кудеяра, – мы переключились на Леопольда.

Раф хотела знать все, а когда услышала, что Лео играл в ее любимом театре, была в не себя от любопытства. Она требовала каждую подробность, а оборотень, почуяв свободные уши, готовые восхищаться, принялся описывать свои будни на сцене. Пока он рассказывал, девушка сидела, опершись щекой на кулак, и откровенно любовалась нашим красавцем.

О себе Рафнейрис рассказала немного. Но одно я поняла – они с Истэкой ничуть не волновались о нелюдях и о войне слевитов. Словно это все была очередная игрушка для Рэмола, а не проблема мирового масштаба. Мне было странно слышать такое – моя собственная жизнь встала вверх ногами из-за этих событий! И тысячи других жизней тоже.

Я невольно задумалась о том, как часто какие-то вещи происходят совсем рядом, но не касаются меня, и потому кажутся пустяками. Было удивительно понять, что мои проблемы, которые казались настоящим концом света, совсем не волнуют тех, кто живет буквально в неделе пути.

Однако, тем приятнее мне было говорить с Раф: она словно пришла из другого мира, веселого и спокойного, где все

хорошо! Я была только рада окунуться в туда вместе с ней.

Мы много говорили о Кудеяре, Арланд, который его не видел, но наслушался от меня всякого, с интересом следил за беседой.

Царевич, о котором я уже почти два года ничего не слышала, все это время бродил по Тангейю, убивая бешеных монстров. Потом пришли рыцари ордена Черного Дракона и вежливо попросили его не отнимать у них работу. Выгнать царевича Охмараги из страны – это дело непростое, но рыцари нашли выход: они устроили Кудеяру оплачиваемый отпуск на пляжах солнечной Финьи, мол, за неоценимую помощь Ордену. В Финье царевич упорно искал хоть мало-мальски серьезное зло, достойное своих подвигов, но ничего, кроме борделей и новых видов выпивки, не обнаружил, хотя и с найденным боролся без устали известным способом. Заскучав от загулов, царевич устроился было частным преподавателем для детей из богатых семей, которые мечтали отдать чадушек в лучшую магическую академию Тангея. Но стоило царской чете Охмараги узнать, что их сын взялся за такое неблагородное занятие, репетиторство тут же пришлось прекратить. Затем появилась Раф и вестью о войне развеяла тоску Кудеяра, страдающего на золотистых пляжах с коктейлями и девушками.

Царевич был в пути уже вторую неделю и должен был прибыть со дня на день.

Подходило время ужина, мы все переместились на кухню,

где Лео мог готовить, не прекращая болтать с нами.

Раф хотела побольше узнать о событиях под землей, и мы с Арландом, не видя причин скрывать от нее что-либо, рассказали все, что знали.

Видимо, до сих пор Раф слышала только о тех войнах, которые уже закончились. Девушка, с такой гордостью говорившая о том, скольких прикончила на войне ее мать, заметно побледнела и заволновалась, когда Арланд рассказ о небольших стычках, в которых далеко не каждый раз были погибшие.

– А что с твоей рукой, Бэйр? – спросила она, переводя тему, когда Арланд начал говорить о том, чем занимался Адольф.

– Я сломала ее два месяца назад, и кости плохо срослись, – ответила я, лучше закрывая руку платком.

– И ты что, так отправишься в подземелья? Почему Рэми тебя не вылечит!? Что у него с головой!? В последнее время у него там завелось что-то похуже ветра!... – возмутилась Рафнейрис.

– Я боюсь, что если ее что-то коснется, могут пропасть способности, которые я развила в лесу, – объяснила я. Я придумала эту отговорку сразу после того, как кентавры стали намекать на то, что руку надо сломать еще раз, потому что, как они решили, раз я не могу ей двигать, кости неправильно срастаются.

Разумеется, Рэмол бы в этот бред не поверил: он меня уже лечил и никакие способности не пропали. Однако, серафим

действительно был настолько рассеян, что не обратил особого внимания на мою неподвижную руку. Я не прятала ее под шиной и старалась не волочить за телом, так что, если не знать, куда смотреть, можно и не заметить, что что-то не так.

А вот Раф мне поверила.

– Ах... бедняжка, – девушка прикрыла темные губы ладонью. – Это же ужасно, ты покалечилась и даже не можешь вылечиться!

– На самом деле это не так плохо, все меня жалеют и заботятся больше, чем обычно! – я ухмыльнулась и показала на свой кусок пирога, который был больше, чем у остальных. – К тому же, я могу управлять силами в ней, а это главное.

– Похвальное самопожертвование, – в кухню вошел Эмбер, неизвестно, где пропадавший весь день. – Не каждый смог бы так просто воспринять травму и отказаться от лечения во имя общего блага.

– А кто сказал, что мне самой не нужны мои силы больше, чем мое здоровье? – я удивленно повернулась к нему.

– Она скромная, – пояснил Леопольд, колдующий у плиты. – И очень невежливая! – добавил он, когда я шутки ради пихнула его локтем чуть пониже спины.

– Ясно, – Эмбер качнул рогатой головой, налил себе чая и удалился.

Вечером к нам спустилась Юкка и сказала, что Адольфу гораздо хуже, чем при обычной линьке. Ослабленный организм вспомнил старую детскую болезнь, и змей не может

встать с кровати.

Рафнейрис, услышав это, заторопилась к себе, сказав, что сегодня телепортами обскакала почти весь материк и сильно устала.

Люциуса я не видела весь день, но ему наверняка было, чем заняться. Я сильно подозревала, что он, узнав о внеплановом отдыхе, мог отправиться в город, чтобы навестить Люську. Очень сомневаюсь, что его чувства испарились только из-за появления Рэмола.

Серафим не вернулся к ужину, и это, судя по тому, что никто о нем даже не спросил, было нормально.

– Когда разозлится, он может летать сутками... Он проходил в небе по нескольку лет, ни разу не спустившись на землю, когда был при своем боге. Небо его родной дом, – объяснила мне Раф.

После ужина, который закончился около десяти вечера, мы все разошлись по комнатам. Арланд пытался расспросить меня о кинжале, но я, как бы мне самой не хотелось исследовать его возможности, не могла ничего сказать. Все-таки это было слишком опасно здесь, где к нам в любой момент могли постучать, подслушать, да и просто заподозрить неладное по ощутимым колебаниям в пространстве.

Мы легли спать около полуночи, и я почти сразу же уснула. Точно помню, что мне снилось чудовище из подвалов поместья Сеймуров. Оно не нападало на меня, не гналось и не пыталось убить. Перед моим взором проходила его жизнь,

бесконечный путь по лабиринтам подвалов, редкие запахи, еще более редкие эмоции.

Видение было тяжелым, оно давило и вытягивало силы, я проснулась с таким чувством, будто во сне ко мне прицепился вампир. Правда, несмотря на чувство опустошенности, спать мне больше не хотелось. Бессонница погнала меня вон из постели.

Арланд спал крепко, как ребенок, обняв мою подушку и прижавшись носом к моему плечу. Мне не хотелось его будить, поэтому я осторожно подсунула ему под нос другую подушку.

Кречет, лежавший у кровати, заботливо лизнул меня в пятку, когда я вставала, а потом поднялся и поковылял за мной.

– Почему бы не поиграть в лунатиков? – тихо спросила я у пса, зажигая яркий огонек на пальце, как на зажигалке. – Прогуляемся на кухню, пополним силы, а потом в библиотеку, посмотрим над чем там целыми днями пылится Эмбер! Вдруг что-то интересное?

Пес согласно фыркнул и, потянувшись, первый пошел к двери.

Натянув на ноги мягкие шерстяные носки и накинув на плечи теплый махровый халат Арланда, я вышла из комнаты.

В особняке все спали, царил абсолютная тишина, в которой был слышен каждый шорох. Я шла по коридору, ощущая себя старым приведением. Это показалось мне забавным, и я

стала кружиться, размахивая полами халата: как же приятно было подурачиться, пока никто не видит!

Мое веселье прервал тихий звук, которого днем я бы и не услышала. Впереди меня тихо открылась дверь.

Застыв, я приглушила огонек, но гасить совсем не стала. Я находилась за поворотом и могла вжаться в стену так, чтобы меня не заметили, а я видела все.

На самом деле я не собиралась подслушивать или подглядывать, все это произошло слишком быстро, а реакция последовала сама собой.

В коридор из комнаты выбежала Раф, я узнала ее по темным волосам. Она закрыла дверь судорожным движением, как будто хотела хлопнуть ей, но вовремя вспомнила, что нельзя шуметь, иначе можно перебудить всех эхом.

Девушка ссутулилась и опустила голову, прислонилась к двери спиной. Ее плечи, едва прикрытые легким халатом, задрожали, она обхватила себя руками и медленно опустилась на колени, склоняя голову еще ниже, так, что волосы закрыли лицо. Я не сразу поняла, что она плачет: она не издала ни единого звука.

Я думала подойти и утешить ее, но, когда мне в голову пришла эта мысль, Раф поднялась и быстро побежала через коридор, запахнувшись в свой халат.

Она пронеслась мимо меня, даже не заметив, и скрылась за другой дверью. Я услышала только шлепки голых ног по полу.

– И что это было? – спросила я у Кречета, который недоуменно смотрел на дверь, за которой скрылась девушка.

Я взглянула на ту, первую дверцу, и неожиданно вспомнила, что это комната Адольфа.

– Дела... что же у них такое произошло? – спросила я у пса. Он посмотрел на меня своими умными глазами, а потом опустил голову. – Ты прав, это не наше дело.

Я поспешила убраться на первый этаж, пока не наткнулась еще на кого-нибудь. Чем меньше я буду знать о других, тем больше смогу думать о своих проблемах – а у меня их хватает.

Постепенно остужая любопытство такими мыслями, я добралась до кухни, где мы с Кречетом перекусили остатками ужина, найденными в погребе.

После я, как и планировала, отправилась в библиотеку, и верный пес последовал за мной.

Я зажгла под потолком светящийся шар и стала изучать книги, расставленные на длинных полках десятков стеллажей. Все издания были новые, возможно, их сюда принесли специально. По большей части труды по истории слевитов и их культуре.

Меня заинтересовали две тонкие книжечки про рунные обереги слевитов и, взяв их, я отправилась за стол, который стоял в самом дальнем углу.

Выхватив из большого кармана на халате дневник Маггорта, я принялась за работу.

Новые символы, преобразующие энергию, были для меня весьма кстати. Никто не знает, будет ли моя магия работать на Земле, а вот руны будут работать везде: для них не нужна магии, достаточно чистой энергии, которая найдется в любом мире.

Чем больше я читала и выписывала, тем больше увлекалась.

Я уже исписала около пятидесяти страниц и дошла до конца второй книги – остался многообещающий «эпилог», – когда надо мной неожиданно раздался голос Эмбера.

– Рунная магия – странная вещь. Я так и не понял ее, – признался он, садясь напротив меня. – Почему она тебя заинтересовала?

– Потому что бессонница, – ответила я, с трудом отрываясь от работы и вспоминая об окружающем мире.

Только вернувшись со страниц в реальность, я поняла, как зверски у меня болят глаза. Они отказывались нормально видеть, поэтому я зажмурилась и закрыла их ладонями. Сам собой вырвался долгий зевок.

– Уже четыре утра, – заметил дракон. – Ты что, работала всю ночь?

– Кажется, да, – кивнула я и незаметно сунула тетрадь Маггорга обратно в широкий карман халата. Незачем Эмберу ее видеть. – А почему вы здесь?

– Предлагаю на «ты», – предложил дракон. – Я и не уходил отсюда.

– Любишь читать?

– Хах, нет, не сказал бы! – он помотал головой, и вместе с кудрями на ней запрыгали рога. Выражение моего лица при этом зрелище было неуправляемо и соответствовало всем моим ощущениям. И мне даже не было стыдно. – Рэмол попросил меня изучить слевитов, чтобы хоть кто-то из нас знал их обычаи. Я и изучаю. А еще эта библиотека кажется мне самым уютным местом в особняке, так что это моя комната. Я тут сплю.

– Оу... так я тебя разбудила? Прости, я не знала, – я встала, чтобы уйти, но Эмбер меня остановил.

– Подожди, я не спал. Обычно я сплю днем, а ночью работаю. Мало кто знает, но драконы – это ночные существа.

– Так вот почему я не видела тебя вчера, – догадалась я.

– Да, я уснул после завтрака. У нас с тобой так и не выдалось возможности поговорить, – он кивнул. – Мне описывали тебя весьма... разносторонне.

– Я догадываюсь, чего обо мне могли наболтать, – я улыбнулась. – Но ты, наверное, понял, из всех здесь присутствующих верить можно только Леопольду.

Полу-дракон оценил шутку и улыбнулся: Леопольд никогда ни о ком не говорит плохого. Уверена, он даже для самого злобного существа на Скаханне нашел бы пару теплых слов.

– Рэмол рассказывал мне о твоей цели, – вдруг сказал Эмбер. – Ты ищешь старшего дракона, чтобы узнать о путешествиях между мирами. И еще можешь помочь Исавелле, ес-

ли она заразилась.

– Думаю, я в самом деле смогу ей помочь, – кивнула я. – Истэка говорил, что старшие могут перемещаться между мирами, и, если она поможет мне вернуться в мой, это... это будет здорово.

– Старшие действительно могут делать это, – ответил Эмбер. – Я сам еще не путешествовал, но точно знаю, что могу, хотя я и не рожденный дракон.

– А как?... Мне сложно даже представить, как это возможно! – я постаралась сделать удивленно-восторженные глаза и, наверное, у меня получилось. Эмбер бросил на меня удивленный взгляд, поежился, как будто ему было неуютно на своем месте, и начал рассказывать.

– Насколько я знаю, большинство драконов путешествует через мировые океаны, так они их называют. В глубинах, на самом дне почти везде есть открытые двери, через которые проплывают драконы из всех миров. Это как бесконечный подводный лабиринт! Не вылезая на поверхность, сам того не зная, проплываешь через дверь, и оказываешься уже в другом мире... Это удивительно. При этом никто точно не знает, из какого мира пришли сами драконы, но известно, что они есть везде, где существует жизнь. А где жизни нет... такие миры найти сложно, но если дракон их найдет, то непременно заселит его целым народом. Говорят, что именно так появился Скаханн. Его первые обитатели, скахтьярны, были принесены сюда драконами из друго-

го, разрушившегося мира, о котором ничего неизвестно. С остальными расами то же самое.

– То есть, двери в другие миры открываются только под водой!? – это было единственное и самое важное, что я услышала. Не могло не насторожить то, что первая дверь, которую я открыла, вела под воду, и еще этот рассказ... если это так, то все пропало!

– Нет, дверь можно открыть куда угодно. Ведь не все драконы могут обходиться без воздуха, – успокоил меня Эмбер. Наверное, он удивился моей реакции, но мне было все равно: у меня на этот миг все планы рухнули. – Но как именно драконы это делают, я не знаю. Мне не удалось встретить ни одного за время путешествий, а сам я не пробовал использовать свои возможности, только телепорты в этом мире. Такие опыты не безопасны, если не знаешь, что делаешь. Исавелла, когда я найду ее, научит меня всему, и тогда я обязательно перемещу вас с Арландом в другой мир. Я обещаю тебе это.

– Я не знаю, что и сказать... Спасибо!

– Это мне стоит благодарить, – возразил Эмбер. – Конечно, Рэмол добился того, чтобы никто из вас не посмел отказаться, но все же вы рискуете жизнями ради меня и Исавеллы, хотя не знаете ни меня, ни ее. Не описать, как я благодарен всем вам.

Не зная, как еще ответить на эти слова, я кивнула.

Почувствовав, что совсем засыпаю, я попрощалась с Эмбером и отправилась к себе. Грохнувшись в постель, я от-

ключилась до двух дня, а потом еще час просто валялась в одеялах, вне себя от счастья, что сплю не на вонючей шкуре.

Арланд, который уже давно встал и не решался разбудить меня, вошел в комнату и рассказал мне о том, что происходит в особняке.

Главной новостью дня стало письмо Кудеяра, который обещал приехать через шестеро суток, – из-за Мафусаила, которого не брали ни на один транспорт, ему приходилось передвигаться поездами и кораблями с большими остановками, чтобы ящер мог его догнать... в остальном полное затишье.

Все жители особняка отдыхали, набираясь сил перед предстоящим путешествием. Ели, готовили, читали, иногда собирались в гостиной чтобы поболтать и поиграть в карты.

Рэмол вернулся через пару дней, весь грязный и мокрый. Выглядел он так, как будто все это время шатался в глухому лесу без еды и воды и не мог выбраться. Однако, похоже, это был его образ жизни: налетаться до полного изнеможения, а потом валяться целыми днями на диване и ничего не делать. Бедная Юкка носилась между ним и Адольфом, как сестра милосердия, но мне показалось, что ей эта новая роль даже нравится.

Раф, как и в тереме, почти все время проводила с Леопольдом, занимаясь хозяйством – оба они считали это своей обязанностью. Я иногда сидела с ними, иногда забиралась в библиотеку к Эмберу, но больше всего проводила времени

с Арландом.

Как-то болтая с Рэмолом я в шутку сказала о том, что совершенно не узнаю своего мужа, просыпаясь по утрам: мол, где мой северный граф, откуда взялся этот заросший тангеец!? Тогда серафим неожиданно предложил свою помощь. Арланд долго отказывался, хотя я знала, что ему нравилась та внешность, которая приближает его к родным, а не странная расцветка, которую он принял после встречи с Хранителем. В конце концов, после того, как Рэмол обещал обойтись без шуточек, инквизитор согласился.

Коротко остриженный, Арланд все равно не был похож на себя прежнего, но его брови и ресницы стали коричневыми, а борода из черной обрела платиновый оттенок. Теперь он не выглядел так, будто специально разукрашивает лицо углем, но зато лицо стало смотреться добрее.

Большую часть времени мы с ним сидели в комнате или гуляли по лесу вокруг особняка, без конца рассказывая друг другу о том, что с нами происходило за месяцы разлуки: сколько мы ни говорили, всегда вспоминались какие-нибудь подробности или забавные случаи. Я до скончания вечности могла описывать опостылевших кентавров, а он делился впечатлениями о наемничьей жизни, о людях, которых встретил в гарнизоне.

Слевиты из Сливте-о-Тувь, что высокогорные, что глубинные, не были воинами, скорее торговцами. Потому в оба лагеря набралось достаточно бродячих воинов, польстив-

шихся на горное золото.

Еще я рассказывала Арланду о своем мире. Теперь это была наша любимая тема, мы словно уже были там, на мирной Земле, далеко-далеко от всех этих сумасшедших нелюдей.

Я понятия не имела, как и когда мы там окажемся, куда нас выкинет портал, не представляла, что буду делать без документов. Оставалось только надеяться, что я сохраню хотя бы частицу прежних способностей, ведь кроме как колдовать я ничего больше не умею. Однако, все это неважные мелочи. Вместе мы уж точно со всем должны справиться!

– Я слышал, что ты представилась Эмберу как Бэйр Сеймур... – говорил Арланд, когда мы в очередной раз гуляли по лесу. Инквизитор вспомнил, что хотел показать одно заброшенный сад с фонтаном. Это было единственное место, не заросшее лесом, которое не было видно из окон особняка. Слышно, кстати, оттуда тоже ничего не было.

Арланд говорил, что Рэмол с Южкой частенько прятались там ото всех.

– Ну, а что мне остается? – вздохнула я. – Бэйр, ведьма с Великих Равнин Сеймур звучит странно. Да и кому нужны эти равнины? Пусть сразу думают, что графиня!

– Если бы Мевы узнала, ее дух являлся бы ко мне во снах, – усмехнулся Арланд. – Хотя, честно говоря, я скучаю по ней. Она была мне как бабушка, несмотря на то, что в детстве я... был странным.

– Мне она тоже нравилась, – согласилась я.

Мы прошли сквозь запущенную аллею и пробирались по лабиринту, который каким-то чудом еще не зарос. Наконец, мы вышли в самый его центр.

Тут и в самом деле было чудесно! Белый мраморный фонтан, увитый дикими розами, и неподалеку некогда белая беседка, словно созданная для романтических поцелуев.

Я улыбнулась: похоже, разлука творит чудеса! До расставания Арланд никогда не отличался красивыми ухаживаниями, а тут вон вино с конфетами и такое место, словно из сказок для девочек... я тоже все это не особенно любила, но теперь как никогда хотелось поиграть в типичную парочку влюбленных.

Крепче прихватив корзиночку со всякой вкуснятиной, которую купила еще в городе, я в предвкушении двинулась к беседке.

Однако, когда мы приблизилась, оказалось, что место уже занято. От изумления мы с Арландом даже сказать ничего не могли, застыли, словно два истукана!

Леопольд стоял там в обнимку с Рафнейрис, его руки комкали изящное платье, исследуя фигуру девушки, Раф ерошила оборотню волосы, высвободив их из заколок. Они даже не целовались, а просто пожирали друг друга.

– Леопольд! – воскликнула я, отойдя от шока.

Услышав нас, Лео вскинулся, как облитая водой кошка, и отпрянул от девушки.

– Вы совсем ума лишились!? – крикнула я, возмущенно

глядя на этих двоих. – Если Рэмол узнает, он пришьет вас обоих!

Оборотень нахмурился и посмотрел на Рафнейрис. Та мгновенно исчезла. Сам Лео стал птицей и упорхнул куда-то.

– Кошмар какой-то... так и знала, что надо держать его подальше от этой бестии! – проговорила я, подходя к столику внутри беседке и ставя туда корзину. От увиденного сердце все еще колотилось, я никак не могла понять, как реагировать.

– Надо поговорить с ним, – согласился Арланд. Ему я уже давно рассказала об истинной сущности Рафнейрис, и его увиденное встревожило не меньше меня.

– Я тоже попробую вразумить его, – вздохнула я, принимаясь грызть сырное печенье. – Он же не может не понимать, что просто не может... не может этого сделать!

Всю романтику как рукой сняло, и мы просто сидели у разбитой беседки и смотрели на высохший фонтан, пока еда в корзине не кончилась.

Весь оставшийся день я пыталась улучшить момент и поговорить с Леопольдом наедине, но он как специально прятался за спинами жильцов! То он болтал с Эмбером о чудовищно важном влиянии охмаражский специй на кухню Финьи, то зачем-то приставал к Юкке и Рэмолу с игрой в карты, то кормил Дейкстера... Раф нигде не было, так что с ней я тоже не могла поговорить.

Только через пару дней я смогу застать Леопольда одно-

го. Он убирался в гостиную после ужина, и я вызвалась ему помочь. Оборотень всеми силами пытался заставить кого-то еще помочь, но меня спасла всеобщая лень жильцом особняка.

– Уже шесть дней прошло с тех пор, как у Адольфа началась линька, – заметила я, делая вид, что пришла на кухню за добавкой. – Юкка говорит, ему лучше, со дня на день выйдет из комнаты. Скоро нам все же придется отправиться вниз. Ты готов?

– Не знаю, – пожал плечами Лео, завязывая фартук для мытья посуды. – Раньше я хотел туда, но сейчас... сейчас мне скорее некуда больше деваться.

– Все дело в Раф? – осторожно спросила я, закончив вытирать со стола. Поставив последнюю чашку на поднос с грязной посудой, я отдала его Лео. Мы вместе пошли на кухню.

– Она заносчивая и глупая девчонка, – вдруг заявил оборотень, зло кинув посуду в таз для мытья. – Никак не могу понять, чего она от меня хочет!... Была такой милой, потом заманила меня в ту беседку, а теперь перестала со мной разговаривать! Будто ничего и не было!

– Я думаю, тебе не стоит воспринимать все так близко к сердцу... ты ведь знаешь, какой ты влюбчивый. Рафнейрис скорее всего совсем иначе восприняла это: она просто играет.

– Она очень красивая, – задумчиво проговорил оборотень, натирал щеткой сковороду. – Гораздо красивее Шар-

лотты. И еще очень умная. Умнее, чем все знакомые мне девушки кроме тебя... и умнее, чем я.

– Она старше тебя на три года, конечно, она кажется тебе умнее!

– Ну и что? Это совсем неважно!

– Еще как важно!

– А еще знаешь, что в ней такого? – проговорил оборотень, пропустив мои слова мимо ушей. Он отпрянул от таза и встал передо мной, указав на свои клыки. – Еще у нее зубы, как у меня! Клыки немного длиннее, чем у людей, и острее. Она... похожа на меня.

– Лео...

– Правда! – воскликнул оборотень, не дав мне договорить. – Ты видела портрет ее матери? Она – повелитель теней, как и моя мать. Только моя полукровка. Что если Раф не просто так на нее похожа? Вдруг она такая же, как и я?

– Леопольд, она совсем точно не такая, как ты...

– Какая разница, откуда ее душа? – Леопольд снова меня перебил и заговорил, яро жестикулируя. Так-так, похоже, он тоже уже знает. – Арланд, если так подумать, тоже не человек, это не мешало тебе выйти за него! Он выглядит, как человек, и тебе этого достаточно. А Раф выглядит, как повелительница теней, только без длинных ушей и с чуть более круглыми глазами. Она выглядит, как я. У нее даже цвет глаз такой же яркий и такая же бледная кожа!

– Аленика не ее мать, Леопольд! Мы с тобой понятия не

имеем, как она появилась. Даже если она похожа на тебя, то что теперь? Лео, пойми, тебе нельзя даже думать о ней! Откуда ты знаешь, что она делает на земле и как скоро уйдет отсюда? А даже если она останется, она ведь царица, у которой есть две опаснейшие крылатые няньки и дядюшка патриарх, который голову отгрызет любому, кто покусится на последнюю богиню! Если не они тебя прикончат, то это будет Кудеяр! И даже если ты договоришься этими четырьмя, то подумай о ее отце, он же просто разорвет тебя на части – буквально! Тебе стоит поразмыслить об этом и постараться не терять голову...

– А если я уже потерял? – Леопольд взлохматил свои волосы и ожесточенно посмотрел на меня. – Что мне с этим делать!? Этот дурацкий поцелуй словно проклятие, постоянно преследует меня... даже во снах!

– Это бывает у всех мужчин и обычно быстро проходит... ты найдешь кого-нибудь получше и забудешь Раф.

– У меня такого еще никогда не было! – возразил оборотень, усевшись на стул и не глядя наливая себе чая, который я по его немой просьбе подогрела. Я и себе налила. – Мысли о ней заставляют меня дрожать всем телом... и я знаю, что это не пройдет. Я никогда не найду такую, как она, никогда не избавлюсь от этого, никогда не смогу отвлечься и забыть ее... Потому что я... я... я...

– Что с тобой такое? – я коснулась плеча разволновавшегося оборотня. Было похоже на припадок, которые случались

у него после ухода их поместья. Неужели опять началось?...

– Потому что она всегда будет рядом со мной! Я не говорил тебе, но я буду жить рядом с ее семьей после того, как вернусь из подземелий! – воскликнул он, вскакивая со стула и сжимая меня в объятиях. – Рэмол сказал, что, если я помогу Эмберу, он устроит меня на кухню царя Охмараги! Я буду жить во дворце и готовить для семьи повелителей...

– Что!? – я отпрянула от оборотня, не веря своим ушам. – Что ты сказал?...

– Рэмол обещал, что, если я помогу Эмберу, он устроит меня во дворец... я буду жить на Охмараге, – повторил Леопольд, смотря на меня так, как будто признается в тяжком преступлении.

– И ты согласился!?...

– Да... Бэйр, пойми, я не мог отказаться! Я жил с людьми и понял, что не смогу так. Я нелюдь, меня не воспринимают иначе, как красивую куклу и диковинную зверушку, они никогда не будут ценить меня за мои таланты, только за внешность! А на Охмараге... там есть сенари тени, они выглядят так же, как и я... только с длинными ушами! – он попытался растянуть свои уши, чтобы показать наглядно. – Рэмол говорил, что все они рано седеют, даже многие дети рождаются с серыми волосами... и глаза у них, как у меня. Там я не буду выделяться, я буду своим среди них. Понимаешь, Бэйр? Я бы очень хотел остаться с тобой, но у вас с Арландом своя семья и я в ней уже лишний, а там я смогу найти свое место. Моя

мать, хотя и была полукровкой, предпочла прятаться среди людей, а ведь давно могла уехать. После Войны Богов всех оставшихся скахтьярнов призвали подчиниться Святым Огням! Но ее тут держала любовь к моему отцу, а меня тут ничто не держит. Прошу, пойми меня и... не смотри на меня так!...

Я молча стояла напротив Лео и слова не могла вымолвить. Только сейчас я поняла, что на самом деле творилось все это время в его душе после разрыва с Шарлоттой. Кажется, именно тогда он понял, что все его прежние мечты о людях несбыточны, что он не сможет нормально жить среди них, что рано или поздно ему придется уйти к другим расам.

– Лео... – наконец, я совладала с собой, и смогла говорить. – Прости меня! Я должна была догадаться, чем все обернется, что так получится... Я так виновата перед тобой! Я должна была предвидеть!...

– Так ты не злишься на меня? – лицо оборотня прояснилось, он встал навстречу ко мне.

– Конечно, нет!... Ты наверное, так мучился в городе, а я и не подозревала! Ведь ты никогда не жаловался, я даже думала, что ты счастлив!

– Ты ни в чем не виновата, мне правда было хорошо... только это хорошо никогда не могло быть по-настоящему хорошо с людьми, – ответил Лео.

Поддавшись чувствам, я подошла к нему и крепко обняла, едва сдерживая набегающие на глаза крупные слезы.

– Ты совсем взрослый, начинаешь свою собственную жизнь... это нормально, но я плачу, черт возьми!... После этой экспедиции мы никогда больше не увидимся!...

– Почему? Ты сможешь приезжать ко мне, и я буду навещать тебя и родителей на материке!

– Нет, не сможешь... Мы с Арландом... мы будем слишком далеко, никто не сможет до нас добраться. Совсем никто, – тихо ответила я, прижимаясь лицом к мягкой жилетке оборотня. – И это уже точно.

– То есть... Эмбер пообещал тебе!? – оборотень мгновенно все понял.

– Да, – я кивнула. – Он обещал, что поможет нам попасть на Землю.

– Бэйр, я буду так скучать!... – воскликнул Леопольд, разглядывая мое лицо. – Но вы ведь вернетесь когда-нибудь, правда? Не может быть такого, что я никогда не увижу ни тебя, ни брата!

– Я не знаю, Лео... совсем не знаю.

– Это хотя бы не твердое «нет»... – вздохнул оборотень и крепче сжал меня в объятиях. – Я хочу верить, что мы еще обязательно встретимся после похода. Иначе и быть не может!

Наобнимавшись и наплакавшись о предстоящей разлуке, мы забросили дела и сели пить чай с успокоительными травами. Оба мы были на взводе и у обоих слезы то и дело набегали на глаза.

– И все-таки я боюсь, что не выдержу... – вздохнул Лео после третьей чашки. Я приготовилась выслушать его, чтобы хоть немного отвлечься от грустной темы разлуки. – Рэмол говорил, что у Раф на материке слишком много соблазнов, к тому же она скучает по семье, так что она переедет на Охмарагу и будет жить во дворце, совсем рядом со мной. Я каждый день буду ее видеть, каждый день буду готовить, зная, что готовлю для нее... я не вынесу этого!

– Там тебе никто не даст за ней ухаживать и все пройдет, – предположила я, сжимая его руку.

– Да кто вообще на всем свете может помешать мне сделать что-то, что я хочу? – он насмешливо посмотрел на меня. Я поняла, что сказала глупость. – Никто не станет гонять кошек из ее покоев, чтобы они не ложились рядом на ее кровати, или вылавливать птиц из садов, чтобы они не пели ей...

– Главное, чтобы ты не оказался в ее спальне будучи собой, а остальное не так страшно, – я устало улыбнулась. Эта проблема казалась уже и вовсе не проблемой по сравнению с тем, что я никогда больше не встречу с Леопольдом. Я могла пережить разлуку с Дейкстером, могла попрощаться с Кудеяром, Люциусом, но Лео был мне уже гораздо ближе, чем просто друг. Он был для меня не меньше, чем родной брат!

– Ты не понимаешь. Я не *этого* боюсь, – Лео нахмурился. – Я боюсь, что сделаю глупость и попрошу ее руки у царя...

– Вы же всего лишь один раз поцеловались!... Не говори глупостей.

– Этого было вполне достаточно, чтобы я все понял! – заявил оборотень. Он, в отличие от меня, смог быстро отвлечься от грустных мыслей, и теперь снова думал только о своем новом увлечении. – Я чувствую, что мы с ней очень похожи, и это не просто так... я хочу, чтобы она стала моей женой, и все равно, что она царица, а я поваренок из подземелий!

– Иди спать, Лео, – я встала, обняла его за плечи и мягко подтолкнула к двери. – Тебе определенно нужно хорошенько отдохнуть, потому что ты несешь какой-то сказочный бред, похожий на те пьесы, которых ты переиграл в том ужасном театре. Я домою посуду.

– Это не бред, я в самом деле хочу этого! – упрямо возразил он. – Но спасибо... Спокойной ночи, Бэйр.

Леопольд встал и, обняв меня, отправился спать. Я же устроилась у тазика и стала намывать посуду, уносясь мыслями в разные дебри.

После ужина на такую оравы уборки было немерено: я не представляла, как Лео безропотно заставляет себя мыть все это каждый вечер.

Когда я закончила, все уже давно разошлись по комнатам, потому что именно мне выпала честь открыть дверь: когда я уже подошла к лестнице, раздался громкий требовательный стук.

Я поспешила в коридор, а, когда открыла, увидела перед

собой промокшего до нитки царевича!

– Кудеяр! – радостно воскликнула я, пуская его внутрь.

Великан ввалился в коридор, на ходу скидывая мокрую шкуру. Едва не спотыкаясь от усталости, он добрался до гостиной и повалился на диван. За ним через дверь внутрь скользнула мокрая пантера и, сев у камина, принялась неистово вылизываться.

– Есть хочешь? – спросила я, видя, что бедолага, похоже, вот-вот отключится.

– Неси все, что есть...

Пока я носилась по кладовой и кухне, вниз спустились остальные жители особняка. Когда я вернулась, вокруг царевича уже суетилась целая процессия желающих вытереть его волосы и помассировать его усталые ноги – это образно, конечно.

Не сказав ни слова, Кудеяр набросился на еду, а когда поел, заявил, что пойдет спать и ни слова никому не скажет, потому что последние трое суток он провел в седле даже без перерывов на сон: боялся опоздать.

На следующий день с утра пораньше в кладовой обнаружился Адольф, уничтожающий все, что только попадалось ему под руку. Когда я спустилась за яйцами к завтраку, застала змея, с упоением пожирающего черствые сухари.

Он ел очень забавно, стараясь не двигать новой половиной лица. Однако, различий в этот раз почти не было: чешуя вышла того же серебристо-зеленого цвета, а пятнистые волосы

он перекрасил в белый. Только радужка глаза стала черной, что придавало змею, пожирающего сухарики, донельзя жуткий вид.

– Подожди немного, Лео приготовит завтрак! – не выдержав, я засмеялась. – Зачем ты грызешь эту гадость!?

Утерев со рта крошки, ланк внял моему совету и вылез наверх, прихватив мешок сухарей с собой.

К вечеру Кудеяр отоспался, за это время мы все успели собраться. Словно почуяв скорый уход, к нам вернулся Люциус, неизвестно, где пропадавший все эти дни. На следующее утро Рэмол выставил нас из особняка.

У нас была карта, цель, немного прибереженной Леопольдом выпивки и, что называется, жажда приключений.

Нас ждали горы Сливте-о-Тувь.

Драконье сердце

Дорогами подземелий

Лекои Опоаль Лдиэн

Поначалу идея подняться в горы мне нравилась: я много читал об искателях приключений, которые любили исследовать высоту. Но спустя пару дней подъема мой энтузиазм сильно убавился, я ужасно устал и с трудом мог переносить подъем в родном обличи.

Как мне сказали, через Черный Рынок спуститься в глубины незаметно мы не могли, потому пришлось выбрать путь через подгорные селения слевитов. Якобы так наши враги просто не успеют узнать о том, что мы идем. Кто они, эти враги, никто не знал, но предполагалось, что их возглавляет Король Подземелий, предположительно Райнар или тот, кому кукольник подчинялся.

Близилась зима, внизу еще не везде полежал снег, а вот выше творилось настоящее буйство стихии. Страшная метель не прекращалась ни на час, словно вознамерившись скинуть с горы непрошенных гостей. От пронизывающего ветра, носившегося по горным хребтам, не спасала ни теплая одежда, ни магия наших колдунов.

По одному спать никто не ложился, все набивались в од-

ну палатку. Бэйр стала самым любимым членом команды. Ни Люциус, ни Кудеяр не могли так согреть магией, как она: за ее объятия устраивались настоящие состязание, и только Арланда она всегда пропускала без очереди. Ему вообще все очень завидовали, потому что он мог спать рядом с ведьмой и греться, сколько ему захочется.

Мы подошли к воротам города высокогорных слевитов спустя месяц после того, как покинули особняк. Почти все это время мы понемногу поднимались вверх, двигаясь по огромной широкой дороге, казалось, ей не было конца.

Бедняга Кудеяр едва снова не свалился с простудой, как в пустыне, но Бэйр с Люциусом не прекращая поддерживали вокруг полусенари теплый согревающий купол, и потому все обошлось. Адольфу тоже пришлось несладко, но от холода его спасала пушистая шуба, которую на прощание ему подарила Юкка. Когда же у него начался кашель, ведьма приготовила согревающую мазь, которая не дала болезни усугубиться.

Арланд с Дейкстером в тайне согревались припасенным алкоголем, Эмберу никакие холода были не страшны: он стоял под ледяным ветром в одной только мантии с тем же спокойствием, с каким мог стоять у камина в нашей гостиной. Единственное, на что жаловался дракон, так это на голод: живя в одиночку, он каждый день мог съесть по несколько быков, а в особняке полностью опустошал кладовую раз в трое суток. Здесь, в горах, ни кладовых, ни быков не было,

и Эмбер уже готов был жевать снег от отчаяния.

Я все упрашивал его превратиться в дракона и поохотиться на горных козлов: я не мог дождаться момента, когда примерю на себе это обличие! Но он все отказывался, говорил, что это опасно. Я не мог понять, чего в этом может быть опасного, но обычно не настаивал.

Большую часть времени я проводил в облике Мафусаила: Рэмол сделал очень удачное живое существо, ему никогда не было жарко или холодно, организм быстро перестраивался под любые условия. Будучи гигантской крылатой ящерицей, я мог летать на разведку и охотиться, пока другие двигались по дороге. Собственно, этим я и занимался весь месяц.

Город слевитов, который был нашей первой целью, давным-давно выстроили прямо внутри горы. Эмбер говорил, туда никогда не попадало ни единого луча солнца, но всегда было тепло и сухо. Несмотря на то, что, попав внутрь, мы лишимся света, каждый из нас мечтал поскорее оказаться в городе слевитов.

Наконец, очередной поворот вывел нас к огромным резным каменным воротам, сдвинуть которые, наверное, было не под силу и сотням мужчин вроде Дейка. Я никогда не видел ничего подобного, и замер, рассматривая грубую, но удивительно органичную резьбу по камню. Однако, остальные моего восторга не разделили: Дейкстр первым пошел долбить в древние ворота, чтобы его поскорее пустили погреться.

Когда слевиты услышали нас и стражник сквозь механический глазок посмотрел на письма Рэмола, а потом на рога Эмбера, внутри горы зашумел гигантский механизм, словно заворочалось пробудившееся чудовище. Ворота плавно отворились, пропуская нас в укутанные оранжевым светом высокие коридоры.

Заходя внутрь, я обернулся и бросил прощальный взгляд на солнце, прячущееся за белой пеленой облаков. Как знать, сколько я его еще не увижу?

Город слевитов оказался вовсе не таким, каким я его представлял. Мне думалась, повсюду будут резные статуи из камня, коридоры, где со стен на нас будут смотреть древние Владыки Гор. Но это оказался самый обычный город, с той только разницей, что вместо неба здесь только сплошной черный камень. Однако, потолки тоннелей находились настолько высоко, что замкнутое пространство ничуть не ощущалось.

По ярким улицам носились слевиты, похожие на крепких плечистых людей. У всех у них были русые волосы и темные глаза. Помимо слевитов в городе обитали люди, ланки и даже леннайи – последних совсем мало, но все-таки они здесь жили.

В первом же городе Эмбер отдал одно из писем Рэмола Владыке Гор, и тот вручил нам бумагу с печатью, которая обеспечивала нашу неприкосновенность. Пока у нас эта печать, мы могли пройти по всем подземным городам, в любом нам обязаны были дать все необходимое для путеше-

ствия и пропустить дальше. Когда мы вернемся из лабиринтов, охрана пустит нас обратно только увидев эту печать – всем прочим из глубин подниматься запрещено. Так же эта бумага была доказательством перемирия между слевитами. Документ нужно было хранить и защищать пуще жизни, Эмбер запечатал его в плотный кожаный конверт и носил на веревке вокруг шеи.

Получив бумагу, мы пополнили припасы, а затем продолжили путь.

Наша дорога пролегла по длинным жилым коридорам-улицам, соединяющим города высокогорных. Там, как я узнал, селились низшие касты, шахтеры и рабочие. Они ничего не создавали и не изобретали, только добывали материал, поэтому к ним относились, как к нищим. Да они и сами, похоже, считали себя такими. У слевитов очень многое зависело от того, как много нового ты приносишь в мир, выше всех стояли ученые и изобретатели, а ниже всех – рабочие. Лекарки и учителя считались средним слоем, хотя, как мне казалось, именно они должны пользоваться наибольшим уважением.

В пути мы нередко становились свидетелями уличных драк, которые устраивали рабочие, к нашей компании постоянно приставали, выпрашивая денег или поесть, даже находились такие, которые пытались обокрасть! Люциус быстро смекнул, что за покалеченную психику этих несчастных ему ничего не будет, и стал отгонять их своими излюбленными

методами. Что он с ними только не делал, ругался, пугал иллюзиями, подавал испорченные деньги, от которых появлялась сыпь, заставлял целоваться с камнями ради подаваний... он творил все, что только взбрело в его безумную голову! Слевиты остановить его не могли, а мы не хотели.

Кроме редких нападок слевитов, особенных проблем не возникало. Несколько семей согласились обменять на мои драгоценные заколки пару старых тетрадок бабушкиных рецептов. С помощью них я научился делать съедобными несъедобные грибы и непонятного происхождения рыбу, которые можно было приобрести на немногих рынках под землей. Учитывая, сколько за один присест Эмбер мог съесть сухарей, я не сомневался в том, что припасов нам не хватит, и эти рецепты еще сослужат хорошую службу, когда придется питаться тем, что растет на стенах и плавает в подземных озерах.

Гостиниц под землей не было, интересно, почему? Спать нам приходилось в палатках, нередко расставленных прямо посреди дорог, по которым ходили слевиты и ездили телеги, запряженные мохнатыми слонами размером в корову – местная замена лошадям. Если нам улыбалась удача, мы ночевали в одном из домов за деньги или в обмен на дорогие вещи. Правда, даже если находились хозяева, готовые нас приютить, Кудеяр со всеми животными все равно спал на улице. Его рост не позволял ему зайти в жилища невысоких слевитов, разве что ползком на четвереньках. У меня рост тоже

немаленький, но я просто превращался в слевита или в какое-нибудь животное, потому мне всегда находилось место.

Один за другим на нашем пути мелькали небольшие города, в каждом Эмбер ходил к управляющему, мэру или тому, кто был вместо него, относил одно из писем Рэмола или показывал печать, и тогда нас пропускали дальше. Чем дальше мы уходили, тем длиннее становилось расстояние между жилыми участкам, мы все больше времени проводили на пустых подземных трактах, слушая бесконечно далекое эхо.

Каждый город находился ниже предыдущего и отделялся от следующего тяжелыми воротами – это на случай обвалов, затоплений, эпидемий и прочих бедствий, которые могли прийти из глубин. Слевиты сделали все, чтобы у них была возможность просто отрезать себя от собратьев, живущих ниже.

Чтобы закрыть или открыть такую дверь, нужно было около часа напряженной работы силовых механизмов и нескольких десятков крепких мужчин.

Чем дальше мы заходили, тем причудливее выглядели города и улицы. Расы постепенно таяли, пока не остались одни только слевиты, никогда не видевшие иноземцев. Похоже, такие будут рассказывать о нашей пестрой компании еще своим внукам! Я охотно превращался во все подряд, чтобы эти несчастные, запертые в своем городе, хотя бы знали, как выглядят жители внешнего мира.

По моим расчетам мы были уже ниже уровня земли, ко-

гда стали спускаться из седьмого города к восьмому. Именно здесь пролегла граница между владениями высокогорных и глубинных слевитов, по которой уже несколько десятилетий никто не ходил.

На границе жилых домов не оказалось, мы ночевали в палатках в пещерах, а питались... чем мы только не питались! Припасов мы купили на неделю, и их, разумеется, не хватило. Все из-за того, что карта попала в руки Люциуса, чародей поленился проверить маршрут, и в итоге мы свернули не в тот тоннель и потратили неделю на поиск верного пути. Нас очень выручили бесконечные фляги воды и еще одна, с алкоголем, которые Бэйр с Люциусом сделали уже под землей.

С едой приходилось туго. Кречету удавалось ловить крыс, тени Кудеяра находили дичь покрупнее, когда такая была, и я не без труда готовил из этих мерзких животных то, что остальным приходилось есть. Если бы не мои тетрадки с рецептами, над которыми все поначалу смеялись, вся наша команда умерла бы с голоду или отравилась. Я чувствовал себя героем, но предпочитал жить на воде и хлебных крошках, обращаясь в крысу во время еды.

Конечно, в конце концов мы все же нашли нужную дорогу, но после этого легче нам не стало. Глубинные слевиты отличались от высокогорных отсутствием каст и совершенно безобразной внешностью. Я даже превращаться в них не стал, потому что не хотел быть таким уродливым. Низенькие, полные, лысые, с обвисшими лицами, небольшими под-

слеповатыми глазками, бледно-зеленоватой кожей... фу! А во что они одевались? До бедолаг не доходило почти никаких тканей с поверхности, они расхаживали, облепившись водорослями!

Я был в ужасе от увиденного и почти не сомневался, что в остальных городах будет то же самое. Но второй город глубинных приятно меня удивил: все оказалось более чем сносно. У всех была одежда, волосы и даже не все были такие толстые! Как я узнал позже, именно из этого города шли тоннели к Черному Рынку, поэтому его жители могли покупать все необходимое, а в связи с последними событиями – еще и награть вдоволь. С третьим городом было то же самое, но там, видимо, жили грабители попрворнее.

У глубинных слевитов только и было, что эти три города, и в третьем мы задержались дольше всего. Эмбера никак не хотели пускать к местному предводителю, а только он мог отдать приказ открыть ворота в глубины. Мы вынуждены были прождать несколько дней, прежде чем дракону назначили точный день приема. Но за пару дней ожидания встречи кое-что произошло.

Мы остановились в большом по местным меркам доме одного из самых богатых грабителей: Адольф подружился с ним еще в армии, поэтому нас приняли с распростертыми объятиями. Пустых комнат было множество, поэтому каждому из нас досталось собственное местечко, еще одна большая гостиная для всех, где мы могли собираться и что-ни-

будь обсуждать или играть в карты – наше единственное развлечение в подземельях.

С хозяином дома мы почти не виделись, он как будто исчез, оставив свой роскошный особняк нам и нескольким слугам. Все бросали косые взгляды на Адольфа, но змей предпочитал отмалчиваться с загадочной улыбкой.

В очередной вечер, – или день, время под землей текло кое-как, – мы сидели в большой комнате. Закончив играть в карты, мы заскучали: до встречи с местным управляющим, который был страшно занят, оставалось только несколько дней. До тех пор сквозь последние ворота нам было не пройти, и приходилось тратить время, бесцельно валяясь на диванах.

Эмбер, одетый только в длинную юбку, напоминающую подол мантии, сидел на стуле, запрокинув руки за голову и положив босые ноги на стол. Его золотистый хвост с широкой кисточкой из прядей, похожих то ли на тонкие кожаные остrostки, то ли на жесткие волосы, крутился из стороны в сторону. На это, а также на наросты на локтях и вдоль позвоночника уже никто не обращал внимания: в тоннелях Эмбер всегда ходил в одной только короткой юбке, и мы успели привыкнуть.

Кудеяр, сидящий на диване, сильно согнувшись в коленях, отвешивал щелбаны Адольфу за жульничество. Дейкстр спорил с Люциусом, доказывая безумцу, что ордена Белых Сов и Черного дракона – это совершенно разные братства.

Разумеется, рыжий чародей знал это, но забавы ради прикидывался, что понятия не имеет. Удивительно, но в споре он пока выигрывал, медленно доводя рыцаря до белого каления.

Кречет и Саша лениво валялись у огня, время от времени ворча друг на друга. Первое время они часто дрались, но теперь вроде даже подружились.

Я скучающе наблюдал за всем этим, валяясь на своем диванчике и в сотый раз переплетая косу.

Все было так мирно, лениво, тихо... И тут грохнула распахнувшаяся дверь, и в комнату вбежала босая и растрепанная Бэйр. Из всей одежды на ней была только тоненькая ночнушка, прикрывающая только грудь и бедра.

Я уже не раз видел ее в таком виде: она ничуть не стеснялась расхаживать так в Трехполье, но для остальных это, кажется, было настоящим потрясением. Все мужчины в комнате оживились.

– Ух-ты!... – Адольф увернулся от очередного щелчка Кудеяра и присвистнул, заглядываясь на изящные коленки ведьмы.

– Там... – Бэйр, переведя дух, указала на дверь. – Что-то с Арландом! Это не он!

Скучный вечер теперь обещал превратиться во что-то интересное, и все присутствующие воодушевленно переглянулись.

– То есть? – Эмбер сел, опустив ноги на пол. – Что значит

не Арланд?

– То и значит! – воскликнула она, складывая руки на груди и отходя подальше от Адольфа, чей новый черный глаз сверкал, как отполированный обсидиан. – Я не понимаю, что с ним, он ведет себя... он никогда себя так не вел!

– Он что-то тебе сделал!?! – Дейкстр нахмурился.

– Мне он не сделал ничего плохого, но его поведение и слова... Ээмм... – ведьма замялась, но потом решила, что надо сказать, в чем дело, чтобы ей поверили. – Он сказал, что я похожа на ишимерскую тигрицу и что мой акцент заводит его машину любви... Но у меня нет акцента!

Лица всех присутствующих вытянулись.

– Это... не изобретательно и не красиво, – подвел итог Адольф, провожая ведьму на диван и накидывая ей на голые плечи свой плед. Когда по дороге змей начал заболеть, Бэйр ухаживала за ним, потому теперь он испытывал к ней некоторую привязанность и как будто хотел загладить вину за то, что когда-то пытался убить. То принесет ей старинный амулет слевитов, то что-то вкусное, теперь вот плед свой отдал. Всем это казалось странным, но никто ничего не говорил. – Я бы сравнил тебя с запеченным на охмаражском солнце яблоком, облитым карамелью.

– А я бы тебя – с сочным тангейским шашлыком из яще-риц, – как нельзя очаровательнее улыбнулась ведьма. Быстро отвернувшись от змея, она продолжила. – В него кто-то вселился, я уверена!

– Я могу научить его составлять изящные фразы. Думаю, это решит все твои проблемы, – заметил Кудеяр, самодовольно улыбаясь. – Что, нет? – удивился он, когда заметил взгляд ведьмы. – Тогда чего еще ты от нас хочешь, о прекрасный цветок Равнин?

– Это не смешно, Кудеяр! Нужно что-то сделать, я боюсь за него... надо как-то выгнать эту дрянь! – воскликнула она, в негодовании взмахнув рукой. – С ним невозможно находиться рядом!...

– Так находишься с нами! – фыркнул Дейкстр. – Дался тебе этот набожный!...

– И куда это убежала моя злостная нарушительница закона? – тут в комнату вальяжно зашел Арланд с полотенцем, свободно обернутым вокруг бедер, и оперся плечом о дверной косяк. Поблекшие темно-серые татуировки вились по его телу, как тени молний, – перед походом он обновил их, сочтя при наличии трех магов более полезным белое пламя, нежели демонические силы.

Никто из присутствующих никогда не видел Арланда без одежды, раньше о его загадочных татуировках только слышали. Теперь все присутствующие глазели на него едва ли не с большим интересом, чем на единственную девушку в команде.

– Что-то не так? – Арланд изогнул бровь и недовольно осмотрелся. – Бэйр, в чем дело, зачем ты убежала? Это что, новая игра?

Кречет, услышав голос хозяина, поднял голову и настороженно посмотрел в его сторону.

– Ты ведешь себя странно. Скажи, тебе не кажется, что в тебя мог кто-то вселиться? – осторожно спросила ведьма, поднимаясь со своего места.

– Не кажется ли мне, что в меня кто-то вселился? – инквизитор прыснул в кулак. – Не вселился ли кто-то в меня!? – он указал на свои татуировки и истерически захохотал.

Никто никогда не слышал, как Арланд смеется. И, как я сейчас понял, это было к лучшему. Смех у него был отвратительный, визгливый, похожий на крики осла.

– Вот, видите? – проговорила Бэйр, оборачиваясь к нам. – С первого взгляда кажется, что с ним все в порядке, но потом становится ясно, что что-то не так... Я бы подумала, что он напился, но он же не может опьянеть! Да и запаха нет.

– Арланд, какое у меня полное имя? – спросил я у брата. Никто, кроме него и Бэйр, не стал его заучивать, так что это было отличным способом проверить, Арланд перед нами или нет.

– Лекои... Опоаль... ЛДизн! Леопольдик! – он пропел каждую из трех частей, а потом глупо хихикнул.

– Ты где такое мощное пойло взял, братец? – Адольф подобрался к нему и по-дружески приобнял за плечо. – Поделись с хорошим другом, не жадничай!

– Какое пойло? – Арланд тоже обнял Адольфа и расплылся в хитрой улыбке. – Я ничего кроме воды не пил!

– Аааа... – понимающе протянул змей и улыбнулся в ответ. – Новый табак? Раздобыл у слевитов сушеные грибы?

– Все что добыл, выкурила моя ненаглядная женушка, а эффекта никакого: только еще больше претензий! – пожаловался ему инквизитор. – Вот, как сейчас. И что ей в голову взбрело? Все так хорошо начиналось!...

– Арланд, может, тебе поспать? – предложил Кудеяр гулким, но очень вежливым басом. – Ты не в себе.

– Разве я не могу немного повеселиться?...

– Люциус, это твоих рук дело? – тем временем ведьма обернулась к хихикающему в кулак чародею. – Ты ему что-то в еду подмешал!?

– Понятия не имею, что с ним! – воскликнул тот, смеясь и поднимая руки в знак своей беззащитности. – От такой травы я бы и сам не отказался!...

– Ты что делаешь!?!... – хрип Адольфа отвлек всеобщее внимание от Люциуса.

Обернувшись к нему и Арланду, я увидел жуткую картину: инквизитор с безумной улыбкой прижимал змея к стене и душил, обхватив горло руками! Ланк был намного слабее и не мог сопротивляться.

Кречет, почуяв неладное, бросился к ним, но кого от кого он собрался защищать, мы так и не узнали, Кудеяр мгновенно оказался возле пса и прижал его к земле, так что пустынная гончая не могла даже головой пошевелить, не то что укусить кого-то.

– Ты, ползучее, думаешь, что самый хитрый?... – тихий смешок Арланда прокатился в абсолютной тишине комнаты. – Поверь, я окажу тебе большую услугу, если убью сейчас!... Зачем ты здесь на самом деле? Подумай об этом, – он ухмыльнулся, отпустил уже потерявшего сознание змея и скользнул в коридор.

Как только инквизитор вышел из комнаты, все как будто очнулись от транса. Кудеяр поспешил к задыхающемуся Адольфу, он направил воздух в узкие ноздри змея.

Бэйр побежала за Арландом, за ней – Дейкстр. Я, замешкался, но в итоге решил идти за братом.

Мы почти догнали его, но в последнюю секунду он успел запереться в комнате Эмбера.

– Арланд! – крикнула Бэйр, прижимаясь к двери. – Что происходит!? Что с тобой такое!? Если ты не откроешь, я снесу эту чертову дверь, ты меня знаешь!

Ответа не последовало, но было слышно, как инквизитор хлопает ящиками комода Эмбера и роется в них.

– Да черт бы его побрал! – выругалась ведьма и одним взмахом руки создала заклинание, которое мгновенно выбило дверь. – Что ты устроил!?

Когда мы вбежали в комнату, Арланд лежал на полу без сознания. Возле инквизитора догорали какие-то бумаги.

Ведьма тут же бросилась к нему, Дейкстр остановился на пороге и стал внимательно все осматривать.

Комната не выглядела разгромленной, был открыт только

один ящик комода.

– Я позову Эмбера!

Выбежав из комнаты, я бросился обратно в зал. Дракон стоял недалеко от приходящего в себя Адольфа, перенесенного на диван. Услышав, что Арланд ворвался в его комнату и сжег какие-то бумаги, Эмбер поспешил туда.

Как выяснилось, инквизитор уничтожил все документы, которые делали наше пребывание под землей законным. В том числе и печать.

Потерявшего сознание Арланда Кудеяр отнес в их с Бэйр спальню, там ведьма принялась хлопотать над мужем, отгоняя от его постели обеспокоенного пса. Мы остались ждать ее в гостиной, наблюдая за состоянием Адольфа. Похоже, змей не пострадал, ему становилось лучше.

– Арланд пришел в себя, но он ничего не помнит за последние три часа. Его сейчас лучше не беспокоить, – рассказала Бэйр, войдя в зал.

Ведьма уже переделалась в домашнее платье и присоединилась к нам: нужно было придумать, как нам быть без необходимых бумаг.

– Встреча с главой города через несколько дней, до тех пор у нас их не попросят, – говорил Эмбер. – Надеюсь, мне удастся с ним договориться и нас пустят обратно.

– Я бы не был так уверен, – вздохнул Люциус. – Я знаю этих упрямцев слевитом, с них станется запереть нас здесь из-за одной бумажки! И черта с два они признают, что сут-

ками раньше сами открывали нам ворота.

– Нас не просто запрут здесь, нас выгонят в необитаемые лабиринты, – напомнил Дейкстр. – Мы и так туда шли, но вернуться нам не дадут.

– Пусть попробуют мне что-то не дать, – спокойно пророкотал Кудеяр, рассматривая свои когти.

– Даже ты, дружище, не пробьешь их ворота, – заметил Люциус. – Сквозь них не проникнуть даже тени: тут кое-что посильнее обычной магии.

– Надеюсь, я все же смогу убедить главу написать нам бумагу, – сказал Эмбер. – Однако, за эти дни нам стоит запастись всем необходимым: вполне возможно, что нам не дадут этого сделать, когда обнаружат, что печать Владыки потеряна.

– Лучше подумать о том, что могло случиться с Арландом, – напомнила ведьма. – Как вообще в него могла вселиться какая-то дрянь? Он же ходячая пентаграмма для изгнания духов!

– Ты уверена, что дело в духе? Я не раз слышал о том, что Арланд страдает от... видений.

– Когда мы были в тоннелях я видел, как это на него действует, – возразил Адольф. – Тогда он перестает воспринимать окружающий мир, почти ничего не видит и не слышит. Сейчас с ним было что-то совсем другое. Я согласен с Бэйр: похоже, в него в самом деле вселились.

Ведьма благодарна посмотрела на змея, а потом снова по-

вернулась к Эмберу.

– А ведь ситуация довольно очевидная, – вдруг заметил Люциус. Он заговорил очень толково, словно разъяснял школьникам простую тему из учебника. – Арланд почти год занимался вселениями, вел расследование, которое так никуда и не привело. Теперь некто устроил в его теле неприкаянного духа и, мало того, смог управлять им! А ведь если этот некто, причастный к эпидемии вселений, хотел бы остановить нас или помешать идти дальше в глубину, он бы выбрал Кудеяра или Леопольда – против этих двоих никто из нас не устоит. Однако, он выбрал именно экзорциста, и вместо того, чтобы убить нас ночью его руками, только до смерти напугал бедняжку Адольфа и сжег бумажки. Похоже, кто-то играет с нами! Демонстрация силы, мол, смотрите, как я умею...

– А ведь ты можешь быть прав, – задумчиво кивнула ведьма. – Я думаю, нам с тобой нужно сделать амулеты для всех, чтобы подобного больше не происходило.

– Прекрасная идея, – кивнул Эмбер, уже слышавший об амулетах, которые она сделала для инквизиции. – Что тебе для них нужно?

– Для них у меня есть все необходимое, – ответила ведьма, погружаясь в свои мысли.

– И вот что еще странно, – продолжил Люциус, с усмешкой поглядывая на Адольфа. Змей пытался выглядеть спокойным, однако я чувствовал, как колотиться его сердце по-

сле того, что сказал Арланд. – Все мы играем свои роли в этом путешествии. Кудеяр, Дейкстр и Леопольд – наши защитники, способные завалить любую тварь. Леопольд и мои несравненные таланты спасут нас всех от голодной смерти, если вдруг что. Бэйр помимо того, что своей женской сущностью вносит некоторый уют в наше сугубо мужское общество, способна вылечить бешенство, которое нам наверняка здесь встретится. Арланд инквизитор, лекарь и духовидец, поговорив с призраками, он может вывести нас куда угодно, и справится с нечистью или магами. Эмбер наш командир и дракон, в конце концов. Ну а ты? Зачем Рэмол отправил тебя сюда? Твои навыки здесь бесполезны: на тварей ни твой гипноз, ни твои кинжалы не подействуют!

– Я на исправительных работах, – фыркнул Адольф, умело играя беззаботность. – Я должен помогать всем подряд, пока не докажу серафиму, что стал хорошим мальчиком, – змей криво улыбнулся.

– Так отправил бы тебя в дом престарелых! – не унимался Люциус. – Ты же от местного воздуха скоро загниешь. Не думай, что я не замечаю твой кашель!

– Я в порядке, – сухо ответил змей.

В детстве он переболел пневмонией, которая решила вернуться во время последней линьки. Теперь отсутствие свежего воздуха сделало свое дело, время от времени Адольф начинал опасно хрипеть. Однако, змей не выносил, когда ему напоминали о слабом здоровье.

– Рэмол ревнив, как демон, он никогда не допустит, чтобы Юкка делила свое внимание между ним и кем-то еще, – Кудеяр прервал их, пока дело не дошло до драки. – Вот вам ответы на все, что касается Адольфа: серафим решил изжить его со свету. Мать рассказывала мне, что Юкка прятала от него сына долгие годы, потому что именно этого и боялась. Нам нужно думать о другом. Где мы возьмем припасы?

– Я составлю список того, что мне нужно, – заявила ведьма и поднялась со своего места, собираясь уходить.

– Ты же сказала, у тебя есть все необходимое, – напомнил Эмбер.

– Для амулетов! Если у нас только пара дней, мне нужно успеть наварить всего остального: вряд ли я смогу сделать это на ходу в тоннелях. Согревающая мазь для Адольфа, сухой порошок для посуды Леопольду, несколько рецептов Арланда для местных духов, и это не говоря уже об оберегах!... Наверное, стоит сделать магический календарь, мне понадобятся циферблат и стрелки, где взять стрелки?...

Похоже, мысли об изобретательстве так увлекли ведьму, что она готова была забыть обо всем остальном. Продолжая бормотать, она скрылась за дверью.

Остальные обсуждали предстоящие дела, я сидел со всеми гостиной, пока они не разошлись по спальням. Прежде, чем идти к себе, я заглянул в комнату Бэйр.

– Еще не спите? – тихо спросил я.

Ведьма, видимо, работала за столом в умывальной, а Ар-

ланд лежал в кровати. Сначала мне показалось, что он спит, но я ошибся.

– Нет, – усмехнулся брат.

– Помнишь что-нибудь? – закрыв дверь, я украдкой посмотрел в сторону, откуда доносились звуки кипения.

Возможно, ведьма запретила бы мне беспокоить Арланда, но она была увлечена своими зельями и не слышала, как я вошел. Поэтому я сел к нему на кровать и продолжил тихо разговаривать.

– Помню, как вышел покурить, говорил с Адольфом, потом вернулся в комнату и пустота. Бэйр говорит, прошло три часа... Скажи, как Адольф? С ним все в порядке?

– Да. Но ты сказал что-то про то, что он не выйдет живым из тоннелей, и это его испугало. Неужели совсем ничего не помнишь?

– Ничего, – Арланд качнул головой.

– А еще ты наговорил Бэйр всяких мерзостей, – шепнул я, снова оглянувшись на дверь в умывальную. – Не знаю, стоит ли тебе извиняться за «ты похожа на ишимерскую тигрицу и твой акцент заводит мою машину любви», но ей это определенно не понравилось.

– Я что, сказал ей про акцент?... – ужаснулся Арланд.

– Мы же все клялись молчать и не говорить ей о том, что у нее этот забавный акцент! – упрекнул его я. – Ты чуть все не испортил. Хорошо, что она тебе не поверила.

– Что еще я натворил? – спросил инквизитор, хотя, судя

по его лицу, ему не очень-то хотелось это знать.

– Ты сжег все бумаги Эмбера, даже письмо с печатью владыки гор, в котором он обещал глубинным полную неприкосновенность во время нашей экспедиции, – рассказал я. – Если ничего не удастся уладить, через пару дней нас выгонят в тоннели без возможности вернуться обратно через города слевитов. Без печати нас и слушать не станут, тем более чужаков... Известно, как глубинные любят жителей поверхности. Они не упустят возможности насолить нам.

– Проклятие!... – воскликнул Арланд.

– Арланд, с кем ты там шепчешься? Что, этот дед опять к тебе пристает? – громко спросила Бэйр, не выходя из умывальной.

– Нет, милая, это Лео, – ответил инквизитор.

– Тут что, еще есть призрак слевита по имени Лео? Надо сказать Леопольду, он посмеется...

– Непременно скажем.

Крикнув это, Арланд повернулся ко мне. Его глаза сильно покраснели, а под ними расплывались фиолетовые круги... Я понял, что он едва держится, чтобы не уснуть прямо во время разговора, и потому оставил брата отдыхать, отправившись к себе в комнату.

С самого утра мы с Эмбером и Кудеяром ушли на поиски рынка или магазина. Иногда что-то подобное встречалось в городах слевитов, но чаще все необходимое находилось на складе и разделялось на пайки для каждого жителя. Это,

кстати, была еще одна причина, по которой нам нужны были бумаги: без них нам никто не даст еды, ведь лишнего нет. Мы сможем только купить ее по той же цене, что и, скажем, бриллиантовые украшения в оправе из чистого золота.

Обойдя небольшой город и раздобыв из необходимого только старые сломанные часы для изобретения Бэйр, мы принялись изучать пещеры на окраине, и нашли в одной из них склад с очень упрямым охранником. После долгого спора нам удалось сторговаться: мне пришлось отдать ему несколько своих колец, Эмбер пожертвовал один из своих кинжалов... а потом Кудеяр прижал нахала к стенке, и мы получили возможность покопаться на складе бесплатно.

– Побыстрее, ваше высочество, скоро сюда придут... – жалобно просил стражник, пока мы рылись в сотнях мешках с продовольствием.

– Стой на стреме, служивый. Когда надо будет, тогда и закончим, – сказал ему Кудеяр. – Лео, мы на складе, а не на рынке: слевитам будет нечего есть, если ты возьмешь столько мешков с водорослями!

– А мы что будем есть!? Ты один за присест сожрешь такой мешок! – возмутился я.

– Наверняка в тоннелях есть дичь, – возразил царевич, упрямо сложив руки на груди.

– А ты подумал, сколько в ней дряни? – спросил я. – Это ведь не лес, полезнее яда выпить, чем брать в рот мясо здешних животных!

– До сих пор мы как-то обходились, и сейчас не пропадем.

– До сих пор у меня был доступ к травам, которые нейтрализуют яд! Кто знает, найдем ли мы их в тоннелях?

– Я сказал, мы не возьмем столько, – повторил Кудеяр. Он говорил спокойно, но волосы на его голове взвились в стороны, переливаясь фиолетовыми бликами.

– А я сказал, что возьмем! – я обернулся в такого же полукровку и клацнул зубами не хуже, чем он. – Будешь решать, когда речь пойдет о сражениях, а за кухню отвечаю я, и поэтому мы возьмем столько еды, сколько я скажу!

– Вы еще подеритесь из-за этого! – увидев, что Кудеяр не готов уступить, а я не готов слушаться, Эмбер поспешил вмешаться в наш спор. – Люциус, иди сюда. Насколько сложно для тебя будет повторить мешок сухпайка?

– Берите побольше, каждый день мы с Бэйр эти фокусы точно не потянем, – ответил колдун.

– Я оставил им два самых больших мешка! – сказал я.

– Ты этих водорослей столько взял, потому что они тебе нравятся! Но кроме тебя эти водоросли никто не ест, Бэйр на прошлой неделе вообще от них тошнило, – добавил Кудеяр.

– Бэйр замужняя женщина, есть множество вещей, от которых ее теперь может тошнить! – возмутился я. – И моя еда здесь не причем!

– Леопольд, возьми четыре мешка, этого нам вполне хватит. Лучше взять побольше сухарей, соли и чая... а еще вяленого месса, – попросил Эмбер и удалился в другой угол

склада, куда его вел нос. Оттуда как раз несло сушеным мясом.

– Главное, возьмите побольше приправы «голубой мох», это – самое необходимое, – сказал я, укладывая обратно пять мешков водорослей.

– Весь «голубой мох» уже распределен! Ничего лишнего нет! Что я скажу начальству!?! – закричал стражник. – Я не побоюсь и позову подмогу, если вы тронете хоть один мешочек!

– Или пять мешочков «голубого мха», или мы заберем все! – заявил я. – Мы не хотим помереть с голоду, а готовить то, что водится в ваших пещерах, можно только с «голубым мхом»!

– Но как же... О, госпожа! Как вы вовремя! Тут мародеры!...

Вдруг стражник отошел от входа в пещеру и заговорил с кем-то снаружи.

Я сделал знак Эмберу и Кудеяру, чтобы они вели себя по-тише, и, превратившись в крысу, отправился на разведку.

– Они ворвались внутрь и крадут еду! – жаловался охранник фигуре, одетой в черный походный костюм и закутанной в черный плащ с низким капюшоном. Вся одежда была крепко сшита, но сильно поношена. Силуэт был женский.

– Сколько их? – тихо спросила женщина. Я тут же узнал ее голос и даже вспомнил имя.

– Маргул! – воскликнул я, мгновенно превратившись из

крысы в себя.

Женщина, услышав свое имя, тут же сорвалась с места и побежала в сторону тупиковых тоннелей. Я бросился за ней.

Это была та самая шпионка, с которой встречался Райнар! Этот человек замышлял что-то против Бэйр, это он был причиной начавшейся на нее охоты, возможно, именно он устроил эпидемию вселений в Трехполье и заселил в Арланда духа, который сжег все наши бумаги... и хотя он с той же вероятностью мог быть непричастен к этим преступлениям, Маргул – его сообщница, и если я поймаю ее, у нас станет меньше вопросов без ответов!

Женщина бегала очень быстро, ее обувь оказалась отлично приспособлена для скользких дорог подземелий. Чтобы наверняка ее догнать, я превратился в подобие Мафусаила с шестью крепкими лапами.

Маргул свернула в двадцатиметровый тоннель, который заканчивался сплошной стеной. Я понял, что ей не убежать, и ускорился, чтобы поскорее покончить с погоней.

Женщина еще даже не добежала до тупика, когда я прыгнул на нее и повалил на землю. Маргул принялась яростно отбиваться, она наносила удар за ударом руками и ногами, даже пыталась пырнуть меня кинжалом, но лезвие отскочило от твердой шкуры. Тогда она укусила мое крыло и попыталась разорвать перепонку. Я сам не знал об этом, но место, в которое она укусила, было очень чувствительным. От неожиданной боли я инстинктивно отшвырнул Маргул ла-

пой на камни.

Она сильно ударилась головой, опустилась на землю и замерла.

Обернувшись собой, я склонился над ней, чтобы понять, жива ли она. Это было бы очень досадно, если бы она умерла. Тогда я не смог бы ее допросить.

Из бескровных губ Маргул вылетел слабый стон, когда я коснулся раны на ее голове. Пока женщина еще жила.

– Что связывает тебя с Райнаром!? – спросил я, начиная обыскивать ее одежду. В карманах могло быть спрятано что-то полезное.

Маргул не сопротивлялась обыску, она даже дышала еле-еле. Рана на ее голове не переставала кровоточить. Было ясно, что она вряд ли выживет после такого удара. Сама виновата, незачем было так дергать чувствительные крылья!

– Кто ты такой? – когда я начал снимать с Маргул куртку, прямо над моим ухом раздался ее сухой скрипящий голос.

– Меня зовут Леопольд. Повар. Полезные сведения, не так ли?

– Не думала, что Райнар умудрился перебежать дорогу даже повару, – она тяжело вздохнула и поморщилась от боли, когда я наклонил ее, чтобы стащить куртку. В подкладке нашупывалось что-то твердое, и я разорвал ее, чтобы легче было добраться до таинственного предмета. Это было нечто, похожее на компас.

– Кому он только не перебежал дороги: я бы на его месте

лучше наложил на себя руки, чем встретился с теми, кто его ищет!

– Его никто не ищет, – сказала женщина, не открывая глаз. Она лежала спокойно, как будто каменный пол был для нее чем-то вроде уютной постельки. Кажется, ее ничуть не беспокоило то, что она умирает. – Райнар исчез для всех.

– А что ты тут делаешь? – я продолжил обыск и наткнулся на набор тонких железок. Одновременно напоминало набор для нанесения татуировок Арланда, отмычки Адольфа и инструменты Бэйр.

– Я пришла за едой, как и ты, – спокойно объяснила Маргул. – Будь добр, не рви мою одежду, другой мне здесь не достать. Я замерзну.

– Вряд ли она тебе понадобится. Судя по твоей ране, не думаю, что ты проживешь дольше пары дней.

– Я живучая, – проскрипела она, криво усмехнувшись. Она утерла кровь с лысого черепа и вытерла руку о землю.

– Рассказывай, что у тебя за дела с Райнаром, – повторил я. В кармане второй куртки обнаружился мешочек с белым порошком и еще один, с твердыми круглыми белесыми дисками, размером с ладонь. При всем желании я не мог понять, что это такое. – Я видел вас вместе в комнате в подземельях.

– Однажды он спас мне жизнь, а взамен потребовал оказать ему «небольшую» услугу. И вот, я отрабатываю здесь.

Кажется, Маргул ничуть не удивилась, что я знаю об их делах.

– Что это за диски? И порошок? – я поднес к ее глазам свои находки.

– То, что ты вряд ли еще когда-нибудь увидишь, – ответила она, едва взглянув на них.

– Мне нужно знать, что это такое. Ты ответишь, или я сдам тебя тем, кто ищет Райнара, и тогда рана на голове станет меньшей из твоих проблем!

– Ничего я тебе не скажу, повар. Не твое это дело, – сухо произнесла она, продолжая лежать на каменном полу пещеры. – Верни мне мои вещи и возвращайся на склад.

От такого я даже опешил: она лежала передо мной едва живая, я мог сделать с ней все, что угодно, но при этом Маргул вела себя так, будто никакой опасности не было!

– Ты что, бессмертная? – спросил я, не выдержав.

Лысая женщина хрипло рассмеялась.

– Можно и так сказать, смешной повар, – проговорила она, умолкнув. – Ты мне нравишься. Отвечу на один вопрос. Валяй, только хорошо подумай!

Я почувствовал, что она не врала: действительно ответит.

Я задумался над вопросом, который стоит задать этой каменнолобой. Кажется, рана в самом деле была для нее не опасна, если она так резво болтает. Может, Маргул просто притворяется, что не может встать? Но, даже если так, она правильно делает, что не пытается сбежать от меня.

– Райнар...

– Подумай хорошенько, – подбодрила меня Маргул. Она

нащупала рукой свою разорванную куртку и накрылась ей. – Но спрашивай, зная, что он никогда не посвящал меня во все свои дела. Я о многом даже не подозреваю.

– Райнар связан с... – о чем спросить? О том, связан ли он с обвинением Бэйр? С охотой на нее? С событиями на Рынке? Со вселениями? Он ли поместил духа в тело Арланда? Что из этого может быть важнее? Мне необходимо знать все! Он может быть причастен или не причастен к любому из этих событий! Наконец, я решил, и все же задал свой вопрос: – Чего добивался Райнар?

– Власти.

– Это он устроил войну и закрытие Рынка?

– Один вопрос, один ответ, – Маргул покачала головой. – Вот что. Дам тебе совет. «Голубой мох» отлично может заменить слевитовская наливка из плавучих грибов. Вымачивай около пяти минут, и на вкус любое мясо станет, как говядина, – сказала она.

Тут начало происходить что-то невероятное: ее ноги стали вязнуть в камне, крошки и пыль облипали ее колени, затем бедра. Маргул закрыла глаза, позволяя камню охватить лицо. Вскоре все тело женщины полностью ушло под бугор земли.

Выросшая передо мной глыба застыла на секунду, а потом бесшумно ушла под землю, забрав Маргул с собой.

Я внимательно осмотрел место, куда она провалилась, но ничего не нашел. Ни рычагов, ни ям... там был сплошной

камень.

Наверное, тут замешана магия.

Я счел, что лучше будет вернуться к своим, но пока ничего им не рассказывать.

Что ж, пока только я знаю о том, что Райнар хочет власти, – а кто ее не хочет, – и что его подручная бродит по подземельям, как у себя дома. Ничего полезного, о чем стоило бы знать остальным. Тем более, у меня было такое предчувствие, что с Маргул я еще встречу. Зачем она притворилась слабой и отвечала на вопросы, раз могла в любой момент сбежать, провалившись под землю? Это выглядит так, как будто она хотела мне помочь, намекнуть на что-то... или наоборот, попросить помощи? И зачем она сказала мне про слевитовскую наливку?

Кстати, надо испробовать будет это средство.

Решив, что лучше всего будет проверить действие нового рецепта здесь, в городе, я отправился на охоту. И получаса не прошло, как я поймал огромную подземную крысу и, перекинув ее через плечо, вернулся на склад.

Как это ни странно, Эмбер и Кудеяр все еще были там.

– Леопольд! – дракон был зол, он подошел ко мне и впервые заговорил так, что я перестал сомневаться в его военном прошлом. – Тебе никто не позволял уходить, мы находимся в опасном положении и сейчас не время для необдуманных действий! Ты ответственен за провизию, никто другой не может выполнить твою задачу!

– Я... – от его резкого тона я растерялся и не сразу сообразил, как себя вести.

– Держимся вместе, от этого зависят наши жизни, – твердо сказал Эмбер.

– Ты крикнул «Маргул», прежде чем удрал. Это что, твоя знакомая? – спросил Кудеяр, сидящий на одной из бочек. Тени перетаскивали мешки на телегу вместо него.

– Да, одна старая знакомая. Понятия не имею, как она тут оказалась, – я пожал плечами. Наверное, стоило им рассказать про ее связь с Райнаром, про то, что теперь он наверняка знает, что мы идем... но я не стал, потому что был зол на крики Эмбера. Он считает меня бесполезным? Значит, буду бесполезным. Посмотрим, как он сам будет ловить вражеских шпионов! – Тут ведь есть наливка из плавучих грибов?

– Ты раньше не проявлял особенного интереса к выпивке, – заметил царевич, подавая мне опустошенную на половину квадратную бутыль.

– Я не собираюсь это пить, мне надо кое-что проверить. Возможно, эта наливка сможет заменить нам «голубой мох». Люциус сделает бесконечную флягу этой жидкости, и тогда нам будет не страшна голодная смерть. Если, конечно, эта задумка сработает.

– Это Маргул тебе сказала?

– Да, именно, – я кивнул. – Мы раньше работали вместе в кондитерской, а потом, насколько я знаю, она ушла на Черный Рынок и осела здесь. Удивительно, как иной раз может

повернуться жизнь простого повара!

Набрав вдоволь еды и составив списки, мы погрузили все на Мафусаила и отправились домой.

Бэйр и Лициус уже заканчивали ругаться и начинали делать амулеты, Арланд сидел в уголке и смешивал в своем котелке зелья. Дейкстр одиноко стоял в сторонке и меланхолично созерцал компанию ученых.

Рыцарь очень обрадовался нашему приходу: ему было до смерти скучно с «чокнутыми зазнайками», как он называл любого, кто имел наглость иметь бумажку об образовании. Он стал помогать Эмберу с Кудеяром укладывать провизию. Я же ушел к себе на кухню и стал заниматься пойманной крысой.

Содрав с нее шкуру и выпотрошив, я разрезал тушку на две симметричные части и поместил в два тазика: один с раствором «голубого мха», другой – с наливкой. Продержав их там положенное время, я добавил приправ и сунул обе части в печку. Через полчаса я попробовал обе тушки, держа возле себя противоядие... на вкус та, которая была вымочена в наливке, была гораздо мягче и сочнее. Даже неприятный крысиный душок ушел.

Подождав пять часов, я отметил, что никаких побочных эффектов нет, и объявил всей команде о своем открытии. Люциусом взялся сделать большущую флягу наливки, а потом он и ведьма расползлись по своим спальням: они уже закончили мастерить для всех амулеты и изрядно устали, не

столько от работы, сколько от бесконечных споров между собой.

На следующий день с самого утра мы упаковали все вещи, Бэйр покидала большую часть в свою бесконечную сумку, при нас осталось только самое необходимо: оружие, фляга воды, кремь для розжига костра на всякий случай, небольшой фонарик и свисток, чтобы подать сигнал опасности.

Последний вечер мы провели в доме, даже устроили прощальный ужин – в пещерах под землей мы могли провести месяцы, ни разу не увидев даже кровати.

Утром Эмбер отправился к главарю, а вернулся, чего и стоило ожидать, уже с кучей стражников. Не слишком удивляясь нашему послушанию, слевиты выпроводили нас за ворота в опасные подземелья, из жалости дав на прощание затертую карту лабиринтов.

– Итак, вот все и началось, – прокомментировал Адольф, когда мы оказались в кромешной тьме глубин.

В гулкой тишине, где каждое слово превращалось в эхо, голос змея разбился на несколько разных тональностей, закричавших на нас со всех сторон.

Бэйр зажгла яркий светящийся шар под потолком, который воспарил в пятидесяти метрах от нас. К нему вели неровные каменные стены с выступами и небольшими пещерками-норами.

– Раньше по этим лабиринтам ходили экспедиции, – сообщил Эмбер, осматриваясь вокруг. – Каждый день мы долж-

ны будем проходить по старым маршрутам по полтора-два десятка миль, чтобы добраться до нового маяка. Его голубой свет отпугнет тварей, там мы сможем отдохнуть в безопасности. Если же заснем где-то еще... нам придется тяжело. Не стоит терять времени, идемте. Кудеяр?

До того, как приехал Кудеяр, никто не возражал против того, чтобы я был проводником. Царевич, – еще бы его ушастое высочество не встряло, – заявил, что он справится лучше меня и вообще сенари тени не сравнимы по способностям с теми, у кого лишь одна восьмая крови скахтьярнов. В конце концов ему удалось убедить всех, что он лучше меня. На мое заявление о том, что я могу стать таким же полукровкой и буду ничуть не хуже, Эмбер сказал, что мне будет тяжело весь день вести группу, а потом еще готовить, потому пусть я лучше буду ответственным за еду.

Покосившись на меня по пути к Эмберу, Кудеяр заметил, как я провожаю его недовольным взглядом, и высокомерно улыбнулся.

Он взял карту и внимательно всмотрелся в дороги на ней. Я со своего места тоже все видел.

– Нам нужно сюда, это – первый маяк, – сказал Эмбер, указав пальцем на одну из крупных точек посреди дорог. – Через четыре дня мы доберемся до спуска на другой ярус. Главное – не заблудиться на первом, тут есть множество дорог, ведущих в тупики или куда похуже.

– Думаю, это будет несложно, – закончив изучать карты,

Кудеяр вышел за пределы света от шара Бэйр. – Идем!

Глубины

Мы двинулись в путь. Тоннели постоянно раздваивались, иногда перед нами оказывалось больше дорог, чем было на карте, иногда нужные проходы отсутствовали. Некоторые тоннели оказывались заброшенными норами, которые звери вырыли уже после создания старой карты, а некоторые образовались из-за обвалов. Запахи везде были разные, и Кудеяр вел нас, ни разу не ошибившись, он угадывал верные пути даже там, где мне самому потребовалось бы сменить несколько обликов, чтобы догадаться. Как ни противно было это признавать, царевич и вправду подходил на эту роль лучше.

Он бесшумно двигался впереди, находясь за чертой света, но время от времени давал знать, что еще не ушел на изнанку.

Когда пришли к первому фонарю, магические часы Бэйр показали, что мы находились в пути чуть более десяти часов. Если в городах слевитов стояли специальные башни с колоколами, которые оглашали звоном каждый прошедший час, то здесь ничего вокруг не менялось, и время скорее измерялось нашей усталостью, чем цифрами на приборе ведьмы.

Маяк представлял собой высокий каменный столб, – наверное, метров пять, – с магическим шаром на вершине и накопителями энергии вокруг. Шар излучал голубоватый свет,

в черте которого многим из нас стало неуютно. Только Арланд, Люциус, Бэйр и Дейкстр чувствовали себя в порядке, а все остальные, в том числе и я, ощутили мгновенную усталость и слабость. Я даже не смог готовить и поручил это дело Люциусу. Хотя чародей был с придурью, он много раз помогал мне с готовкой и вполне мог заменить меня.

– Этот свет отпугивает чудовищ, так? – уточнила Бэйр после того, как обошла маяк со всех сторон несколько раз. – Интересно, как оно работает.

– Не смей туда лезть, ведьма! – прикрикнул на нее Дейкстр, разбивающий палатки. – Если ты что-нибудь сломаешь!...

– Но я же только посмотрю! И все!

– Бэйр, ты не заберешься туда с больной рукой. Угомонись и лучше помоги мне, – попросил Люциус. – Мешай, пока я буду сыпать приправу!

– Насыпать, а потом помешать самому нельзя, что ли? – ведьма нехотя подошла к костерку и, взявшись за половник, стала помешивать.

– Ты в смесь из крови гидры и слез осла тоже будешь прах летучей мыши засыпать, а потом мешать!? – обругал ее Люциус.

– Очень сомневаюсь, что эти ситуации аналогичны, – фыркнула ведьма, и, подумав, показала чародею язык.

– Я пойду, осмотрюсь. Не могу тут больше сидеть, – решил я и, поднявшись на дрожащих ногах, поплелся за черту све-

та. – Этот глупый маяк принял меня за какого-то монстра.

– Очень опасно бродить по тоннелям в одиночку, – заметил Эмбер, развалившийся рядом с Мафусаилом и Кудеяром – все они чувствовали себя отвратительно. Кроме Саши и Кречета, разумеется, – они уже давно обследовали местность вокруг, прыгая в темноте.

– Мы не так далеко отошли от владений слевитов, уверен, здесь нет крупных хищников. К тому же, это всего лишь первый ярус, – ответил я и ушел в пещеры, превратившись в полукровку на подобии Кудеяра.

На самом деле мне хотелось не столько прогуляться, сколько познакомиться с местными животными. Во время пути их отпугивали запахи нашей компании, а сейчас, когда я один, они могли показаться. Ведь не могу же я не научиться новым перевоплощениям, побывав в таком удивительном месте!

Первым делом я внимательно осмотрел ближайшие тупиковые тоннели. В одном из них находилось небольшое подземное озеро, а где озеро, там и мхи, где мхи и вода, там живность.

Но, вопреки моим ожиданиям, я не нашел ничего интересного. Там ползали одни только большие серые крабы, я поймал их штук восемь и, превратившись в серафима, прицепил шесть – по одному на крыло, а двух понес в руках.

Когда я вернулся в таком виде в лагерь, компания взорвалась таким хохотом, что, наверное, слышно было даже в го-

роде слевитов. Они ржали, как умалишенные: Кудеяр едва ли не по полу катался от веселья!

– А как бы я их еще донес!?! – возмущенно проворчал я, сгружая свою находку возле костра. Крабы сразу принялись разбегаться, пришлось убить их с помощью острого кинжала, который подарила мне Юкка.

– Ох, Лео, ты такой смешной!... – на выдохе произнесла Бэйр, утирая слезы.

– А ты умеешь летать? – спросил покрасневшийся Кудеяр.

– Рэмол учил меня, – я гордо кивнул.

Управлять шестью крыльями, а еще руками и ногами – это было очень не просто. И хотя за всю жизнь я принимал самые разные облики, они ощущались намного естественнее и органичнее, чем могучие тела серафимов, которые появились не стараниями природы, а по желанию богов. Рэмол отлично владел всеми крыльями и мог одновременно делать ими совершенно разные движения, его любимый фокус был такой: он стоял и делал что-то руками, а крылья, кончики которых на самом деле были раздвоены, в это время тащили из карманов окружающих все, что плохо лежало. Этому он научился еще когда разбойничал с Юккой.

Мне до такого мастерства нужно было жить еще лет пятьдесят, пока у меня даже взлетать не каждый раз получалось.

Выйдя на открытую площадку, я прижал руки к груди, прыгнул, взмахнув верхними крыльями и с силой опустил

их вниз, волна воздуха подняла меня вверх, потом я сразу же взмахнул второй парой и, наконец, третьей, потом снова нужно было поднять первую, но я не успел и поднял вместо этого правое верхнее и левое среднее... я запутался и, вместо того, чтобы лететь дальше, упал на землю с четырехметровой высоты, на которую успел подняться. К счастью, я успел обернуться птицей с двумя крыльями и не ударился.

– Это не просто, – объяснил я ухмыляющемуся Кудеяру.

Я превратился в себя и больше мы к этой теме не возвращались: нужно было готовить крабов. Эти отличались от наземных только размерами и плотностью панцирей, но это было скорее плюсом, чем минусом. Печеные с сушеными травами крабы оказались очень вкусными, и я взял это на заметку.

Посидев немного у костра, мы все расползлись по палаткам. В подземельях было не очень холодно, поэтому каждый спал у себя.

Мы решили соблюдать наземный режим сна и бодрствования, пока это будет возможно, поэтому Бэйр разбудила всех нас по своему магическому будильнику около восьми утра. Позавтракав остатками крабов, мы собрались и отправились в путь, уничтожив все следы своего лагеря. Необходимо сжигать остатки еды, иначе за нами увяжется целая стая голодный прилипал, которые в итоге могут решить закусить не только нашими обедками, но и нами.

Семь маяков мы шли точно так же, от ночлега до ночлега.

Ничего не менялось. Живности нам почти не попадалось, а все, что попадалось, тут же ловилось и готовилось. Помимо хрустящего на зубах мяса крабов нашим любимым блюдом стали местные летучие мыши и пещерные ящерицы. Продуктов из сухих запасов мы почти не потратили благодаря тому, что и ящериц, и мышей в пещерах было довольно.

В пути со скуки чего только не придумывалось, от игр в слова до соревнований кто дольше пройдет на руках. Было такое ощущение, что мы находились не в опаснейших лабиринтах, а на развлекательной прогулке! Бояться было совершенно некого, и это даже немного огорчало: я ждал от этого путешествия будоражащих душу впечатлений. А тут все было настолько тихо, что даже забылись события в городе слевитов, уже никто не задавался вопросом, какие такие враги взялись помешать нашей экспедиции. Самое страшное, что нам приходилось переживать, так это скуку неугомонной Бэйр и Люциуса.

Ведьма сходила с ума от безделья, просто шагать и болтать она не могла. Доходило до того, что она принималась на ходу перестреливаться с Кудеяром заклинаниями, писать в своем дневнике или даже что-то варить в левитирующем котелке. Это что-то потом непременно на кого-нибудь выливалось и с этим кем-то что-то происходило. После того, как котелок вылился на Кудеяра, у него вырос иллюзорный хвост, Адольф от зелья стал вдруг нормального цвета, Люциус превратился в кентавра, а Дейкстр – в женщину. Если

Кудеяр мог терпеть хвост и даже посмеялся вместе со всеми, то Дейкстр взбесился и... в общем, больше Бэйр так с ним не шутила.

Люциус вел себя еще хуже, он вспомнил свою жизнь в тере и без конца докапывался до всех подряд с дурацкими вопросами! Не трогал он только меня, Бэйр и Арланда – с нами ему уже было не интересно. Ему нужно было непременно узнать у Адольфа, из яйца тот родился или нет, а если не из яйца, то почему, ведь все змеи вылупляются из яиц! У Кудеяра чародей без конца выдергивал волосы – оказалось, это были не волосы, а похожие на перья пряди, которые ощущались, как плотное скопление воздуха. Это было безумно больно, но такие пряди становились превосходной игрушкой для мага: на каждое заклинание они реагировали совершенно непредсказуемым образом. Кроме того, Люциус бесконечно вился вокруг Эмбера, бедняге с рогами доставалось больше всех: чародей пускал искры в его хвост, проверяя чувствительность, дергал за рога и наросты на спине, не забывая при этом выяснять, сколько раз за все свои пятьдесят лет дракон изменил своей нареченной. Не выдержав, как-то раз Эмбер просто зарычал на него, оскалив огромные клыки. Тогда он чуть не обратился от злобы, чешуя со спины стала перерастать на грудь, рога увеличились, и лицо неестественно вытянулось. К счастью, в последний момент в их ссору вмешался Арланд.

Словом, путь у нас был веселый.

Вполне стоило ожидать, что после стольких дней бок о бок все начали потихоньку ссориться – и не только с Люциусом. Эмбер был самым счастливым в этом плане: он, как главный, мог законно прикрикнуть на каждого из нас и на этом успокоиться. Дейкстера все больше раздражала парочка новобранцев. Кудеяр не упускал случая поспорить со мной и несколько раз мы даже подрались, не то чтобы всерьез, но это был отличный способ сбросить напряжение. Адольф старался держать себя в руках, и ему лучше всех это удавалось, но иногда он тихо шипел и высказывал свое мнение насчет чье-нибудь поведения. Чаще всего от него доставалось Бэйр, которая иной раз была действительно невыносима. Ведьма на змея не обижалась и не всегда принимала его замечания к сведению. Тогда на нее прикрикивал Арланд, а иногда даже не прикрикивал, а очень доходчиво ругался, и ведьма тут же становилась бледным невидимым призраком и как будто исчезала на несколько часов. Иногда после такой взбучки ее было даже жалко и все мы тайком ее подбадривали, пока Арланд не переставал злиться и пугать ее страшными взглядами.

За время пути мы все постоянно ссорились и мирились, но это ничуть не мешало походу. В остальном все было идеально: мы всегда успевали подойти к маяку до того, как сильно уставали, готовили и забирались в палатки.

У седьмого маяка, последнего на первом и самом маленьком ярусе, мы остановились на ночлег так же, как обычно.

Всем нелюдям в черте волшебного света стало не по себе, а же давно додумался превращаться в человека и мог спокойно выполнять свои обязанности повара.

Собравшись у костерка, устроенного ведьмой на голом камне, мы ужинали крабами, которых я у последнего озера наловил про запас штук тридцать. Чтобы они не испортились, мы поселили их в самодельные клетки, развешанные на спине Мафусаила.

Вкусный ужин, как и всегда, хотелось приправить традиционными рассказами. Каждый вечер кто-нибудь рассказывал какую-нибудь байку из своей жизни или услышанную от кого-то.

– Я вот все думаю, Арланд, – лениво начал Адольф, лежащий на спине черного ящера, заложив руки за голову. Забавно, но между Мафусаилом, Эмбером и Адольфом завелась довольно трогательная дружба, они постоянно укладывались возле друг друга, как эдакое братство разумных чешуйчатых. – Ты проучился в Ордене столько лет, а за все время похода ни разу не рассказал ни одной студенческой байки. Кажется, сегодня твоя очередь усладить наш слух историями.

– Это верно, а то все время или Дейкстр про трактирные драки, или Кудеяр про охоту, – подхватил Эмбер, закуривая трубку. На него глядячи, закурил и Арланд с Бэйр на пару. У них по-прежнему была одна трубка на двоих. – Я вам уже рассказал и про горы с орками, и про Крепость-на-Пе-

рекрестке, так что теперь давай ты, Арланд.

– Ну... так и быть, – братец улыбнулся, устроился поудобнее на своем месте. Он оперся спиной на плоский камень, как на спинку кресла, потрепал по голове Кречета, лежавшего рядом, обнял Бэйр и начал свой рассказ, пыхнув трубкой: – Один раз на уроке основ демонологии я решил блеснуть знаниями перед преподавателем, начертил пентаграмму для вызова демона и случайно себя в ней запер. Это было примерно на втором курсе, и тогда я еще не знал, что со мной не так: я ведь думал, что просто одержимый и со временем как-нибудь вылечусь. Потому и наносил татуировки, пока последние, те, что на шее, – для изгнания старшего демона, – не дали никаких результатов. Это произошло лет пять назад, только тогда я понял, что не смогу изгнать демона, потому что это я сам демон, выросший в теле графа, погибшего еще до своего рождения. Ну так вот, я оказался внутри замкнутого круга, все думали, что я так шучу и притворяюсь, что не могу выбраться, а я на самом деле не мог. В итоге один из студентов решил подыграть мне, прочел необходимое заклинание из учебника и заставил меня себе служить. Это была самая настоящая сделка, я тогда даже не думал, как это было опасно и как мне в итоге повезло! Студент, полагая, что все это шутка, велел мне исполнить одно его желание. После того, как я дал согласие, он стер линии пентаграммы, и я смог выйти. Сразу после этого он загадал, чтобы я принес ему его любимую кошку. И ничего бы, но эта кош-

ка сбежала от него год назад! Помню, когда я это услышал, я вдруг проникся таким сочувствием к этому несчастному, потерявшему любимую кошку, что у меня даже слезы на глаза навернулись. Плененные демоны вообще обладают высокой эмпатией, особенно после сделки, – Бэйр неопределенно хихикнула, но быстро сделала серьезное лицо. – Я решил во что бы то ни стало найти предательницу и вернуть ее хозяину. Я ушел с лекции, никому ничего не сказав, и отправился в свою комнату. У меня в личных тетрадях было записано несколько поисковых ритуалов, один из которых я давно хотел опробовать. Это была зачарованная веточка, которая указывала в сторону, куда надо было идти. Она начинала дрожать, если приближаешься к искомому. Вообще, никто из молодых инквизиторов при всем желании не мог бы зачаровать что-то: мы каждый день пили столько святой воды, что некоторым даже сны переставали сниться, настолько были истощены ментальные силы. Поэтому мне пришлось спрятать прутик под плащом, чтобы никто не заподозрил во мне мага или кого похуже. Не без труда выбравшись за стены Ордена, куда вела меня палка, я направился в ближайший лес. До самого вечера я пробирался сквозь кусты, пока над моих ухом вдруг кто-то не завопил. Обернувшись, я увидел бело-серую кошку, сидящую на ветке дерева. Я позвал ее, но она не пошла ко мне, наоборот, стала медленно уходить дальше вглубь леса. Я подумал, что она хочет что-то мне показать, – животные и люди часто хотят мне что-то

показать, – и поэтому последовал за ней. В детстве у меня тоже была кошка, и она была невероятно умной, она показала мне все тайные ходы моего родного поместья... правда, потом выяснилось, что эту кошку кроме меня никто не видел, но что с того? Я-то знал, что она существовала, пускай без материальной оболочки, но ведь так только лучше: вместе с телом у животных-призраков пропадает большинство подавляющих разум инстинктов, и они становятся почти как люди. Ну так тогда я подумал, что серо-белая тоже умный призрак, и не побоялся идти за ней. Она привела меня к дереву, села под ним и начала мяукать, громко и пронзительно. Звук был неприятный, и я попросил ее замолчать, но она не послушала, тогда я пнул ее ногой. Она, поскольку не знала, что мертва, отскочила в сторону, и нос моего сапога врезался в кучу листьев под деревом. Под ними оказался полуистлевший кошачий труп. Я догадался, что кошка моего приятеля умерла в этом месте, а я видел ее призрак. Возможно, я бы попросил кошку пойти со мной, в Ордене было немного призраков, и все они были нудные профессора, а мне давно хотелось домашнего зверька. Но я заключил сделку с тем парнем, и потому не видел иного выхода, кроме как вернуть ему кошку, а себя пока оставить без любимца. Я давно заметил, что помимо прочих странностей владею некромантией. Мертвые всегда были мне ближе, чем живые, и неудивительно, что я быстро научился работать с их плотью... Не смотри на меня так, Бэйр, ты всегда знала, что это

я призвал Дороти!... Я давно не практиковался, так как в Ордене могли учуять запретное колдовство и выйти на мой след. Но, тем не менее, у меня были силы и мне нужно было их куда-то тратить, чтобы не лопнуть. А эта кошка представила мне отличную возможность решить несколько проблем одновременно: поколдовать, будучи незамеченным, и подружиться хотя бы с одним из студентов, вернув ему зверька! Поднатужившись, я смог воскресить немного кошки и был очень доволен результатом. В заколдованные кости с кое-какими остатками мяса и шкуры даже смог вселиться призрак! Кошка сказала, что ей нравится в своем прежнем теле, тогда я взял ее на руки и понес в Орден: деваться-то мне было некуда, меня связывала клятва! Было около двух ночи, когда я постучался в спальню студента, чтобы вернуть ему любимицу. И что вы думаете? Когда кошка бросилась к нему, издавая звуки, которые были бы радостным мяуканьем, если бы сохранились связки, этот неблагодарный заверещал от ужаса и перебудил весь Орден! Я поспешил убраться в свою келью и успел раздеться и улечься в кровать прежде, чем ко мне пришли с проверкой преподаватели. Выяснив по моему сонному и очень честному лицу, что я не спал, а до глубокой ночи учил демонологию, учителя оставили меня в покое. На следующее утро студент, поседевший за ночь на полголовы, рассказывал всем, как ночью я принес ему труп кошки, и этот труп ходил вокруг него и истошно выл, пытаясь проклясть. К счастью, старшие ему не поверили – я был тем

еще умницей и в черной магии скорее заподозрили бы самого парня, чем меня. Утром я встал и первым же делом изловил несчастную кошку, – она пряталась во внутреннем дворе корпуса, – и похоронил ее по всем правилам, чтобы упокоить душу несчастной. Найти улики и доказать мою вину никто не смог, но тому парню удалось убедить многих сокурсников, что это именно я приволок ему кошку. Потом меня еще долго пытались поймать на колдовстве, но им это так и не удалось. Друзей я тоже, как понимаете, не нашел.

– Какой ужас! – Бэйр улыбнулась. – И как на тебя похоже. У нас в академии такого не было, но зато тоже был один забавный случай со сделкой.

Все внимание устремилось на ведьму. Она довольно улыбнулась и, отобрав у Арланда трубку, начала рассказ.

– Почти все вы знаете мою подругу Люську. Еще у нас был приятель, не помню, как его зовут на самом деле, но мы его звали Чиж. Как-то на практике по обращению с магическими животными, а именно с летающими мартышками, мы решили посмеяться над преподавателем и заменить одну из мартышек курицей. Тетка была плоха зрением, и легко бы купилась на нашу шутку. Мы договорились с Люськой и Чижом, что Чиж, когда всем раздадут клетки, заменит свою крылатую обезьяну на птицу. После этого он подзовет преподавателя и пожалуется на то, что ему вместо крылатой мартышки раздали курицу, а дальше, как пойдет. Но этот достойный представитель мужского пола обосрался от страха

в самый последний момент, и когда тетка подошла, услышав его жалобу, сдал меня с потрохами, мол, это все я придумала! Меня повели к ректору, который почитал нотацию о хорошем поведении и под конец сказал, сколько стоит одна такая мартышка...

– Кажется, я догадываюсь, почему я не знал об этой истории, – вставил Арланд, бросив на Бэйр взгляд, полный укора.

– Еще бы я тебе об этом сказала! – хмыкнула ведьма и продолжила: – После практики я нашла Чиж с Люськой, но, как оказалось, со страху Чиж забыл, куда спрятал обезьяну в мешке. По уговору он должен был деть ее под свой стол, но в переполохе он ее оттуда унес и куда-то положил. Определенно, выжечь у него на лбу «я отсталый debil» после этого было бы весьма уместно, но, как мне показалось, мало! Я назвала ему сумму в полтора раза большую, чем стоимость мартышки, и сказала, что к вечеру у меня должны быть или деньги, или обезьяна, иначе меня выгонят из академии за кражу, а ему за это устроит веселую жизнь мой опекун. Чиж обосрался еще больше, но намек понял. Конечно же, я бы как-нибудь выкрутилась сама, но тут ведь не я была виновата, а он, и он заслужил немного понервничать. Я ведь права? – она окинула вопросительным взглядом всю нашу компанию.

– Вполне, – подхватил Люциус. У него было такое лицо, как будто он слушает не рассказы о наших подлостях, а прекраснейшую в мире музыку. – Продолжай, не останавливай-

ся!

– Ну так, Чиж побежал искать мартышку и деньги, а я отправилась к тетке-преподавательнице. Полностью полагаться на изобретательность Чижа было опасно, поэтому я решила и сама похлопотать. Когда я шла по коридору к аудитории, я заметила на одной из скамеек дергающийся мешок. В нем была та самая мартышка. Схватив его, я побежала к преподавателю, но по закону подлости в аудитории поскользнулась, упала и разбила аквариум с золотыми змеями. Слава мертвым богам, тетки на месте не было: у нее закончились все занятия, и она ушла! То есть у меня было время, чтобы заменить разбитый аквариум. Закрыв аудиторию на засов и повесив на ней табличку «закрито», я выскользнула из академии и, замотав голову и лицо широким платком, чтобы меня на городском рынке никто не узнал, отправилась за аквариумом. Обезьяну пришлось взять с собой, ведь если бы я притащила ее ректору, чтобы закрыть свой первый ляп, он бы пошел искать ту тетку, чтобы сказать, что все обошлось и мартышка нашлась, и та тетка пошла бы в свою аудиторию, чтобы поместить блудную мартышку в клетку, а в аудитории разбитый аквариум, за который с меня тоже запросят денег... В общем, я находилась в страшно нелепом положении! На рынке я быстро отыскала нужного размера аквариум, но стоил он столько... как по мне, так он и вовсе этого не стоил! Мартышка тем временем замерзла в мешке, ведь зима была. Я вынула ее и спрятала за пазухой, чтобы бедняга не

околела. Животинка оценила мою доброту, обняла меня за шею, и мы с ней ходили по рынку, как сиамские близнецы. Я уже потихоньку начинала паниковать, так как денег не было и взять их было неоткуда, а еще один выговор за порчу имущества академии мог стать для меня последним. Ходим мы, значит, с мартышкой, смотрим вокруг печальным глазами, как вдруг передо мной откуда ни возьмись появляется Чиж. Он бешено смотрит на меня и тут же хватается за руку. «Вы продаете эту обезьянку?» – спрашивает он. Я поняла, что он меня, замотанную в шарф, не узнал и подумал, что я продаю мартышку. Я ответила, что да, продаю, и назвала цену, точно такую же, как и час назад. Он отсчитал мне деньги, а я сказала, что сделаю скидку, если он купит мне аквариум и поможет донести до академии, где его заказал один профессор. Чиж не понял странности происходящего и согласился, он оплатил аквариум непонятно откуда взявшимися деньгами, дотацил его до академии, а почти всю оставшуюся сумму отдал мне за обезьянку. Я вручила ему зверька, а сама быстренько ушла с аквариумом в нужную аудиторию. К счастью, змеи существа ленивые и никуда не уползли за время моего отсутствия, поэтому я подмела осколки их прежнего жилища, а рептилий сунула в новый аквариум. В итоге все выглядело так, как будто ничего и не разбивалось! Стащив шарф с лица и надев шубу наизнанку, я побежала искать Чижа. Он шатался по коридорам, жалобно спрашивая у прохожих, не видел ли кто Бэйр. Какое же счастье засветилось у

него в глазах, когда он заметил меня на другой стороне коридора! Он гордо вручил мне обезьянку, и мы вместе пошли к ректору. Ректор особо не злорадствовал, обезьянка вернулась на место, а я осталась в академии и при деньгах.

– Совсем как я в студенческие годы, – воскликнул Люциус. – Скажи, что ты купила на эти деньги?

– Неужели ты так злостно обманула доверившегося тебе парня? – возмутился Эмбер.

– Ну... Я пошла на Черный Рынок и купила там роскошную мантию черно-красного цвета. Я подарила ее Чижу на его день рождения, который был примерно через неделю после случая с обезьянкой. Сам бы он все равно не распорядился этими деньгами с такой пользой, а теперь ему зато не стыдно появиться на торжествах в академии... Эх, где-то они сейчас с Люськой? Я ведь им так ничего и не сказала! – вздохнула ведьма.

Я, как и все остальные, знал, что их забрали белые совы, как знакомых разыскиваемой ведьмы. Чиж вышел через пару дней, так как снабдил их всеми известными ему сведениями, что стало с Люськой, которая, я уверен, не произнесла ни слова, никто из нас так и не узнал: вроде бы Люциус пытался ее найти, пока мы были в особняке, но нам он ничего о результатах не сказал. В любом случае, Бэйр об этом говорить не стоило.

– Этот Чиж заслужил, чтобы ты потратила эти деньги на себя, – заметил Люциус.

– Она вообще не должна была брать денег, – возразил Эмбер.

– Я считаю, Бэйр поступила справедливо, – Арланд прижал ведьму к груди поцеловал ее в смуглую щеку.

– Зачем вообще нужно было лезть к преподавателю с такими глупыми шутками? – проворчал Дейкстр.

– А как по мне, история в точности отражает торговый кризис между Нейвером и Лиазганом в прошлом десятилетии, – вставил Кудеяр.

Неожиданно из сумок донесся странный звук, похожий на щелчки. Все маги нашей компании обернулись туда: впервые сработал наш магический приемник.

Такие Истэка разработал во время Войны Богов, чтобы части армии могли связываться друг с другом на огромных расстояниях, и нам в глубины досталась усовершенствованная копия для связи с поверхностью.

Кудеяр, которому поручили устройство, пошел к вещам, чтобы выудить трещащую штуковину на свет.

В его руках оказалась рогатина на странной подставке с магическими накопителями, он взял ее в руки и замер, видимо, слушая сообщение.

– Рэмол просил передать, что наверху все очень тихо, стычки засевших на Черном рынке отрядов не возобновились. Юкка... Адольф, как твой глаз, Юкка спрашивает? – насмешливо крикнул Кудеяр змею.

– Так же, – проворчал он.

Кудеяр мысленно передал это сообщение устройству. Он замер еще на несколько минут, нахмурившись. Мы подумали, что он слушал какие-то плохие новости, но, когда царевич заговорил, выяснилось, что следующее сообщение от Раф и оно только для меня.

Мое сердце бешено заколотилось, я даже испугался, что сейчас со мной что-нибудь случится! Что же она могла передать мне?

– Раф послала что-то тебе лично? – Адольф прищурил разноцветные глаза и покосился на Кудеяра. – С чего бы это?

– И мне очень интересно это знать, – пророкотал царевич, окидывая меня недобрым взглядом.

– Как мне поговорить через эту штуку? – спросил я, беря в руки странное устройство.

– Я зарядил кристаллы, магия ему на время на требуется. Просто сосредоточься. Ты услышишь ее голос. Потом ответь, держи губы близко к считывателю, – он указал на круглый диск с мембраной на подставке, не сводя с меня тяжелого взгляда.

– Спасибо, – кивнув Кудеяру, я ушел подальше от лагеря.

Мне хотелось оказаться как можно дальше от всех. Если это действительно послание от Раф лично мне, то я точно не хочу получить его под любопытными взглядами остальных... наверняка она хотела передать мне что-то очень особенное!

Не помня себя от волнения, я остановился в семистах мет-

рах от маяка, в одной из пещер, где меня никто не мог ни услышать, ни найти. Взявшись за устройство, я приготовился слушать.

– Леопольд, – я вздрогнул, потому что голос Рафнейрис раздался прямо у меня в голове. Мой испуг помешал контакту, и устройство замолчало, но вскоре я взял себя в руки, и сообщение продолжилось: – Рэмол рассказал мне, что ты будешь жить на Охмараге, если вернешься... А ты ведь вернешься. Почему ты не рассказал мне о том, что приедешь туда? Никто не запрещал тебе говорить об этом! С твоей стороны было просто подло умолчать об этом, учитывая обстоятельства! Разве я не заслужила знать!? Что же ты надел, глупый лицедей!? Если бы я знала раньше, что буду постоянно видеть тебя во дворце, я не позволила бы себе идти на поводу твоих щенячьих глаз! А теперь что же!? Я еду к родителям, чтобы обрести душевное равновесие, а там постоянно будешь находиться ты! Разве это возможно, чтобы я со спокойствием выносила твое присутствие, разве возможно, чтобы я могла бывать с тобой, поваром, в своем собственном доме, где любой увидевший нас тут же доложит обо всем отцу!? Мне остается или остаться на материке, где жизнь для меня невыносима, или разрушить твою судьбу, велев Рэмолу закрыть тебе все пути на Охмарагу, или погибнуть самой, опозорившись в глазах семьи! Я не хочу ни того, ни другого, но что же мне делать теперь!?... Как жаль, что все так складывается, а я уже не могу не думать о тебе! Гожалуйста, от-

веть мне. Я соскучилась по твоему голосу. Может, споешь? Я буду слушать твою песню перед сном...

Выслушав послание, я несколько минут пытался оправиться от впечатлений. Я боялся поверить собственным ушам, но голос Раф еще звучал в моей голове и не давал поводов для сомнений: она правда скучает по мне!

Так выходит, что все, что между нами было, было не просто так? Что-то скрывалось за нашими ночными прогулками, болтовней, общими делами, и это что-то было не только дружбой? Значит, когда я решился поцеловать ее, я не сделал глупость, а, наоборот, заставил и ее поверить, что все это было не просто так?

Я долго ходил по пещере, путаясь в мыслях. От перевозбуждения я никак не мог придумать достойный ответ, слова не шли в голову, а голос дрожал, не позволяя петь. В итоге я просто наиграл на флейте одну мелодию, которую мы разучили вместе с Раф.

Когда я вернулся в лагерь, Кудеяр забрал у меня устройство.

– Что она тебе сказала? – спросил он, убирая его в одну из сумок на седле Мафусаила. Я запомнил, в какую именно.

Я поднял на него всю печаль своих глаз, слезящихся, как у бычка, которого ведут на убой, и, едва владея дрожащими губами, ответил, хотя скорее жалобно проскулил:

– Лотота умерла!...

– Что? – царевич немного оторопел: такого ответа он явно

не ждал.

– Моя собачка, Лотота. Я оставил ее Раф, когда ушел в поход, а она не досмотрела, Лотота подобрала что-то на улице и в тот же день умерла в муках! – я расплакался. В театре меня научили плакать так, чтобы зрители вокруг начинали плакать еще громче.

Мне играло на руку то, что Бэйр с Арландом уже спрятались в своей палатке. Они единственные могли мне не поверить и нечаянным замечанием выдать мою маленькую ложь.

– Я что-то не помню, чтобы у тебя была собака, – заметил Адольф, но тут же сконфуженно уставился в пол. Правильно, каким извергом нужно быть, чтобы упрекать во лжи настолько расстроенного оборотня?

– Я иду спать, – ответил я и быстро скрылся в своей палатке.

Там я бросился на подушку и, уткнувшись в нее лицом, дал волю разобравшему меня смеху, от радости, облегчения и волнения одновременно.

Она все-таки по мне скучает!

– Кто-нибудь помнит про его собаку? – я услышал шепот растерянного Кудеяра, доносившийся снаружи.

– Я не помню, – неуверенно ответил Эмбер. – Люциус, ты помнишь Лототу?

– Ха-ха-ха!... Ах-ха-ха.... Конечно! – чародей очень умело изобразил сквозь смех горестные истеричные рыдания. – Маленькая, коричневая, очень любила мармелад... Ах, Ло-

тота, как же тебя угораздило-то сожрать что-то и окочуриться? А вы, бесчувственные, как можно было не замечать столь милое создание!?

– Может, Арланд тоже видел Лототу? – хмыкнул Адольф, пытаясь пошутить, но его голос дрогнул к концу фразы. Видимо, кто-то из сидящих у магического костра смирил его соответствующим случаем взглядом.

– Может, кто-нибудь пойдет и утешит его? – неуверенно предложил Эмбер.

– И кто пойдет? – спросил Адольф. – Я отказываюсь, кто знает, может, он воспримет мои утешения как... что-то иное. А я не по этим делам!

– У него было четыре женщины, и я знал их всех. Поверь, он тоже не по этой части. Я пойду, раз вы все такие трусы, – заявил Люциус.

Вскоре он уже сидел в моей палатке, плотно закрыв полог и поставив звуконепроницаемый барьер.

– Ну как, что она на самом деле тебе передала? – ухмыльнулся чародей. – Что, все-таки скучает?

– Да, – я улыбнулся и тоже сел. – Она даже просила меня что-нибудь спеть тени, чтобы слушать мой голос перед сном.

– Я же тебе говорил! Не слушай Бэйр, она ничего не понимает в женщинах. Раф молодая, глупая и ищущая любви, помешанная на своем одиночестве из-за внешности и происхождения, ты такой же, так что вы обязаны были слюбиться!

– Ты грубый, но все же спасибо, – я благодарно взглянул

на чародея.

– Мне ты можешь рассказать все, поэтому если захочется поделиться чем-то, я к твоим услугам, – подмигнул мне Люциус. – Я не разболтаю и не задержусь тут надолго.

– То есть, не задержишься? – я удивленно посмотрел на колдуна. – Что ты имеешь ввиду?

– Я не слепой, в отличие от остальных! – зловеще ухмыльнулся Люциус. – Бэйр ищет путь в свой мир, я знаю, у нее уже есть что-то, что позволит ей уйти. Когда все засыпают, они с Арландом уходят подальше от лагеря. Можно подумать, они просто стесняются при всех исполнять супружеский долг, но я-то знаю, что они на самом деле делают. Я чувствую, как воет материя. Бэйр ищет способ найти дверь в свой мир, режет и зашивает межмировую занавесь, думает, никто этого не заметит... Ясно, что они с Арландом не выйдут на поверхность Скаханна, стражи и инквизиторы не дадут им жить спокойно, и они отправятся в мир Бэйр, на Землю! Так вот, я хочу с ними. Тут мне тоже делать нечего: Рэмол меня в покое не оставит. Оно мне надо? Я лучше испытаю судьбу, отправлюсь куда-нибудь, где меня никто не найдет.

– И правильно сделаешь, я думаю. Бэйр говорила, у них на земле есть хорошие... эти... психиатры.

– Да... – чародей отмахнулся. – На Земле нет магии, ее воздух чист от этой дряни и развеет мою болезнь, как туман. Хотя я уже привык к ней: как будто вечно пьян и счастлив. Разве это плохо?

– Хорошо, что у меня останется хотя бы Раф... – я вздохнул. – Тяжело смириться с тем, что больше никогда не увидишь друзей.

– Не унывай, ты и опомниться не успеешь, как эти двое вернутся.

– Разве они вернутся? Я бы не вернулся, наверное...

– Я тебя умоляю! – фыркнул Люциус. – Разве смогут они, пережив все это, навсегда поселиться в мире с одной-единственной и самой скучной расой, без магии и даже без магических животных? Их хватит только на несколько лет, и они обязательно вернутся! Иначе и быть не может.

– Тогда это замечательно! Если они действительно вернутся, значит, я никого не потеряю...

– Бэйр так точно вернется к тебе. Ты же для нее как младший брат, если не как родной ребенок... Ну ладно, пойду я. Что им сказать? Что ты убит горем?

– Да, скажи, что я раздавлен, – я кивнул. – Безумных тебе снов, Люциус.

– Страдай от любви и бессонницы, Лео.

Земляная ведьма

Второй ярус ничем не отличался от первого. Нам не попало ничего, похожего на следы «зла», никаких особенных сложностей не возникало. Наше путешествие проходило подозрительно спокойно: водоемы с крабами встречались регулярно, ящерицы в изобилии ползали по мшистым камням, все маяки, даже те, к которым никто не приходил уже несколько сотен лет, исправно работали.

Подземелье не дало нам ни единого повода для беспокойства даже когда мы, готовые ко всему, спустились на третий ярус. На нас не бросился с первых же шагов огромный монстр, не исчезли внезапно небольшие озерца с полянами мха, которые заменяли нам баню и прачечную. Только на дороге стало попадаться больше каменных глыб – осколков сталактитов. Но это, впрочем, не так сильно осложнило нам жизнь.

Когда мы прошли третий маяк, Кудеяр начал жаловаться на странные запахи, но уверял, что для нас они не опасны и лишь раздражают его обоняние. Видимо, царевич ошибся в своих предположениях насчет опасности этих запахов: подышав новым воздухом, Адольф свалился уже на четвертом маяке. Он просто не встал к завтраку, а когда мы заглянули в его палатку, увидели вокруг него кучу платков, пропитанных кровью.

Оказалась, этот идиот скрывал от нас воспаление легких, которое подхватил еще в горах, и теперь оно усугубилось! Все перепугались. Кудеяр дал Люциусу на копирование свои порошков, пар от которых лечил дыхательные пути. Из них получилось удивительное лекарство, уже через сутки Адольф оправился и смог продолжить путь, но теперь он должен был постоянно дышать парами сжигаемых порошков перед сном. Кудеяр говорил, что, если он будет дышать ими хотя бы два месяца, он сможет не просто вылечиться, но и здорово укрепит дыхательную систему

После двух дней задержки из-за болезни Адольфа мы двинулись дальше, и странный запах усилился. Никто из нас его не чувствовал, но Кудеяр сходил от него с ума. Дошло до того, что он начал обыскивать вещи каждого, пытаясь найти источник запаха.

– Нужно проверить припасы! В мешках заваялся тухлый краб... Черти адской бездны, да что же может так вонять!?! – царевич остановился в третий раз, но теперь, видимо, был настроен решительно. – Дайте мне мешки с едой, я посмотрю, что там такое!

– Что там может стухнуть, Кудеяр? Мы все съедаем в тот же вечер, когда ловим. Кудеяр, успокойся! Вероятно, это просто запах животных, которые проходили тут недавно, – Адольф поспешил остановить полукровку, чтобы тот не порвал сумки своими огромными когтями.

– Что бы это ни было, оно мертво и ходить не может!

Мягко оттолкнув от себя змея, Кудеяр снял первый мешок с седла Мафусаила и развязал его.

– Неужели в самом деле животные? – Дейкстр задумчиво прислонился спиной к ближайшему камню. – Мы прошли второй ярус, половину третьего, и только сейчас они появились, крупные зловонные чудовища?

– Конечно, было бы лучше, если бы они не появлялись до тех пор, пока мы не выберемся отсюда... Но ведь мы не выберемся, пока не встретимся с ними, – Бэйр подошла к рыцарю и устроилась рядом, повторив его позу. – Когда-нибудь это должно было случиться. Когда-нибудь они должны были нагадить нам на дорогу.

– Но почему именно здесь? – Дейкстр недоуменно посмотрел на ведьму. – Что изменилось? Тут жратвы и воды не меньше.

– Может... Я не знаю, – Бэйр взмахнула руками. – Может, тут камни на их взгляд красивее или эхо дольше? Может, этот ярус у них что-то вроде общественного туалета? Какие еще могут быть причины у местной животинки, чтобы во-нять здесь, а не где-то еще?

– Возможно, это связано с нашей остановкой, – предположил Эмбер. Пока Кудеяр под присмотром Адольфа проверял мешки с сухарями, которыми мы питались в течение пути, дракон взобрался на один из камней и уселся там, свесив одну ногу и хвост. – Мы просидели пару дней у одного маяка, и звери решили, что можно подойти поближе. Они

начали нас окружать, но мы снова двинулись дальше, и они тут же разбежались, только их запах остался.

– Думаешь, слевиты решились бы вылезти наружу, если бы их проблемой была вонь зверей, разбегающихся при появлении наземных? – Бэйр недоверчиво покосилась на Эмбера. – Что-то я очень в этом сомневаюсь.

– Бэйр, у тебя что-то на плече, – рыцарь указал на правое плечо ведьмы.

Сверху на ее волосы и одежду стекало или сползало что-то мутно-белое, как будто червяк. От неожиданности ведьма забыла подумать и выпустила вверх заклинание, надеясь попасть в странное существо. Но молния не нашла цели и устремилась выше, к самому потолку. Сообразив, чем это кончится, мы все поспешно разбежались в стороны.

Заклинание врезалось в камень, и осколки взорванных сталактитов посыпались на пол, как единое грузное тело, поднимая столб пыли. Мы закашлялись и не сразу заметили, что внутри обрушившихся камней было что-то живое.

Я услышал протяжный жалобный писк, и это насторожило меня, но я даже крикнуть не успел, как писк вдруг превратился в рев сдуревшего от голода животного. Из облака пыли, скребя когтями камень, выскочило нечто большое. Оно было значительно крупнее Мафусаила – это единственное, что я смог понять.

Раздался вопль Люциуса, который находился по другую сторону обвала. Эмбер и Адольф, стоявшие возле меня, не

задумываясь бросились на выручку чародею.

Я, мгновенно став серафимом, сделал пару мощных взмахов крыльями и разогнал пыль, чтобы можно было хоть что-то видеть. Но все равно я смог разглядеть лишь спину зверя, толстую, гладкую, с гребнем вдоль позвоночника. Эта спина изгибалась, точно в ней не было костей.

Люциус вовремя опомнился и ударил чудовище заклинанием, которое сильно испугало его. Выпустив колдуна из пасти, зверь начал беситься на камнях и лезть на стены, истошно визжа. Соскользнув по гладкому камню вниз, он упал на спину, но тут же извернулся и бросился на Адольфа, который стоял к нему ближе всех. Длинные узкие челюсти сомкнулась на плече ланка, в руке которого уже был кинжал. Адольф ударил свободной рукой чудовище в маленький, скорее всего слепой глаз. Тварь, похожая на бледного крокодила с гигантскими сильными лапами, отпустила его и снова заметалась по полу и стенам.

Кудеяр бросился на монстра с воинственным кличем. Царевич сцепился с чудовищем, как равный, они завертелись, поднимая пыль, оба ревели и драли друг друга когтями и зубами. Уловив верный момент, Кудеяр пустил в брюхо животному зеленую молнию заклинания. Тварь мгновенно затихла на камнях. От магии ее кожа треснула, и сильно кровоточащая рана растянулась от шеи к брюху. Все кончилось.

Битва длилась не больше двух минут.

– Кудеяр, ты в порядке? – Арланд опомнился первый.

Убедившись, что Бэйр была достаточно далеко от сражения и не пострадала, инквизитор поспешил к царевичу.

– Я в порядке, – царевич еще не оправился от боя, его лицо искажал звериный оскал, волосы разлетались в стороны. На груди и руках царевича одежда была разорвана, кромки измочаленной ткани быстро пропитывались кровью из ран. Но даже такое множество небольших царапин не могло сильно повредить громадному полукровке, и поэтому инквизитор пока оставил его.

– Люциус? – найдя глазами чародея, Арланд обратился к нему.

– Я жив и здоров, что мне сделается? – усмехнулся колдун, смахивая с рукавов куртки пыль. На нем в самом деле не было ни царапины. Наверное, он зачаровал свою одежду, и монстр не смог ее прокусить.

– Адольф?

Змей лежал за грудой камней. Он даже не откликнулся на свое имя, и это не могло быть хорошим знаком.

– Эмбер, помоги мне перетащить его! – крикнул инквизитор, склонившись над телом ланка.

Бэйр быстро освободила место на длинном широком седле Мафусаила, куда можно было переложить Адольфа. Она развернула один из матрасов и устроила его так, чтобы седло напоминало койку.

Когда змея положили туда, я увидел, что все его левое плечо и предплечье в крови, было не ясно, где мышцы, где кожа,

а где насквозь пропитавшиеся кровью ткани костюма. Зрелища было ужасное.

Арланд залил раны спиртом из фляги, затем сбросил накидку и, закатав рукава рубахи, обмыл спиртом собственные руки. Бэйр уже разложила сумку с хирургическими инструментами и гоняла по металлу очищающие искры. Я не смог смотреть на то, как ланка штопают, будто разорванную куклу, и отошел подальше, повернулся повернувшись к Мафусаилу спиной.

– Откуда оно там взялось? – спросил я у Эмбера просто потому, что хотел хоть что-то сказать. Думать о том, что позади, возможно, умирает товарищ, было слишком страшно.

– Сейчас посмотрим, – сказал Люциус прежде, чем Эмбер успел ответить. Колдун создал большой светящийся шар из магии и отправил его высоко вверх, так, чтобы осветился весь потолок.

То, что мы там увидели... это было настолько неожиданно и жутко, что невозможно было понять, правда это или игра нашего одуревшего от глубин воображения.

Я стоял и всматривался в камни наверху, пытаюсь убедить себя, что это всего лишь мираж. Ведь как такое может быть на самом деле?...

На потолке, на расстоянии нескольких метров друг от друга, были подвешены крупные животные, как то, которое на нас напало. Все они были вмурованы в сталактиты или камни, как будто их вмешали туда, как в гипс, а потом он застыл,

и животные так и остались там. У кого-то вниз свисали лапы и хвост, а верхняя часть была внутри камня, у кого-то камень захватил только туловище, а лапы и голова бесполезно болтались. Кто-то из монстров был еще жив и вяло скреб когтями свою темницу, кто-то уже разлагался.

– Вот что за запах, – произнес Кудеяр, не сводя широко раскрытых глаз с потолка.

– Как?... – по моим плечам пробежала сильная дрожь. Я опустил голову, чтобы не видеть этого.

– Нежели мы все это время шли под... этим? – изумился рыцарь.

– Запах падали появился не так давно, – покачал головой Кудеяр.

– Они явно не сами там оказались. Кто-то вмуровал их туда. Но только зачем? – спросил Дейкстр.

– Слевиты болтали о чем-то подобном, – сказал Эмбер. – Около двух лет назад в лабиринтах стали появляться вмурованные в камни звери, чаще всего они попадались на охотничьих маршрутах слевитов. Того, кто это делает, зовут Земляной Ведьмой.

– Земляная Ведьма? Это еще что такое? – спросил рыцарь, повернувшись к дракону.

– Я читал о ней и спрашивал у слевитов, – рассказал Эмбер. – В конце концов я сделал вывод, что это просто легенда: нигде не было никаких доказательств того, что эта ведьма в самом деле существует. Даже не ясно, принадлежит она

к разумной расе или же это новое животное, пришедшее из глубин.

– И что теперь? Некоторые твари наверху еще живы, значит, эта «ведьма» была тут недавно. Что если она выйдет на нас? – Люциус тревожно осмотрелся вокруг, как будто враг, о котором он говорил, мог быть за его спиной или за соседним камнем.

– Кудеяр, иди к Арланду, он промоет тебе раны, – к нам подошла Бэйр. Рукава ее куртки были мокрые: она только что смыла с рук кровь Адольфа. – Арланд сделал, что мог. Нужно поскорее добраться до маяка, чтобы можно было продолжить.

– С ним все будет в порядке? – с надеждой спросил я.

– Да, – ведьма ответила не сразу, и это не могло не настораживать. – Он поправится. Тварь ослабела наверху и поэтому не смогла сильно навредить ему.

Пока Арланд занимался Кудеяром, я ушел в тень и развернул карту. Нужно было найти маршрут покороче, чтобы быстрее добраться до маяка.

Но, видимо, неприятности не собирались оставлять нашу компанию.

На карте следующим по нашему маршруту было темное пятно, больше всего походящее на кляксу. Можно было бы не обращать на него внимания и продолжать идти, как раньше, но меня настораживало то, что это пятно находилось как раз в том месте, где должен был быть следующий маяк. Все

маяки на карте отмечались крестами из красных чернил, но на месте черного пятна не было ни следа красного. То есть, даже если это и была клякса, она не замазала отметку маяка. Его там просто не было.

Когда я понял, что мы не дойдем до безопасного места вовремя, меня прошиб холодный пот, но я решил не волновать остальных и идти дальше, повинаясь своему чутью. С помощью теневого зрения я смогу отыскать наиболее безопасное место для привала.

– Леопольд, сколько еще идти? – Бэйр подошла ко мне и дотронулась до плеча. Я вздрогнул, так как уже давно не чувствовал себя. Мое сознание было дальше, разбегалось по всем тоннелям и норам в поисках наиболее безопасной пещеры. – Мы должны были прийти час назад.

– Я думаю, не так долго, – ответил я, снова всматриваясь тeneвым зрением вдаль. Так я мог расстилаться по теням вперед на пару сотен метров, но не дальше: потом я начал путаться в восприятиях и мог потерять сознание. Сейчас зрение ничего мне не показало. – Чуть больше километра, – предположил я.

– Адольф пришел в себя. Я не могу ничего приготовить на ходу, Арланд не может его лечить, шагая. Лео, мы точно идем правильно? – Бэйр посмотрела на меня так, как будто знала, что я врал ей. Скорее всего, она действительно знала.

– Я не сбился с пути, но я не знаю, где маяк... его нет, – тихо произнес я. – Я не знаю...

– Что на карте? – крикнул Кудеяр.

Он спрыгнул с Мафусаила, даже не поморщившись, хотя все его тело покрывали следы зубов, и подошел ко мне. Он взял у меня пергамент и развернул. Мы продолжили идти.

– Вот это пятно, – сказал я, указывая ему на кляксу. – Я не знаю, что это такое.

– Тут что-то написано, – Кудеяр подсветила карту снизу и на бумаге проявились очертания затертых букв. – Дозорный пост.

– Дозорный пост? – к нам подошел Эмбер. – В чем дело?

– Впереди нет маяка, – сказал я. – Но есть что-то под названием «Дозорный пост».

– Дозорный пост, это хорошо. Там могут жить слевиты, а у них должны найтись хотя бы чистые бинты для Адольфа. Насколько далеко находится этот пост?

– Пару километров, – ответил Кудеяр, перебив меня. Он обратился вперед, смотрел в тень, и наверняка видел через нее куда дальше.

– Тогда не стоит терять времени.

– Но Эмбер, – я схватил дракона за рукав прежде, чем он отошел. – Этой карте около трехсот лет. Возможно, этот пост давно разрушен. Слевиты ничего не говорили о нем.

– Мы можем пройти еще два километра и оказаться в безопасности, а можем остановиться и на нас нападут прежде, чем мы восстановим силы, – объяснил дракон. – Мы пойдем дальше.

Пришлось ускорить шаг, хотя все и так уже устали и шли с трудом. Ящер напал на нас около десяти часов назад, но казалось, что с тех пор мы идем уже не меньше суток.

Спустя полчаса Кудеяр сказал, что мы близко, а спустя несколько минут я и сам, наконец, увидел, что это было за пятно на карте. Вдалеке мне показались окутанные тенью ворота, одна из створок которых была вышиблена.

– Я тоже вижу! – крикнул я остальным. – Осталось немного!

Мы приближались, и мне открывалось все больше. Постепенно я увидел за широкими стенами руины поселения, двухэтажные каменные дома, колодцы, разрушенные загоны... Все было заброшено, я не чувствовал ни одного живого существа.

Да и разве можно было всерьез надеяться на то, что посреди лабиринтов окажется жилая крепость?

Нам предстояло ночевать в заброшенной крепости, это конечно не маяк, но лучше, чем идти дальше до полного изнеможения. Здесь от монстров нас смогут укрыть хотя бы стены домов.

Мы стали искать самый целый и большой дом, чтобы устроиться там. Такой нашелся недалеко от ворот. Внутри было много пыли и несколько скелетов, но мебель и некоторая кухонная утварь отлично сохранились: почти все было сделано из металла и камня.

Кудеяр потоками ветра быстро очистил дом от грязи и пы-

ли, Люциус подчистил магией то, что не смело ветром, Эмбер и Дейкстр починили кровати в комнатах и расстелили белье, Арланд занялся Адольфом, а после, ведомый духами, отыскал все скелеты и похоронил их за домом. Я убрался на кухне, Бэйр растопила очаг и почистила огромный котел, так что мы смогли сварить каши с кусками сушеного мяса. До этого мы ни разу не использовали крупу и остальные припасы, поэтому сейчас могли немного побаловать себя.

Когда брат вернулся от ланка, на его лице застыло странное выражение. На кухне собрались все, потому что ужин был почти готов, и я уже раскладывал его по мискам, и потому брат молча положил перед нами листы бумаги.

Присмотревшись, я увидел, что это те самые документы с печатью Владыки Гор. С ними мы сможем выйти отсюда!

– Откуда это? – спросил Эмбер, изучая испачканные кровью листы.

– Нашел в подкладке его куртки, – сказал Арланд. – Он стащил их, потому что не хотел, чтобы наше возвращение зависело от твоего решения, – посмотрел на дракона. – Потом загипнотизировал меня, чтобы я сжег пустые листы и документы никто не искал.

На кухне повисло молчание.

Поступок змея здорово подрывал доверие к нему, но, с другой стороны, каждый из нас мог понять его. Эмбер хотел найти драконицу и на остальное ему было все равно – между ней и нами он выберет ее, всем это было ясно еще в особ-

няке. Адольф просто оставлял себе возможность в крайнем случае просто уйти, не дожидаясь разрешения дракона.

Произошедшее мы обсуждать не стали, но ощущение недоверия здорово уплотнило воздух между всеми нами.

За ужином котел пустел на глазах, каждый брал по две-три порции добавки, мне даже пришлось отгонять от каши оголодавшего Кудеяра, потому что он хотел съесть все и не оставить Адольфу, который не смог выйти на кухню.

Положив в большую миску каши до краев и сделав по наставлению Эмбера сладкий чай, – привилегия для больного, – я пошел в комнату, где поместили змея.

– Я уже начал думать, что про меня забыли, – Адольф, когда я вошел, приподнялся на локте здоровой руки и сел на кровати.

Поверх тощего матраса, устроенного на железных прутьях, лежала наша последняя чистая простыня. На простыне – сложенное одеяло, пожертвованное Бэйр в качестве подушки для раненого.

В комнате пахло едкими лекарствами, какие Арланда научили делать в ордене Белых Сов.

До сих пор я ни разу не слышал о том, чтобы брат кого-то лечил, хотя у него в дипломе действительно была специализация лекаря и даже целителя. Впрочем, наверное, не стоит говорить Адольфу, что он, скорее всего, первый живой пациент моего брата после выпуска.

– Эмбер просил сделать тебе чай, – я поставил старый гну-

тый поднос ланку на колени и направился к двери.

– Постой! – окликнул меня змей. – Расскажи, что происходит. Кажется, я что-то пропустил, пока был без сознания. Что это за место? Где маяк?

Я коротко пересказал Адольфу обстоятельства с картой, а также рассказал про монстров, вмурованных в камни над нами. И про то, что его маленькое преступление раскрыли.

– Вот оно как... что ж, это неважно. Люциус сделал копии, но Эмберу знать об этом не обязательно, – змей задумчиво поскреб серую чешую на левой половине лица. – Получается, кроме меня никто не пострадал?

– У Кудеяра несколько царапин, а у Люциуса началась паранойя: ему теперь везде мерещатся вмурованные ящеры. Но, в общем и целом, они оба в порядке.

– Я опять задерживаю всех, – Адольф разочарованно откинулся на подушку и вперил взгляд разноцветных глаз в потолок. – Не стоило мне сюда лезть, нужно было отказаться... Да что уж теперь? – он посмотрел на меня. – Арланд сказал что-нибудь обо мне?

– Сказал, что мы останемся здесь, пока ты не поправишься, или пока... пока нам не придется уйти.

От моих слов змей болезненно поморщился.

– Леопольд... могу я спросить у тебя, как у совести всей нашей шайки?

– Да, конечно, спрашивай, – я подошел к кровати и сел на старый железный стул возле нее.

– Думаешь, Рэмол в самом деле задумал меня убить? – спросил он странным тихим голосом. – Потому отправил сюда?

– Откуда мне знать? – удивленно ответил я. Кудеяр говорил уверенно, слова того, кто вселился в Арланда, тоже заставили многих задуматься. Однако, что на уме у Рэмола, знает только Рэмол. – Не думай об этом.

– Знаешь, наверное, я это заслужил, – проговорил ланк, откинувшись на подушку. Каких травок, интересно, наметил ему Арланд? Он явно был не в себе сейчас. – Позарился на то, на что не должен был...

Я нахмурился.

Раф рассказывала мне о том, что связывало ее с этим змеем, и как он отверг ее в особняке, высмеяв ее чувства. Это было отвратительно, и порой мне самому хотелось придумать ланка только за то, что он посмел касаться ее. Однако, здесь мы все друг от друга зависели и прошлое не должно было иметь никакого значения.

– Я не хочу говорить с тобой о Раф, – произнес я, и мой голос прозвучал куда жестче, чем я хотел.

– Раф? – ланк кинул на меня мутный, но удивленный взгляд. – Она тут причем?... я ей ничего не сделал, – проговорил, закрывая глаза. – Не больше, чем она мне.

– Тогда что ты имеешь ввиду?

– Это так глупо... – ланк улыбнулся, как засыпающий ребенок. Он говорил все медленнее и тише. Я осторожно убрал

с его колен поднос: похоже, он поест позже. – Я хотел стать ему сыном. Получить бессмертие, как Юкка. А он слышит все мои мысли с тех пор, как исцелил лицо. Он не простит мне этой дерзости.

– Ты бредишь, – предположил я, укрывая ланка одеялом. – Отдыхай.

Когда Адольф уснул, я вернулся в комнату, которая стала нашей кухней.

– ...Ты должен спать, ты не машина! – Бэйр торопливо смешивала что-то в склянках у котла.

– Если я это выпью, я не смогу встать, ты знаешь! У нас есть дела, мне нужно... – Арланд сидел на полу, на том, что осталось от циновки из водорослей, пролежавшей в этом доме мертвые боги знают сколько лет. Глаза инквизитора были закрыты.

– Тебе нужно поспать, мы не в том положении, чтобы можно было так себя изводить! Тебе понадобятся силы, – твердила ведьма, гремя половником о свой небольшой котелок.

– В чем дело? – тихо спросил я у Кудеяра.

– Арланд видит призраков. Говорит, их тут тьма и все они жаждут общения, – ответил царевич. Мы все валились с ног, но полукровка был необычайно бодр. Он сидел на подоконнике, подмяв одну ногу под себя, а другую свесив, и качался из стороны в сторону. Несмотря на то, что вокруг царил полумрак, его зрачки показались мне очень маленькими.

– Они не дают ему ни минуты покоя, он даже разговор

поддержать не может. Я варю снотворное, – добавила ведьма, стоявшая к нам спиной.

Вдруг уши Кудеяра дернулись, будто возле них пролетела муха, царевич резко повернул голову и клацнул челюстями, однако никакого насекомого тут быть не могло. Поняв это, он беззвучно захихикал сам над собой.

– Кудеяр, а ты не видел вспышек? – спросил я, наблюдая за странным поведением полукровки.

– Вспышек? – переспросил он, резко повернувшись ко мне. – При чем тут вспышки?

– Твои зрачки...

– Я просто слишком долго смотрел в темноту, и теперь мне здесь ярко, – отмахнулся он и вскочил с подоконника. – Пойду исследую это место! Может, тоже увижу привидений?... – он странно хихикнул. – Саша! Ленивая кошка, хватит спать! Идем, посмотрим, что тут есть.

Пантера приоткрыла глаза и, убедившись, что хозяин не шутит, потянулась. Она грузно поднялась с облюбованной циновки и потрусила следом за царевичем.

Я проводил Кудеяра удивленным взглядом. Однако остальные, похоже, ничего необычного не заметили, и продолжили заниматься своими делами.

Я ночевал в одной комнате с Люциусом. Чародей, когда я вошел, писал что-то в своем дневнике при свете светляка.

– А вот и ты, – пробормотал он, не поднимая глаз.

– Что ты пишешь? – спросил я, не намереваясь запомнить

ответ. Раздевшись и аккуратно сложив вещи, я забрался в свой спальный мешок и закрыл глаза.

– Никто из нас почему-то не задумался над тем, что наши путешествия нужно описать! Я каждый день записываю, что случилось. Обычно достаточно было строчки «как в первый день», а теперь появилась возможность исписать несколько страниц об этом месте и о ящерицах... Как там Кудеяр?

– Пошел гулять...

– У меня, знаешь ли, есть некоторые подозрения на его счет. Тварь могла быть... небезопасной. Арланд хорошо промыл ему раны?

– Наверное... – я чувствовал себя погребаемым в песке трупом и мечтал лишь об одном: поскорее уйти из этого мира в неведомое Туда. Я едва ли понял, что Люциус вообще что-то говорил, так сильно хотел спать.

Утром, когда я проснулся, все еще спали, хотя, судя по магическим часам, мы должны были встать несколько часов назад. Решив никого не будить, я приготовил завтрак, поел и отправился исследовать пост и его окрестности: чем раньше я начну, тем больше у меня будет шансов выяснить, как нам двигаться дальше.

Я долго бродил по посту, осматривая дома и загоны. В некоторые я заходил, пытаюсь понять, что же произошло с этим заброшенным местом.

Почти везде в прихожих и примыкающих к ним комнатам был погром. На стенах и полу царапины, как будто от когтей,

на полу валялись сломанные вещи вперемешку с маленькими толстыми и крепкими костями – останками хозяев поста.

Видимо, слевиты не успели закрыть ворота, и голодные твари проникли внутрь, ворвались в дома и загрызли всех, до кого добрались. Их стая была огромна, судя по размеру пиршества.

Если мне удавалось пробраться через баррикады из шкафов и прочего хлама в более удаленные комнаты, я видел совсем другую обстановку – ту же, что и в момент смерти хозяев. Там все вещи лежали на своих местах, хотя были изрядно подпорчены временем. Скелеты в таких комнатах были целыми и находились в самых обычных позах: сидели в креслах, лежали на кроватях, мне даже попался один, который стоял, прислонясь к стене. Могло показаться, что эти черные кости, стянутые останками засохших связок, вот-вот начнут двигаться и жить своей прежней жизнью. У одного прямо перед пустыми глазницами была раскрыта старая запыленная книга, которую он внимательно читал уже несколько сотен лет.

Видимо, эти слевиты умирали от голода, заперев себя от монстров. Они не могли выйти и добраться до колодцев. Скорее всего, они уходили из этого мира очень медленно, в последнем страхе прислушиваясь к рычанию за завалами, может, надеясь на спасение, а, может, завидуя участи тех, кто погиб в бою и был съеден сразу.

Часто я находил возле таких «живых» скелетов бумагу

– высушенный и отбеленный лист водоросли, растущей в местных прудах, и угольные палочки. Видимо, это должны были быть предсмертные записки. Я хотел бы прочесть то, что там было написано, но тeneвым зрением я мог видеть только силуэты и букв не различал.

В своих поисках я наткнулся на один забаррикадированный загон, он находился в самом центре поселения. Мне с трудом удалось пробить себе вход: пришлось превратиться в полукровку сенари и изрядно поработать ломом. Внутри я нашел несколько скелетов, похожих на лошадиные, и штук шестнадцать слевитов. Последние попадались в самых разных позах, кто-то лежал отдельно от всех, кто-то сидел, кто-то смешался с останками скотины. Один скелет слевита даже грыз ребро лошади.

Кости животных в этом загоне были гораздо белее и чище, чем в тех, до которых добрались ящерицы. Слевиты обглодали все до последнего кусочка кожи.

Страшно представить, сколько они просидели взаперти, прежде чем встретили смерть.

Иногда по пути мне попадались скелеты, которые принадлежали явно не слевитам и не их скоту. Судя по черепам, это были гигантские ящерицы с длинными узкими челюстями и острыми крокодильими зубами. Такие, как та, что напала на нас вчера. Но скелетов этих гадов было совсем немного, и у тех, что я нашел, среди обглоданных костей валялись железные топоры и копыя.

Видимо, слевиты все же пытались отбиться, но тварей оказалось слишком много.

Как же это все могло произойти? Почему распахнуты ворота? Как они могли допустить такое? Как вообще посреди пустынных лабиринтов могло оказаться целое поселение слевитов и почему мы не слышали о нем?

Я находился в паре кварталов от дома, где мы разбили лагерь, когда мне попалась перепуганная Саша. Пантера, которой кромешная тьма подземелий не особенно нравилась, бросилась ко мне и испуганно прижалась к моим ногам.

– В чем дело?

Я опустился к ней и обнял за шею. Саша выглядела встревоженной, ее сердце колотилось от страха, она все вертела головой в одну сторону.

– Где Кудеяр? – спросил я, погладив бархатную шкуру.

Пантера отвела меня к хозяину, полукровка находился чуть дальше по улице, я услышал его голос. Он бормотал что-то на своем родном языке, судя по интонациям, я решил, что он кого-то ищет.

Когда я зашел в дом, откуда услышал голос, то обнаружил царевича, ошупывающего стены с ненормальной улыбкой.

– В чем дело? – осторожно спросил я, не рискуя приближаться.

– Она сбежала! – воскликнул Кудеяр. – Она исчезла!

– Я нашел Сашу, она здесь.

– Причем тут Саша? – он нахмурился. – Я видел челове-

ческую женщину! Она ушла под землю! – он вдруг рассмеялся. – Но пусть только появится!... я скормлю ее теньям, и тогда посмотрим, как она будет от меня прятаться... Ха-ха-ха, Святые Огни сделают из тебя настоящую сенари, слышишь? Не прячься!... Иди сюда, будь хорошей девочкой...

Он скреб стены своими жуткими когтями, переходил из комнаты в комнату, и, кажется, вообще не понимал, как выглядит со стороны. С ним что-то было не так, если вчера я сомневался, то теперь это было ясно.

Я сказал полукровке, что как раз собирался варить кашу с мясом и что Люциус все съест, если мы не вернемся в дом. Кудеяру очень не понравилось, что кто-то претендует на его еду, и он исчез в тени.

Прокляв себя за недалёковидность, я обернулся таким же и, нырнув во мрак изнанки, устремился к нашему дому.

Двигался по тени я медленнее и один раз направился не туда, потому, когда я, наконец, влетел на нашу кухню, представление под названием «усмири самого смертоносного полукровку» развернулось на полную.

Арланд отрезал Кудеяра от магии, Бэйр сделала светляки в доме настолько яркими, что не осталось ни единой тени, но никто не мог унять ветер, который по воле царевича носился по комнатам мощными смерчами, сшибая с ног всех, кто осмеливался подойти к полукровке, и раскидывая вещи.

Дейкстр и Эмбер пытались добраться до царевича и связать его, но тот, даже ослепший, все прекрасно слышал и

взрывал воздух перед собой, как только к нему пытались приблизиться.

Кудеяр загнали в угол, но это, похоже, только усугубляло его состояние.

– Дружище, не злись на них! – весело кричал Люциус из соседней комнаты. Он предусмотрительно заперся от этого бедлама, и я был ему даже благодарен: мои вещи, по крайней мере, останутся целы. – Они просто нас не понимают!...

– Как я могу помочь!? – спросил я у Эмбера, глядя, как озверевший полукровка снова клацал зубами на невидимых мух. Его волосы растрепались и разлетались в стороны, словно молнии, по ним проносились белесые блики.

– Можешь превратиться в кого-то, кто сможет прижать его к земле? – спросил он.

– Тогда я разрушу этот дом, – я покачал головой. Когда был таким, как Кудеяр, я все равно был меньше и слабее. Да и помня, как он разделался с той ящерицей, я к нему не сунулся бы даже будучи морским драконом.

Это продолжалось, наверное, полчаса. Арланд чуть не сломал руку, когда полукровка в очередной раз засек его и сбил с ног порывом ветра. Дейку удалось увернуться и он, сделав жуткий кульбит в воздухе, оказался возле Кудеяра, но тут же получил удар в челюсть. В воздухе раздался неприятный хруст и рыцарь, схватившись за рот, поспешил убраться подальше.

Наконец, Бэйр отыскала в сумках сонный порошок и с по-

мощью магии распылила его в комнате. Кудеяр вдохнул пыль и через несколько минут его сморило.

Его связали, я помог оттащить царевича в кладовку, где легче было поддерживать «безтеневого» режим. Там им занялись Бэйр с Арландом.

Я вернулся на кухню, Эмбер устроился за столом, вскоре к нам подсели Люциус с Дейком. Вроде бы челюсти рыцаря повезло, и он отделался сильным ушибом.

– Такие припадки у него часто бывают? – спросил дракон, глядя на меня и на Дейка.

– Только под наркотой, – проворчал рыцарь. – Однажды нас схватили гоблины и, чтобы мы не рыпались, накачали своими чудо-травками. Кудеяр очнулся и уничтожил все селение. До сих пор в кошмарах снится.

– Он еще вчера себя странно вел, – заметил я. – Может, здесь в воздухе что-то есть?

– Арланд и Бэйр разберутся, – сказал Люциус. Невесело ухмыляясь, он сидел, покачиваясь на стуле. – Но если они подтвердят то, о чем я думаю...

Шли минуты, Арланд с Бэйр так и не вышли из кладовой. Когда Эмбер постучался, его попросили не мешать и на вопросы не ответили.

Похоже, все это было надолго.

Я вспомнил, что перед тем, как я нашел его, Кудеяр видел человеческую женщину, которая исчезла в камнях, и на самом деле у меня имелись мысли насчет того, кто это мог

быть.

Подумав, что здесь и без меня разберутся, я отправился обратно в город, чтобы найти следы Маргул или, если повезет, ее саму. Как ни странно, искать мне почти не пришлось: когда я подошел к дому, откуда увел царевича, в окнах на втором этаже горел слабый свет магической лампы. Я поспешил внутрь.

Маргул, сторбившись над котлом, подвешенным над магическим пламенем, что-то там мешала и фыркала, бормоча ругательства.

Выглядела она не так, как обычно: темный плащ висел неподалеку на спинке кривого стула, там же была брошена куртка. На голову Маргул повязала черную косынку, а ее концы завязала на лбу; рукава старой затертой рубашки из плотной ткани закатала по локоть.

Ведьма из подземелий до смешного напоминала ворчливую домработницу.

– И снова ты, поваренок, – протянула она, даже не обернувшись в мою сторону.

– Что ты тут делаешь? Тебе придется туго, если тебя кто-то заметит, – подойдя к котлу, я поморщился: запах был ужасный. Но живот все равно свело от голода, а рот наполнился слюной. Мяса мы не ели уже несколько дней.

– Ваш мутант заметил, и я здесь, а он связанный в запертой комнате под надзором твоих дружков, – рассудила Маргул. – Пока судьба на моей стороне.

– Что ты с ним сделала? – спросил я, подойдя к котлу. – Ужасный запах! Стряпня – это определенно не твое.

– Хочешь приготовить мне что-то другое? – выпрямившись, женщина вперила в меня немигающий взгляд. Только сейчас, когда я впервые видел ее так близко при свете, я понял, что ее глаза отливают красным.

– Пожалуй, – я взял из ее рук гнутый половник. Это удивило Маргул, но она не стала возражать и отступила. – У тебя есть соль или хотя бы немного настойки?

– Все, что есть, перед тобой, – она обвела рукой пустую разгромленную кухню. – Как насчет каменной пыли? Нет? Тебе не угодишь!

– Так что ты сделала с Кудеяром?

– Кудеяр? – она почти что удивилась. – Так это ушастое недоразумение – царевич Охмараги?

– Он самый, – я кивнул, и, достав из кармана куртки небольшой мешочек с давно смешанной универсальной приправой по рецептам охмаражских поваров, начал исправлять ситуацию в котле. Там плавал большой кусок белого ящериного мяса, причем не самая плохая часть. Немного умения, и это будет очень вкусно.

– Ты настолько голоден, что не можешь пойти к своим и предпочтешь объесть меня!?! – возмутилась Маргул, когда поняла, что я не шучу.

– У тебя еды не больше, чем у нас. Она бегаёт по подземельям в таких количествах, что можно даже не засаливать

на зиму, – я решил пошутить, но, видимо, получилось очень плохо. Маргул продолжала нависать надо мной, недовольно сложив руки на груди и следя красными глазами за каждым моим движением.

Однако, уходить я не собирался, пока не получу ответы.

– Так это ты его отравила? – повторил я вопрос.

– Я бы к нему по доброй воле не сунулась, – покачала головой Маргул. – Этот дом – мой. Ушастый забрался сюда, пока я спала, сожрал все мои припасы и все здесь разнес. Я едва ноги унесла, – она фыркнула, с любопытством наблюдая за моими действиями в котле.

Судя по запаху, мясо постепенно начинало становиться съедобным: волокна размягчались и с вместе густым паром выделялся приятный терпкий аромат.

– Не верю, что ты просто так тут оказалась, – заметил я. – Ты нас преследуешь?

– Это мои владения, а не ваши, так что это вы меня преследуете... – напомнила Маргул. Она говорила раздраженно, но чудесный запах уже начал действовать на нее: ее слова звучали все менее враждебно, тон становился мягким и даже немного робким.

– Это ты Земляная Ведьма? Я видел, как ты ушла под землю в нашу последнюю встречу. Если ты знаешь такую магию, то могла и ящериц в камни вмешать...

– Могла, – Маргул кивнула, нагибаясь над котлом и с наслаждением вдыхая запах. – Я такого не ела уже... уже очень

давно...

– Зачем ты сделала это с бедными животными? Это же такая ужасная смерть! Ты не похожа на сумасшедшую садистку, так зачем же? – я продолжил расспрашивать, видя, что на этот раз она настроена более дружелюбно и может многое рассказать. Сила охмаражских приправ во истину безгранична.

– Я следила за вашим продвижением и прятала ящеров, чтобы расчистить вам путь вниз, – ответила она, стоя над котлом, уперев руки в колени. – У меня есть свои задачи, знаешь ли.

– Ты помогаешь нам? – удивленно спросил я.

– У меня так же есть свои интересы... – вздохнув, ведьма выпрямилась и отошла от очага.

– И это в твоих интересах: чтобы я знал, что ты нам помогаешь? – я усмехнулся.

– Верно... – Маргул произнесла это еще более неуверенным голосом.

– Значит, твоя задача – увести нас вниз, подальше от выходов на поверхность...

– Но не пустить дальше третьего яруса, – закончила фразу Маргул. – Я должна устроить обвал, запереть вас в пещерке, где вы умрете с голоду, или раздавить камнями сразу. На мое усмотрение.

– И ты сделаешь это?

– Этого еще никто не знает, – сказала она, жадно следя за

подрумянивающимся мясо. – Но я могу предложить сделку. Я продам тебе ваши жизни... за помощь.

– Помощь?

– Я обеспечу вам безопасный путь, буду держать в курсе планов Райнара и присоединюсь к вам, когда придет время. А вы выведете меня на поверхность и дадите уйти, – она заставила себя пересилить голод и посмотрела на меня, с интересом, но твердо зная, что должна сделать в случае моего отказа.

– Я сделаю так, чтобы тебя не тронул никто из нас, – пообещал я. – Но можешь ли ты быть уверена, что и твой хозяин тебя не тронет?

– Была бы уверена, не позволила бы тебе снова найти меня, – решительно ответила она, качнув головой, как будто отбрасывая сомнения. – Но я не уверена... и я не заслужила такой жизни, – Маргул нахмурилась.

– Все готово.

Воткнув в кусок мяса гнутую железку, я вытащил его из котла, отрезал ножом большой кусок и насадил его на острие.

– Это тебе, – я протянул нож с мясом ведьме.

– Думаешь, твои спутники тебя послушают? – снова начала женщина, с трудом деля внимание между едой и разговором.

– Я договорюсь с ними. Лучше расскажи, что там, внизу, – я уселся на один из стульев и, поставив рядом старую табуретку, жестом пригласил Маргул сесть рядом. – Что такое

это «зло», которое так напугало слевитов?

– Это то, над чем меня заставили работать... не буду врать, будто я была сильно против, – она пожала плечами. – Мне было все равно на то, что я делала, пока это не стало выходить за грани разумного! Но я всего лишь прислуга, меня не спрашивают и не слушают, а если бы я начала упрямиться, меня бы убили, так что приходилось повиноваться... – заметив мой взгляд, Маргул прекратила болтать о своей жестокой судьбе и начала говорить по делу, но прежде откусила и прожевала огромный кусок мяса. – «Зло» – это стая зараженных ящеров. Мы пытаемся ими управлять, держим их в загонах, кормим, проводим опыты. Я что-то вроде пастуха... ведь мне не составляет особого труда загнать их куда угодно, смещая камни за ними. Иногда ящеры выходят из-под контроля и тогда приходится идти на крайние меры. Поскольку к их телам небезопасно прикасаться, мне приходится душить их, вмуровывая в камни.

– Те, что были над нами...

– Нет, они обычные, – успокоила меня Маргул. Она доела свой кусок и теперь говорила все охотнее, как будто ей хотелось поболтать. – В лабиринтах ящеров больше, чем кого бы то ни было. Они на верхушке пищевой цепи и если и умирают, то только в драках с сородичами или от старости. наших ящеров мы держим в огражденных тоннелях, чтобы не началась эпидемия по всем подземельям. Здоровые разгуливают свободно везде, начиная с первого яруса... и, если бы не я,

давно могли бы закусить вами.

– Значит, и тут эпидемия замешана?...

– И тут? – Маргул встревожилась. – Она встречалась тебе где-то еще?

– Наверху она началась двенадцать лет назад и охватила чуть ли не весь континент! – рассказал я. – Но лекарство уже найдено и находится в руках нужного... существа. Наверху эта странная болезнь, сводящая с ума младших нелюдей и чудовищ, теперь не опасна, – относительно неопасна, – но кто знает, как она может отразиться на существах из глубин? Поэтому мы здесь – чтобы уничтожить болезнь до конца.

– Зараженные ящеры становятся смелее и агрессивнее по отношению к другим животным, но с усовершенствованным вирусом можно ими управлять... Но я не знала ничего об эпидемии наверху! Как она пробралась туда!?! Я была предельно осторожна! – воскликнула Маргул.

– Она не пробралась отсюда наверх, я думаю, она попала сюда сверху. Не без помощи нашего общего знакомого по имени Райнар, – ответил я, с интересом наблюдая за ее реакцией. Мои слова она отрицать не стала, и то, что я все знаю, ее не удивило. – Говоришь, вы пытаетесь управлять ими? Есть успехи?

– Да. Гренгаль, наш алхимик, создал вещество, которое влияет на мозг ящеров. Ими можно управлять, если завладеть разумом их вожака, но через некоторое время действие вещества заканчивается, и они снова становятся сами по се-

бе, – рассказала Маргул. – Мы думаем, что через четыре поколения ящеров, выросших на нашем порошке, родятся те, кому он не понадобится.

– Я очень сомневаюсь, что это поколение действительно родится, – заметил я. – Если я верно понял, то вы пустили своих ящеров на верхние ярусы, прямо к слевитам, и тем самым напугали их до смерти.

– Да, я получила такой приказ, но я не думала, что все примет такие обороты. Нам как раз нужно было проконтролировать нападение: должно было быть не более пяти жертв, остальные ящеры должны были повиноваться и не нападать. Но они вышли из-под контроля и чуть не проникли в подземный город, а потом разбежались, и я несколько месяцев не могла увести их от границ. К тому времени, как я нашла последнего зараженного питомца, прошло около полугода.

– Сколько же их всего в твоём стаде?

– Более двух тысяч.

Я подавился мясом.

– Как вы можете держать под контролем такое количество!?

– Для этого и была нужна я, – вздохнула Маргул. – Сначала Райнар хотел себе скахтьярна на роль пастуха, но быстро закатал губу. Тогда он сделал так, чтобы я и Гренгаль служили ему. Мы вместе с этим убогим члены запрещенного культа: там людей и нелюдей учили понимать землю и использовали для этого... нетрадиционные методы. Не так давно этот

культ разрушили инквизиторы, и те, кто остался, попрятались кто куда. Некоторые предпочли забыть то, что знали, и стереть все следы, – она указала на свою голову с повязанной косынкой, – другие, как мы с Гренгалем, попытались заработать на своих умениях. Он работал с порошками и мог сделать отличное пиво из простой горной пыли, а я владела магией земли не хуже, чем сенари, и чувствовала каждую пылинку, как на своей коже. Вместе мы составили неплохую команду для Райнара, и он сделал так, чтобы мы оба ему служили. С тех пор по его поручениям Гренгаль создает дорогие зелья из дерьма и пыли, а я воспитываю стаю ящериц и добываю ингредиенты для этих зелий. Райнар не разрешает нам выходить на поверхность...

– Так вот, что не так с твоим черепом, – пробормотал я, скользнув взглядом по черной косынке, закрывающей татуировку на лысой голове. – Значит, стая ящериц? А тебе известно, зачем сюда пришел наш предводитель, Эмбер?

– Вы узнали о планах Райнара и хотите прикопать его в земле, пока он не вывел ящериц на поверхность и не стал нападать на города, – ответила Маргул, пожав плечами. – Разве нет?

– На самом деле ящерицы не главная наша цель. Мы еще ищем драконицу. Не замечала ли ты в своем стаде особенно большую ящерицу, которая имеет обыкновение превращаться в человека?

– Драконицу?... Но зачем она вам? – женщина искренне

изумилась, как будто совсем не ожидала, что я спрошу про дракона, как про нечто отдельное от ящериц. – У нас есть дракон, он во главе стаи и самый агрессивный из всех. Но это не старший. Это животное и к разумным не имеет никакого отношения. Он даже не говорит.

– Он заражен?

– Да, и сильно. Если ящериц можно оставить в покое, так как на них хорошо действуют новые порошки Гренгаля и они больше не бросаются на все живое, то дракона я бы вам посоветовала убить: он слишком опасен даже здесь, в подземельях.

– Это уже не мне решать, – я доел мясо и поднялся со своего места. – Я должен идти. Мы еще встретимся?

– Я приду к тебе, когда останешься один, – Маргул тоже встала. – Я буду возле вас, пока вы не спуститесь на четвертый ярус. Там наш загон, и мне нужно будет следить за своими питомцами, чтобы они не ринулись на вас сотнями. Но я не смогу остановить всех, так что будьте начеку.

Попрощавшись с ведьмой, я отправился к своим, обдумывая этот разговор.

Маргул настроена вырваться из-под власти Райнара и бежать из-под земли любыми способами, она держится за меня, как за ниточку к спасению, и это единственная причина, по которой я могу ей доверять. Но, кажется, она действительно говорила правду, когда утверждала, что Райнар ничего ей не рассказывает, и она не знает о происходящем и половине.

Возможно, он ей всюду врет, а она может передать эту ложь мне, поэтому нельзя полностью полагаться на ее сведения. С другой стороны, хорошо уже то, что она сдержит ящеров, это большая помощь, учитывая их количество и силы. Если они и без болезни смогли сожрать целый пост слевитов, не слишком напрягаясь, то можно не сомневаться, что наша компания зараженной чешуйчатой орде ровно что закуска!

Определенно, все, что я узнал, было важно, но я не был уверен, что стоит рассказывать о нашем странном союзнике остальным. До сих пор о моей встрече с Маргул знал только Рэмол, а остальным он не сказал, значит, на то были причины? Мне еще предстояло это обдумать.

С такими мыслями я добрел до нашего дома и вошел внутрь. В гостиной сидели Люциус, Эмбер и Дейкстр.

– А где остальные? – спросил я у Эмбера. Его мрачный вид вкупе с нервно расхаживающим Дейкстером настораживал.

– Кудеяр вчера заразился, – ответил Люциус. – Как я и предполагал, ящерица была небезопасна.

– Чем он заразился?...

– Тем самым, – колдун спокойно подтвердил кивком мои самые жуткие догадки. – Но Бэйр лечит его уже несколько часов. Как очнулся ото сна, он постоянно кричал, а сейчас умолк и, видимо, это хороший знак.

– Так значит, болезнь есть и здесь? – я предпочел сделать вид, что не знаю, что ни одна из ящериц над нами не бы-

ла заражена. Но на самом деле слова чародея сильно меня встревожили: неужели Маргул, сама того не зная, не уследила, и болезнь проникла за пределы ее стада? Тогда это может означать, что все животные заражены, даже те мелкие крысы, которых мы ели...

– Как тебе сказать... – Люциус нервно усмехнулся и зачем-то начал развязывать свою рубашку. Когда он ее снял, я увидел, что его плечо было забинтовано. – Рэмол превратил меня в лошадь, потому что в животном теле не было заразы. Моя же собственная кровь – кровь мага, нахлебавшегося того порошочка, – что-то вроде концентрированного эликсира бешенства. Ящерица вчера все же цапнула меня, хотя сам я заметил это только сегодня. Потом с моей кровушкой на зубах она покусала Адольфа и Кудеяра, змей в полном здравии, а вот царевичу не повезло...

– Ты – ходячий источник болезни!? – поразился я. – И Рэмол, зная это, пустил тебя сюда!?

– Представь себе, и нам он ничего не сказал, – подтвердил Дейкстр, бросив на чародея такой взгляд, как будто очень хотел закопать Люциуса.

– Тут и так скорее всего есть зараженные, так что даже если кто-нибудь из ящерок меня скушает, ничего особенно не изменится... одной бешеной рептилией меньше, одной больше – какая разница? – Люциус улыбнулся, надев рубашку обратно. – К тому же, у нас есть милая Бэйр!

– А если «зло» – это не болезнь? Если «зло» – что-то дру-

гое? Как эпидемия могла проникнуть сюда, сами подумайте? – возразил Дейкстр. – Я уверен, речь идет о каких-то новых животных, вылезших из глубин. Та же Земляная Ведьма... вдруг это падальщик, который убивает свою еду, вмуровывая в камни, а потом, когда она там стухнет, приходит и пожирает? Скорее всего, так оно и есть.

– В любом случае, мы узнаем все, когда встретимся с ним, с этим «злом», – сказал Эмбер.

Это был хороший момент, чтобы рассказать всем то, что я узнал, но именно теперь к нам вышла Бэйр, потрепанная и взмокшая от тяжелой работы. Все тут же уставились на нее, ожидая новостей.

– Жить будет, – тихо сказала ведьма и опустила на одну из старых циновок. – Дайте мне чего-нибудь поесть...

Я отправился на кухню, где нашел остатки ужина, приготовленного Люциусом. Чародей зажарил каких-то крыс на вертеле и, судя по запаху, зажарил правильно.

– Я думаю, я смогла его вылечить, – рассказывала Бэйр остальным, когда я пришел, – но у него огромная аура и невозможно проверить каждый ее узел. Вероятно, болезнь еще осталась, но я не смогу найти ее раньше, чем через несколько часов, когда она снова проявится.

– Ты сделала все, что могла, – попробовал подбодрить ее Эмбер.

– Не понимаю, почему Адольф не заразился, – заметила ведьма уже с набитым ртом. – Ему должно было быть еще

хуже, чем Кудеяру...

– Может, я попробую покапать ему на раны своей кровью, и тогда он заразится и прекратит смущать нас своим странным иммунитетом? – засмеялся Люциус.

Все вздрогнули, и как по команде обернулись на чародея.

– Иммунитет?... – Дейкстр первый произнес то, что закрутилось в голове каждого. – Из-за этого он здесь на самом деле? – всем вспомнились слов Арланда, когда он был под гипнозом.

– Если так, то иммунитет у него определенно не к обычным болезням, – заметила Бэйр. – В моем мире то, чем он болен, называют чахоткой, и в свое время от этого полегло очень много людей: болезнь почти не лечится.

– Если Рэмол в самом деле наделил его способностью противостоять заразе, вряд ли бы он оставил чахотку, – заметил Эмбер. – И почему он не сказал нам ничего? Что-то не складывается. Думаю, Адольфу просто повезло.

Бэйр ушла отдыхать, Арланд отправился в город, чтобы внять просьбам доставших его призраков и упокоить их души. Рассказывать свои важные новости, – а еще получать нагоняй за то, что скрыл свою встречу с Маргул, – без них я не решился и отложил этот разговор на завтра.

Враги одного врага

Когда я вышел с утра из спальни, все ждали меня на кухне, даже замотанный в бинты Адольф. Стоило мне оказаться в комнате, как на меня устремились осуждающие взгляды, и прежде, чем я успел понять, в чем дело, со мной заговорил Эмбер.

– Леопольд, думаю, тебе самое время все нам рассказать, – строго проговорил он, и по его лицу я понял, что все-таки должен был сделать это вчера.

Как оказалось, Кудеяр очнулся и первым делом рассказал всем о том, что видел вчера в городе женщину, владеющую сильной магией земли. Она сбежала от него, буквально погрузившись под камень, а до этого его тени видели, как я говорил с ней у склада. Узнав, что вчера я ушел в город сразу после того, как его обездвигили, – а к кому именно я пошел, царевич не сомневался, – ушастый решил, что я строю козни против нашей миссии и наябедничал на меня Эмберу.

Пришлось во всем сознаться. Я начал с тех пор, как видел Моргул, проследовав за Райнаром от его дома, и закончил нашим с ней вчерашним разговором.

Это был кошмар, после моей истории все забыли про то, что натворил Адольф, и про то, что вчера Кудеяр чуть не покалечил наших воинов. Теперь самым виноватым и ненадежным членом команды стал я, и даже попытки Бэйр меня

оправдать не имели никакого успеха. Эмбер был беспощаден. У меня нет ни малейшего представления о том, в какой опасности мы все находимся, я паталогически не умею подчиняться и являюсь угрозой для всех, и вообще родителям нужно было сдать меня в армию, а то так я у меня ни шанса стать частью общества. Мое замечание о том, что, как выражается Бэйр, в гробу я видел его, его общество и бешеную драконицу, которую мы все равно скорее всего убьем, сильно усугубили ситуацию, и, наверное, меня бы отправили обратно на верхние ярусы, чтобы сам выбирался наверх, если бы за меня не вступился... Кудеяр.

Он сказал, что контролировал ситуацию с Маргул с самого начала, и теперь, когда узнал подробности, царевич решил, что я расположил к себе очень ценного союзника, и вряд ли кто-то кроме меня смог бы так обаять странную отшельницу. На возражения Эмбера, что мое самовольство ставит всех под угрозу, Кудеяр вызвался меня курировать и в итоге я остался в команде под его ответственность.

Стоило уняться нашей ссоре, припадок Люциуса, начавшийся после упоминания Райнара, достиг опасной точки, и Арланд заставил колдуна выпить не меньше половины фляги святой воды. От нее чародей заметно присмирел, и мы смогли продолжить разговор.

– Две тысячи зараженных ящеров, как та, что напала на нас позавчера, я верно понял? – уточнил рыцарь, похлопывая меч в ножнах, который держал у себя на коленях, словно

любимого кота. Необычно чуткое отношение Дейка к своему оружию уже никого не удивляло. – И ко всему этому еще бешеная драконица?

Я кивнул.

– Нам крышка, – ухмыльнулся рыцарь. – Предлагаю вернуться и сказать слевитам, чтобы завалили все ходы под землю к чертям собачьим! Кто со мной? – поднял руку и осмотрелся. Как ни странно, никто его не поддержал, только Бэйр нервно хихикнула над фразочкой из своего мира.

– В следующий раз, когда Маргул покажется, приведи ее сюда, – велел мне Эмбер. – Мы должны знать, с кем имеем дело.

– Хорошо, – я кивнул.

– Вы в самом деле считаете, что мы справимся? – возмутился рыцарь, чьи слова проигнорировали. – Две тысячи? Да они сметут нас, как жуков, будь у нас хоть десять драконов и три Кудеяра!

– Это будет славная охота! – полукровка завалился назад, качнувшись на стуле, и на его лице расплылась нездоровая улыбка. Похоже, сегодня ему предстоит еще один сеанс с левой рукой Бэйр.

– Делайте, что хотите, но Райнара оставьте мне! – потребовал Люциус, сделав перед этими словами большой глоток из фляги. – Он мой по праву, ясно!?

– Защищать его от тебя точно никто не станет, – вздохнул Адольф. Ему, в отличие от всех нас, противопоставить

страшным тварями было нечего, и глядя на него, каждый понимал, что крутится в голове ланка: Рэмол хотел его смерти, вот и отправил в место, где он наверняка погибнет.

Эмбер заговорил о вчерашнем предположении Люциуса насчет иммунитета ланка к бешенства.

– Иммуниет? – Адольф готов был рассмеяться, но на его лице отразилась такая горечь, что у него, должно быть, сдавило горло. – Рэмол действительно проклял меня, но к вашей болезни это отношения не имеет!...

– В таком случае, тебе не стоит идти дальше, – сказал Эмбер. – Мы оставим тебя в безопасности у последнего маяка, с припасами и с животными.

– Нет, – неожиданно твердо сказал ланк, вскинув на дракона взгляд своих странных глаз, бирюзового и черного. – У меня в самом деле есть роль в происходящем и я, кажется, начинаю понимать, в чем она заключается. Отец падших ничего не делает просто так, и я, как послушный сын, исполню его волю, – последние слова он произнес с насмешкой, так, будто обращается не к нам, а к самому Рэмолу. Он правда думает, что серафим слышит все его мысли? Уж не помешался ли он?...

Видимо, не я один так подумал, потому что никто не ответил Адольфу, и Эмбер больше не предлагал ему остаться в безопасности.

После завтрака я попробовал найти Маргул, но ее в городе уже не было, что, впрочем, не удивительно. Побродив

немного по пустынным улицам, я вернулся в дом, где принялся готовить обед.

Наша небольшая задержка начинала напоминать выходные. Эмбер, Дейкстр, Адольф и Люциус играли в карты, бессовестно истребляя и без того небольшие запасы вина. Бэйр валялась на лежаке, отдыхая после очередного сеанса с Кудеяром, полукровка развалился чуть поодаль, закрыв глаза локтем.

– Где Арланд, кстати? – вяло спросила Бэйр. Видимо, когда я пришел, разбудил ее, и она, обведя взглядом нашу компанию, не обнаружила главного для нее лица. – Я с утра его не видела.

– Носится по посту с лампадкой, отпевает покойников, – хмыкнул Люциус. – Я видел, как он уходил, беря с собой эти свои инквизиторские штучки.

– Что, все это время отпевает?... – Бэйр скривилась. – Иногда мне кажется, что я вышла за... очень странного человека.

– В самом деле? – Дейкстр злорадно улыбнулся. – Поверь, тебе не кажется!

– Надеюсь, он не наткнется здесь на что-нибудь опасное, – вздохнула она, перевернувшись на живот и положив подбородок на сложенные ладони. – Кудеяр, ты как?

– Ты выпила из меня всю радость, ведьма, – проворчал царевич тоном умирающего. – Потому нет, я не пойду искать твоего мужа. Хотя мог бы.

– Твоим родителям вместе с тобой на материк нужно было отправить инструкцию по эксплуатации, – проворчала ведьма. – Ты вообще видел свое кружево!? Ты как шесть кентавров и две нимфы! Я таких плетений ни в одном учебнике не видела! Если сегодня ты не поправишься, завтра меня уже не хватит на лечение!...

– Вылечишь, куда ты денешься? – безэмоционально ответил царевич. – Хотя может, ну его? Буду, как мать... ее безумие здорово взбодрило. Вы знали, что до того, как отправиться на войну, она была детской учительницей, но свихнулась, когда ее упрятали в тюрьму для темных?

– Так вот от кого у тебя эта тяга к преподаванию? – улыбнулась ведьма.

– Не без этого, – кивнул царевич, улыбнувшись в ответ.

Арланд не появился ни до, ни после обеда, и я, как единственный кроме Кудеяра, кому не нужен был свет, отправился его искать.

Я заглядывал в дома, многие вещи уже были переставлены Арландом, почти все скелеты из соседних зданий куда-то пропали. Брата я нашел в трех кварталах от нашего лагеря, он как раз заканчивал очередной символ из белого пламени над кучей костей.

Стараясь не мешать ритуалу, я осторожно подошел сзади и стал ждать, пока он закончит.

Опустившись на колени перед останками, инквизитор поднял руку в перчатке и осторожно перенес парящий в воз-

духе символ на кости. Когда бело пламя коснулось их, оно будто стекло по ним в землю и исчезло. Арланд встал и обернулся ко мне.

– Духи рассказали тебе, что тут произошло? – спросила я, подходя ближе.

– Да, – он кивнул, оглядывая останки. – Но понять, что тут было на самом деле, я смог только после твоего рассказа про Маргул и Райнара. Все встает на свои места.

– Это они натравили ящеров на пост?

– Не совсем, – сказал брат. – Это произошло уже после того, как Люциус отравил единорогов из рощи, но тогда Райнар только начинал свои опыты в подземельях. Призраки рассказали мне о «белой деве», которая пришла к ним из верхних ярусов. Ее вел мужчина, по описанию похожий на Райнара. Они сказали, что путешествуют, ищут редкие ингредиенты, и их пустили дальше на глубину, но через несколько месяцев оттуда пришел дракон, вышиб ворота, напал на жителей, а тех, кого не сжег он, сожрали толпы ящеров из нижних ярусов. Похоже произошедшее не было планом Райнара, но подало ему неплохую идею.

– Думаешь, «бела дева» – это Исавелла? – спросил я.

– По описанию похоже, – он кивнул. – Если она была заражена уже двенадцать лет назад... не думаю, что мы сможем ее спасти. Бэйр едва хватило на Кудеяра, в котором только зачатки болезни. Она не справится с кружевом дракона.

– Эмбер, кажется, не готов принять этого факта, – осто-

рожно заметил.

Мы медленно вышли из этого дома и направились в следующий. Я помогал Арланду собирать останки и относить их на задний двор.

– Так или иначе, ни у кого из нас нет причин жертвовать своими жизнями ради всего этого, – вдруг сказал брат, хмурясь. – Здесь я в чем-то согласен с Дейкстером: хорошо бы просто замуровать ходы и оставить Райнара и его ящеров гнить заживо. Только вот мы с этой задачей не справимся, нам ни за что не найти каждый выход из этих подземелий. Мы закроем им дорогу в Агирад, они найдут лазы в Рашемию или пустыни. Глубины огромны, никто не знает, как далеко они тянутся.

– Мы – нет, но вот Маргул, наверное, сможет, – сказал я, поняв ход его мыслей. Арланд посмотрел на меня и кивнул.

– Пока будем действовать по плану Эмбера, но запасной нам не помешает, – сказал он. – В конце концов, они с Кудеяром действительно могут справиться с ордой ящеров, если, например, ход будет достаточно узким. Время покажет.

Мы просидели в доме еще четыре дня, пока мази не заживили раны Адольфа, а Кудеяр не перестал быть похожим на Люциуса. За это время Арланд упокоил каждого духа в посте, я помогал ему, потому что находиться рядом с Эмбером мне не хотелось. После последней взбучки что-то во мне повернулось, и я чувствовал, что способен сделать какую-нибудь глупость просто ему на зло.

– У тебя аллергия на военных, – поставил мне диагноз Дейкстр. – А у них на тебя. Все так, как и должно быть, так что просто не суйся к нему.

После того, как мы вышли из поселения, ничего не происходило. Маргул держала свое обещание, и все опасные животные в округе были аккуратно подвешены возле сталактитов, никто нас не трогал. Маяки больше не пропадали, и мы шли с прежней скоростью. Приближался переход на четвертый ярус.

Примерно на седьмом маяке, до которого мы добрались быстрее, чем планировали, Бэйр ушла в одну из пещеры, чтобы помыться: нам давно не попадались подземные озера, и это был отличный шанс. Когда она вернулась, ее лицо сияло от счастья, она почему-то кинулась на шею Арланду и что-то прошептала ему на ухо. Братец, выслушав ее, тоже развесялился. Они немного покружились в свете маяка, а потом Бэйр спряталась в их палатке.

Когда Арланд вернулся к костру, где все сидели, Кудеяр осторожно спросил, в чем же заключается эта радостная новость, которой ведьма почему-то поделилась только с ним.

– Она... – еще улыбающийся Арланд запнулся.

– Только не говори, что она того!... – Люциус, ухмыляясь, обрисовал на себе руками большой живот.

Арланд промолчал. Хорошо его зная, я понял, что он просто не может решиться: врать ему и говорить «да» или придумать ложь побезобиднее.

Я слышал, что Бэйр шепнула ему, что второй раз видела кенгуру. До этого она мне как-то рассказывала, что кенгуру – это такие странные животные в ее мире, которое носят детенышей в сумках. Видимо, все эти восторги означали, что ведьме удалось второй раз прорезать окно в свой мир... что теперь они могут попасть на Землю, когда захотят. Хоть сейчас.

Я не знал, радоваться мне за них или расстраиваться, что вскоре потеряю обоих.

– Так она правда?... – Дейк с огромными от ужаса глазами смотрел на Арланда, ожидая ответа.

– Нет, – инквизитор поспешил всех успокоить. – Просто она начала чувствовать своей левой рукой и теперь даже может двигать ей больше обычного.

Общий вздох облегчения эхом разнесся по лабиринтам.

– Беременность сильно бы осложнила наше общее положение... – сказал Дейк, как бы извиняясь за свою реакцию.

– Мы и сами понимаем, что не время, – ответил Арланд, закрывая тему.

После этого случая я каждый раз внутренне прощался с Бэйр, когда они с Арландом уходили куда-то вместе. Не то чтобы я думал, что они уйдут насовсем, даже не простившись со мной, но все же я не мог не бояться, что они не вернуться. В конце концов, как и сказал Арланд, им просто незачем было рисковать жизнями, разбираясь с проблемами малознакомого легендарного дракона.

Люциус, тоже понявший, в чем дело, не спускал с них глаз. Каждый раз, когда они уходили, он закрывал глаза и начинал вслушиваться в вибрации пространства. Однажды он вскочил и бросился за ними, но, не добежав до края света маяка, безумно расхохотался и вернулся на место. Остальным объяснил, что ему показалось, будто кто-то хочет напасть на него сзади. Вскоре после его выходки парочка вернулась обратно в лагерь, оба довольно улыбались. Похоже, снова видели кенгуру.

Когда мы были на последнем маяке третьего яруса, я решил заночевать вне света, чтобы Маргул могла поговорить со мной. И я не прогадал, ведьма действительно пришла, впервые за все время.

– Я надеюсь, ты уже договорился с остальными? – спросила она первым делом.

– Да, и они хотят тебя видеть. Они согласны объединиться.

Маргул нервно втянула воздух. Похоже, она не горела желанием говорить с толпой борцов с нечистью, пришедших разбираться с тем, чем она занималась последние десять лет.

– Ладно, – проговорила она, подумав. – Ушастого своего только подальше держите.

– Царевич Кудеяр.

Тяжелый голос полукровки раздался у нее за спиной, и, перепугавшись, ведьма отскочила ко мне. Она прижалась спиной к моей груди и мне ничего не оставалось, кроме как

обхватить ее плечи и прижать к себе, чтобы мы оба не упали.

– Для тебя – царевич Кудеяр, – повторил полукровка, смиряя Маргул жестким взглядом льдисто-голубых глаз.

– Мы его вылечили, – объяснил я, отстраняя от себя ведьму. Она нехотя отошла от меня. – Но на уши его все равно долго не смотри, он этого не любит, – не выдержав, я хихикнул над суровым видом царевича. Давненько я не видел его в образе «ваше величество» и уже успел привыкнуть к более добродушному варианту его странного лопоухого лица.

– Идем, – пророкотал он, и двинулся в сторону нашего лагеря.

Пока мы шли, я коротко описал Маргул наше положение.

– Люциус здесь!?! – воскликнула она. – Райнар очень часто говорил о нем! Говорил с презрением, но я чувствовала, что он боится... О, как он боится его! Мне всегда хотелось посмотреть на того, кто внушает такой страх моему мучителю!...

Такая возможность ей скоро представилась.

Подойдя к нашему лагерю, Маргул прищурилась: ее привыкшие к темноте глаза тяжело адаптировались к яркому свету маяка.

Кречет, увидев ведьму, поднял голову и глухо зарычал, и ведьма застыла, вновь коснувшись меня плечом, будто искала защиты. Мне это показалось странным, но я решил, что должен подбодрить ее, и положил руку ей на плечо. Кречет после этого жеста успокоился, а Арланд с Бэйр странно пе-

реглянулись.

Эмбер, как главный, вышел вперед, и поприветствовал нашу новую союзницу. Маргул сдержанно поздоровалась, ей явно было не по себе в нашей компании, под столькими подозревающими взглядами, но в конце концов она взяла себя в руки.

– Мое имя Маргул, – сказала она, осмотрев каждого из моих спутников. На Мафусаиле ее округлившийся взгляд задержался, и она одобрительно поджала губы. – Кто его вывел?

– Рэмол, – ответил царевич. Как ни странно, Маргул понимающе кивнула.

– Что ж, если вы друзья Рэма, значит, я сделала правильный выбор, – сказала ведьма. – Мои условия просты: я хочу выбраться отсюда и не хочу преследований. Райнара, ящеров, дракона, забирайте их всех и делайте, что хотите, я вам помогу. Но я и Гренгаль уйдем на свободу, когда все закончится.

– Мы согласны, – ответил Эмбер.

Они с Маргул пожали руки, и после этого жеста ведьма как будто расслабилась. Она села с нами о магического костра и начала свой рассказ.

– На четвертом ярусе нет маяков, как здесь: Райнар велел мне их уничтожить, чтобы они не мешали ящерицам, – говорила она. – Четвертый ярус самый запутанный, я многое в нем изменила, чтобы сделать ящерам удобную клетку. Карта

и ваши с... – она скосила глаза на уши Кудеяра, но проглотила вертящиеся на языке слова и быстро отвела взгляд, – ваши с царевичем способности не помогут пройти по моим дорогам. Райнар сейчас находится в той же пещере, что и драконица, он работает над составом новых порошков. Чтобы добраться до места, где Райнар держит дракона, мне нужно спать один раз... Для вас это должно быть три или четыре остановки на ночлег.

– Значит три-четыре перехода... – проговорил Эмбер.

– Это не так много, по сравнению с путем, который вы проделали, но на этот раз будет гораздо труднее, – предупредила Маргул. – Будьте готовы к тому, что не застанете Райнара врасплох: я обязана сказать ему, что вы идете, успешно отбиваясь от ящериц. Он, конечно, ускорит работу над своим новым зельем и наверняка накормит им животных, чтобы те повиновались, когда вы окажетесь в главной пещере. До Райнара будет тяжело добраться, когда он натравит на вас ящериц. Главное – убейте дракона. Именно через него мы приказываем остальным. Стоит потерять контроль, как ящерицы перестанут нападать: они агрессивнее обычных, но на верную смерть ради бессмысленной крови не пойдут.

– Есть еще какой-нибудь способ освободить ящеров от контроля? – спросил Эмбер.

– Можно попробовать убить Райнара, но это будет гораздо сложнее... скорее всего, вам придется перебить всех ящериц, прежде чем вы доберетесь до мага. К тому же, это дра-

кон их вожак, и стая не распадется, пока он жив.

– С Райнаром проблем не возникнет, – пророкотал Кудеяр. – Я скормлю его своим теням. Пусть пополнит мою армию, а Святые Огни потом перемелют его во что-то достойное. Никто не против?

– Твои тени хорошо тебе подчиняются? – обеспокоенно спросил Эмбер. – Насколько я помню по службе с твоей матерью, эти духи довольно... бесконтрольны.

– Они будут далеко от нас и не причинят никому вреда, – сказал царевич.

– Райнар мой! – запротестовал Люциус. – Слышишь!? Я не позволю!... Это моя месть, я ее заслужил!

– И ты готов угробить из-за нее всех нас? – спросил Дейкстр. – Пусть Кудеяр с ним разберется! Это безопасно.

– А Иссу он тоже им скормит!? – колдун возмущенно посмотрел на Эмбера. – Ты знаешь, сколько у него теней!?

– Рэмол говорил, что не больше шестидесяти.

– Тысячи! – крикнул Люциус. – Этот черный одуванчик вырезал целую колонию разумных гоблинов, он еще хуже, чем его мамаша! Если он выпустит своих теней с изнанки, они сожрут и Райнара, и ящеров, и твою ненаглядную! Ее ты готов отдать Святым Огням!?

Все, кроме Эмбера, обратили на колдуна ненавидящие взгляды. Он знал, куда бить, и достиг своей цели. Испугавшись за Исавеллу, дракон запретил Кудеяру использовать теней.

– Это абсурд! – крикнул рыцарь, разозлившись. – Я помирать здесь не нанимался! Одну ящерицу я свалю, но две тысячи!?! Это верная смерть! Мы не справимся!

– Эмбер, Исавелла заражена уже много лет, – осторожно заметил Арланд. – Нужно понимать все риски.

– Я учитываю все риски, как ты выражаешься, – дракон холодно взглянул на инквизитора, затем перевел взгляд на рыцаря, под которым тот примолк. – Вам не придется сражаться с ордой, я возьму их на себя. Ваша задача – добратся да Райнара и лишить его контроля. С одним человеком вы ведь справитесь?

– О, да, – улыбнулся Люциус.

– И как мы до него доберемся? – спросил рыцарь, вызывающе глядя на Эмбера. – Ящерицы нам живой коридор делают?

– Маргул? – дракон посмотрел на ведьму.

– Я сильна, но я не смогу незаметно от Райнара выстроить вам отдельный тоннель, – сказала она. – На это уйдут недели, если не месяцы.

– Все мы там не нужны, – сказал царевич. – Я могу перенести по тени Люциуса и еще одного. Не тебя, – он посмотрел на Арланда, открывшего было рот. – Твое пламя на изнанке ни к чему.

– Возьми меня, – вдруг предложил Адольф. – Я вам пригожусь.

– Ты хочешь умереть? – спросил Кудеяр, но без всякого

удивления. Он просто уточнял.

– Нет, – ответил ланк. – Я буду нужен там. Я это знаю.

– Сомневаюсь, – Кудеяр пожал плечами. – Но мне все равно. Решайте.

– У нас еще будет время, чтобы принять это решение, – сказал Эмбер.

Это было правдой: до места, где должна будет случиться последняя битва, нам еще несколько дней. До тех пор может произойти все что угодно.

На этом разговор был окончен, все вернулись в палатки. Маргул решила заночевать с нами, думаю, она рассчитывала на завтрак: нормальных продуктов у нее уже давно не водилось.

Она устроилась на голом камне, прислонившись спиной к маяку и сложив руки на груди. От одного взгляда на нее у меня заболела спина, и я позвал ее спать в моей палатке, а сам решил напроситься к Люциусу.

– Можешь и остаться, – пожал плечами ведьма, вперив в меня немигающий взгляд своих красных глаз.

Поняв, что такого крылось в словах Кудеяр про «расположил к себе», я стремительно покраснел, и не знал, куда деть глаза, чтобы избежать неловкости.

– У меня уже есть дама сердца, – пробормотал я первое, что пришло в голову. – Прости!

Маргул расхохоталась мне в лицо, так громко, что Бэйр даже выглянула из своей палатки, чтобы посмотреть, в чем

дело. Судя по ее лицу, ситуацию она считала мгновенно.

– Милый мальчик! – на выдохе произнесла земляная ведьма и, развернувшись, пошла спать на моем лежаке, покачивая бедрами.

На утро мы позавтракали вместе с Маргул, а затем она исчезла в камнях, дав и остальным полюбоваться на это удивительное зрелище.

Мы двинулись по тоннелям, к последнему и самому опасному ярусу. По дороге каждый готовился к предстоящей обороне. Арланд и Дейкстр по пути к переходу размахивали мечами и даже устраивали парные поединки, Бэйр пыталась сварить на ходу хоть немного заживляющих мазей и заряжала заклинаниями кристаллы в своем посохе. Кудеяр закрепил за плечами две сабли, но сомневаюсь, что он в самом деле на них рассчитывал.

Тренируясь, царевич исчезал в тени, потом выпрыгивал из совершенно другого места, обычно откуда-то сверху, стрелял заклинаниями в невидимые мишени, и, падая на пол, снова исчезал в тенях. Смотреть на эти прыжки можно было вечно.

Эмбер шел быстро, на его лице застыло ожесточенное выражение: его драгоценная Исавелла становилась все ближе и ему уже было плевать на все опасности, он хотел только поскорее оказаться рядом.

Наверное, раньше мне бы такая преданность показалась достойной уважения, но теперь все это вызывало куда боль-

ше вопросов. Он в самом деле двадцать лет ищет девушку, которую видел один раз в жизни в горах, и ни разу не задался вопросом о том, почему она его тоже не искала все эти годы? Даже мне было ясно, что она сюда с Райнармом не за «редкими ингредиентами» пришла. Может, она Эмбера даже не вспомнит!

Эти мысли вертелись в голове у всех, но озвучивать их никто не решался.

– Лица бодрее, дамы и господа! Мы их всех порвем, – уверенно сказал Люциус, как всегда, сияя сумасшедшей улыбкой. – Что нам какие-то ящерицы!?

– Как бы тебя кто не порвал: тогда всем нам будет не до шуток, – заметил Адольф в своей странной текучей манере.

– Зато если они съедят тебя, то мы можем преспокойненько уйти и сказать Рэмолу, что вылечили ящерок целебным мясцом! – чародей зашелся сатаническим смехом.

– У меня нет никакого иммунитета, сколько можно повторять? – проворчал ланк, недовольно посмотрев на колдуна.

Первым по лестнице на четвертый ярус спустились мы с Кудеяром. Вокруг было достаточно спокойно, в тени мы не увидели ни одной ящерицы.

Члены команды спускались за нами по очереди и все было тихо, но не успела Бэйр, идущая последней, ступить на камни, как из темноты откуда ни возьмись выскочила огромная тварина вдвое крупнее нашего Мафусаила. Она бросилась прямо на него.

Люциус не растерялся, он среагировал даже быстрее царевича. Из рук колдуна, как пружина из рукава фокусника, выскочила огромная розовая молния и впиталась в зверя.

Черная туша, даже не коснувшись Мафусаила, свалилась замертво.

Ее длина была около девяти метров, высота – около двух. При этом тело оставалось в тех же пропорциях, что и у обычной ящерицы, только морда другая – чуть уже, чем у крокодила, и без глаз. Вдоль ее тела развивались подвижные перепонки с шипами, в которых, скорее всего, находился яд.

И таких впереди было более двух тысяч...

Мне стало не по себе. Те ящеры, что встретились нам на потолке третьего яруса, были гораздо меньше, а эти оказались настоящие гиганты.

– Это было не так уж и сложно, – самодовольно заметил Люциус. Тут тварь зашевелилась, все снова приготавились обороняться, но чародей мгновенно выпустил еще три молнии в тушу, ему помог Кудеяр.

Запахло жареным ящериным мясом.

– Вот теперь точно, – подтвердил царевич, опуская руки. – Если все целы, пойдете дальше.

После нападения мы шли в постоянном напряжении. Кудеяр шагал впереди, как обычно, я за ним, и в этот раз я даже был немного рад тому, что не я здесь главная живая наживка.

С самого детства я боялся животных, которые крупнее меня. Я знал, что всегда могу стать таким же большим и силь-

ным и сцепиться с кем угодно, но, когда впервые видел нового крупного зверя, всегда очень пугался.

Сейчас при мысли, что по лабиринтам бродят такие огромные чудовища, лишали равновесия. Я знал, что даже если превращусь в такое же, не буду настолько большим: они хорошо раскормлены и много охотились.

Зато Кудеяр чувствовал себя теперь, как дома. Он следил за тоннелями впереди так же, как я, но не боялся, а, наоборот, хотел увидеть там кого-то. Я почти физически ощущал охотничье возбуждение царевича.

Когда он заметил вторую ящерицу и сказал об этом, я чуть не струсил и не отступил назад, давая магам расправиться с ней. Но в итоге я все же собрался с духом, превратился в подобие Мафусаила и приготовился к драке.

Но ящерица не нападала, она кружила вокруг нас, ползая по стенам и потолку, изредка издавая неприятные пронзительные крики. Вскоре к ней присоединилась вторая, потом третья. Ящеры не спешили нападать, они выжидали, когда к ним присоединятся остальные.

Когда четвертая ящерица заскользила в тени Кудеяр, Люциус и Бэйр принялись за работу. И двух минут не прошло, как три ящерицы свалились со стен, источая вонь жженной чешуи. Четвертая исчезла.

Мы двинулись дальше, будучи настороже, но пропавшая ящерица так и не появилась.

Через десять часов пути Бэйр объявила привал. Мы вы-

брали самую маленькую пещеру, какую только смогли отыскать, и устроились на ночлег.

Маргул появилась ровно к ужину, она возникла прямо посреди лагеря, буквально выросла из-под земли.

– Смотрю, все еще живы, – поздоровалась она, осмотрев собравшихся у магических костра. – Поздравляю!

Мы пригласили ее к нам, и она не отказалась. На этот раз она уселась возле Кудеяра, и царевич, как ни странно, даже подвинулся.

– Будет несколько разветвлений, до них идите, не сворачивая в боковые тоннели, – за ужином Маргул объясняла нам, как идти дальше. – Потом свернете в крайний тоннель справа два раза, затем выберете средний, после среднего – снова тоннель справа. Там будет пещера, в которой вы сможете отдохнуть.

– Что он? – Арланд спросил про Райнара.

– Я сказала, что вы спустились и убили четырех ящериц. Он готовится к нападению... я сдерживаю десятки животных, но некоторые все же пробиваются к вам. Стараниями Райнара ящериц, нападающих на вас, будет становиться все больше.

– Пусть хоть всех выпускает, – сказал Кудеяр, свернув глазами. – Чем больше мы положим в тоннелях, тем меньше нам останется, когда доберемся до дракона.

– Хотела бы я попросить вас не трогать их, но знаю, что этого не избежать, – ведьма вздохнула, покосившись в сто-

рону: ее глаза начинали болеть от нашего огня. – Ведь они не сами на вас нападают: это или болезнь, или приказы Райнара. На самом деле для меня они как дети.

– С такими интересами тебя опасно отпускать на свободу, – заметил Дейкстр. – Как бы мне не пришлось ловить новых твоих питомцев через пару лет.

– Об этом не переживай, рыцарь, – криво усмехнулась Маргул. – Я знаю, что совершила ошибку, и не повторю ее. Уйду в какой-нибудь монастырь, заживо спокойно... или на Равнины уеду.

– Как именно Райнар заставил тебя служить ему? – вдруг спросила Бэйр. – Ты так и не рассказала, как все началось.

– А сама как думаешь? – ведьма грустно улыбнулась. – Я познакомилась с красивым умным мужчиной, изобретателем, умел магом... и влюбилась в него без памяти. А когда поняла, что он такое, была уже здесь, повязанная по рукам и ногам. Или он, или инквизиция – вот и весь выбор.

– А Гренгаль?

– А он любил меня и не хотел оставлять меня с ним одну, – вздохнула та.

Бэйр сочувственно взглянула на соратницу, но ничего больше не говорила.

После ужина ведьма не смогла остаться с нами. Она провалилась под землю за считанные секунды, и мы снова остались одни.

Я думал о том, что дальнейший поход будет для меня ку-

да страшнее, чем я представлял. Эти ящерицы не так глупы, они будут собираться вместе и нападать на нас огромными стаями, и тогда уже отбиваться нам придется всем вместе... теперь все будет именно так, как мы себе представляли, только спускаясь под землю.

На следующее утро, – по крайней мере, по часам Бэйр, – мы наскоро позавтракали и двинулись в путь, готовые встретить любые опасности.

Бэйр теперь держала посох двумя руками и могла драться на равне со всеми, почти все вещи со спины Мафусаила были сняты и отправлены в бесконечную котомку ведьмы, чтобы он тоже мог сражаться. Кречет и Саша, как самые уязвимые из всей команды, были привязаны к Мафусаилу, в закрытом седле на котором могли спрятаться.

Кудеяр вел всех по дороге, указанной Маргул, я шел за ним и тоже смотрел на мир тенями, но теперь это стоило гораздо больших усилий, чем раньше: вокруг по стенам постоянно скользили ящерицы.

Иногда они подбирались к нам не по одной, а по пять или по шесть. Тоннели были огромны и невозможно было увидеть, сколько всего монстров бродило вокруг нас. Всех, кого мы замечали, подстреливали маги, но заклинания привлекали больше монстров своим шумом, чем убивали своей силой. Через десять часов пути, когда мы обнаружили пещеру, о которой говорила Маргул, мы забились туда, как мышата. Кудеяр, правда, напоследок испепелил больше пары десят-

ков ящеров: просто стоял и, пока мы готовили лагерь, палил по чудовищам заклинаниями до тех пор, пока ладони не покраснели и не начали болеть.

Бэйр закрыла вход пещеры силовым полем, Кудеяр и Люциус сделали еще два слоя. Вероятность того, что защиту могли пробить, кажется, свелась к невозможности, и все же я не чувствовал себя в безопасности.

Ящерицы постоянно подходили к нам, свет и костра освещал их безглазые морды и подрагивающие у носа отростки. Они чувствовали наш запах, многие пытались пробиться сквозь барьеры, но обжигались о магию и в конце концов уходили. Правда, на их место вскоре приползали другие, и все повторялось.

Мне вспомнились аквариумы на рынках, в которых наверху продавали живую рыбу. Мы были перед этими ящерицами как те несчастные рыбы перед покупателями.

Я дрожащими руками готовил ужин, Бэйр накладывала на руки царевича мазь от ожогов, Люциус готовил порошок для Адольфа, который на четвертом ярусе стал кашлять еще хуже. Арланд и Дейкстр тренировались на мечах, разрабатывая стратегии совместного боя. Эмбер затачивал шипы на хвосте. Дракон решил на следующий день идти за нами в своем истинном облики, чтобы убивать больше ящериц.

После ужина все буквально расползлись по палаткам, остались только мы с Кудеяром и Эмбер.

Сначала Маргул возникла за полем. Ящерицы ее не трону-

ли, протянули к ней свои бледные морды и даже дали погладить себя по дрожащим ноздрям. Скользнув ладонью по паре своих любимиц, ведьма исчезла под землей, а потом появилась по другую сторону магического барьера, рядом с нами.

– Ваши маги очень сильные, – заметила она. – Хорошая работа.

– Как нам идти дальше? – спросил царевич.

Маргул снова назвала нам последовательность поворотов и примерные ориентиры.

– Райнар и Гренгаль, у них какие-то проблемы с изготовлением нового порошка. Если вы поторопитесь, может, успеете до того, как они накормят им всех ящеров, – сказала она прежде, чем уйти.

Маргул оставила нас, но в палатку мне идти не хотелось, не хотелось оставаться одному. Страх, обуревавший меня весь день пути, никак не отпускал, и я продолжал сидеть у огня вместе с Кудеяром. Какие мысли удерживали здесь царевича, я не знал.

– Тебе не страшно? – спросил я, почувствовав, что не хочу дальше сидеть в тишине.

– Я не боюсь ящериц, – угрюмо ответил тот. – Я думаю о другом.

– О чем же?

Полукровка скользнул по мне странным взглядом, я решил, что он не станет говорить, но в конце концов он тяжело вздохнул и произнес:

– Я думаю о Маргул.

Его ответ удивил меня.

– И что думаешь?

– Она сильная и не глупая. Как она могла позволить себе впутаться в это дело?

– Она не врала насчет любви, – я пожал плечами. – От этого чувства в самом деле слепнешь.

– Я слепну только от вспышек, – сказал полукровка. Откинувшись назад, он уперся плечами в камень и уставился в огонь. Больше мне из него ни слова не удалось вытянуть.

Из своей палатки вылез Люциус.

– Вы чего тут сидите? – спросил он заспанным голосом.

– Мы с Кудеяром болтаем, – обернулся я. – Я не могу уснуть.

Это было правдой. Страх так мучал меня, что, если бы Бэйр не была замужем, я бы не постыдился проситься спать к ней в палатку.

– Бедолага Леопольдик, – Люциус зевнул. – Хорошо быть сумасшедшим, другие могут быть спокойными или волноваться, а ты всегда в одном и том же состоянии: как будто только что хватил стаканчик чего-то очень крепкого, а потом закусил лимоном... Хочешь, превратись в кота и иди спать ко мне.

– Хочу, – ответил я и сам поразился тому, как жалобно прозвучал мой голос.

Не думая ни о чем, я превратился в маленькое пушистое

животное и подбежал к Люциусу, мяукая, как котенок. Чародей взял меня на руки и, прижав к груди, почесал за ушком.

– Хе-хе, и кто додумался отправить тебя в такое страшное место? – посмотрел на царевича, молчаливо стоящему у входа. – Кудеяр, тебе тоже страшно? Хочешь, тебя тоже за ушком почесу?

– Нет, – мрачно ответил царевич и ушел к себе.

На следующий день страшный путь возобновился.

Эмбер впервые превратился при нас в дракона, и это было действительно грандиозное зрелище! Золотые рога увенчивали тяжелую голову с огромными крепкими зубами, плавно покачивающуюся на длинной сильной шее. Мощные крылья закрывали спину и бока, как щиты, хвост с заточенными зубьями бил по стенам, как булава.

Дракон едва помещался в тоннелях, настолько было огромно его прекрасное золотое тело. Ящерицы по сравнению с ним теперь не казались такими громадными, но в безопасности мы себя не почувствовали: Эмберу было достаточно тяжело быстро двигаться в тоннелях, и он мог не успеть раздавить какую-нибудь из нападающих тварей.

Все началось совершенно внезапно. Через полчаса пути вдруг спереди на нас набросился целый сноп ящериц, их было столько, что невозможно было сосчитать! Они ринулись, как вода из крана, как брызги черной грязи.

Эмбера почти сразу заволокло темным налетом этих со-

зданий, всех остальных погребло под огромными телами еще быстрее.

Превратившись в дракона, чтобы меня не раздавили, я крыльями снес с себя целый ворох тварей и, не задумываясь о последствиях, приготовился облить их огнем из пасти, изогнув шею.

Все тело как будто налилось свинцом, все внутренности срослись в один твердый ком, затем электрическая судорога молнией прошла от хвоста до челюстей, распрямляя каждую мышцу. Шея стала негибаемой, как каменная труба, пасть сама распахнулась и извергла наружу потоки пепельного огня с густыми клубами дыма.

Пламя застлало все вокруг, жар ударил мне в морду, заставив зажмурить глаза. Я испытал страх перед огнем, вылившимся из меня, и вместе с тем восторг от собственного могущества. Таким сильным я не чувствовал себя ни в одном из обличий!

Когда я открыл глаза, увидел, что тоннель впереди меня устлан обгоревшими телами ящеров, не осталось ни одной живой. Все те твари, что были дальше, разбежались от ужаса, оставив в покое нашу команду.

– Все целы!?! – пытаюсь найти своих, я стал осторожно раскидывать тела, поддевая их рогом на носу. – Кто-нибудь!

– Я здесь! – Бэйр, совсем крошечная, выбралась из-под тела одной из ящериц.

Я устремился к ведьме, но на полпути меня отшатнуло

сильным ударом по голове. В глазах все начало двоиться, но это продолжалось недолго.

Очнувшись, я увидел перед собой Эмбера. Это он ударил меня.

– Ты должен был спросить у меня, прежде чем дышать!!! – бешено взревел он, изрыгая из закопченной пасти клубы дыма. – Ты мог убить всех нас!!!

– Но ведь все живы? – мой голос прозвучал, как и не мой вовсе, но теперь мне было не до новых ощущений.

Осмотревшись, я по очереди заметил всех членов нашей команды. Один за одним они выбирались из-за камней и из-под тел, за которыми спрятались.

– Живы... – я почувствовал, как Дейк, опершись ногами на мои крылья, забирается ко мне на спину. – И чтобы мы остались такими дальше, лучше будет, если все мы сядем на ваши спины!

– На каждой спине должен быть маг и тот, кто сможет отбиваться от ящериц мечом, – Адольф полез на спину к Эмберу, который уже сложил свои крылья, как лестницу.

Кудеяр забрался на меня вслед за рыцарем, а Бэйр с Арландом – на Эмбера. Мафусаил с Кречетом и Сашей должен был держаться между нами.

Было решено, что Эмбер пойдет первым, потом я. Он будет поливать пламенем только тех, кто впереди, а я тех, кто нападет сзади, чтобы мы не задели огнем друг друга.

Это была хорошая тактика, когда очередная волна ящеров

нас настигла, мы быстро разобрались с ней.

Я раздавил тех, которые напали на меня и сбил крыльями со стен штук пять, которых потом поджарили Люциус и Кудеяр.

Арланд и Дейкстр вместе зарубили четырех или пятерых, Бэйр убила заклинаниями двух и умудрилась вытянуть заразу из одной, после чего та убежала. Даже на счету Адольфа к концу дня имелась одна убитая ящерица.

На этот раз, когда мы дошли до пещеры, трясло не одного меня, а всех, но не от страха, а от перевозбуждения. Очередная драка могла начаться в любой момент, все десять часов дороги мы шли в напряжении, и оно изматывало сильнее любого физического труда.

Снова пришла Маргул. Я оставил ее Кудеяру: у самого сил ждать ведьму не было. Утром царевич рассказал, что она дала указания насчет пути и сказала, что пока мы успеваем, и ушла.

Следующий отрезок пути должен был стать последним, перед тем как нам придется встретиться с тем, кто начал все это.

Мы снова отбивались от ящериц, но скорее пробивались сквозь них, потому что они нападали постоянно, почти не давая нам идти. Некоторые подбирались так близко, что Бэйр приходилось отмахиваться посохом, а Адольфу – орудовать своими кинжалам. Я слишком часто перевоплощался и воспоминания смешивались в голове, но я точно помню, как

змей и ведьма вместе отбивались от одной из ящериц. Кажется, в итоге я пришел им на помощь и прыгнул на нее сверху, будучи подобием Мафусаила... или это было, когда я помогал Кудеяру? Мы столько дрались, что отличить одно нападение от другого стало невозможно.

Мы не прошли и пяти часов, как ящеры внезапно исчезли, словно кончились, хотя этого не могло быть. На дороге перед нами появилась Маргул.

– Раненые? – коротко спросила она. Получив отрицательный ответ, ведьма одобрительно кивнула.

Она отвела нас в небольшую пещеру, которую соорудила за ночь специально для того, чтобы наша компания могла переждать, пока завершится операция «месть из тени», как назвала ее Бэйр.

Эмберу пришлось вернуться в человекоподобную форму, чтобы войти внутрь, и, как только маги выставили у узкого входа барьеры, началась подготовка к предстоящему.

Кудеяр облачился в зачарованные кожаные доспехи и убрал волосы в сложную прическу, чтобы не мешали. Облокотившись на седло Мафусаила, он ждал, пока Люциус выберет мантию, достойную украсить его долгожданную месть. Адольф стоял в стороне, он даже свою кольчугу надевать не стал, зато на поясе и груди устроил весь свой набор метательных кинжалов.

– Чем быстрее вы доберетесь до Райнара, тем скорее я смогу увести его стадо под землю, – сказала Маргул.

– Как мы пойдем, что путь свободен? – спросил Дейкстр у Кудеяра.

– Ящерицы перестанут нападать? – усмехнулся царевич. – Я вернусь и сам сообщу вам. Подождете меня здесь.

– Сколько времени вам потребуется? – спросил Эмбер.

– Думаю, меньше часа, – сказал царевич. – Если не вернемся через два, значит, что-то пошло не так. Пусть Леопольд превратится в сенари и разведает. Если буду жив, но ранен, откликнусь на этот зов, – он повернулся ко мне и издал громкий клич, на который, наверное, было способно лишь его горло. Напоминало звук, с которым обломок камня мог бы катиться по обрыву.

Я обернулся полукровкой и попробовал издать похожий. Получилось раза с третьего. Звук хорошо резонировал в камне, его можно было услышать даже сквозь шум, находясь довольно далеко друг от друга.

– Маргул? – дракон посмотрел на ведьму. – Ты останешься с нами, пока они не вернуться?

– Боишься, начну мешать им? – она криво улыбнулась. – Останусь, не переживай. Можем даже за ручки поддержаться.

Маргул протянула бледную кисть в серых обмотках Эмберу, но тот воздержался от рукопожатия, чем только рассмешил лысую ведьму.

Наконец, Люциус нарядился в коричневую мантию с длинными рыжими перьями на плечах, убрал рыжие волосы с висков в хвост на затылке, чтобы не лезли в глаза, а веки

зачем-то подвел черным. Он и Адольф встали возле Кудеяра.

– Уверены, что я не понадобится? – спросил Арланд.

– Не люблю таскать по изнанке святош, – отрезал Кудеяр. – С одним хилым человеческим магом я бы и один справился, а нас трое, и он нас не ждет, – он покосился на Маргул.

– Не ждет, – она криво улыбнулась. – Я даже не сказала ему, что в команде есть скахтьярны.

– Сенари тени, – поправил Кудеяр.

– Разумеется, ваше величество, – Маргул изобразила церемониальный поклон, насколько его себе представляла.

Взяв за руки Люциуса и Адольфа, Кудеяр исчез во мраке, а мы приготовились ждать.

Я странно себя чувствовал: то, ради чего мы сюда спустились, уже началось, но мы еще в пещере, у магического костра, в безопасности. Я готовлю обед, словно ни в чем не бывало. Маргул вон сидит, смеется над какой-то шуткой рыцаря, Бэйр с Арландом, как всегда, рядом, держатся за руки, но каждый думает о своем. Эмбер нервно меряет шаги вход в пещеру, заслоненный магическим барьером. Думает об Исавелле.

Все так, словно ничего важного и не происходит.

Я раздал всем миски, и мы молча пообедали.

– Расскажи, как к вам попал дракон, с которого вы сдирали чешую на продажу, – потребовал Эмбер.

– Я ничего не сдирала, – возразила Маргул без тени страха в голосе. Она продолжила есть свой обед, совсем не теряясь

под взглядом дракона, чью подружку якобы держала в заточении. – Она линяла, и я лишь собирала остатки ее кожи. Кровь я брала, когда она дралась с другими ящерами и оставались раны, а рога... да, некоторые рога я спиливала, как и когти. Как она к нам попала? Когда я пришла, драконица уже была здесь и уже была сильно заражена. Все камни, начиная с третьего яруса, были в крови других ящеров, она стекалась в ручьи и превращалась в целые реки. Взбесившийся дракон – нечто похуже извержения вулкана. Я говорила об этом Леопольду и повторю сейчас: дракона не излечить, его гораздо лучше убить, это может сохранить жизни всем нам.

Эмбер на это ничего не ответил. Он ушел от нас к краю барьера и стал ждать, вглядываясь в тени.

– Почему он не хочет понять то, что я говорю? – тихо спросила у меня Маргул.

– Эта драконица, Исавелла, его возлюбленная, – объяснил я. – Они встретились всего один раз, и с тех пор он уже двадцать лет ищет ее по всему свету. Он был во всех подземельях, во всех горах, облазил все рощи, до которых добрался, пробовал искать даже в море, но нигде не нашел никаких следов. Теперь, когда он почти нашел ее, вряд ли возможно убедить его в том, что ее проще убить, чем вылечить... он скорее спалит всех нас своим дыханием, чем позволит коснуться ее.

– Так этот *тот самый* Эмбер Дюшес? – изумилась Маргул. Я кивнул. – Ну, дела... я теперь что, получается, буду

злодейка из легенды?

– Думаю, тебя опишут, как переметнувшуюся отщепенку, – предположил я.

– Она большая? – спросил Дейкстр, прерывая наш разговор. – Больше Эмбера?

– Чуть меньше, – охотно ответила ведьма. – Когда-то она была белой, но теперь скорее розовая – это от крови, что впиталась в ее шкуру. Перед продажей я подолгу вымачиваю ее чешую в растворах, чтобы вернуть прежний цвет.

– В человеческом облики ты ее не видела? – уточнила Бэйр.

Маргул покачала лысой головой.

– Как вы ее удерживаете? – продолжил спрашивать рыцарь.

– Мы ее не удерживаем, в том-то и опасность. Она устроила свое логово в сети самых широких тоннелях и хорошо охраняет его, а мы с Райнаром живем и перемещаемся по моим тоннелям вокруг ее территории и ее стаи.

– То есть, она может прийти сюда? – уточнил Дейкстр.

– Сюда – вряд ли, тут слишком узко. Но через двести метров, вон там, – Маргул указала в сторону, куда ушли Кудеяр и остальные, – начинается ее территория.

Рыцарь продолжал расспрашивать Маргул о том, как все устроено: может, ему было скучно, а, может, он не верил, что все пройдет гладко и мы просто отсидимся тут, пока Кудеяр и Люциус сделают всю работу.

Пока с их ухода не прошло пятьдесят минут, никто как будто даже не думал, что что-то может пойти не так. Потом с каждой минутой лица рыцаря и Эмбера становились все мрачнее, Бэйр обеспокоенно поглядывала в сторону, откуда должен был появиться царевич.

Когда ее магические часы показали, что с момента их ухода прошел один час и двенадцать минут, мы услышали эхо взрыва, и увидели алый отблеск на стенах. Повеяло горячим воздухом.

– Понеслась, – прокомментировала Маргул, поднимаясь. – Это твоя ненаглядная проснулась, – покосилась на Эмбера.

Вслед за взрывом мы услышали пронзительный визг, как кричат дерущиеся животные, затем еще один залп, а потом все утихло.

– Я бы двух часов дожидаться не стала, – заметила Маргул. Опустившись на колени, она положила ладони на камни и вслушивалась во что-то.

– Видишь что-то конкретное? – спросил Эмбер.

Она покачала головой.

– Тогда ждем оговоренные два часа.

Время тянулось медленно, каждый из нас до боли в глазах всматривался в окружающие лагерь тени, надеясь первым различить, как из мрака выплывет силуэт Кудеяра, но этого не происходило.

Устройство Бэйр отметило два часа, я уже стоял в облике

полукровке, готовый пуститься на разведку, и ушел в тень, как только время перевалило за лишнюю минуту.

Путь вышел не из простых. Я, как мне казалось, неплохо умел перемещаться по теням, но это было настоящее испытание – не удивительно, что Кудеяр взял с собой только двоих.

Маргул примерно описала мне, куда нужно двигаться, но маршрут здорово осложняли стаи гигантских ящериц. Стоило мне выйти из тени, они тут же бросались на меня, не давая сориентироваться в пространстве. Я очень быстро потерялся – вся сеть тоннелей была одинаковая.

Не было никакой возможности отдышаться и собраться с мыслями, потолки были слишком низкие, ящерицы могли достать меня даже если бы я обратился в маленького геккона. Они были настолько голодны, что пытались сожрать меня в любом из обличий.

Я выпрыгнул из тени уже в восьмой раз, ящерицы были в нескольких метрах и за те секунды, пока они не сообразили, что рядом еда, я успел издать крик Кудеяра.

Услышать ответ я не успел, но скоро вышел и закричал снова. На одиннадцатый выход мне повезло, и я уловил вибрацию ответа. Двигаясь на звук, я вскоре вышел в обжитую часть лабиринтов, защищенную от ящеров. Эти тоннели были уже и их освещали слабые магические лампы, повсюду попадались старые деревянные коробки, тряпье, какие-то инструменты... Я смог, наконец, искать царевича, находясь в

одном с ним пространстве, и не прошло и десяти минут, как мы встретились.

Кудеяр прятался в одной из ниш. Я почти не удивился, увидев, что царевич опять ослеп. На его шее и руках были повязки из его собственной рубахи, сильно пропитавшиеся кровью.

– Что произошло? – спросил я, когда полукровка вышел ко мне из своего укрытия.

– Люциус! – пророкотал он. – Он напал на Райнара, как только мы вышли из тени, не дав мне адаптироваться. Я ослеп от вспышки его заклинания, и не успел отреагировать на удар: Райнар чуть не убил меня, я лишь немного отстранился, почувствовав сквозняк от оружия, и только потому еще жив. После удара меня отрезало от магии. От магии и от теней! Я слышал, как Люциус ругался с Райнаром, кажется, они дрались, но чем кончилось, я не знаю. Адольф не стал вмешиваться, он исчез куда-то сразу же, как я вывел их из тени, оставив меня захлебываться кровью. Если найду этого ланка...

От долгой речи царевичу стало хуже, и он замолчал, по-морщившись.

– Сможешь вернуть нас в лагерь? – спросил он, придя в себя. – Ослепнув, я теряю связь с тенями.

– Я заблудился, – признался я. – Едва тебя смог отыскать. Боюсь, обратно нам нельзя – нас сожрут ящеры.

– Просто отлично...

– Что будем делать? – спросил я, чувствуя себя ужасно бесполезным в этой опасной ситуации. – Может, тебя стоит перевязать получше? Поищем аптечный пункт? – я неловко хихикнул.

– Тут повсюду големы с оружием, отрезающим от магии, – покачал головой полукровка. – Я наткнулся на одного, пока нашел это место, он чуть не оставил меня без рук. Отсидимся здесь, пока ко мне не вернется зрение.

– А как же остальные?

– Думаю, после того, как ты не вернешься, они отправят за нами Маргул, – предположил царевич. – Если она к тому моменту не решит, что поставила не на ту сторону, она нам поможет.

Изобретение

Бэйр

Мы ждали уже четыре часа, все были измотаны тяжелыми предчувствиями, а ведь до тех пор мы еще от ящериц отбивались... я не помню, чтобы когда-нибудь чувствовала себя настолько обессиленной.

Но об отдыхе не могло быть и речи, Леопольд не вернулся, а это значит, что он попал в беду, как и остальные. Маргул клялась, что понятия не имеет, почему у них не вышло разобраться с Райнаром: по сравнению с одним только Кудеяром маг беспомощен, как котенок. А Леопольд? Нет такой опасности, от которой он не смог бы уйти. И все же, с ними что-то случилось, и теперь нам нужен был новый план.

Выбор перед нами стоял сложный: отправить на разведку Маргул и потенциально оказаться в полной заднице, слив Райнару наших сильнейших воинов и единственного проводника по лабиринтам в лице ведьмы; или идти в атаку самим, чтобы лоб в лоб столкнуться с легионами гигантских ящеров, которых в тех тоннелях что муравьев в муравейнике.

Все упиралось в то, насколько мы можем верить ведьме, с которой никто, кроме Леопольда, особенно не говорил, и о чьих мотивах во всей этой истории мы имели весьма смутное представление.

– Идти всем нельзя, – говорила Маргул, когда мы обсуждали, что делать дальше. – Вы сможете пройти, только если он обернется драконом, – она кивнула на Эмбера. – Но, если он это сделает, наша его почувствует и нападет. Начнется драка и глубины превратятся в одну огромную духовку! Вы должны отпустить меня, это единственный способ.

– Я согласен с Маргул, – сказал Дейк. – Нам нельзя туда соваться.

– А если им удалось забрать у Райнара контроль? – предположил Эмбер.

– Он собирал ящеров со всех ярусов все эти недели, – сказала ведьма. – Здесь недостаточно пищи для них, они оголодали и очень агрессивны. Они нападут на вас даже без его приказа, мне нужно увести их отсюда, чтобы вы могли дойти до безопасного места. А чтобы увести, я должна понимать, что они не сожрут меня по команде Райнара.

– Пусть идет, – согласился Арланд. – Выбора у нас нет.

Эмбер с сомнением смотрел на ведьму. Она ему не нравилась и доверия внушала не больше, чем попрошайка на дороге, но правда была в том, что успех миссии и наши жизни сейчас зависят только от Маргул.

В конце концов он позволил ведьме уйти, и мы остались четвером, если не считать Мафусаила и Сашу с Кречетом.

Я попробовала хоть немного поспать, но заснуть не вышло: меня трясло от переживаний за Лео и остальных. Понимание, что Маргул может и не вернуться, или вернуться,

но с нашими врагами, давило. Хуже всего было то, что я могла в любой момент выхватить ключ и уйти отсюда вместе с Арландом, как мы и собирались. Разве не глупо будет погибнуть у самой цели ради чужих проблем?...

Если бы наши друзья были в безопасности, мы бы не стали ждать. Но сейчас не могли уйти – никогда бы не простили себе, если бы бросили их, даже не попытавшись. Еще одной причиной было то, что я не хотела, чтобы кто-то, даже Дейк, узнал о моем изобретении.

Шли часы, в конце концов я забылась вымученным сном, устроившись на сумках Мафусаила, где обычно спали наши животные. Я просыпалась раз пять, но ничего вокруг не менялось: только спутники один за одним следовали моему примеру.

Прошло тринадцать часов с тех пор, как Маргул ушла от нас, и никто уже не надеялся, что она вернется, когда неожиданно ведьма подошла к пещере. Выглядела она неважно, похоже, все это время ей даже присесть не пришлось.

– Все хорошо, – сказала она. – Путь чист. Идемте за мной.

– Где остальные? – спросил Эмбер.

– Отдыхают в доме, – ответила ведьма.

Я пока не спешила убирать магические барьеры.

– Что произошло? – спросил Дейкстр, поднимаясь со своего места и поправляя ремни ножен. – Рассказывай!

– Ваши спутники идиоты, – мрачно ответила Маргул. – Но Люциус прикончил Райнара, а остальные вроде в порядке.

Кроме Адольфа: он на кой-то черт забрался в логово к драконице и теперь не может оттуда выбраться. Труп я не видела, возможно, ему пока удастся прятаться, но она его ищет с очень большим интересом. Я даже успела разогнать ящеров и сделать для вас безопасный проход. Скоро она найдет ланка и, закусив им, решит продолжить пир, так что на вашем месте я бы поторопилась: до тех пор вам нужно добраться до безопасных тоннелей.

Нам в очередной раз пришлось ей довериться. Собрав вещи, мы двинулись следом за ведьмой.

Возникли некоторые проблемы с тем, чтобы объяснить Мафусаилу, что он должен нас слушаться, но в конце концов ящер все же пошел за нами искать своего непутевого хозяина. Уговорила его Маргул, у которой, видимо, дружба с рептилиями была защита где-то в геноме.

Мы шли не больше часа, когда просторные каменные тоннели вдруг обернулись вполне себе домашними коридорами и комнатами. Целая сеть таких помещений окружала одну огромную пещеру, звуки из которой разносились по всей округе: остервенелое клацанье когтей по камню и шипение. Драконица без устали преследовала свою добычу, словно кошка забравшюся под пол мышь.

Место, где жил Райнар и работала Маргул, за двенадцать лет они обжили неплохо: тут было несколько комнат, большая лаборатория, кухня и даже ванна, оборудованная по последнему слову техники. Возможно, ведьма подвела воду из

какого-нибудь подземного озера? Я пообещала себе узнать обо всем поподробнее, когда выплыву.

По дороге нам попадались поломанные големы на колесах и с мечами, в которых я легко узнала части тех поделок, над которыми корпела в доме Райнара.

Все трое наших спутников, – те, кому хватило ума не лезть к дракону, – нашлись на кухне. Леопольд стряпал что-то вкусное из Райнаровских запасов, Кудеяр сидел, слепо уставившись в пространство перед собой, Люциус внимательно изучал какие-то записи.

Что может быть лучше, чем вместо масштабной драки просто прийти в логово поверженного злодея на чаек, чтобы передохнуть с пути? Вот всегда бы так...

Историю, которую нам поведали горе-герои, была достойна номинации «тупицы годы».

Люциус, которому очень не терпелось, ослепил Кудеяра заклинанием, только выскользнув из тени. Колдун сцепился с Райнаром, не заметил, как один из големов ранил царевича и что Адольф просто ушел от них. Кудеяр, лишенный зрения, связи с асимметрией, а с ней и связи с тенями, пытался отыскать безопасное место, и наткнулся на другого голема – их тут было около десятка, Райнар предусмотрительно зарядил их перед нашим приходом. Несчастный царевич чуть не превратился в фарш, его спасло только то, что у него были очень крепкие кости и он отделался лишь парой глубоких, но не опасных ран. История Леопольда еще лучше: он ис-

пугался ящериц и заблудился в лабиринтах, потому не смог вернуться с Кудеяром в лагерь.

Эмбер, когда слушал их доклад, даже ничего не сказал. Он просто стоял в стороне, закрыв глаза и усердно массируя переносицу. О мыслях, которые крутились у него в голове, легко можно было догадаться.

Когда Маргул, готовая ко всему, влетела в поземный дом, Леопольд и Кудеяр встретили ее, как потерянные котята маму-кошку. Она помогла им найти Люциуса, они вместе полюбовались тем, что метамаг сделал из Райнара, – по словам ведьмы смотреть на это не стоило, – после чего обезвредили големов. Затем ведьма привела их на кухню, вручила аптечку и ушла разгонять ящеров, ворочая каменными пластинами.

– Я нашел лабораторию Райнара и его записи, – сказал Люциус, взмахнув наскоро скроенной книгой с желтыми листами, исписанными неаккуратными формулами. – Король Подземелий, говорите? Мы здорово переоценили этого придурка! Кажется, единственное, что он сделал сам, это вскрыл голову твоей невесте, – взгляд на Эмбера, – и сделал с ней то же самое, что, по сути, сделал со мной. Только я порошка нахлебался один раз, а она регулярно получает его модификации двенадцать лет подряд. Думаете, у него была система? Была цель!?!... Он просто пичкал ее разными смесями и записывал, что будет!... Да если бы мне попался на опыты настоящий дракон!...

– Что с Адольфом? – перебил его Дейкстр. Он уже дело-

вито наложил себе в миску варева из котелка Леопольда и уселся во главе стола. Его примеру последовали и остальные.

– У него, как говорит Бэйр, крыша поехала, – заявил Люциус с таким злорадством, словно ему было приятно узнать, что она может отъехать не только у него. – Решил самоубиться о госпожу Исавеллу? Другого объяснения его поступку у меня нет.

– Он не жилец, она его в конце концов достанет и сожрет. Если еще не сожрала, конечно, – устало сказала Маргул, стремительно опустошая свою тарелку. – Леопольд, ты чудо! Они говорят тебе, что ты чудо?

– Постоянно, – кивнул оборотень.

После небольшого отдыха Эмбер попросил Маргул отвести его к логову драконицы, но та отказалась идти туда в таком состоянии: ей, как и всем нам, нужен был отдых.

Я разбила нашу с Арландом палатку в одной из комнат и завалилась спать, мгновенно провалившись в темноту. Все произошедшее казалось неважным, незначительным по сравнению с титанической усталостью, которая накапливалась в теле последние дни.

Мне не верилось, что все могло закончиться так легко, и когда утром мы стали размышлять, как быть дальше, стало ясно, откуда у меня это чувство. Райнар не был нашей целью, он оказался всего лишь препятствием, таким, как неработающий маяк или, например, уничтоженные бумаги. Теперь он был мертв, но нам еще предстояло разгрести все то, что он

после себя оставил, а это было намного труднее, чем прибить одного очень злобного, но не очень умного и слабого мага.

Если зараженных ящеров, сколько бы их ни было, со временем мы могли уничтожить с помощью Маргул и тем самым обезопасить тоннели для глубинных слевитов, то с Исавеллой дела обстояли сложнее.

Когда все отдохнули, земляная ведьма провела нас к ее логову по особым тоннелям, которые они с Райнаром использовали для того, чтобы наблюдать за драконицей из укрытия. Эти тоннели вели к ряду окон, через которые можно было увидеть расположенный ниже огромный зал, освещенный мощными магическими лампами.

Вонь, как от давно не чищенного аквариума с рептилиями, преследовала нас, как только мы спустились на этот ярус, но у логова от этого запаха даже у меня заслезились глаза: Кудеяру повезло, что он не пошел с нами.

Из окон мы увидели спящую драконицу с грязно-розовой чешуей. Она была размером с небольшой дом, и сейчас спала, свернувшись клубком. При этом она ворчала во сне, изредка подергивая крыльями.

Зрелище можно было бы назвать милым, если бы не размеры драконицы, не запекшаяся кровь, которая придавала ей этот чудный розовый цвет, и не ее логово, которое лучше всяких слов Маргул показывало, с чем нам предстоит иметь дело.

Стены покрывала грязь и копоть от пламени, в камень врезались глубокие царапины. В одном месте, где в сводах была расщелина у самого пола, копоть была совсем свежая, а углы разодраны в каменную крошку.

– Вон там ваш ланк, наверное, и прятался, – предположила Маргул, указав на расщелину. – Когда я приходила проведать ее, она дышала туда пламенем.

– Не могу поверить, – сказал Дейкстр, разглядывая потемневший от пламени камень. – Какая глупая смерть...

– В последнее время он действительно вел себя странно, – заметил Леопольд. – Может, я спущусь по теням и посмотрю? Вдруг он еще жив и прячется где-то?

– Не надо! – быстро сказала я, взяв оборотня за руку. – Еще не хватало тебя от нее вытаскивать.

– Мда, Бэйр, – проговорил Люциус, положив мне руку на плечо. – Мы тут на пару лет, не меньше. Видела ее кружево? Проще Рэмолу состряпать Эмберу новую драконицу, чем тебе очистить эту.

Почему-то слова колдуна мне проверять не захотелось: я охотно ему верила.

– Для начала нужно хотя бы придумать, как я могу подойти к ней, не испугавшись в пламени, – я покосилась на Эмбера.

Однако, рассчитывать на его здравый смысл явно не приходилось. Увидев свою нареченную, дракон прильнул к окну и не отрывал от нее жадного взгляда. Наверное, он даже не

слышал, о чем мы говорили: теперь для него существовала только она.

Когда мы собрались возвращаться в дом, Эмбер с нами не пошел. Маргул предупредила, чтобы не вздумал соваться к драконице, но каждый из нас знал, что, скорее всего, он не послушается и все-таки пойдет туда.

Мы добрались до дома, каждый нашел себе занятие. Мы с Люциусом и Кудеяром отправились в лабораторию, где обнаружился Гренгаль.

Скрюченное существо, в котором было понамешено больше рас, чем, наверное, есть в этом мире, все это время пряталось в своем закутке и, должно быть, надеялось, что про него никто так и не вспомнит.

Когда Кудеяр увидел уродца, я впервые заметила на его лице неподдельные страх и жалость. Должно быть, он первый раз столкнулся с тем, как жестоко природа обходится с полукровками, и, возможно, понял, как ему самому на самом деле повезло родиться здоровым.

– Люциус Рыжий Черт, – прощелкало существо своим скрюченным ртом, глядя на чародея. – Не думал, что когда-нибудь увижу тебя в своей лаборатории.

– А надо было думать именно об этом, когда связывался с Райнаром! – заметил чародей. – Показывай, что у вас здесь есть.

Гренгаль подчинился без возражений. Может, Маргул ему все рассказала и убедила встать на нашу сторону, а, может,

ему было все равно, на кого работать. Он показывал нам лабораторию и рассказал о том, что в ней происходило, с чуткостью опытного экскурсовода.

Лаборатория Райнара была как он сам: множество дорогих продуктов, сложные инструменты и приспособления, нагроможденные на столах из черного дерева, но смысла... смысла тут было меньше, чем на моем столе из пней и гнилых веток в шатре кентавров. Маг работал стихийно, брался то за одно, то за другое, записи вел неаккуратно, и тем страшнее было пожинать результат его многолетних метаний: он сам плохо понимал, к чему на самом деле ведут его манипуляции с ящерами. Иными словами, ответов на вопросы о том, что сделано и как это обратить, нам не светило.

Рядом с лабораторией находилась клетка, куда можно было загнать одну ящерицу из тоннелей, обездвигнуть ее и устроить на столе с крепкими ремнями. Именно это мы и сделали: оставили приманку, дождались, пока одна из рептилий в тоннелях на нее прибежит, затем сработала магия и силушка Кудеяра. Бешеная ящерица оказалась повязанной на удобном столе, так что мы могли изучать ее, сколько душе угодно.

Я уже прошупывала ее кружево на предмет болезни, когда по тоннелям раздалось эхо от драконьего рева и по воздуху пробежал теплый сквозняк.

Перепугавшись, мы вбежали в основную часть дома и там застали Маргул, которая с флегматичным видом гоняла чай

с Леопольдом.

– В чем дело? – спросила я, слушая очередной залп драконьего недовольства.

– А сама как думаешь? – усмехнулась ведьма. – Ничего, часов через двенадцать она снова уснет. Я уже почти и не замечаю.

Драконья истерика длилась еще минут десять, потом, судя по звукам, она отправилась громить другую часть своих владений.

– Чем она тут питается? – спросила я, наливая чая и себе. Люциус с Кудеяром уже давно уплетали мясной пирог.

– Если найдет стадо слепух, съест пару-тройку. Они бы уже давно отсюда сбежали, но я держу специальный выводок в безопасных тоннелях и иногда выпускаю их на ее территорию, – рассказала Маргул. – Если не найдет, может и ящерами из своей стаи закусить. Каннибализмом мы уже давно не гнушаемся, – кривая улыбка ведьма вызвала у меня неприятную дрожь в животе.

Звуки, доносящиеся до нас с той стороны тоннелей, навели на мысли о масштабной битве магов на гигантских ездовых животных: треск пламени, гудящий воздух, скрежет когтей, грохот, когда огромное тело падает на камни. Что вообще там происходило?... Один раз даже Маргул бросила удивленный взгляд в сторону стены, в которой сильнее всего отражались вибрации снаружи.

Ответ на наши немые вопросы скоро пожаловал на своих

двоих: Эмбер ввалился в дом весь в крови. Как ни странно, дракон был не один, его вел, подставив плечо, никто иной как воскресший из мертвых Адольф. На ланке, что самое забавное, не было ни царапины.

– Это пустяки, – проговорил дракон, когда его усадили на стул в местном лазарете. Арланд принялся промывать раны, при ближайшем осмотрении они действительно оказались только порезами, но их на теле дракона было столько, что кровь сочилась, не переставая.

– Все-так полез, да? – спросил Маргул, кривя рот в недовольной гримасе. Она стояла, упершись спиной в стену и сложив руки на груди.

– Я надеялся, она узнает меня, – проговорил Эмбер.

Арланд как раз обрабатывал порезы спиртом и поджигал их белым пламенем, но дракону было все равно на боль: он отрешенно смотрел в пространство. Похоже, его мечты о сказочной любви вот-вот должны были разбиться о здравый смысл.

– Адольф!

В лазарет вбежал Дейкстр. Я заметила, как его лицо при виде змея посветлело от облегчения, но на этом состоянии черты долго не задержались и перетекли в хорошо знакомую мне гримасу ярости.

– Ты чего устроил!? – рявкнул рыцарь, подлетев к ланке и хорошенько встряхнув его за плечи.

Я испытала острое желание спрятаться где-нибудь за Ар-

ландом: обычно подобные взбучки от Дейка получала я.

– Тише ты! – попросил змей, морщась от боли: раны после встречи с вмурованной ящерицей еще не зажили.

– Если ты тут сдохнешь, Юкка убьет меня! – прорычал рыцарь, сжимая ворот куртки змея и заставляя его чуть приподняться. – Ты о чем думал вообще!?

– О том, чтобы она вас не спалила после того, как Люциус прикончит Райнара! – ланк попробовал вывернуться, но ручища Дейка были куда сильнее его цепких чешуйчатых лапок. – Я смог ее загипнотизировать!

– Чего?... – Маргул аж подавилась. Закашлявшись, она отстранилась от стены и согнулась в коленях.

– У меня получилось, – с гордостью сообщил Адольф, обведя всех присутствующих уверенным взглядом. Дейк отпустил его. – Я заставил ее думать, что в ее логове враг, и она искала его часов десять!

– А ты где был? – пророкотал Кудеяр, выступая из комнаты. Повязки на его горле и руках довольно красноречиво объясняли Адольфу суть его промаха.

– Осматривался, – ланк пожал плечами, стараясь сделать вид, что грозное лицо полукровки его ничуть не тревожит. – Мне и в голову не могло прийти, что вам в самом деле понадобится моя помощь с Райнаром!

Признавать, что его чуть не прикончил довольно посредственный маг и парочка тупых големов, Кудеяр не стал, и конфликт на этом, похоже, был исчерпан.

– Тебя не было почти двое суток, – напомнил Дейкстр. – Хочешь сказать, время незаметно пролетело?

– Без часов Бэйр все минуты тут одинаковые, – змей обезоруживающе улыбнулся.

– Тебя бы сожрали в первый же час, – сказал Маргул. – Ты что-то недоговариваешь!

– Нет же! Я все это время был в логове Иссы. Она просто не замечала меня после гипноза. Кстати, нашел ее вещи, – он вынул из-за пазухи старое разбитое зеркальце в перламутровой оправе и протянул Эмберу. – Узнаешь?

Дракон покачал головой.

– Там еще много интересного, но я не решился унести больше, – рассказал Адольф. – А у вас чего нового?

Мы рассказали ему об исследованиях Райнара и о его собственной судьбе. Ланк изъявил желание посмотреть на то, что осталось от колдуна, доставившего столько хлопот – Люциус поместил свое творение в одну из комнат.

– Да тебе лечиться надо, – пробормотал ланк, выбравшись из спальни, где колдун закончил свою жизнь – лично я не знала, как именно, и знать не хотела. Самодовольная улыбка Люциуса в ответ на слова змея отбивала всякое любопытство.

Сам того не ведая, Адольф принес нам отличные новости. Его способность к гипнозу, наверняка доработанная Рэмоллом, становилась залогом нашего успеха. Вкупе с лабораторией, Гренгалем и неиссякаемыми запасами подопытных

ящериц у нас в самом деле появлялся шанс справиться с болезнью! Справиться по-настоящему, а не истребив целую популяцию и вместе с ней легендарную драконицу.

Работы предстояло немало, но времени у нас было, сколько угодно. Безопасные тоннели-дом давали возможность отдохнуть и восполнить силы, мы словно оказались в эдаком рабочем лагере для самых талантливых ребят этого мира! А если кто и мог найти решение этой проблемы, так это Арланд, Люциус, Кудеяр и я.

Я рассказала им о своих опытах в лагере кентавров, показала, как действует моя рука, предусмотрительно перепрятав ключ в сумку Арланда с инквизиторскими амулетами. Увидев, что я могу, Райнар в свое время придумал простенькую схему антимагического оружия, а вот Люциус с Кудеяром нашли более изящные комбинации, которые отлично легли на знакомые Арланда ритуалы экзорцизма, основанных на белом пламени.

Суть задумки была такая: повторить мои действия с кентаврами на драконе и ящерицах, но без моего участия. Очищение должно было происходить за счет заряженных порталов, которые сами бы выпивали пораженные участки кружева, а переработанную энергию, сколько останется после всех потерь, отправляли обратно.

Подобного еще никто не делал, система требовалась огромная, а ее точность должна была превосходить мою собственную. Одни только накопители, которые сумеют поддер-

жать опустошенное кружево целого дракона, потребуют уйму расчетов, не говоря уже о «центре принятия решений» о том, что поглощать, а что нет... но мы взялись за дело, горя от возбуждения.

Перед уходом нам с Арландом выпала возможность создать нечто такое, что могло бы прославить наши имена для поколений потомков! Если бы, конечно, мы смогли бы донести свою работу до академиков или одного из орденов. Это занятие настолько захватило нас, что мы охотно отложили нашу новую жизнь до тех пор, как Эмбер не сможет вывести свою возлюбленную на свет, держась с ней за руки.

Первые дни напоминали встречу обкурившихся ученых: мы громили лабораторию в поисках материалов для прототипов, орали друг на друга, брызжа слюной, до головной боли доказывали, кто тут не прав, а кто сам дурак, каждый выуживал из знакомой ему сферы свой максимум, и через неделю собственная задумка предстала перед нами гигантскими схемами на трехметровой стене – мы выжигали их магией, чтобы в любой части лаборатории было видно.

Когда последняя часть обрела свою концепцию, мы вше-стером с Маргул и Гренгалем сели на пол и смотрели на это минут, должно быть, тридцать. Просто молча смотрели и думали, что взялись за работу, которую не выполнит и штат Тангейской академии за десяток лет. Были даже мысли, что, может, я и не помру, если попробую исцелить Исавеллу по-старинке. Потому что то, что смотрело на нас со стены с за-

писями, обещало всех нас просто раздавить.

Первым в себя пришел Арланд. Он встал, отряхнул перчатки от каменной пыли, и принялся писать список. Список того, что ему нужно было получить для работы над своей частью проекта.

Дело в том, что Маргул как раз собиралась отправиться на пару ярусов выше, чтобы пополнить наши припасы на Черном Рынке, и во время этой вылазки Рэмол мог бы передать ей все, что нам нужно. Идея была отличная, и вскоре к списку Арланда добавились и наши. Леопольд, разумеется, заказал еще и продуктов, чтобы в перерывах между заседаниями в лаборатории мы могли наслаждаться его кулинарными шедеврами.

Мы вновь связались с Рэмом по его устройству, и он охотно согласился предоставить все, что мы попросили. Если наша задумка сработает и можно будет изгонять болезнь так же, как в Черных Куполах из тел изгоняют нечисть, это значительно облегчит их с Истэкой работу – они просто передадут наши наработки ребятам из ордена и наладят систему «очистки нечисти».

Кудеяр неожиданно для всех предложил Маргул сопровождать ее в походе наверх. Он предложил двигаться по тени, а не сквозь землю: так на некоторых участках пути могло выйти быстрее, и вместо трех дней дорога займет всего сутки. Ведьма согласилась, и, как только мы получили сигнал от серафима, наши добытчики отправились наверх.

Не знаю, что там между ними произошло, но, когда вернулись, эти двое воспылали нездоровым интересом к способностям друг друга. Кудеяр вместо того, чтобы сидеть до одури с нами в лаборатории, уходил на несколько часов в день учиться магии земли – он считал, что если сможет понять еще и землю, то тогда его абстрактные будущие враги точно не проскользнут мимо. Маргул охотно проводила время с царевичем, и чем чаще мы их видели вместе, тем больше у нас возникало подозрений насчет того, чем они там на самом деле занимаются. Впрочем, за ручки они при нас не держались и с поличным пойманы не были, потому дальше грустного взгляда Гренгаля и шуточек Дейка по поводу отвратительного вкуса их обоих дело не пошло.

С полученными ингредиентами ясно стало только то, что просили мы у Рэмола совсем не то, что нужно на самом деле, что часть с курсированием магической энергии в каналах из белого пламени абсурдна и что ничего не получится... но потом Люциус придумал идиотскую идею цеплять потоки на шапочку с накопительными кристаллами, соединенную с браслетами на руках и ногах – или на лапах, – и работа сдвинулась. Правда, теперь каждый опыт длился дольше на несколько минут из-за того, что нам нужно было прожариться над наряженными в это блестящее добро ящерами.

Глядя на печальное лицо Маргул, которая знала чуть ли не каждого своего питомца по морде, мы не могли позволить себе доводить ящериц до смерти, и потому меняли подопыт-

ных, когда им становилось тяжело переносить наши манипуляции. Ни одна из них не могла считаться вылеченной, до настоящих результатов нам было еще очень далеко.

Неожиданно прошел месяц с тех пор, как мы оказались под землей у логова драконицы. Потом еще один. Рэмол присылал нам запасы и все, что мы просили, Кудеяр и Маргул переносили их по теням и сквозь землю. Мы трудились над своей идеей. Иногда казалось, что все вот-вот заработает. Иногда казалось, что мы заглянули в бездну и взялись за невозможное.

Первый результат, как это обычно бывает, родился из грубейшего прототипа, который мы с Арландом и Люциусом немного подстраховывали при работе. Потом нам понадобился Кудеяр, чтобы его темная магия могла перетягивать на себя очищающие потоки, когда они грозили забрать из кружева ящера слишком много, и после этого у нас вышла первая здоровая ящерица. Мы назвали ее Маргаритой и отпустили на верхние ярусы.

Еще через две недели нам удалось исключить из системы Люциуса, заменив его готовыми накопительными амулетами из чешуи драконы – подобных штук у нас был, сколько душе угодно, потому что у Исавеллы опять началась линька. Через месяц Арланд сделал деревце из серебряных антенн, которые воспроизвели работу моей руки. Прошло несколько дней, белое пламя Арланда тоже удалось заменить. С Кудеяром выходило сложнее.

Направить наше изобретение на кружево это было как пропылесосить из песочницы только миллиметр песка сверху – невозможно. Если Кудеяр не «подсыпал» туда своего, наша система просто выпивала зараженное кружево дочиста. Переработанная энергия, которую мы собирали в накопителях, по большей части расплылась в воздухе и при обратной передаче ее не хватало, чтобы восполнить опустошенные участки.

Мы пытались усовершенствовать точность, пытались ослабить «тягу», но это не работало. Ничего не работало.

С Кудеяром мы очистили уже два десятка ящериц, его резервы подходили к концу и было ясно, что даже полностью восстановленный, он не сможет участвовать в исцелении Исавеллы: болезнь будет заражать восстановленные участки кружева быстрее, чем Кудеяр будет восстанавливаться для очистки новых. Не говоря уже о том, что для настоящего успеха предприятия нам нужен был полностью автономный алгоритм.

Мы все устали, месяцы без солнца и свежего воздуха сказывались на здоровье: силы были на исходе, не говоря уже об умственном перенапряжении. Когда выходили из лаборатории, мы могли общаться только друг с другом: Леопольд, Эмбер, Адольф и Дейкстр вообще не понимали, о чем мы говорим, так сильно в нашу речь и мысли въелись выдуманные по ходу работы словечки и обороты.

Эти четверо, кстати, отлично проводили время! Леопольд

много читал о сенари и учил их язык, вовсю готовясь к переезду. Дейкстр и Адольф каждый день тренировались, вспоминая совместные занятия в гильдии, а потом со спокойной совестью ленились, читая всякую ерунду или обедаясь тем, что со скуки готовил Лео. Оба от такой жизни поправились килограмм на десять, несмотря на все их «тренировки».

Эмбер не оставлял попыток достучаться до Исавеллы, но каждая из них заканчивалась так же, как самая первая. Если перед их встречей Адольфу удавалось поймать взгляд драконицы и загипнотизировать ее, она подпускала их к себе, но при этом пребывала в отрешенном оцепенении и вряд ли понимала, что происходило. Такие сеансы были опасны в первую очередь для самого Адольфа, потому их за все время мы провели только три, наложив на ланка всю магическую защиту, на которую только хватило наших талантов. После этого мы получили необходимые для работы измерения и больше таких опытов не повторяли, хотя Эмбер намекал, что ему хотелось бы провести хоть немного времени рядом с нареченной, чтобы она при этом не пыталась его сожрать или поджарить.

Мы забрали из пещеры ее вещи, чтобы почистить и передать ей в случае успешного исцеления. Это были страшные находки, от которых даже в глазах Маргул мерцало сочувствие.

Походная курточка, некогда белая, отороченная на рукавах и капюшоне мехом песца. Сапожки, расшитые костяным

бисером, какие делают на севере Рашемии. Несколько простых колечек, таких маленьких, что казалось, такие могла носить только детская рука. В походном мешке вещей было совсем немного, все они напоминали то, что обычно продают бабки на дорогах, но на каждой сохранился отпечаток творца и характер хозяйки: вязаные носки с узором, напоминающим расправившего крылья дракона, повязка на лоб с кривой жемчужиной посередине, теплые меховые варежки с криво вышитыми на них снежинками – наверняка работа самой Иссы. Она зачем-то носила с собой вилку с гнутыми зубьями и цепочку от часов с резным грузом. Еще у нее была тряпочная кукла в виде человечка с желтыми волосами. Может, она изображала Эмбера? Может, кого-то другого?

Эти вещи, словно волшебный прожектор, осветили для нас в бешеном чудовище запертую девушку, почти девочку, только-только ушедшую от матери. Казалось, ей должно было быть не больше шестнадцати, но именно настолько она выглядела, когда встретила Эмбера. Драконы живут очень, очень долго, а взрослеют медленно.

Зайдя в тупик с исследованиями, мы решили несколько дней отдохнуть. Маргул запечатала лабораторию пластом земли, чтобы мы не могли туда пройти и продолжить работать – запираТЬ на ключ не помогало, мы собирались внутри уже через час.

В подземельях не было мест, куда мы могли бы отправиться, чтобы отдохнуть, потому мы торчали в опостылев-

ших домашних тоннелях. Единственное, мне пришло в голову устроить из пещеры с водой хаммам, и эта задумка была оценена спутниками по достоинству.

Маргул устроила отличные ярусы вокруг бассейна, который мы превратили в источник пара, и все члены команды валялись на них, кто где. Ароматное масло из запасов Кудеяра, распыленное в воде, уже проникло в каждую нашу пору, расслабив мышцы.

– Так я не понял, в чем ваша проблема?... – спросил Леопольд, валяясь на теплых камнях в клубках пара. Вопрос оборотня был все равно что удар кнута.

– Ну зачем!?... – взмолилась я, хватаясь за мокрую голову. – Я не думала уже почти десять минут!...

– Кто тебя просил рот открывать? – застонал Арланд.

– Смотри, я объясню на твоих поварских штучках!... – завелся Люциус. Ему воздержание давалось тяжелее всех. – Мы хотим просеять муку от тараканьего дерьма, но проблема в том, что наша мука уже в готовом пироге!... И когда мы пинцетом вытаскиваем все черные точки, которые кажутся нам подозрительными, вместе с ними дергаем и нормальное тесто! К концу процесса у нас просто куча крошек вместо целого кружева! Это если Кудеяр не увеличивает каждую точку настолько, чтобы ее можно было легко отделить нашим пинцетом, не трогая пирог! Получается, нужно печь на месте отобранного у пирога новое тесто, по крошечке, понимаешь!? Как тебе такая задачка!?

– Думаю, ты имел ввиду бисквит, а не пирог, – поправил Леопольд. – Пирог он все-таки с начинкой. А если бы у меня был бисквит из такой плохой муки, я бы его выкинул. Но если вам его нельзя выкидывать и нужно подавать гостям, то я бы его разрезал на много частей и перемешал с кусками нормального бисквита, чтобы в каждой порции было слишком мало плохого бисквита для полноценного отравления.

– Это так не работает, Лео, – вздохнула я. – Понимаешь, стоит плохому тесту коснуться хорошего, хорошее тоже становится плохим. Да и как мы кружева-то перемешаем?

– Я слышал, белые совы глотают наркотики перед ритуалами, чтобы их кружева были более пластичны и не распались, – вдруг произнес Адольф. – Может, так вы сможете работать точнее?

– Пробовали! – отмахнулся Арланд. – Нет универсального вещества, которое будет действовать на все тела одинаковы. В нашем распоряжении исключительно эфирные материи. К тому же я посмотрю, как ты будешь пробовать разные наркотики на Исавелле...

– Вы какой-то чушью занимаетесь, – заметил Дейкстр, блаженно потягиваясь на своем ярусе и поглаживая округлившийся живот, заросший темными волосами. – Больному же всегда льют кровь здорового, да? И никто не помирает!

– Замкнуть систему на здоровом живом организме, как на источнике для больного? – нахмурился Люциус.

Так нашему короткому отпуску настал конец: и пяти ми-

нут не прошло, Маргул убрала пласт земли от лаборатории, и мы принялись строить смиренный стол для второй ящерицы.

Идея Дейка, как ни странно, сработала. Нам понадобилось время, чтобы откалибровать связь между здоровыми и больными существами, и в конце концов... в конце концов настал день, когда решились испытать наше устройство на Эмбере и Исавелле.

Наверное, так сильно я даже в день своей свадьбы не волновалась! С самого утра мы все ходили тихие, словно лишнее слово могло спугнуть успех, на который никто особенно не надеялся, и старались даже в глаза друг другу не смотреть, чтобы не выдать своего сомнения.

Адольф загипнотизировал предварительно накормленную слепышами драконицу, и Кудеяр, как самый смелый, решил надеть на ее голову и лапы наши чудо-украшения, утыканные кристаллами и камнями со всего мира. Похожие, но другие, мы устроили на Эмбере и приготовились ждать, внимательно наблюдая динамику в кружевах обоих.

По расчетам нам нужно было около десятка сеансов, каждый по несколько часов, лучше по семь. В первый раз дракон выдержал все время, но истощил себя настолько, что ему пришлось восстанавливаться слишком долго, и очищенные участки снова оказались заражены. В следующий раз мы сократили время и немного изменили сам прибор, и результаты стали лучше.

Мы изготовили несколько прототипов, и началась совсем другая работа: умственная кончилась, теперь нужно было ловить ящериц, здоровых и больных, не перепутать, закреплять на столах и чистить несчастным кружева, пока хвосты не высохнут. Я чувствовала себя, словно нанялась волонтером в зоопарк! Очень, очень однообразный зоопарк.

Исавелла как будто стало помирнее, но наверняка говорить еще было рано. Первый прогресс мы засеки только через полтора месяца, когда она начала узнавать Адольфа. Видимо, как-то запомнила его лицо во время гипноза и стала подпускать ланка к себе. Потом, правда, он полинял и снова сменил цвет – второй глаз стал серым, а чешуя на половине лица черной, – и прощай наш прогресс.

Эмбера она не узнавала, на него реагировала даже острее, чем на других, видимо, чувствовала в нем соперника или угрозу. Мягче всех дракон воспринимала Маргул, но та не горела желанием лишней раз приходить в логово и делала это только когда наступала ее очередь настраивать прибор для работы – сеансы стали каждодневными, и мы составили план дежурств.

Однажды Леопольд решил поиграть Исавелле на флейте одну северную мелодию, и драконица заслушалась, а потом вдруг повторила ее, напев своим странным голосом те же ноты. Это стало первым признаком прогресса. Теперь Эмбер заставил Лео играть Исавелле каждый день, и тот был не против принести пользу общему делу.

Результат, как и с изобретением прибора, пришел к нам неожиданно, когда мы думали, что до него еще бездна работы. В один из дней Эмбер, я и Адольф пришли устраивать прибор на драконице, а ее не оказалось в пещере. Мы испугались, что она устала от наших домогательств и решила найти себе логово в более спокойном месте – такие попытки уже были, но Маргул пригоняла беглянку обратно. Однако Исавелла нашлась в облике девушки, в расщелине, где когда-то были спрятаны ее вещи.

Угловатая девица с бирюзовыми глазами без зрачков, короной тонких рогов на голове и хвостом с кистью из тонких наростов. Она сидела, скрестив ноги, и разглядывала осколки камня в своих руках с таким интересом, будто это была новейшая игровая приставка.

Она испугалась нас и закричала, я думала, она обернется и сожрет нас, но Эмбер поспешил к ней и, упав перед Иссой на колени, взял ее за руки. Не знаю, вспомнила ли она его, или просто очень удивилась такому поведению, – мне показалось, второе, но пусть в легендах запишут, что то была целительная искра любви. Но она перестала кричать и не нападала на нас. Мы смогли закрепить приборы, ее хватило на целых три часа сидения на месте, но потом внутренние бесы погнали драконицу на охоту и она, растоптав наш последний прототип, скрылась в тоннелях.

Новый Кудеяр с Люциусом и Арландом собрали за пару часов, сеансы стали короче, но эффективнее. Пару раз в

неделю мы видели Иссу человеком, она даже надевала вещи, которые мы ей оставляли, но пока не говорила. Когда же с ней говорил Эмбер, она либо раздражалась и впадала в истерику, либо заходила в приступе хохота, который мы не раз слышали от Люциуса.

Работа продолжалась. Ящерицы уже подходили к концу, после трех месяцев мы лечили их не по паре, а целыми упряжками, так что выходило быстрее.

Состояние Иссы улучшалось медленно, но спустя четыре с половиной месяца после того, как мы исцелили Маргариту, драконица впервые заговорила.

Это случилось неожиданно, в этот раз она обернулась девушкой, и мы пришли к ней все вместе, чтобы развлекать, пока она будет сидеть в нашем устройстве. Кудеяр как обычно забавлял ее фокусами с воздухом, и Исавелла смеялась до икоты над тем, как царевич взрывал воздух неподалеку от Люциуса, а тот вскрикивал и смешно прыгал.

Эта игра не могла длиться вечно, и в конце концов полукровка оставил взбешенного чародея в покое: Люциус уже угрожал ему жестокой расправой и, зная его, долго ждать не придется.

Тогда Исавелла вдруг обратилась к Кудеяру на древнем наречии. У нас у всех глаза на лоб полезли, уши царевича дрожали от напряжения, но он, стараясь не подавать виду, как сильно удивлен, добродушно ответил ей что-то. Потом Люциус вклинился в их разговор и стал ругать полукровку

на древнем, эта перепалка очень понравилась Исавелле и она захлопала в ладоши, подбадривая их.

После этого случая она начала разговаривать с нами, но на вопросы о своем прошлом и о Райнаре не отвечала, а наши разъяснения о том, что с ней происходит, ее не интересовали. Через пару дней она вспомнила Эмбера.

Я не понимала, что они говорили друг другу – Исса знала только древний язык, который я так и не выучила. Но слезы в глазах дракона делали слова ненужными: взрослый мужчина, он стоял и плакал перед хрупкой девочкой, улыбающейся ему, как ребенок улыбается другу родителей, которого встретил случайно на улице.

Никогда не думала, что буду способна на такие эмоции, но, когда я увидела их объяснение, сама заплакала. Арланд был рядом и обнял меня за плечо, старательно глядя своими черными глазами в пол. Дейкстр стоял, криво улыбаясь, а в его глазах светилась радость: он увидел конец своей любимой легенды.

А еще это означало, что мы все очень скоро вернемся на поверхность.

Лекои Опоаль Лдиэн

В кружеве Иссы не осталось ни следа болезни, наши колдуны объявили об этом спустя две недели после того, как мы отпустили последнюю группу ящериц на нижние ярусы. Их колонию Маргул с Кудеяром распределили по глубинам так, чтобы не нарушить гармонию экосистемы, так что слевитам

не придется опасаться таких неприятных соседей.

Мы собрались возвращаться на поверхность, не помню, чтобы мне когда-либо было так легко навсегда покинуть место, в котором я так долго жил! Даже в доме в Агираде мы провели меньше времени, но уезжать оттуда мне было куда сложнее, хотелось забрать с собой каждую мелочь.

На Охмараге мне понадобится только я сам и знания в моей голове. Еще кольцо оборотня – без него будет сложно. Так что в своей комнате в пещерах я оставил почти все, взял только самое необходимое для возвращения через тоннели.

Не прошло и пары недель, как мы оказались на дороге, ведущей в первый город слевитов. Печати у нас были при себе, целых три копии, так что проблем возникнуть не должно было.

– Доброе утро, Лео! Ты готов увидеть солнце!? – Кудеяр растормошил меня с утра пораньше, забравшись в мою палатку. – Сегодня мы выйдем отсюда!

– Да?... С трудом верится, – потянулся я. Клыкастая улыбка царевича от уха до уха и блестящие голодным восторгом глаза – очень бодрящее сочетание. – Люциус уже все приготовил! Сегодня каша с сушеными ягодами в честь праздника!

Заплетя волосы, я выбрался из палатки. В нос мне тут же бросился запах ягод и каши с сахаром... нечто совершенно волшебное.

– Попробуй! Спорим, я приготовил вкуснее, чем ты? – Люциус подбежал ко мне с миской, не успел я закончить умываться.

Попробовав его стряпню, я разыграл натянутую улыбку.

– Еще бы немного подержал ее в покое и... – пробормотал я, но глаза чародея уже блестели детским восторгом.

– Ха-ха! Сделал все-таки! Арланд и Бэйр тоже сказали, что лучше! – расхохотался Люциус, унося миску к костру, возле которого все мы сидели в последний раз – наша миссия заканчивалась сегодня.

– Как только вберемся наружу, я улягусь под солнце и буду греться, пока не стемнеет, – воодушевленно говорил Кудеяр. – Хотел бы я сразу оказаться дома, на Охмараге... здешнее солнце совсем не такое горячие, как там!

– Смотри, не нахватай ожогов с таким энтузиазмом, – посоветовал Люциус, махнув в сторону царевича ложкой. – Лично я, как выберусь, пойду найду чего-нибудь эдакого... свежего яблока, например! Целую корзину яблок! Вспомню лошадиные радости!

– А я достану краски, запрусь в студии и буду рисовать... и буду брать самые безумные, самые яркие цвета! Буду просто брызгать красками на холст, чтобы глаза вспомнили, чем зеленый отличается от желтого! – я подключился к всеобщим мечтаниям.

– А я... – Дейкстр с воодушевлением потер ладони, парадирюя Люциуса. Однако то, что он говорил, заставляло его

чуть ли не плакать. – Я как вернусь к Рэмолу, так сразу побегу на новое задание!... Но сначала загляну к мадам Суадафе и ее девочкам, конечно.

– Один ты с ними уже не справишься, – заметил Адольф, подмигнув ему. – Так что я с тобой!

Эти двое решили путешествовать вместе, как в старые времена, но ни с одного из них Рэмол не собирался спускать своего вездесущего ока, жаждущего вселенской справедливости. Все понимали, что они ненадолго останутся без работы, серафим обязательно отправит их помогать еще какому-нибудь из своих бесчисленных знакомых.

– Я отправлюсь на Килимб, – сказала Маргул, мечтательно возводя глаза к темным сводам. Гренгаль уже давно ушел от нас, и никто не знал, куда он отправился. Ведьма же решила выбраться на поверхность с нами, видимо, прикипела к нашей компании. Или к одному ушастому. Наверняка мы не знали.

– Килимб? Там же рассадник инквизиции! – заметил Арланд.

– А я не собираюсь ничего нарушать! – возмутилась Маргул. – Начну новую жизнь, а там будь что будет.

– А ты куда? – спросила Бэйр, с усмешкой глядя на царевича.

– Мать просила навестить дядю в Нейвере. И еще назревает один неприятный вопрос в Лиазгане... мое присутствие в посольстве на переговорах не помешает, – невозмутимо от-

ветил Кудеяр. Он старательно не встречался ни с одним из устремленных на него и Маргул насмешливых взглядов. Значит, вместе на другой континент собрались.

– Эмбер, а вы чем займетесь? – Арланд перевел взгляд на дракона.

Он и Исавелла сидели друг возле друга. Драконица почти не говорила – не знала всеобщего языка, на котором мы чаще всего болтали, но всегда следила за разговором с большим вниманием, вычлняя знакомые слова. В этот раз она, кажется, все поняла, и вопросительно посмотрела на Эмбера, дернув белым хвостом с кисточкой.

– Мы будем искать свой дом, – ответил он нам, а потом, взглянув на подругу, повторил на древнем. Исса кивнула и улыбнулась, стиснув его плечо.

– Килимб! – сказала она, посмотрев на нас.

– Скорей бы наверх, – подытожил Эмбер, обнимая свою маленькую драконицу одной рукой.

Мы никогда не шли так быстро, как теперь! Мы почти бежали, даже Мафусаил, Саша и Кречет как будто понимали, что поверхность близко и весь путь радостно играли и тьякали друг на друга.

Уже ничего не могло случиться, никто не мог помешать нам добраться до города, осталось только пройти еще несколько часов!

Все стремились вперед, только Бэйр с Арландом, заговорившись о чем-то, сильно отстали. На это никто не обращал

внимания, пока позади вдруг не послышался грохот обвалившихся камней.

Инквизитора и ведьмы нигде не было.

Похолодев от ужаса, я мгновенно превратился в сенари те-ни и бросился к обвалу, проник под ним и оказался в небольшой образовавшейся пещерке, где стояли, запертые от всего мира, Арланд и Бэйр с Кречетом.

– Вы с ума оба сошли, зачем вы устроили этот обвал!?! – возмущенно крикнул я, однако в душе уже догадывался, что все это значит.

– Лео, ты ведь и сам понимаешь, что нам нельзя наверх нас, – Бэйр улыбнулась и отошла от Арланда. – Стража и инквизиторы наверняка нашли наши следы и схватят нас, как только мы покажемся. Рэмол может и укроет нас от них, но взамен мы станем его пешками, как Дейк и Адольф. Будет лучше, если мы "умрем" здесь, под землей.

– Так вы... Сейчас? Может, подождете? Давайте хотя бы выйдем вместе! – я схватил ее за руки, чувствуя, что вот-вот расплачусь. – Но не сейчас! Не сегодня!

– Лео, ты должен быть сильным, – Бэйр улыбнулась и крепко обняла меня. Я почувствовал, что ее голос дрожит. – У нас нет другого выхода, ты должен понять. Я буду очень, очень скучать по тебе! Если когда-нибудь я научусь проникать в чужие сны, как это делала прежняя Бэйр, я обязательно приснюсь тебе!

– Но как же так?... – я все-таки расплакался, но обнял

ведьму так крепко, как только мог, последний раз прижался к ее мягким волосам, вдохнул ее запах. – Я буду очень скучать по тебе!

Стиснув меня напоследок, ведьма высвободилась из моих рук и, утерев глаза рукавом, уступила место Арланду.

– Ты уедешь на Охмарагу, и сделаешь там восхитительную карьеру, наш род будет гордиться тобой, – сказал он серьезно. – Я хочу, чтобы ты знал: я очень жалею, что не мог знать тебя с детства... Я буду очень скучать по тебе, братец! – он обнял меня так, что у меня заболели ребра и перехватило дыхание. – Пиши нашим, слышишь? Не пропадай.

– Но что же мне сказать остальным? Что сказать семье? – спросил я, вытирая слезы тыльной стороной ладони. – Что вы исчезли, провалились под завалом? Погибли?

– семье и друзьям скажи, что мы путешествуем и не хотим, чтобы нас нашли. Страже скажи, что мы погибли, – посоветовал Арланд.

Бэйр уже достала свой ключ-кинжал и прорезала в каменной стене огромную дыру размером с человеческий рост. Я не мог видеть, что там за ней, со светом вокруг нее творилось что-то странное. Но зато я мог чувствовать свежий морской ветер и от этого запаха у меня защемило в груди: как же мне надоело под землей!

Мешки с вещами уже были на ее плечах.

– Удачи тебе! – Арланд махнул мне рукой, улыбнулся и, подхватив оставшиеся вещи, встал рядом с Бэйр.

– А если что?... – она обеспокоенно посмотрела на инквизитора.

Испуганно глядя друг на друга, они собрались поцеловаться, как в последний раз, но тут из каменного завала вытек Люциус. Увидев портал, он бесовски расхохотался и хлопнул в ладони.

Потрепав меня по плечу, он обнял двух влюбленных. Не заметив его с самого начала, Арланд и Бэйр подпрыгнули от неожиданности, когда в их поцелуй вмешался третий: Люциус чмокнул обоих в щеки.

– Передавай привет Рэмолу! – злорадно крикнул мне чародей и, толкнув двоих в портал, скрылся в нем сам. За ними прыгнул Кречет.

Вспышка света ослепила меня, а когда я снова смог видеть, передо мной уже стоял неподвижный голый камень.

Эпилог

*Бэйр *

Люциус толкнул нас в портал, покончив разом со всеми сомнениями, и нам в глаза ударил яркий свет. Когда же темные пятна рассеялись, мы увидели, что стоим на песчаном берегу под пальмами.

Приятный морской бриз обдувал волосы, кожа быстро взмокла под плотной походной одеждой... вокруг было градусов сорок, не меньше!

– Да! – Люциус упал на колени и захохотал, погружая пальцы в теплый белый песок. – Ха-ха, мы сделали это! Нагрели этого серафима, как последнего!...

Я хотела было последовать его примеру, но, осмотревшись вокруг, встретилась с десятками любопытных глаз.

Загорелые люди в купальниках нежились под солнцем и наверняка меньше всего ожидали увидеть компанию чудиков в странной одежде и с гигантской собакой. Но нет – наше появление из воздуха посреди пляжа произвело не больше впечатления, чем, скажем, драка двух чаек. Парочка зевак наставила на нас камеры телефонов, сделала пару снимков, и на этом интерес к нашей компании у зажавшихся туристов закончился.

Зато Люциус и Арланд, когда увидели, где мы находимся, лишились дара речи. Виной тому определенно было много-

образия обнаженных женщин, растянувшихся под солнцем, блестя намасленными ягодицами.

– Да ты нашла путь в рай!... – произнес Люциус фальцетом, боясь не то что шевельнуться, даже моргнуть, чтобы, не приведите боги, не спугнуть чудесное видение.

– Никакой культуры!... – пробормотал Арланд, поспешно опуская глаза в землю. Его уши пылали алым, но он крепился.

– Привыкайте, но ни к кому не подходите! – посоветовала я.

Вручив свои сумки Арланду, я подошла к одному белокожему мужчине лет пятидесяти. Он лежал на шезлонге под зонтиком и с любопытством разглядывал нашу компанию. Его огромные английские усы почему-то внушали мне огромное доверие.

– Не подскажите, где мы находимся? – спросила я у него, вежливо улыбнувшись.

– What did you say? – переспросил он, приподнявшись на локтях. – Do you speak English?

В моей голове тут же что-то щелкнуло, я начала вспоминать язык, который, видимо, неплохо знала до моего путешествия на Скаханн.

– Could you say what is this place, please? – повторила я, наверняка коверкая произношение, но понять мы друг друга должны были.

Усатый в самом деле понял и, добродушно улыбнувшись,

ответил:

– Brisbane, Honey, it`s Australia! – он обвел руками пляж, море и несколько деревьев, из-за которых виднелись коттеджи, и рассмеялся. – Welcome!

Смесь чувств, которую я испытала от такого известия, была непередаваема: там было все, и страх, и ужас, и зачатки истерики, и желание громко, отчаянно громко засмеяться над всем этим. Я сдержалась, чтобы не пугать мужичка, и вернулась к своим.

– Что он сказал? – спросил Арланд.

– Мы в Австралии... – ответила я, нервно потирая шею. – Это очень... очень далеко от того места, где я жила. Если честно, я не знаю, что нам делать... я едва ли помню язык!

– Я присоединюсь к вам позже, вы не против? Там такая женщина!... Это любовь! – Люциус дернул меня за рукав.

– Сомневаюсь, что ее привлекают небритые задохлики с большими глазами, – я поспешила схватить чародея за руку, останавливая. – За домогательства тебя еще и в обезьянник могут посадить, а нам тебя потом вытаскивать? Лучше держись возле меня, пока не освоишься!

– Может, пойдем в город? – предложил Арланд. – Найдем место, где можно поесть, и узнаем, где заночевать... К тому же, я хочу посмотреть твой мир! Ты говорила, у вас полно машин, а я еще ни одной не видел за две минуты!

– Сомневаюсь, что это будет так-то просто без денег и в таком виде, – ответила я, хорошенько осознав ту задницу, в

которую мы попали. – К тому же, у нас нет никаких документов, которые были бы здесь действительны... Эээх... Пока стоит отсидеться подальше от людей, может, в каком-нибудь лесу. Если мы пойдем в гостиницу, есть все шансы нарваться на полицию – местную стражу. Узнав, что у нас нет даже паспортов, нас могут депортировать куда-нибудь похуже, а то и засадить за решетку...

– Прорвемся уж, – Арланд перебил меня, ободряюще потрепав по плечу. – Не думаю, что выжить здесь будет сложнее, чем в моем мире.

– О чем вы вообще говорите!? Это мир, где женщины ходят без одежды! Это – самое безобидное и замечательное место во всех вселенных! – воскликнул Люциус. – Даже умереть здесь – большое счастье, а жить... Жить тут можно как угодно, хоть на воде и хлебе!

С того момента и начался наш долгий и трудный путь освоения нового мира, а фраза Люциуса про хлеб и воду стала чем-то вроде нашего девиза.

Поблажек родной мир мне давать не собирался, слабые надежды на то, что на Земле сработает магия, не оправдались. Ее как отрезало и от меня, и от Люциуса, зато белое пламя Арланда отлично работало, правда, больше не светило. Еще у Люциуса осталась связь с ипостасью лошади, и он мог превращаться в коня, но толку от этого не было почти никакого.

Поначалу нам действительно приходилось жить дикарями

в джунглях, питаться дичью и чураться большинства людей. Но постепенно я немного вспоминала язык и научила его основам Люциуса и Арланда, мы стали выходить в город, пытались устроиться на какую-нибудь совершенно ужасную работу по устному договору и тем самым заработать хоть немного денег.

Люциусу повезло, его дурацкий цвет волос и подвижное лицо психопата нравились детям, и он в легкую устроился продавцом мороженого в лавчонку на пляже, за что получал неплохие деньги. Арланд нанялся грузчиком в один продуктовый магазин и тайком таскал нам просрочку, а я... я выгуливала собак.

Можно было бы еще зарабатывать на второй ипостаси Люциуса, катая на нем детей, но седло и прочая лабуда были такими дорогими, что только их нам бы пришлось полгода отрабатывать. Не говоря уже о том, что по многу часов сидеть на одном месте ни мне, ни колдуну не хотелось.

Скопив определенную сумму, мы не без труда откопали какого-то парня, который занимался поддельными документами, и заказали себе фальшивые паспорта. Это были какие-то карточки, распечатанные с разводами на древнем принтере и заламинированные. Но теперь мы хотя бы жильё могли снять или билеты в соседний город купить – выполнить какие-то действия, где важно скорее наличие документов, чем их подлинность. Это дало нам возможность устроиться немного получше.

Арланд из грузчика сделался раскладчиком – или, если покруче, мерчендайзером. Я смогла пойти уборщицей, а Люциус уже ненавидел детей и думал, куда сбежать из своего вагончика и клоунского наряда.

Он спросил у меня, кто может заработать больше всего денег, ничего не умея и не зная языка, и я, растерявшись, рассказала ему про танцоров в ночных клубах. И кто бы мог подумать, что он воспримет мои слова серьезно?...

Люциус действительно попытал счастья в одном ночном клубе, но первое же выступление чародея закончилось скандалом. Скорее всего, он не понял и половины правил, которые ему объясняли менеджеры, и решил действовать, что называется, интуитивно.

Я же, совершенно неприспособленная к такому дурацкому занятию, как уборка, получила несколько выговоров, а потом была уволена. Только Арланд удержался на своем месте и теперь был нашим единственным кормильцем.

Так прошел год. Мы перебивались с работы на работу, питались больше дичью, чем покупными продуктами, и жили, кочуя по джунглям и лесам вокруг города, прячась от егерей и полиции. Казалось, это никогда не кончится! Чертова бюрократия не давала нам влиться в жизнь, найти нормальную работу и даже просто заночевать под крышей, в обыкновенной человеческой кровати.

Магия скорее мешала, чем помогала: любые приборы с беспроводным сигналом слепли и глохли, стоило мне и Лю-

циусу оказаться рядом. Нам была закрыта дорога даже в обычные магазины, мы не могли ничего купить, потому что в восьми и десяти случаях кассы глохли, стоило нам зайти внутрь. В итоге мы могли или ходить только по рынкам, или гонять за понравившимися вещами Арланда. Чтобы техника и при нем не начала глохнуть, он продолжал наносить на себя татуировки из запасов чернил и продолжал жить на обезболивающих, и это сводило на нет весь смысл переселения.

Но мы верили, что станет лучше. Кофемашины, сигареты, одежда, любой какой захочешь фастфуд... это все давало нам силы продолжать путь. Люциус и Арланд приходили в настоящий экстаз от магазинов: они просто не верили, что так можно есть каждый день! Мороженое, торты, стейки, чипсы – все подряд было уже приготовлено и только ждало, пока они протянут за это пару бумажек. По началу все заработанное уходило на еду и вещи: двоих иномирян перло от всего подряд. Особенно им понравились футболки и шорты, у Люциуса их была целая коллекция, хоть музей открывай. Арланд решил, что черные очки должны стать неотъемлемой деталью его стиля: он ходил в них всегда и везде, даже в помещениях, и купал любые, какие ему нравились.

Почти все деньги, которые не уходили на еду, они тратили на кино и комиксы... честное слово, я ждала того момента, когда они дорвутся до компьютерных игр.

Жизнь проходила странно: по меркам Скаханна мы жили не хуже королей, однако по факту мы оставались чудакова-

тыми бомжами с кучей барахла. Но в один месяц все как-то наладилось. Мы с Арландом, надеясь заработать на зрительских симпатиях, устроили шоу драки на шестах в парке, мимо проходил владелец частной школы боевых искусств и, заинтересовавшись нами, пригласил попробовать себя в качестве преподавателей самообороны для детей.

В школе мои занятия имели успех, видимо, тому причиной была природная харизма. А еще детям нравилась моя бирюзовая рука с белыми наростами – я прямо видела проклятия в глазах их родителей, которым мелкие наверняка заявляли, что сделают такую объемную татуху, когда вырастут. Слова их родителей о том, что у меня наверняка какая-то опасная опухоль, детей не смущали.

Арланда выгнали из школы через месяц, это случилось после того, как он сильно повздорил с отцом одного непоседливого парня. Но инквизитор не сильно жалел об увольнении. Посидев какое-то время в поисках, он нанялся стричь газоны в районах с коттеджами, и за работой умудрился подружиться с одним из своих заказчиков, старичком-профессором. Старичок оказался врачом и, узнав о том, что Арланд может лечить без всякого знания медицины, сильно заинтересовался им. Свои умения инквизитор представил, как потомственное лекарство, и сумел продемонстрировать их старику. Тот сильно впечатлился – еще бы, Арланд сломал ему всю систему! Старик сильно порезал руку, но та зажила буквально за несколько часов благодаря фокусу с белым пла-

менем. Это небольшое представление сделало для Арланда больше, чем он мог представить. Да и для всех нас в конце концов.

Старик, искренне поверив в то, что перед ним посланник божий, взялся устроить инквизитору медицинскую карьеру. Похлопотав, профессор пристроил его в один из колледжей, где у того были друзья.... как он это сделал, учитывая то, что у Арланда не было ни документов, ни даже базового понимания нашей биологии, я не знаю!

Теперь инквизитор все время проводил у своего покровителя и усердно учился, к нам в лачугу возвращался далеко не каждый день, а когда возвращался, плакался о том, что не вынесет такого разочарования: мир, оказывается, состоит из атомов, а все живое – из клеток! Что он сам – это не Арланд, а куча сплетенных между собой тканей из каких-то непонятных мелких существ!

Поскольку он из кожи вон лез, чтобы вызубрить все необходимое, а профессор ему в этом способствовал, инквизитор без проблем выдержал курс лекций и быстро получил бумажку об образовании. К тому времени добрый дедушка сделал ему документы и гражданство, назвав своим дальним родственником, и мы, наконец, смогли снять небольшой домик на окраине города!

Что это было за счастье, спать в настоящей человеческой кровати, пользоваться водопроводом и туалетом, настоящей ванной и душем, а не кабинками на пляжах! Первые несколь-

ко дней мы просто не могли вылезти из нашего дома, мы все трое взяли больничный, и, накупив еды, целую неделю сидели в своем новом гнездышке и смотрели телевизор.

У Люциуса тоже все шло неплохо. После долгих просьб, а скорее многонедельного нытья под дверью кабинета начальства, его приняли на одну пригородную конюшню – он должен был чистить стойла. Как ни странно, грязная работа не претила Люциусу: он с радостью проводил время с лошадьми и каждый день находил, что рассказать о своих, как он считал, питомцах. Ничто, кроме них, его больше не интересовало. Было похоже, что он нашел свое призвание – воспитывать копытных.

Мои уроки в школе боевых искусств пользовались успехом, набралось несколько групп для детей и женщин, которых я учила самообороне. Никогда не думала, что физкультура с Кудеяром принесет мне столько денег! Но преподавание, хоть убейся, было не мое. Каждый день работать с детьми при том, что я совершенно не умею с ними обращаться, это то еще испытание. Все занятия я пыталась построить на дисциплине, так как с трудом разрешала даже самые пустяковые детские ссоры.

Арланд с помощью своего покровителя открыл личный кабинет «нетрадиционной медицины» и во все практиковал, исцеляя безнадежных больных, снимая порчи и стремительно обрастая знакомствами. Белое пламя стало для него необходимостью, и, к счастью, на Земле нашлись вещества, по-

дошедшие для состава татуировок, – а доступ к ним и к хорошим обезболивающим у Арланда теперь имелся. Все это мне не нравилось, но стало для нас обоих необходимостью, такой же, как на Скаханне.

Я попросила его узнать, можно ли где-нибудь среди его знакомых найти не то чтобы лабораторию, но хотя бы просто магазинчик косметики, которому, может, требуется лишний продавец-консультант или секретарша.

Несмотря на то, что магия помахала мне ручкой, я по-прежнему не использовала ничего, кроме собственноручно приготовленных шампуней и кремов, и уже начала неплохо разбираться в веществах родного мира. Мне вполне по силам было работать не только консультантом, но и разрабатывать что-нибудь свое для скромного семейного бизнеса. Не то чтобы меня так привлекала идея вечной красоты, но мне очень хотелось работать головой и руками, подальше от людей, а не языком в толпе мелких неформившихся личностей.

Арланд отнесся к моей просьбе серьезнее, чем я ожидала, и сумел отыскать знакомых, через которых я попала в небольшой магазинчик домашней косметики.

Некоторое время я стояла за прилавком и рассказывала покупателям вызубренные факты о товарах, а потом не выдержала, и обратилась к хозяину с предложением выставить на полки пару баночек по моим собственным рецептам. Их состав проверили, протестировали на знакомых, и они разо-

шлись на ура, открыв мне путь к любимому занятию!

Так и пошло из года в год. Арланд пробивал себе карьеру врача-экстрасенса, Люциус – конюха, а я в итоге стала кем-то вроде косметолога.

Через четыре года каждый из нас уже неплохо зарабатывал и жил, как коренной землянин. Я, как законная жена Арланда, получила гражданство и даже настоящий паспорт, Люциус же, чтобы защититься от властей, женился на какой-то странной девушке, которую мы с Арландом никогда не видели, но через год колдун стал полноправным жителем страны кенгуру и развелся с ней.

С чародеем мы по-прежнему жили в одном доме, но не в том, который сняли сначала, а уже в своем собственном загородном двухэтажном, с амбаром. Мы держали кур, козу и потом даже двух лошадей... Кречет был в восторге от нашей небольшой фермы.

Спустя пару лет после того, как все устроилось, мы с Арландом постепенно начали задумываться о собственной семье, которой у нас в полноценном смысле этого слова еще не было. Мы ходили по врачам, но те лишь пожимали плечами: у нас у обоих все было в порядке, и неизвестно, почему мы не могли завести ребенка.

Не знаю, насколько я была бы счастливее, если бы у меня родился сын или дочь, но без этого мне с каждым годом становилось все более пусто. Мне исполнилось двадцать семь, Арланду – почти тридцать четыре, и это было не так уж мно-

го... наверное.

За месяцем шел месяц, я все чаще задумывалась о том, как мы живем и чем, и начала чувствовать, что не хочу так. На Земле мне было хорошо, у меня появились новые друзья, любимая работа, увлечения, но это все не то, чего мне по-настоящему хотелось бы.

На Скаханне, где остались Лео, Дейк, Кудеяр и остальные, жизнь звучала полнее и ярче, магия давала мне столько возможностей... я до сих пор иногда перелистывала страницы опустевшего дневника Маггорта, вспоминая, как оно все было. Сколько всего я могла бы совершить, останься я там?

Вскоре во мне окрепло понимание, что я не смогу провести десятки лет в обыденной городской суете, мне хотелось чего-то большего. Старые знакомые, навсегда оставшиеся в другом мире, все чаще всплывали в моей памяти. Я пыталась связаться с Леопольдом через сны, но у меня не получалось на протяжении всех семи лет.

Однажды утром я интереса ради достала свой нож-ключ и, уйдя на задний двор, разрешила пространство. Мне открылись другие миры, один за одним, стоило руку протянуть – и я могла навсегда уйти и снова изменить свою жизнь.

Те, кто говорят об ощущении стоящего на краю пропасти, – о желании прыгнуть вниз, – даже представить себе не могут, что такое стоять на краю новой вселенной.

С трудом пересилив себя, я не прыгнула в открывшийся портал сразу, мне хватило ума вернуться в дом и найти

Арланда, который мог бы выбить из моей головы бредовые мысли.

Но вместо того, чтобы выбивать их, он предложил мне собрать наши старые вещи и провести с Люциусом долгий и очень содержательный разговор.

Словно в горячке, за неделю мы оборвали все связи, уволились, рассорились с друзьями, покончили со всеми делами. Давно я не чувствовала себя такой воодушевленной! Это было почти так же, как когда мы покидали бесконечные тоннели перед уходом на Землю.

Люциус не стал нас останавливать: он был счастлив остаться один на нашей крошечной ферме. Чародею нравилось на Земле, и он не хотел уходить отсюда. Мы же с Арландом не могли больше оставаться на месте.

Разрезав полотно мира, мы шагнули в первый попавшийся портал вместе с Кречтом, и очутились в новом месте.

Это были степи, заполненные такой живностью, которую словно сделали по неудачным детским рисункам! Разумных мы там так и не нашли, но это, наверное, к лучшему. Мы провели там несколько месяцев, записывая все увиденное, описывая невиданных животных и растения. Я назвала тот мир Зоопарком, пометила его координаты в слоях пространства, где в начале стоял Скаханн.

Затем мы отправились дальше.

Из второго мира нам, правда, пришлось уносить ноги, потому что жить там оказалось невозможно: сплошные вулка-

ны, ужасная жара и полное отсутствие жизни и нормально-го воздуха. Это место получило от нас название Котел Сарабанды.

В третьем мире нас встретила стайка существ, очень похожих на сказочных гномов, только полностью волосатых – эдакие маленькие бурые медвежатки, которые не разговаривали, а чирикали. Они приняли нас за каких-то очень серьезных лиц, потому что испугались Кречета. Крохи прислуживали нам, подносили еду и предоставляли животных для изучения. Иногда даже они приносили нам букеты цветов и что-то очень похожее на мед.

В мире с гномами мы провели около полугода, там нам жилось более чем хорошо – боги они вообще везде в почете. Но остаться в Медведкове дольше мы не смогли, потому что стало скучно. Когда все животные были описаны и зарисованы, а культура мишуток изучена вплоть до системы имен у детей, мы отправились дальше.

Мы перескакивали из мира в мир, записывая все увиденное, и постепенно подбирались к мысли, что все дороги ведут нас обратно в Скаханн. Где-то среди нашей поклажи еще оставалась инквизиторская мантия, мой посох и тубус, документы к котором говорили о том, что я нахожусь под опекой Ордена, – эти вещи постоянно мозолили нам глаза и вызывали приступы чудовищной ностальгии. К тому же, между собой мы иначе и не говорили, как на языке Скаханна.

Собравшись с духом, мы, в конце концов, решились вер-

нуться домой.

Нас выбросило прямо в Рашемии, как это ни странно, у трактира «Лошадиная Косынка» – того самого, где когда-то мыл полы сброшенный с небес Рэмол и где я нашла дневник Маггорта. Всего в нескольких днях пути от поместья Сейму-ров.

Родственники встретили нас обмороками и долгими припадочными рыданиями. Они уже не думали, что мы с Арландом когда-нибудь объявимся, и теперь не могли нарадоваться. Из родного дома инквизитора не отпускали, сестры старались удержать Арланда при себе любыми способами, заваливали его делами, бумажной волокитой, по очереди тяжело заболели и требовали от лучшего лекаря во всем Скаханне сидеть возле своих постелек... Я не была против, мне вообще стало не до чего, когда в руки вернулась знакомая сила, от которой кровь бурлила и в голове щелкали приятные искры. Я окунулась в магию и, как и много лет назад, взялась чинить с ее помощью все, что только можно было починить в поместье.

Наставница юного графа-колдуна Ганса сперва меня побаивалась, думала, я отберу у нее работу: из нас двоих я куда больше была похожа на настоящую ведьму, и мальчик решил все свое свободное время посвящать тому, чтобы доставать меня. Я показывала ему какие-то фокусы, но по большей части оставляла воспитание будущего графа тем, кто в этом разбирается.

Мы жили в поместье, особенно не думали, чем займемся дальше, и наивно надеялись, что все, от кого мы бежали, давно забыли о нашем существовании. Потому даже не заподозрили неладное, когда к Сеймурам пожаловал незнакомый мужчина. Нам сообщили о его приходе слуги, пришелец хотел видеть нас обоих, и мы с Арландом прошли в библиотеку, где устроился странный гость.

Это был высокий ишимерец лет шестидесяти пяти, с лысым черепом, покрытым татуировками, и недлинной черной бородой с седыми прядями. Он носил просторные черные одежды, напоминающих облачение шаолиньских монахов, и смотрел на мир таким взглядом, будто видел сквозь измерения.

Мне этот тип с первого взгляда понравился, возле него воздух буквально гудел от натуги, казалось, сам мир пытается подстроиться под ожидания этого человека. Он не источал враждебность, только непоколебимую уверенность в себе самом и своих намерениях.

Я с любопытством рассматривала пришельца, а вот Арланд буквально побелел от волнения, когда увидел его.

– Арланд и Бэйр Сеймур, – проговорил ишимерец, окидывая нас тяжелым взглядом пронизательных черных глаз. Он поднялся, когда мы подошли ближе. – Моя имя Мартин. Я глава церкви Черных Куполов.

Страшные слова прозвучали, как триггер, и вся симпатия, которой я прониклась к гостю, мгновенно улетучилась. Но

прежде, чем я успела вызвать магию, мужчина сделал короткое движение кистью и меня отрезало от моих сил. Арланд был не так опрометчив и остался стоять неподвижно, потому его пришелец не тронул.

– Вам нужно пойти со мной, – произнес Мартин, переводя взгляд с меня на Арланда.

– Нам можно собрать вещи? – только спросил муж.

– В этом нет необходимости, – ответил пришелец, опустив взгляд на мою левую руку, в которой я по-прежнему хранила наш ключ.

То, что произошло дальше, превзошло все наши ожидания.

Мартин достал из складок своего одеяния прозрачный тонкий кинжал, который выглядел очень похожим на мой, и прорезал брешь в воздухе. Перед нами открылся подернутый рябью портал в темное помещение с каменными стенами.

Я посмотрела на Арланда: мы ведь не пойдем туда?...

Но по его мертвенно бледному лицу я поняла, что сопротивление бесполезно и лучше идти добровольно. Мартин жестом пригласил нас вперед, и мы вошли, держась за руки.

Портал вывел нас в большой подвал, изолированный от внешнего мира настолько, насколько это было возможно. За семь лет я многое забыла, но моей памяти хватило на то, чтобы оценить эту клетку по достоинству: в ней можно было удержать кого угодно. Наверняка именно здесь когда-то держали Демонтина.

От холодного воздуха у меня защипало нос, руки дрожали от волнения. Посмотреть по сторонам очень хотелось, но как только взгляд наткнулся на устройство, сильно напоминающее орудие пыток, я решила, что камни на полу, пожалуй, единственное, что мне стоит здесь видеть.

Мартин вышел из портала вслед за нами и закрыл его, как и я закрывала свои – обратной стороной ключа. Монах провел нас сквозь эту жуткую пыточную в одну из комнат, которая напоминала рабочий кабинет, и пригласил сесть на пару стульев перед столом.

– Насколько мне известно, с вами был третий, – произнес ишимерец. – Люциус Рыжий Черт. Где он?

– Остался в одном из миров.

– Его необходимо вернуть, – проговорил Мартин. – С этим возникнут проблемы?

– Он вряд ли захочет вернуться, – ответил Арланд.

Для ишимерца это не было аргументом. Он привел нескольких внушительных размеров монахов, каждый из которых обладал белым пламенем такой силы, что даже мне возле них становилось плохо, казалось, мысли замерзали под одними их взглядами.

Мартин велел мне немедленно отправляться на Землю и привести громил к Люциусу, чтобы те помогли ему решиться на скорейшее возвращение. Чтобы я не возражала, Арланда ишимерец оставил при себе в подвалах церкви, потому выбора у меня не было.

Пусть условий мне никто озвучивать не стал, но они бы прозвучали так: я возвращаю Люциуса, либо никогда больше не увижу своего мужа. Мне пришлось подчиниться без лишних разговоров.

В пространстве с помощью своего ключа я перемещаться не могла, потому на Земле могли возникнуть проблемы с тем, чтобы добраться до Брисбена. Под конвоем двух монахов я вернулась по portalу в поместье, предупредила родственников о нашем с Арландом «отъезде по делам», и собрала вещи для внезапного возвращения в родной мир.

Мне разрешили забрать мои документы и деньги, и мы с громилами перенеслись прямо из моей комнаты, стоило мне только сумку собрать.

Ключ у меня отобрали сразу после того, как мы вышли посреди проспекта где-то в Азии, и дальше началось одно из самых неприятных приключений в моей жизни. Оба моих сопровождающих имели при себе запас золота, чтобы, в случае чего, не возникло проблем с тратами, но даже с ним пытаться добраться до другого континента без документов было чертовски непросто. Особенно если учитывать, что английского в местности, куда нас выкинуло, не знал вообще никто.

Каким-то чудом я нашла в одном из портов капитана русского судна, у которого был знакомый контрабандист, как раз идущий до Новой Зеландии. Нас с монахами, которых я представила как исландцев, – язык Скаханна был очень по-

хож по звучанию на Исландский, – взяли в матросы.

Из Новой Зеландии мы кое-как добрались до Австралии, но правда до другого конца страны... Только спустя пару месяцев после того, как очутились в Азии, мы доехали до Брисбена, где я в последний раз увидела нашу маленькую ферму.

Это произошло ночью. Громилы, – одного звали Алико, имя другого я так и не узнала, – вломились в наш дом, повязали колдуна и без разговоров втащили его в портал на Скаханн, который я услужливо прорезала на заднем дворе.

Когда я встретила полный изумления взгляд Люциуса, которого буквально несли в портал, повязанного по рукам и ногам, я впервые в жизни почувствовала, каково это предать друга. Но разве я могла иначе?

Все это время я ходила ни жива, ни мертва, страх за Арланда, который остался один в месте, куда больше всего боялся попасть, лишал меня воли. Я не могла нормально сообщать, не могла сопротивляться, я готова была сделать все что угодно, лишь бы эти люди его не тронули.

Очутившись в подвале, где все началось, Люциус неожиданно присмирел. Почти сразу же к нам вышел Мартин – как будто все эти два месяца он тут так и сидел, не меняя одежды, все дожидаясь, когда мы явимся.

Увидев ишимерца, Люциус только криво улыбнулся ему, как старому знакомому. По знаку патриарха монахи поставили колдуна на пол и отступили на несколько шагов.

– Нагулялся? – поинтересовался у него Мартин тоном дя-

ди, который вытащил из кутузки нерадивого племянника.

– Тебе что, жалко было что ли!? – возмутился колдун. – Мог бы и оставить меня там! Ты бы видел этих женщин...

– Ты прекрасно знаешь, насколько это опасно, – прогудел ишимерец. Один из громил передал ему мой ключ, и я поняла, что больше свое изобретение никогда не увижу.

– Где Арланд? – спросила я, немея от волнения.

– Тебя к нему отведут, – Мартин сделал знак одному из своих монахов.

Патриарх остался с Люциусом, а я на деревянных ногах проследовала за молчаливым громилей в рясе. Мы прошли по пыточной-лаборатории, он отворил тяжелую зачарованную дверь, и мы стали подниматься наверх. У меня отлегло от сердца, но надеяться на лучшее я себе не позволяла. Может, темница у них и выше находится? Или Арланд просто заперт в другом подвале?

Мы вышли из подвалов в длинный проход с красивыми вертикальными окнами, из которых виднелся внутренний двор с яблонями. Церковь Черных Куполов, о которой я слышала столько ужасного, напоминала старинное английское аббатство. Ничего лишнего, но бытовые мелочи вроде светильников и замков по последнему слову магической инженерии.

По дороге я встретила нескольких монахов и одного инквизитора, они не обратили на нас никакого внимания, обсуждая какие-то свои дела.

Наконец, мы вышли в жилой корпус, а оттуда попали в библиотеку, где и нашелся Арланд.

Он сидел, облаченный в такую же рясу, как и прочие работники этого места, со всеми нашивками, какие обязан был носить на одежде в пору, когда еще служил в инквизиции. Он сидел, обложившись книгами, и старательно что-то записывал, а рядом с ним, устроившись на перевернутом стуле так, чтобы облачиваться грудью на спинку, сидел, качая ногой, Рэмол. Судя по туповатым улыбкам на лицах, они обсуждали что-то очень забавное.

– О, Бэйр! – воскликнул муженек, завидев меня. Лицо у него при этом было такое, как будто я пару часов назад за продуктами вышла. – Наконец-то ты вернулась!

Он подошел ко мне, обнял, чмокнул в щеку, и усадил с ним с Рэмолом. Монах, приведший меня, убрался по своим делам.

– Ничего так прикид, – заметил серафим, кивнув на мою одежду.

Я была в оранжевом топике и джинсах-клеш на низкой талии, сверху клетчатая рубашка, повязанная под грудью, и кепка.

– Я думала, тебя пытаются в темницах, – проговорила я, стараясь подавить в себе злость при виде беззаботной улыбочки Арланда. Два месяца я сходила с ума от страха, какое право он имеет вот так вот запросто тут сидеть и улыбаться!? – А ты тут... что ты тут вообще делаешь!?!...

– Ты не голодная? Может, пойдем в столовую?

– В Австралии сейчас четыре утра, мой желудок спит! – отмахнулась я. – Что тут происходит!?

– Я, наверное, к вам попозже присоединюсь, – проговорил Рэмол, нехотя поднимаясь. – Побуду тут еще пару дней, так что наговоримся.

Он оставил нас одних, и я услышала занимательную историю о том, как Мартин и Рэмол перерывали Скаханн в поисках нас все эти годы.

Оказалось, патриарх получил копию нашего изобретения для борьбы с заразой со всеми записями, и пришел в восторг от эдаких умниц, к тому же Рэмол сдал ему Арланда со всеми демоническими потрохами, надеясь получить для инквизитора специальное помилование. Мартина очень заинтересовало то, что кто-то умудрился внедрить белое пламя в кружево с развитой демонической сутью, и патриарх готов был пойти на любую сделку, чтобы ему объяснили суть этого ритуала, а еще лучше дали потрогать результат и научили так же.

Словом, из подземелий нас ждал отряд монахов из Черных Куполов с цветами и конфетами, чтобы вручить предложение о сотрудничестве и снять с нас все обвинения. А мы просто не вышли.

Мартин, изучая телепорты Рафнейрис, вел несколько параллельных исследований, одно из которых было связано с перемещением между мирами. Они с Рэмолом долго пыта-

лись понять, куда мы исчезли, пока серафим не припер к стенке Леопольда и тот не сознался, что на Скаханне нас искать бесполезно. Я, как и моя предшественница, снова ушла прямо у них из-под носа, забрав с собой готовое решение их многолетних исследований, а заодно и Арланда, чье существование на семь лет лишило Мартина нормального сна!

Патриарх отправил меня за Люциусом с таким выражением лица, что я не сомневалась: каждый день задержки будет стоить моему мужу какой-нибудь части тела. А на деле Мартин вцепился в него, как в долгожданную игрушку, хохотил, лелеял, обложил всем, что только было его душе угодно, лишь бы Арланд рассказал, как ему удалось обрести пламя и поддерживать его столько лет. От такого внимания инквизитор расцвел, с большим энтузиазмом облачился в старую мантию и выложил перед Мартином результаты всех своих опытов, предоставив себя самого в качестве живого экспоната для исследований. Он даже вернулся в поместье, чтобы успокоить родных, и сообщить о серьезном повышении в должности.

Мартин надеялся, что, если они смогут повторять опыты Арланда над другими демонами, которые так или иначе развились в телах сильнее, чем следовало, их не придется убивать. Этот проект не только был важен для церкви – он буквально перевернул всю жизнь Арланда, дав ему возможность не просто жить в родном мире, но делать его лучше. Его многолетним пряткам пришел конец. К сожалению, белое пламя

по-прежнему выедало из него большую часть, чтобы оставаться в церкви, ему нужно было продолжать наносить татуировки, и это причиняло такую же сильную боль, как и раньше. Но теперь он по крайней мере был не один, и со временем они с Мартином найдут более щадящий способ примирить две противоположные сути. Я очень на это надеялась.

Меня без внимания тоже не оставили. Пусть последние семь лет я занималась не слишком интеллектуальным трудом и мозги порядком заржавели, уже спустя полгода мы с Люциусом втянулись в исследования Мартина, связанные с перемещениями. Мой ключ мне так и не вернули, чтобы я не привела в мир кого-нибудь похуже скахтьярнов, но дали собственную лабораторию и даже нескольких подчиненных, чтобы я развивала телепортацию, а параллельно выполняла заказы инквизиции, вроде тех амулетов, что я делала в Трехполье.

Пусть для меня работа на церковь была далеко не пределом всех мечтаний, Мартин оказался неплохой мужик и он думал в правильном направлении. Работать под его началом было честью, и я чувствовала, что теперь занимаюсь чем-то по-настоящему важным, достойным меня и моих талантов. Сомнения, которые я испытывала на Земле, окончательно отступили, и я ощущала себя на своем месте.

С самого первого дня нашего возвращения я пыталась отыскать Леопольда, но написать письмо во дворец охмаражских царей оказалось не так-то просто. В конце концов

Рэмол помог нам, передав на Охарагу первое письмо, а дальше дело было за нами. Разумеется, только узнав, что мы вернулись, Лео пригласил нас к себе.

Мартин не горел желанием отпускать нас с Арландом к сенари, но в конце концов все же разрешил повидать старого друга, намекнув, что не будет против, если мы умыкнем его из цепких лап царицы и вернем на материк.

По словам Рэмола, Леопольд служил одним из главных поваров при дворце и был вполне себе счастлив. До разговора с Мартином нам не приходило в голову, что должность Леопольда означала нечто иное, чем уступку со стороны серафима взамен на помощь оборотня Эмберу. Однако, по словам патриарха, серафимы имели дурную привычку прятать самые опасные свои находки и изобретения на Охмараге, потому что доверяли сенари больше, чем людям. Словом, поваров во дворце хватало, а вот держать Леопольда среди обычных граждан было небезопасно, – он мог связаться с плохой компанией, его невероятную силу могли использовать в дурных целях, воспользовавшись его доверчивостью. А на Охмараге он был под надежным присмотром тех, кто легко его остановит, если вдруг что. Оборотень стал своего рода знаком преданности серафимов царской чете, дорогим подарком, который понятия не имел о своей истинной роли в происходящем.

Против своей воли мы с Арландом вступали в некую политическую игру между сенари и патриархом, и пока плохо

понимали ее правила, но позволили себе плыть по течению обстоятельств.

Охмарага оправдала все ожидания: мраморные города среди изумрудных джунглей, богатство, процветание и личное счастье каждого, кто нашел свое место в этой системе ценностей, замкнутой на служении Святым Огням. Во дворце нас приняли, как почетных гостей – к тому моменту наши имена снова гремели на весь мир, потому что научные издания с ума сходили от вещей, до которых мы дошли семь лет назад, но смогли опубликовать под своими именами только теперь. Такое внимание было приятно, что и говорить!

Леопольд выглядел роскошно! Последний раз мы видели его почти ребенком, но во дворце нас встретил роскошный загорелый мужчина с поглубевшим голосом и раздавшимися плечами. Я его не узнала, потому что из-за тропической жары он стал стричься очень коротко, от чего повзрослевшее лицо совершенно переменялось.

– Ты постарел! – заметил он Арланду, который в самом деле уже был довольно далек от того белокурого юноши, который прятал свои тайны в подвалах поместья. К счастью, в Закаю он так и не превратился, но зато здорово напоминал портрет своего отца из поместья.

Меня, к счастью, такие замечания обходили стороной, так что я могла быть собой довольна.

Жизнь Леопольда эти годы протекала довольно степенно, он долго привыкал жить с сенари, но во дворце его хорошо

приняли, царская чета крайне ему благоволила. Рэмол уже давно рассказал оборотню, что из-за своей природы детей он иметь не сможет, и потому невозможность жениться на местных не тяготила Лео.

Узнать эту новость было очень грустно, особенно после того, как мы сами несколько лет безуспешно пытались создать семью. Оборотень говорил, что ему вполне хватает забот и без детей, но мы догадывались, что для него не так-то просто было смириться с этой мыслью.

Единственным, что хоть немного облегчало это известие, было то, что Арланд по крайней мере мог быть спокоен насчет ребенка Анук, которого давным-давно забрала инквизиция. Он точно не был Сеймуром.

Давнее увлечение Леопольда Рафнейрис так и не кончилось, но ни во что большее так и не переросло: та нигде не задерживалась подолгу, постоянно перемещалась по континентам, стараясь поддержать хрупкий мир между сенари и церковью. Когда она жила на Охмараге, они были парой и все про это знали, но потом она уезжала, и Леопольд оставался один на долгие месяцы или даже годы.

Взять богиню в жены ему никто не позволил, но он был хорошим якорем для Раф на Охмараге и удерживал ее от более прочных связей на материке: если бы не он, она могла бы найти себе пару и завести детей, что, мягко говоря, не входило в планы ее создателей.

Преданность Леопольда, его роль и полезные способности

сделали его очень близким другом царской семьи. Для царя и царицы он был что-то вроде любимого зятя, они запросто поручали ему своих детей, шутили, рассказывали то, что могли знать только самые близкие. Охмарага стала его домом, и пусть мы с Арландом увидели в ней лишь красивую клетку, уезжать Леопольд отсюда не собирался.

Находясь во дворце, мы лучше смогли понять ситуацию в мире, развернувшуюся за те семь лет, что нас не было.

Рафнейрис жила меж двух огней и всеми силами старалась примирить свою мать и патриарха. И пусть эти двое симпатизировали лично друг другу, каждый намеревался перекроить мир под свои цели, и Скаханн лет через тридцать грозил треснуть по швам. Миссия Кудеяра на Килимбе закончилось тем, что церковь почти утратила там влияние, и это не делало атмосферу между сильнейшими мира сего дружественнее.

Самого Кудеяра, как ни странно, мы среди царской семьи не обнаружили: он, войдя во вкус, все еще бороздил мир людей. Поговаривали о его неподобающем увлечении одной человеческой девушкой, – ее точно звали не Маргул и мы с Арландом невольно выдохнули, когда узнали это, – и его статус наследника становился под угрозу.

Зато мы познакомились с его повзрослевшими сестрами и четырехлетним братом, чистейшим сенари ветра, который не выносил даже вида людей и имел большое признание среди сенари из-за чистоты своей крови.

Первые дни во дворце были похожи на роскошный отпуск: вкуснейшая еда, невероятной красоты природа, старые друзья и радушные хозяева, предоставившие нам доступ к крупнейшей Охмаражской библиотеке, где хранились в том числе бесценные записи о первых известных путешествиях между мирами. Но довольно скоро царица пригласила нас к себе и с большим интересом стала выпрашивать, что же мы такое видели за границами Скаханна. Точнее, не находили ли мы скахтьярнов, другие источники жизни и все в таком духе.

Она была похожа на сказочную эльфийку, ее серебряные волосы и изящные длинные уши вкупе со свободными летящими платьями могли здорово сбить с толку: необыкновенная красота подкупала. Однако, стоило всмотреться в изумрудные глаза чуть пристальнее, на дне зрачков выступала расчетливая и жестокая тьма. Это существо убивало королей и богов, мы для нее просто пыль, и если она вдруг решит, что мы и наши знания ей мешаем...

Когда в комнате, где мы говорили, подул теплый ветер, и ко мне качнулась тень от шторы, я едва не вскрикнула, испугавшись, что меня сейчас скормят тeneвым легионам и отправят мою душу Святым Огням.

Под взглядом царицы я чувствовала себя как на допросе у Гитлера. От моих слов зависели не только моя жизнь и жизнь Арланда, но и жизни тысяч других, которых непременно коснется открытая вражда между Охмарагой и церковью. Мартин не хотел, чтобы сенари знали о его исследова-

ниях, и я отвечала царице с ювелирной осторожностью, понимая, как многое зависит от итога этого разговора. В конце концов мне удалось соскочить под дурочку и убедить царицу, что ключ изобрела вовсе не я, что это были наработки прежней Бэйр, чья память давно утрачена. Что у Мартина я занимаюсь побрякушками из белого пламени, а Арланд пытается найти способ помочь собратьям демонам.

Поверила она нам или нет, не знаю. Но больше мы с царицей не говорили, только иногда видели царскую семью мельком в комнатах дворца.

Мы пробыли на Охмараге еще немного, а потом робко попросились обратно на материк, и нас, к счастью, отпустили, пожелав успехов в исследованиях. Леопольд махал нам с причала, и мы с грустью провожали его удаляющуюся фигуру, не зная, встретимся ли мы еще, а если встретимся, то при каких обстоятельствах. Не нужно было быть политическими гениями, чтобы ощутить назревающий мировой конфликт.

На корабле, который переправил нас на материк, я вдруг начала страдать морской болезнью, которой до сих пор с успехом избегала. Эта морская болезнь потом превратилась в наземную болезнь, а потом оказалась беременностью. Когда до нас с Арландом дошло, в чем дело, мы долго не могли прийти в себя: уже почти свыкшись с мыслью о том, что нам не поиграть в двух нянек, мы не были готовы к такому повороту... Пребывая в состоянии легкого недоумения, мы запаслись терпением и стали ждать, что из всего этого выйдет.

По возвращении на Арсуну мы встретились с Дейкстером. Он по-прежнему странствовал по миру, направляемый твердой рукой серафима, и, хоть встреча с ним вызвала много приятных воспоминаний, говорить нам оказалось почти не о чем: слишком разные жизни мы проживали эти семь лет. Про Адольфа он ничего не знал, они бродили вместе три года, а потом Рэмол отправил ланка на другой материк и с тех пор Дейк о нем ничего не слышал.

Наконец, мы вернулись в поместье Сеймуров, где стали ждать прибавления и продолжили исследования для Мартина.

Атмосфера в мире тем временем накалялась. Кудеяр куда-то пропал, и наследником Охмараги временно объявили маленького царевича-ветра. Патриарх снарядил тайную экспедицию за грань Скаханна с неясными целями. Поползли странные слухи о причастности Истэки к войне, развернувшейся между Ишимером и Финьей.

Дейкстера нашли мертвым на границах с пустынями темных леннайев, а его меч, способный убить серафимов, исчез. Эта новость потрясла нас, она стала самым страшным предзнаменованием: следующие годы грозили быть беспокойными, и мы с Арландом не сомневались, что займем свои роли в грядущих событиях.

Конец.

Редакция 2023 года.

Примечание:

При создании обложки была использована иллюстрация, созданная автором книги.

От автора:

Чтобы быть в курсе последних редакций и новых книг из серии, можете ознакомиться с новостями на сайте и телеграм-канале:

<http://skakhann.webnode.ru/>
t.me/skahann_worlds

При создании обложки была использована иллюстрация, созданная автором книги.